ISSN 0042—8779

ИЗ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2–3
92

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2-3/92

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года 3

СТАТЬИ

М. Мэтьюз — Становление системы привилегий в Советском государстве 45

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А. И. Яковлев — Фейсал ас-Сауд 62

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. Продолжение 75

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

А. Г. Авторханов — Технология власти. Продолжение 103

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты. Продолжение 128

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Ю. В. Готье — Мои заметки. Продолжение 143

Выходит с 1926 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС» МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

Г. И. Морозов — Лига Наций: взгляд через полвека 162

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

О. А. Поливанов — ЦИК Советов накануне Петроградского вооруженного восстания 168

ИСТОРИОГРАФИЯ

С. И. Жук — Макс Вебер и социальная история 172

А. Е. Шикло — Р. А. Киреева. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. 177

Ю. Ю. Кахк — М. А. Рахматуллин. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826—1857 гг. 178

Б. Й. Желицки — М. Ормош. От Падуи до Трианона. 1918—1920 180

Я. Н. Любарский — Константин Багрянородный. Об управлении империей 182

Ф. М. Ацамба, Э. С. Львова — История Африки в древних и средневековых источниках 183

А. А. Молчанов — В. П. Яйленко. Архаическая Греция и Ближний Восток 184

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

И. П. Вязьмитинова — Была ли история КПСС научной дисциплиной 187

А. А. Папчинский — Продолжая разговор, начатый А. Г. Авторхановым 188

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

1937 год навечно запечатлен в памяти нашего народа как одна из самых трагичных страниц истории. В это время массовый террор, возведенный в ранг государственной политики, достиг своего апогея. Импульс новому витку широкомасштабных репрессий был дан на печально известном февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), на котором рассматривались вопросы:

1. Дело тт. Бухарина и Рыкова.
2. Подготовка партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийно-политической работы.
3. Доклад комиссии Пленума ЦК ВКП(б) по выработке проекта резолюции по делу Бухарина и Рыкова.
4. Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов по народным комиссариатам тяжелой промышленности и путей сообщения.
5. Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов по НКВД.
6. О политическом воспитании партийных кадров и мерах борьбы с троцкистскими и иными двурушниками в парторганизациях.

Несомненно, центральным пунктом, с которого пленум начал свою работу, было дело Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова. Дело, завершившееся процессом над так называемым антисоветским правотроцкистским блоком 2—13 марта 1938 года.

Это был заключительный акт долго и тщательно готовившейся расправы. Еще в 1929 г. Бухарин, Рыков, Томский, которые расценивались Сталиным как его потенциальные противники на пути достижения единоличной и безграничной власти в партии и в стране, были заклеймены как лидеры «правого уклона» на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, на XVI партийной конференции и ноябрьском пленуме (1929 г.) ЦК. Однако ни «разгром» «правого уклона», ни примененные санкции, ни даже публичное отречение от собственных взглядов не подорвали окончательно авторитет Бухарина, Рыкова, Томского и не убрали их с политической сцены. Они были избраны XVI съездом в ЦК и продолжали работать на ответственных постах, были делегатами XVII съезда и избраны на нем кандидатами в члены ЦК.

Однако умело направляемая Сталиным кампания травли Бухарина, Рыкова, Томского, нацеленная на то, чтобы представить их политическими двурушниками, продолжающими скрытую антипартийную борьбу, продолжалась. Особенно накаленная обстановка вокруг Бухарина, Рыкова, Томского сложилась после убийства С. М. Кирова. Из привлеченных к суду по делу «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» всеми дозволенными, а подчас и недозволенными методами

«выколачивались» показания о террористических замыслах и намерениях Бухарина, Рыкова и Томского. В результате в августе 1936 г. в ходе суда над Л. Б. Каменевым, Г. Е. Зиновьевым и другими участниками «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» были получены показания (незамедлительно опубликованные в печати) о якобы имевшейся связи с бывшими лидерами «правого уклона». Прокурор СССР А. Я. Вышинский 21 августа, действуя по заранее разработанному сценарию, заявил о начале расследования причастности к «террористическим организациям бывших лидеров „правых".

Не выдержав открытого преследования и шельмования, желая спасти семью, М. П. Томский 22 августа покончил жизнь самоубийством, что незамедлительно было истолковано как неоспоримое признание им своей вины («Правда», 23.VIII. 1936). Бухарин и Рыков сумели выдержать неприкрытую травлю. Они категорически отвергали все обвинения. Не помогла следствию и устроенная очная ставка Бухарина и Рыкова с арестованными по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» Г. Я. Сокольниковым. 10 сентября в газетах было сообщено, что Вышинский вынес постановление о прекращении следствия, так как юридических оснований для привлечения Бухарина и Рыкова к судебной ответственности не обнаружено.

Последующие события показали, что заявление Вышинского было не более чем тактическим маневром. 25 сентября 1936 г., находясь с А. А. Ждановым на отдыхе в Сочи, Сталин направил членам Политбюро ЦК телеграмму, в которой указывал на «необходимость» немедленной замены не оправдавшего доверия наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды на более энергичного Н. И. Ежова. И чудовищная машина завертелась с новой силой. Последовали аресты бывших участников «правого уклона», а уже осужденных по другим процессам из лагерей доставили в Москву и добивались любыми методами от них «нужных» показаний. Сталин не выпускал подготовку расправы из своих рук: Ежов пересылал ему лично протоколы допросов, содержавшие обвинения против Бухарина и Рыкова.

Одновременно в прессе развернулась широкая кампания откровенной клеветы на Бухарина и Рыкова, фальсификации их деятельности, начиная с дооктябрьских времен, что проходило на фоне обострения и усиления репрессий, принимавших уже массовый характер. Однако и Бухарин и Рыков оставались еще кандидатами в члены ЦК и для привлечения их к уголовной ответственности, по существовавшим правилам, требовалось согласие членов ЦК ВКП(б). Возможно, Сталин не был до конца уверен в положительном (в его понимании) решении вопроса о Бухарине и Рыкове на пленуме ЦК. Членов ЦК словно приучали к мысли о необходимости выдать бывших лидеров «правого уклона». Вопрос о них рассматривался на двух пленумах.

Первый был созван в начале декабря 1936 года. На нем с докладом «Об антисоветских троцкистских и правых организациях» выступил Ежов. Как раз во время работы пленума была единогласно утверждена на VIII чрезвычайном съезде Советов новая, «сталинская» Конституция СССР, в подготовке которой активное участие принимал Бухарин, хотя он и не был включен в состав комиссии для подготовки окончательной редакции. Несмотря на явную предвзятость, неприкрытый нажим, переходивший подчас в откровенную грубость; сломить Бухарина и Рыкова на этом пленуме не удалось. Не помогли и проводившиеся в перерывах между заседаниями пленума многочисленные очные ставки со свидетелями, «изобличавшими» их. В итоге организаторам расправы пришлось ограничиться половинчатым решением: «Считать вопрос о Рыкове и Бухарине не законченным. Продолжить дальнейшую проверку и отложить дело решением до последующего пленума ЦК».

Последовала новая серия арестов. Машина НКВД работала на полную мощность, добиваясь новых «доказательств». Видоизменилась и тактика давления на Бухарина и Рыкова. Помимо очных ставок, в которых нередко принимал участие и сам Сталин, обвиняемым, видимо, с целью своеобразного морально-психологического прессинга, своего рода душевной пытки, направлялись протоколы допросов лиц, дававших «нужные» показания на Бухарина и Рыкова. Естественно, многие из этих показаний незамедлительно публиковались в центральных газетах. Понимая, что круг замыкается, и предвидя неизбежность расправы, Бухарин использовал, видимо, последние ос гавшиеся в его распоряжении средства борьбы. В начале 1937 г. он написал письмо членам Политбюро и Пленума ЦК, в котором, опираясь на

полученные протоколы допросов, попытался аргументированно доказать несостоятельность выдвигавшихся против него обвинений. Одновременно, в знак протеста против неприкрытой травли, он объявил голодовку.

В таких условиях и начал свою работу февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б), материалы которого, ранее доступные лишь ограниченному кругу исследователей, публикуются в журнале впервые.

Документы февральско-мартовского пленума, находящиеся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (бывшем Центральном партийном архиве), состоят из нескольких частей. Во-первых, неправленый текст стенограммы заседаний, сохранившийся практически полностью. Во-вторых, стенографическая запись с собственноручной правкой выступавших. Особый интерес представляет текст выступлений Бухарина. Зная порядок, согласно которому по окончании работы пленума, как правило, готовится стенографический отчет и рассылается по спискам, он очень тщательно отредактировал свой текст, пытаясь использовать последний шанс опровергнуть чудовищные обвинения, как-то оправдаться, если не перед партией (стенографические отчеты рассылались под грифом «совершенно секретно»), то хотя бы перед определенной частью руководящих партийных работников, получавших стенографические отчеты пленумов для информации. Однако его надеждам не суждено было сбыться.

В стенографический отчет пленума — третью часть документов пленума — первый вопрос повестки дня «Дело тт. Бухарина и Рыкова» не был включен. Опубликованный стенографический отчет начинается с вечернего заседания 26 февраля. Теснейшим образом с материалами пленума связаны письмо Бухарина в Политбюро ЦК ВКП(б) и его заявление пленуму ЦК. Машинописный текст этих документов был размножен на ротапринте, по решению Политбюро роздан перед началом работы пленума всем его членам и был в центре обсуждения.

При подготовке публикации за основу был взят текст правленой стенограммы февральско-мартовского пленума, а в случае его отсутствия — неправленая стенограмма. Вычеркнутые слова взяты в квадратные скобки. В примечаниях отмечаются выявленные несоответствия и фактические ошибки, содержащиеся в выступлениях участников пленума.

Публикация подготовлена Л. П. КОШЕЛЕВОЙ, О. В. НАУМОВЫМ и Л. А. РОГОВОЙ.

Кошелева Людмила Павловна — старший научный сотрудник Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории; *Наумов Олег Владимирович* — кандидат исторических наук, заместитель директора Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории; *Роговая Лариса Александровна* — старший научный сотрудник Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории.

20.II.37 г.

№ П3465
В Политбюро ЦК ВКП(б)

Дорогие товарищи!

Пленуму ЦК я послал «Заявление» почти на 100 страницах, из двух частей, с ответом на тучу клевет, содержащихся в показаниях. Я в течение очень короткого срока должен был проделать эту работу, и она поэтому не претендует на полноту. Но она дает отпор грязному потоку.

Я в результате всего разбит нервно окончательно. Смерть Серго, которого я горячо любил, как родного человека, подкосила последние силы. Положение, в которое поставила меня клевета, когда я не могу ни радоваться вместе с моими товарищами по партии, вместе со всей страной (Пушкинские дни), ни печалиться и скорбеть над телом Серго, есть положение невыносимое, я его больше терпеть не могу.

Я вам еще раз клянусь последним вздохом Ильича, который умер на моих руках, моей горячей любовью к Серго, всем святым для меня, что все эти терроры, вредительства, блоки с троцкистами и т. д. — по отношению ко мне есть подлая клевета, неслыханная.

Жить больше так я не могу. Ответ клеветникам я написал. Притти на Пленум я физически и морально не в состоянии: у меня не ходят ноги, я не способен перенести созданной атмосферы, я не в состоянии говорить, рыдать я не хочу, впасть в истерику или обморок — тоже, когда свои будут поносить меня на основании клевет. Ответ мой должен быть прочитан, и я прошу вас его распространить. В том положении, когда я, будучи всем сердцем со всеми вами, рассматриваюсь многими уже, как отщепенец и враг, мне остается только: или быть реабилитированным или сойти со сцены.

В необычайнейшей обстановке я с завтрашнего дня буду голодать полной голодовкой[1], пока с меня не будут сняты обвинения в измене, вредительстве, терроризме. Жить с такими обвинениями я не буду. Чтобы не было даже видимости борьбы с вами, товарищи, я никому об этом не говорю на сторону; я поэтому не пишу Пленуму; я поэтому же не прибегаю к другим мерам. Эта голодовка направлена против клеветников. Если их можно передопросить под условием, что они будут беспощадно наказаны за клевету, это было бы хорошо: я-то ведь знаю, что здесь (прочитал проект резолюции по докладу т. Ежова) перегнута палка в другую сторону (по отношению ко мне). Я боролся до конца, ни от чего не уклонялся, сносил тяжкие оскорбления, добровольно не выходил из комнаты. Больше не могу. Простите и прощайте. Я горячо желаю вам побед. Я рыдаю о Серго. Я больше не могу.

Просьба моя последняя: сообщите моей жене о решении Пленума по 1-му пункту; дайте мне, если мне суждено итти до конца по скорбному пути, замереть и умереть здесь, никуда меня не перетаскивайте и запретите меня тормошить.

Прощайте. Побеждайте. Ваш Н. Бухарин.

Р. С. Я убедительно прошу ознакомить членов Пленума с моим подробным (поскольку физически было возможно написать ответ за столь короткий срок) ответом. С деловой точки зрения это лучше неизмеримо, чем реплики. Право я имею на это бесспорное. Прошу вас, товарищи, сделайте это, тем более, что я вложил сюда столько последних сил.

Заявление т. Н. Бухарина
Всем членам Пленума ЦК ВКП(б)

Дорогие товарищи!

Я обращаюсь к вам с настоящим письмом прежде, чем вы будете выносить решение по моему делу. Я вновь подтверждаю, что я абсолютно невиновен в возводимых на меня обвинениях, представляющих злостную и подлейшую клевету. Я в течение многих месяцев подвергаюсь мучительнейшей моральной пытке, меня объявляют соучастником троцкистских преступлений, против меня подымаются массы, выносились резолюции самого ужасного свойства, мое имя сделано позорным, меня политически уже убила подлая клевета троцкистов и правых, со мной можно сделать все, что угодно. Но я заявляю всем, что пройдя сквозь строй этих неслыханных мучений, самых страшных, я продолжаю бороться против вредительской клеветы, и никакие силы в мире не заставят меня отказаться от самых резких протестов против этой клеветы.

Значительное количественно число этих клеветнических показаний объясняется тем, что при данной общей атмосфере, созданной троцкистскими бандитами, при определенной политической установке, при осведомленности об уже сделанных показаниях, последующие лжесвидетели считают, что им надо показывать примерно то же, и таким образом одно лжепоказание плодится и размножается, и принимает вид многих, т. е. превращается во многие.

Что в тактику троцкистов входило сознательное оклеветание ряда деятелей СССР, это доказано и это признается партруководством: а) об этом мне было прямо сказано со стороны нашего партруководства, б) об этом было напечатано в

одной из передовиц «Правды». Я должен еще добавить, что в фашистской немецкой («Фелькишер Беобахтер») и итальянской («Джорнале д'Италиа») печати я самолично читал фамилии: 1) ряда выдающихся наших военных; 2) ряда выдающихся наших дипломатов; 3) ряда старых большевиков, причем все эти лица объявлялись замешанными в троцкистских заговорах. С другой стороны, в показаниях Радека (прот. от 4—5—6.XII. 36 г., стр. 16 и 17) говорится, что Баум заявил ему, Радеку (осень 1934 г.): «...Гитлер не верит эмиграции вообще и имеет большие сомнения, выражают ли взгляды госп. Троцкого больше, чем его мысли, когда ему не спится в эмиграции. Удельный вес Троцкого в СССР Берлину неизвестен, и неизвестно, отвечают ли эти взгляды мнению тех кругов в СССР, которые не находят адекватного выражения в политике советского правительства». И Радек здесь впервые упоминает и о «правых», как, очевидно, входивших в понятие вышеупомянутых «кругов».

Другими словами: «хозяева» — немцы требуют от троцкистов большего «авторитета» и более «широкой базы». Троцкисты заинтересованы прямо и непосредственно в подкрашивании своей «фирмы», и они начинают (или давно начали) создавать миф о том, что с ними идут и другие. Так, вероятно, объясняется торговля моим именем, как и именем вышеупомянутых военных, дипломатов и др. деятелей СССР. Это нужно было негодяям для увеличения их международного авторитета, для увеличения их шансов в гнусной большой торговле, которую они вели. Понятно, что на меня наклеветать было легче: я был лидером правого уклона.

Во всяком случае можно считать доказанным:

1) что троцкисты в числе своих тактических разбойных приемов имели тактику оклеветания честных советских людей;

2) что они это делали и с точки зрения дезорганизации сил Советского Союза (вредительство особого рода), и с точки зрения своей «международной» политики.

Таким образом, аргумент, приводившийся на прошлом пленуме тов. Саркисовым, гласивший, что никого не оговорили, и что все так наз. «оговоры» оказывались правдой, покоится на незнании дела и на излишнем доверии к людям (вернее, к зверям), которые этого доверия отнюдь не заслуживают.

В нижеследующем я, располагая, к сожалению, далеко не полным присланным мне материалом, постараюсь отметить те места, которые проливают свет на злостно-вредительский характер направленных против меня обвинений как со стороны троцкистов, так и со стороны их правых подпевал.

Часть I. Троцкистско-зиновьевские лжесвидетели

I. Общая характеристика и некоторые явно-жульнические показания Радека

Самыми утонченно-хитрыми, маккиавелиевскими и обдуманными подлостями являются показания Радека. Как в своей подлой деятельности на свободе он отлично играл роль, очевидно, своеобразно «вживался» в маскировочную сторону (или половину) своей жизни, как и теперь он с большим искусством играет другую роль, выдумывая про меня целые концепции, ловко пуская в ход отдельные мои обороты речи, вставляя в адски-клеветнические фантазии куски действительности и преподнося читателям его показаний шедевры лжи под покровом правдивости и искренности. Смею надеяться, что эти показания когда-нибудь войдут в исторические хрестоматии, как образец классической клеветы, сотворенной мозгами настоящего ее мастера.

1. Об отношении Радека ко мне, о поведении его на следствии и на суде.

На суде в своей речи Радек, проявляя «искренность» (в «японском» понимании этого термина), говорил: «Я признаю за собой еще одну вину: я, уже признав свою вину и раскрыв организацию, упорно отказывался давать показания о Бухарине. Я знал: положение Бухарина такое же безнадежное, как и мое, потому что вина у нас, если не юридически, то по существу, была та же самая. Но мы с ним близкие приятели, а интеллектуальная дружба сильнее, чем другие дружбы. Я знал, что Бухарин находится в том же состоянии потрясения, что и я, и я был убежден, что он даст честные показания Советской власти. Я поэтому не хотел приводить его связанного в НКВД» и т. д. (см. отчет «Правды», № 29).

Здесь для публики выставлена личность Радека, как любителя высокого и прекрасного: выше всего для него — интеллектуальная дружба, — поэтому он «упорно отказывался давать показания о Бухарине».

Но вот мы берем протокол его допроса на следствии, т. е. до суда (протокол допроса от 27—29 дек. 1936 г. стр. 1 и 2). Здесь нет ни намека на «упорный отказ» в даче показаний, ни намека на «дружбу» с Бухариным. Наоборот, Радек утверждает: «Поскольку я твердо решил, ничего не скрывая, передать следственным органам все... я тем более не заинтересован покрывать правых» (стр. 1). «Я ожидал, что меня будут специально допрашивать о деятельности организации правых и заранее решил рассказать следствию все, что мне известно об этом» (стр. 2).

И вот когда начались вопросы о «правых», Радек моментально вываливает тонны своей паскудной и кровавой клеветы! За короткий срок от цитируемого допроса до суда оборотистый Радек уже придумал другую версию, ибо она убедительнее звучит для публики и выставляет его, Радека, как сложную личность с тягой к святыне интеллектуальной дружбы. Это, так сказать, верх моральной проституции, подделанной под верх искренности!

2. Казус с Даном.

В конце своего допроса 27—29 дек. (см. проток. стр. 24 и 25) Радек утверждает, что, возвратясь из-за границы, я сообщил ему, Радеку, будто бы я, «по поручению центра правых», вошел в связь с Даном, «информировал этого последнего о существовании троцкистско-зиновьевского блока, о существовании организации правых, об их программе и предложил Дану, чтобы ЦК меньшевиков дал инструкции своим наиболее доверенным представителям в СССР войти в контакт с ним — Бухариным, Томским и Рыковым».

Более того, оказывается «Бухарин просил Дана на случай провала «блокистов» в СССР открыть компанию их защиты через II Интернационал. Именно этим и объясняется выступление II Интернационала в защиту первого центра блока троцкистско-зиновьевской организации», — утверждает Радек.

По этому поводу я заявляю, что встречался с Даном, как с членом Комиссии II Интернационала, по поручению ЦК, что при этих встречах присутствовали мои товарищи по делегации, и что они могут подтвердить, что я неплохо торговался с Даном по делу, которое мне было поручено партией. Я говорил Радеку о встрече с Даном, как о курьезе, рассказав диалог, который произошел между нами: я говорю Дану, что он иссох и похудел, а он отвечает: «а Вы так потолстели, очевидно потому, что выпили всю мою кровь».

Для всякого грамотного человека ясно, что кампания II Интернационала — обычная линия его в таких вопросах, и что Радек просто перестарался во лганье. Но здесь интересно другое. А именно: «почему Радек не повторил этого на суде? Почему он не сказал об этом ни единого слова, хотя это исключительно существенное обвинение, да еще международного характера? Да просто потому, что он хорошо понимал следующее: скажи он это открыто на суде, произошел бы настоящий мировой скандал. Ибо Дан и его друзья отлично знали бы, что это — вранье, могли бы убедительно это доказать, и притом в данном случае с полной внутренней моральной правотой. Радек тогда подорвал бы доверие ко всем своим и клеветам, и даже правильным показаниям. Поэтому он убрал со стола эту гнуснейшую и подлейшую ложь (кстати, ни Рыков, ни Томский не были осведомлены мной о моей поездке, я их не видел, ничего с ними обсуждать не мог не только политически, но и физически). Эта история с Даном, где Радеком придуманы и «подробности», проливает свет на всю систему гнусности и подлости этой изощренной провокаторской протобестии.

3. О Радеке и об очной ставке с Сокольниковым.

В начале своего допроса от 27—29 декабря Радек передает якобы бывший у меня с ним разговор следующим образом: «Бухарин в разговоре со мной высказывал надежду, что он избегнет ответственности, поскольку кроме Каменева его видимо никто не разоблачил, но я и тогда с Бухариным не соглашался, обращая его внимание на формулировку: «отсутствие юридических данных»[2] и указывал ему, что единственным шансом для него будет, если следственные органы не нащупают рядовых участников организации правых, либо если последние окажутся настолько стойкими, что его не выдадут» (стр. 1 и 2).

Затем, в том же разговоре, я якобы ссылался на исторический опыт организа-

ции «правых», на ловкий маневр, якобы проделанный с Рютиным, представленным, как «дикая» группа, на стойкость Слепкова и т. д. и т. п.

Логической основой, исходным пунктом этого разговора, якобы бывшего между мной и Радеком, является моя якобы позиция, что кроме Каменева, меня никто «не выдал» (я беру эту терминологию условно, рассматривая внутреннюю логику клеветы). Но Радек здесь проваливается самым позорным образом, ибо он не знает, что у меня была очная ставка с Сокольниковым, который утверждал, будто бы «правые» вошли через Томского в троцкистско-зиновьевский центр и т. д. Как же я мог утверждать, что никто кроме Каменева обо мне не говорил, и делать это исходным пунктом всех дальнейших рассуждений?

Не ясно ли, как солнце, что Радек здесь гнусно лжет? Не ясно ли, что вся дальнейшая цепь заключений падает вместе с падением своего основного звена? Я обращаю особое внимание на этот пункт потому, что здесь Радек попался во лжи с поличными и ему ничем нельзя отвертеться: ведь весь «разговор», все якобы «мои» высказывания связаны необходимой связью с предпосылкой, что «никто, кроме Каменева, не разоблачил» и т. д. Здесь Радек проваливается из-за незнания факта очной ставки с Сокольниковым. Но это значит, что Радек выдумывает целые разговоры, это данным местом доказано целиком и полностью. Факт крайне существенный для понимания всей остальной лжи политического мошенника и бандита. А тот факт, что Радек не знал о моей с Сокольниковым очной ставке, признается и самим Радеком. Здесь он лгать не мог по той простой причине, что не смог бы ответить ни на один вопрос, касающийся содержания этой очной ставки.

В конце допроса (стр. 25 протоколов) Радек снова, в другой связи, выдумывая новую серию лживых утверждений, говорит: «На процессе же, насколько нам было известно, никто, кроме Каменева, не давал показаний о существовании организации правых и поэтому Бухарин думал (слушайте! — *Н. Б.*), что других данных о нем у следственных органов нет».

Тут следователь говорит об очной ставке с Сокольниковым. И Радек, попав в затруднительное положение, не может объяснить, почему же я ему об этом не сообщил, говоря, что это «объяснить очень трудно» и выдвигая две равно глупые гипотезы: 1) будто я думал, что он скрыл от меня свою очную ставку и 2) будто я не хотел его огорчать (хорош мотив в таких делах для якобы единомышленника!!).

Когда Радек заявил, что я ему ничего не сообщал об очной ставке с Сокольниковым, тов. следователь говорит: «Это неправдоподобно. Вы поддерживали организационную связь с Бухариным, вы взаимно информировали друг друга о работе, которую проводят против ВКП(б) и Советской власти возглавляемые организации. Вы советовались друг с другом, оценивая личное положение каждого из вас, в связи с раскрытием первого центра блока. Как же мог Бухарин не поставить вас в известность, что его изобличал на очной ставке Сокольников?». Постановка вопроса правильная, тем более, что Сокольников говорил о Радеке, как о члене троцк. центра. Но из нее следует вывод, очень естественный. А именно: если Бухарин действительно об очной ставке ничего Радеку не говорил (а это доказано), то неправдоподобным становится все остальное, то есть: организационная связь Бух. с Радеком, взаимная информация, борьба Бух. против ВКП и Советской власти и прочее, что налгано мерзавцем Радеком и его сообщниками. Неужели это так трудно сообразить, если не быть ослепленным предвзятостью и несправедливой по отношению ко мне тенденциозностью?

На самом деле я об очной ставке не рассказывал Радеку потому, что считал партийно-недопустимым разглашение данных следствия и его хода и сообщение этих данных человеку, находящемуся под следствием. Только и всего.

Из этого яркого примера видно, сколь много выдумывает и лжет Радек, с какой конкретной фантазией он это делает, как он не скупится на изобретение огромных разговоров и концепций, вкладываемых им в уста оклеветанной им жертвы. В этом пункте все настолько ясно и убедительно, что не может быть ни грана сомнений во всей чудовищной подлости радековских клевет.

4. Общая характеристика поведения Радека по отношению ко мне с политической точки зрения (до его ареста).

Я утверждаю, что в буквально всех до единого разговорах со мной Радек всегда и без исключений маскировался и меня тем самым злостно обманывал.

1) Радек усиленно ссылался на то, что он в свое время «выдал» Блюмкина, поставив интересы партии выше жизни своего бывшего товарища, т. е. на крови доказав свою партийность против троцкизма.

2) Он всегда необычайно расхваливал Сталина: «Сталин — девять десятых нашей победы».

3) Он ссылался на свои статьи, говоря о том, что нельзя их писать без глубокой веры и убежденности в правоте партии.

4) Он всегда демонстрировал свою близость к тайнам дипломатии, рассказывая о директивах инстанции и т. д.

5) Он обнаруживал постоянное беспокойство за Сталина, выражая тревогу за аппарат ГПУ, считая его засоренным.

6) Он рассказывал, что сын его жены в свое время предупредил против Мандельштама (расстрелянного по кировскому делу), но что ему тогда не вняли.

7) Он якобы искренне заявлял, что было бы счастьем для него, если бы он мог работать близко к Сталину.

8) Он никогда не делал вида, что у нас «все хорошо», но всегда, ловко «размышляя», неизменно приходит к (показному) партийному решению вопроса.

9) Он внушал мне систематически мысль, что он может стать объектом мести со стороны ненадежных людей нашего госаппарата, говоря о вероятности польской агентуры в ГПУ.

10) Он ругательски ругал Сокольникова, называя его подлецом, с которым он не разговаривает уже несколько лет. (Ругал уже после объявления о предании его суду).

11) Он страшно ругался, что его жена пропустила к нему Мрачковского (после ухода этого последнего).

12) Он говорил мне о надежде, что «Сталин все разберет».

13) После моего приезда из отпуска, тотчас после приговора по делу троцкистско-зиновьевского центра, Радек из «партийных» соображений уговаривал меня ходить на партсобрания и т. д.

14) После ареста Радека его жена пришла ко мне и передала его последние слова: «Пусть Николай не верит никаким оговорам: я чист перед партией, как слеза». И я тогда же, по его и ее просьбе, написал письмо тов. Сталину (кстати: тут особенно ярко видно, что последние слова Радека были бы просто невозможны, если бы я был соучастником преступлений Радека).

15) В моем присутствии Р[адек] с иностранцами держался крайне дерзко-революционно: на приеме в польском посольстве он яростно атаковал польского корреспондента, дерзил Буллиту и даже в пресловутом разговоре с Баумом и др. на даче (о чем позднее) чрезвычайно резко нападал на Гитлера.

16) Рассказал мне однажды, что два его каких-то знакомых слышали антисоветский разговор Корнея Чуковского (писателя), и что он, Радек, посоветовал им немедленно заявить об этом в ГПУ.

17) Весьма хвалил Ромма, как отличного партийца и великолепного нашего разведчика.

18) Рассказывал, что на партсобрании в «Известиях» т. Селих — человек с безупречной партийной репутацией, выступил после заявления Кам[енева] — Зин[овьева] за него (что, как я узнал много позднее, оказалось чистой стопроцентной ложью). И т. д.

Для чего нужно было это все проделывать, если бы я был хоть с какой-нибудь стороны прикосновенным к его конспиративной к.-р. работе? На очной ставке Радек выдвинул тезис, что «мы оба» (покорно благодарю!) иногда чувствовали себя людьми и тогда говорили по-человечески, что у него, и у меня была «двойственность». На это скажу: у меня никакой двойственности не было: я стоял и стою на партийной позиции. У Радека она, вероятно, была (если только и это не сплошной обман). Но «двойственностью» нельзя объяснить ни «аргумент», связанный с Блюмкиным, ни последние слова, переданные Радеком мне через его жену о партийной чистоте, ни ругательства по поводу допуска Мрачковского, ни ругательства по адресу Сокольникова, ни афоризма, что «Сталин все разберет», ни вранье о выступлении тов. Селиха на партсобрании, ни многое другое. Нет, дело здесь совсем не в том. Передо мной Радек маскировался, как перед искренним партийцем. Когда ударил гром, Радек думал найти во мне защиту (отсюда и его последние сло-

ва, и просьба написать Сталину). Когда он сам вынужден был сознаться в своих преступлениях, оговор меня ему помешать не мог, а известный шансик «на пользу» имел. И как только по вопросам он почувствовал, что может начинать игру, он ее начал. А что до жизни, чести и т. д. другого человека, то какое, хотя бы малейшее, значение имеют все эти категории для Радеков? Политически это для троцкистов двойной плюс (1. дезорганизация деятелей СССР. 2. фикция своей широкой базы), лично-маленький шанс премии на «искренность», Радек и поступил соответствующим образом.

II. О внешней политике, о троцкистских пораженцах, о Бауме и комп. и т. д.

Радек с совершенно безграничным нахальством выдумывает целую теорию, которую я якобы развивал ему в области международной политики: я де говорил о подтверждении теории организованного капитализма, о неизбежности поражения в войне на двух фронтах, о правильности предательской и изменнической политики Троцкого и комп. и т. д. и т. п. Так как негодяй Радек ссылается на якобы разговор, якобы бывший с глазу на глаз, то у меня нет возможности на 100% доказать его вымышленность. Я поэтому должен здесь прибегнуть к сложной аргументации, чтоб не оставлять без ответа эту подлейшую подлость Радека, коих у него, впрочем, целый мешок.

Я, прежде всего, должен сказать несколько слов по существу.

1. Я неоднократно говорил Радеку, что действительная история не только опрокинула тезис Троцкого о невозможности построения социализма в одной стране и о неизбежной якобы гибели нашей без государственно-организованной поддержки зап.-европ. пролетариата. Я говорил, что действительная история привела к тому, что без нашей помощи трудно победить зап.-европ. пролетариату (одну такую статью, разумеется, со смягченными по дипломатическим причинам формулировками, я поместил в свое время в «Известиях»). Самое интересное в том, что Радек со мной соглашался!

2. Я глубоко оптимистически смотрел и смотрю на исход войны, ежели она начнется, несмотря на всю подготовку к войне со стороны германского фашизма. Я не раз говорил, что из боязни быть обвиненным в теории организованного капитализма (неверной), часто у нас не анализируют государственно-капиталистических военных мероприятий фашизма, кои знать необходимо. Оптимизм мой покоится вот на каких основаниях: Япония будет неизбежно иметь против себя нас и миллионы китайцев, которые в нас будут иметь свою организующую силу. Что касается техники и морального состояния вооруженных сил, у нас неизмеримо лучше. Тыл принципиально другой, просто несравнимый (в Японии — огромное перенапряжение бюджета, невероятно тяжелое положение в деревне, общее брожение и политический кризис и т. д.), людская организация на базе общего подъема в СССР гигантски выросла. С германской стороны — труднее. Но Польша, даже при активной прогерманской позиции ее правительства, будет для Германии «твердым орехом»: рабочие, крестьяне, украинские низы, все евреи будут на нашей стороне. На данной базе автаркия в Германии все же на холостом ходу, хотя нехватки продовольствия в значительной мере результат мобилизационной политики. Трусость Англии и Франции велика, надеяться нужно, прежде всего, на свои силы. Но совершенно правильна политика и по линии КИ (поскольку вся проблема революции будет зависеть в случае войны от ее исхода и поскольку СССР — непререкаемый центральный центр и сила сил революции) и по линии дипломатическо-государственной. Я считаю политику нашу блестящей.

Вот о чем, по кускам, я говорил с Радеком. Но как это доказать?

Во-первых, я считаю, что Радеку уже никак нельзя оказывать преимущественного доверия.

Во-вторых, я могу сослаться на то, что в разговоре с О. Бауэром (присутствовал Аросев, который это подтвердит, надеюсь, если не очень испугается) я горячо защищал нашу несомненную победу на обоих фронтах.

В-третьих, у копенгагенского физика Нильса Бора, в кругу датских ученых (присутствовал наш посол) я решительно и с великой настойчивостью громил Гер-

манию, призывал к борьбе с ней и предрекал нашу победу (в Дании царит пацифизм типа «не тронь меня»).

В-четвертых, я в свое время (говоря с глазу на глаз) сагитировал акад. Ив. Петровича Павлова прежде всего на нашей внешней политике (и в значительной степени, на антифашистских антигерманских тонах).

В-пятых, Ромен Роллан может подтвердить, что с глазу на глаз я ему говорил о вредности троцкистов и о правильности нашей внешней политики (в том числе и политики соглашений с буржуазными государствами, и политики «народного фронта»).

В-шестых, после приезда моего из-за границы, когда ко мне пришел проф. Талмуд, наш физик — коммунист, я, между прочим, сказал ему, что нужно работать, в первую очередь, на оборону, и что самые наши злейшие враги это — троцкисты.

Можно, разумеется, сказать, что все это для маскировки. Но 1. никто меня не заставлял говорить с Нильсом Бором о внешней политике, он очень хотел говорить о причинности в микрофизике и др. ученых вещах. 2. Случаи с Павловым и Ролланом вовсе не подходят ни с какой стороны под этот контраргумент. А они факт: о Павлове стало известным, Роллан, я думаю, всегда бы подтвердил то, что я говорю. Совершенно бессмысленно было бы, если бы я, держась других ориентаций, настраивал бы на такой лад людей такого масштаба и такого калибра (оба они, разумеется, никогда бы не пересказывали того, что я им сообщил). Уступать сейчас Германии значит ее вооружать. Я не могу без негодования слышать о подлой линии троцкистских изменников.

И вот меня хотят с ним воссоединить! И подлец Радек делает это своими насквозь лживыми показаниями! И есть люди, которые этому верят! И клеветы Радека без опровержения печатаются в наших газетах и журналах!..

Здесь я перехожу снова к показаниям Радека и прежде всего к случаю с Баумом.

На следствии Радек изображал дело таким образом, что к нему неожиданно, «без предупреждения» (протоколы от 27—29 дек., стр. 17) приехал Баум с еще одним немцем, что я сидел у него без рубашки, когда они приехали, что говорить он не захотел и поэтому стал делать резкие выпады, что я его в этом поддержал, что поэтому немцы уехали, а затем мне Радек якобы рассказал о своих прежних зондажах:

«Я и Бухарин, — говорит он (см. протокол от 27—29.XII.36 г., стр. 17), — в это время сидели на веранде моей дачи. Помнится мне, что Бухарин в это время сидел без рубашки. Не имея никаких полномочий ни от центра, ни от Троцкого на ведение каких бы то ни было переговоров и не считая Баума человеком, достаточно авторитетным для таких переговоров, я решил с ним переговоров не вести. Кроме того, советник президента Коха... мне был совершенно не известен и я не хотел вести в его присутствии подобные разговоры.

Не желая открыто ему этого сказать, я избрал, как форму отказа, очень острую характеристику гитлеровского режима, в чем мне помогал Бухарин».

Дальше сообщается, что Баум, поняв ситуацию, уехал, Радек ввел меня в курс дела с немцами, я его одобрил и т. д.

Касательно этих немцев Радек делает несколько нарочитых обманов:

1. Немцев приехало не двое, а трое (он мне их представил, как «настоящих фашистских профессоров»).

2. Баум и комп. вовсе не уехали до меня, а я быстро ушел, причем немцы остались у Радека.

3. Весь последующий «разговор» со мной Радека вымышлен от начала до конца.

Но здесь важно отметить вот что. Радек утверждает, что он при мне не вел никаких гнусных переговоров с этой компанией. Это верно. Но чем он объясняет такое обстоятельство? Если прочесть только две страницы протоколов, то сразу видно, как вертится здесь Радек, беспощадно путаясь в поисках вразумительного объяснения:

1) он, Радек, не имел полномочий от центра и Троцкого;

2) он не считал Баума достаточно авторитетным;

3) он не знал советника президента Коха (стр. 17);

4) однако «видно в Берлине поручили Бауму вести переговоры» (стр. 18);

5) «немцы уже кладут ноги на стол, в частности и по этой же причине я не хотел вступать с ним в переговоры» (стр. 18).

Все это — явный вздор: разве полномочий у Радека не было достаточно для второго «зондажа», если были для первого? Разве во время этого «первого» Баум для него не был достаточно авторитетен? Разве сам Радек не говорит, что Берлин поручил Бауму с ним, Радеком, говорить? И т. д. Видно, как Радек ищет какого-то объяснения и его не находит, набирая целый ассортимент первых попавшихся аргументов. А в чем же настоящая причина?

Она очень простая: мое присутствие. Если бы я был Радековским единомышленником, то все обстояло бы ультра-хорошо: тут представители двух течений, о чем мечтали «хозяева» Радека (см. выше заявление Баума по поводу Гитлера и Троцкого) — вот тут бы и поговорить! Однако, этого не случилось. И не случилось потому, что я никакого отношения к гнусной политике Радеков и комп. не имел и иметь не мог. Радек это прекрасно знал и поэтому в моем присутствии не говорил с Баумом, а на следствии не успел как следует придумать более удачную ложь, чем сказанная им, и запутался.

Мое истинное отношение к фашистской немецкой сволочи явствует вот из какого факта. Однажды Радек проронил два слова, что кто-то ему рассказывал, будто в «Национале» живут два гитлеровские агента, обследующие положение нашей молодежи. Я немедленно позвонил в ГПУ т. Слуцкому (если память мне не изменяет), и там получился какой-то положительный результат. «Маскировки» тут быть никакой не могло по той простой причине, что если бы я был соратником Радека, то мне незачем было бы перед ним ни маскироваться, ни доносить на фашистских союзников. Мне приходится прибегать к упоминанию об этом факте, ибо вся работа моя (статья, речи, доклады, направленные против фашизма) после радековско-пятаковских подлостей не является аргументом, ибо взята под подозрение.

3. Радековская клевета о терроре и др.

Большей подлости, чем лжесвидетельства Радека о разговорах, якобы имевших место у него со мной после злодейского убийства тов. С. М. Кирова, не может придумать никакое воображение. Если бы не создавшаяся общая обстановка, перепутанность связей и событий, я бы отвечал оскорблением действием всякому, кто осмеливался бы повторять радековскую клевету по моему адресу... Когда-то давно Владимир Ильич говорил мне, что с Радеком нужно осторожно, что он интриган и мерзавец, а я смеялся. Теперь приходится плакать... Смертью Кирова я был потрясен: и политически (потому что считал Кирова исключительно талантливым руководителем партии), и человечески (ибо у меня были очень хорошие отношения личного порядка, и Киров относился ко мне с чуткостью и нежностью большого сердца). Даже Радек, гадина, скрипя вставными зубами, на очной ставке был вынужден сказать, что я «очень тепло» говорил о Кирове. И тут же он показывает, что я якобы заявил, что или нужно прекращать террор или переходить к более массовому террору, что потом я сказал-де ему будто «правый центр» (Томский и Рыков) высказались за последнее, и мои колебания прекратились.

Еще раньше Радек говорит, что я допускал, что т. Кирова убили правые. Все это — кровавая и возмутительная клевета, которую он повторил и на суде. Это просто подлое кощунство, использование трагического факта для низменной и невыразимо коварной клеветы. Я могу только еще раз сказать, что я ни разу ни с Рыковым, ни с Томским в это время и позднее не видался и поэтому говорить с ними и обсуждать какие бы то ни было вопросы физически не мог. Радек утверждает далее в своих показаниях на следствии, в ответ на вопрос о разделении труда внутри воображаемого «правого центра», что я и Угланов налегали на террор, а Рыков и Томский — на диверсии. Волосы дыбом становятся от всей этой гнусной лжи. Однако никто не сможет доказать, что я даже знал, где находится Угланов, жив ли он и т. д. Я с 32 г. не имел ни малейшего представления даже о его жизни и существовании, не то что о его взглядах. Пусть хоть кто-нибудь попробует показать, где, когда или через кого я имел хотя бы какую-нибудь «связь» с Углановым после 32 г.!

На очной ставке Радек говорил, что я не сочувствовал диверсиям, но выполнял «приказы»! Чьи? Очевидно Томского и Рыкова, с коими не видался. Как выполнял? Где это выполнение? Это тот «миф», творчеству которого Радек, очевидно, обучился у фашистов.

Радек выдумывает целый «разговор начистоту» (стр. 6 протоколов допроса от 27—29 дек.), в котором я якобы «подтвердил», что «Томский, Рыков, Угланов и он — Бухарин — сохранили организацию, в которую входит ряд бывших деятелей профдвижения и хозяйственников и что организация считает необходимым вести борьбу против руководства ВКП(б) всеми средствами, вплоть до террористических». Здесь я повторяю то, что говорил несколькими строками выше об Угланове — с одной стороны, Рыкове и Томском — с другой. Было бы очень интересно знать имена «хозяйственников» и «деятелей профдвижения», хоть бы один факт их деятельности, хоть один факт их связи со мной, конкретной по времени и месту, хоть один факт их преступной и мне известной деятельности (а Радек утверждает на стр. 7, что я ему сам заявил об их вредительской деятельности — не более не менее!).

Дальше. Выдуманная Радеком «беседа» относится им к лету 34 года. И вот я якобы называю Радеку имена Цетлина, Слепкова и Марецкого потому, что их «провал» «очень нервировал и заботил Бухарина». Но ведь Слепков и Марецкий были арестованы летом 32 г.! И этот арест меня через два года так «нервировал», что я поэтому назвал эти имена (точно об этих арестах в свое время, к тому же, не было известно!). Хорошо, но ведь эти лица так или иначе арестованы (Цетлин был выпущен, но уехал на Урал). Где же организация? Где она? И тут Радек начинает плести свою утонченную ложь с другого конца. После предпоследнего пленума ЦК я рассказал Радеку о докладе т. Ягоды и об арестах в Академии наук, в том числе в моем институте. Рассказал потому, что меня очень мучил вопрос, должен ли я, сомневаясь в виновности некоторых людей, написать об этом в ЦК или нет. Я ни в малейшей степени не знал о разветвленной троцкистской организации, обо всем, что было вскрыто органами НКВД. Особенно меня поразил арест Бусыгина и Кошелева, фамилии которых я и упомянул Радеку. Тов. Кржижановский тоже очень удивлялся аресту Бусыгина (не Кошелева). Тов. Волынский, б. управдел Академии и старый чекист, поселивший в свое время Бусыгина в общежитии Ак. Н., говорил, по словам Кржижановского, что Бусыгин попал, очевидно, случайно. О Кошелеве я знал, что он, б. путиловск. (кажется, путиловский) рабочий, был специально прислан Ленинградским обкомом для оздоровления парторганизации, что он был связан с органами НКВД и т. д. Когда меня стали пощипывать в Ак., я написал письмо т. Кржижановскому и Горбунову (копии т.т. Сталину и Молотову) и, упоминая об аресте Бусыгина и Кошелева, в отпечатанный на машинке текст письма вставил от руки: «если здесь не произошло роковой ошибки» (этот факт можно проверить). Так вот, зная эти фамилии, лжец Радек строит целую версию о том, будто я рассказывал ему, что собираю «принципиально твердые кадры», да еще умеющие владеть оружием! Но кто же они? Радек лжет, когда говорит, что Кошелев и Бусыгин были, по моим словам, правыми. Никогда я ему этого не говорил. С Бусыгиным меня познакомил Волынский. Кошелев, как сказано, был прислан обкомом. Или может быть я организовывал троцкистов, которые арестованы НКВД? Но тогда где же эти найденные мною твердые принципиально кадры из молодежи, о которых говорил Радек? Кто они?

Рассуждения о том, что Бухарин знал Куклина, Бакаева, Евдокимова и др. (стр. 10) не стоят ломаного гроша. Я «знал» очень многих людей, тысячи людей, знал, разумеется, всех бывших когда-либо членов ЦК. Но пускай докажут, что я их последние годы вообще видел, имел с ними какие-либо предосудительные связи или знал об их предосудительной деятельности, — а ведь в этом весь вопрос.

Но вот с Мрачковским мне в прошлом не приходилось встречаться, я как раз о нем, ни как о человеке, ни как о политике, не имел ни малейшего представления. А именно о нем Радек рассказывает выдуманный им мой с ним на квартире у Радека разговор, со спекуляцией на различные словечки для правдоподобия.

Об этом нужно сказать несколько слов. Я однажды случайно встретил у Радека Мрачковского, не зная, что это Мрачковский (мне об этом сказал Радек). Приехал я, чтобы прочитать статью, которая должна была итти в газете. После того, как я ее кончил читать, Мрачковский, пробурчав два-три слова, тотчас ушел, а Радек,

сказав, что это Мрачковский, стал ругаться, что его жена пропустила М-ого, и дал распоряжение его больше не пускать.

Таковы истинные факты, а не выдумка. Я в первом же письме в ПБ сказал об этом факте. Кстати, Радек ничего от меня не знал о содержании моего письма в ПБ, равно как и я о содержании его писем. Не глупо ли предполагать, что это возможно было бы, если бы мы действовали заодно? Между тем факт незнания — легко доказуемый факт: стоит только спросить Радека о содержании моего письма — если, разумеется, оно ему не было предъявлено, прямо или косвенно, как свидетельское против него показание. Если бы я был единомышленником Радека и вел с Мрачковским тот разговор, который приписывает мне Радек, и вообще знал о роли Мрачковского, то зачем мне нужно было бы сообщать в ПБ о самом факте встречи Мрачк. у Радека? Опять-таки: неужели трудно сообразить, что этот факт моего письма с заявлением о Мрачковском есть опровержение радековской клеветы? Но пойдем дальше. Вот как передает Радек разговор с Мрачковским. Мрачковский-де пытался узнать о террористических группах правых. Бухарин уклоняется и отвечает: «Когда займешь пост главнокомандующего и у нас, тогда узнаешь все» (стр. 14). После ухода Мрачковского — продолжает лгать Радек — Бухарин якобы сказал: «Мрачковский по-прежнему партизан и пистолет» и далее стал развивать террористические идеи (стр. 15).

Я привожу эти места особенно потому, что для людей, знающих различные взаимоотношения, ясна ложь всех этих россказней. Радек спекулирует здесь на якобы «мои» «словечки». Между тем:

1. Т. к. я не знал Мрачковского, то я не мог говорить с ним на «ты».

Т. к. я не знал Мрачковского, то я не мог говорить, что он «по-прежнему» «партизан и пистолет». Да я и сейчас не знаю, почему он был «партизаном» и «пистолетом». Тут Радек свои собственные отношения вкладывает в меня и очень неудачно, несмотря на всю свою обезьянью ловкость.

Во всех показаниях Радека есть одна весьма примечательная тенденция, которая бросает свет на истинные причины его низкой клеветы.

Николаева он не прочь был в своих показаниях подкинуть «правым». Он создает (якобы с моих слов!) правые организации, связанные со мной и мной руководимые.

На суде он говорит, что есть еще много неполноценных троцкистов, но что, кроме троцкистов, есть такая же по силе и руководимая центром правая организация. Вообще он склонен переносить ударение сюда.

Вспомним некоторые факты: На первом процессе Мрачковский клялся, что выблевал из себя все. Однако он ни слова не сказал о Радеке. О Радеке другими говорилось лишь, что на него «рассчитывали». О Пятакове почти ничего не говорилось, в газетах ничего не было из показаний против него на первом процессе.

И много больше говорилось обо мне (хотя все это было выдумано от начала до конца).

Случайно это? Я думаю, что отнюдь не случайно. Радек продолжает ту же тактику. С одной стороны, говорит капиталистическому миру: вот, посмотрите! Вы видели, сколько мы, троцкисты, понаделали, посмотрите на одну только промышленность, на наше вредительство. Но в СССР, по крайней мере, вдвое хуже, ибо еще больше работали наши правые союзники. Вот один политический смысл его речи.

А другой, более прозаический: я еще кое-что знаю, расскажу потом, пригожусь.

Последнему, поскольку не будет клеветы, можно только радоваться. А первое — преступно, как преступна клевета.

Я признаю за собой одну вину, как и другие товарищи, которых обманул Радек, — доверие к этому мошеннику. Я слышал своими ушами, как еще Август Бебель говорил про Радека, что это грязный человек, имя которого не следует произносить. Но я думал, что это лишь ненависть к «левому».

Мне говорил Ленин, что Радек интриган и мерзавец, но я посмеивался, думая, что Ильич не может позабыть старых заграничных «склок».

Сталин когда-то советовал осторожность с Радеком.

А я ему верил, ценил его талантливость, верил в его искренний переход на партийные позиции, заступался за него. Финал известен. Когда Радек в своем

последнем слове на суде призывает меня «честно» подтвердить его клевету, то это звучит так же, как его замечательное объяснение, что он запирался «из чувства глубокого стыда» (см. протокол от 4—5—6 декабря 1936 г.). Когда его уличили, «стыд» исчез в одну секунду. Эта «стыдливость» Радека вполне эквивалентна его «честности».

Клевета Пятакова, Сокольникова, Сосновского

Я совершенно не исключаю, а наоборот, предполагаю крайне вероятным и почти достоверным, что троцкистские главари заранее обдумывали методику поведения в случае провала, куда входили, вероятно, иногда и весьма конкретные подробности. Маленький штришок: я вспоминаю, что когда я сказал Радеку, что ходят слухи об аресте жены Пятакова, и спросил его, как это возможно, он ответил, что он об этом тоже слышал и «это, вероятно, из-за ее любовных дел»...

А много позднее мне кто-то в редакции сообщил, что Пятаков вначале объяснял арест жены ее любовными связями. Случайно ли такое совпадение первоначальных «объяснений»? Вряд ли. Что в методику действий этих извращенных субъектов входило даже уничтожение их собственных людей, «выдача» своих, уже провалившихся, сваливание вины на других, не их, людей, т. е. метод оклеветания, сеяния недоверия в партии, «стравливание», дезорганизация и т. д., общая, где можно согласованность по некоторым вопросам (напр., об объектах клеветы), — все это, мне кажется, более, чем вероятно.

Так объясняются, возможно, и некоторые вещи, обнаружившиеся на очной ставке с Сосновским.

В самом деле Сосновский показывал, что я вел с ним разговоры о троцкистских установках и соглашался с ними, что я ему помогал, как союзник в его к.-р. деятельности и т. д. И при этом он приводил даже «вещественные доказательства»:

1. Он принес мою записку к нему, где я рекомендую ему в статье вставить абзац о т. Сталине.

2. Он принес записку, где (уже после процесса троцкистско-зиновьевского центра) я пишу ему (после приказа за подписью т. Таля и его, Сосновского, увольнении из редакции), что я — не апелляционная инстанция, и у нас нет предмета для разговора. И, кажется, еще что-то.

Первое он объясняет, как помощь специфически-маскировочного характера. Второе — как тайную директиву, которую я тоже ловко («дьявольски конспиративно», очевидно) ему дал, сообщая, что сношения, мол, надо прервать.

Предположим на минутку, что это все именно так. Но вот вопрос: почему же опытнейший конспиратор Сосновский счел нужным тщательно сохранять эти компрометирующие его якобы сообщника записки? Это в силу «дьявольской конспирации»? Никак это не выходит. Значит, все это было придумано. Сосновский, к счастью, не знал того, что я не захотел с ним разговаривать, предварительно выслушав совет т. Таля (который сказал: «Вам не стоит говорить, а я о работе с ним поговорю»), и что даже записку я написал, согласовав текст с новым секретарем редакции, и он же эту записку переправил Сосновскому.

Такова «тайная директива». Что касается абзаца о т. Сталине, то я дал здесь совет Сосновскому не как троцкисту, а как искренне раскаявшемуся и искренне преданному соввласти и партии человеку, каковым я его считал, как и многие другие. Я думал, что иначе умолчание о роли Сталина будет среди всех сотрудников да и во вне сочтено за какую-то полудемонстрацию: таковы были действительные нормы и сложившаяся практика, я менее всех был подходящим лицом, чтобы их ломать: наоборот, мне самому товарищи неоднократно вставляли соответствующие места, и я с этим соглашался.

Но корень вопроса состоит в любви Сосновского к сохранению якобы компрометирующих документов при «дьявольской конспирации». Я считаю, что это — подсобное орудие для заранее обдуманного случая необходимости в клевете.

1. О составе центров троцкистско-зиновьевского блока

Дело против меня началось, как известно, с показаний Каменева и др., кои клеветнически обвиняли меня в сотрудничестве с их центром. Я хочу здесь, прежде всего, на показаниях Пятакова, Сокольникова, Радека осветить этот вопрос.

Сокольников, на очной ставке со мной, показывал, что в состав центра входил от «правых» Томский, что он это сделал не только по своему личному желанию и не только от своего имени, но и от имени моего, Бухарина, и т. Рыкова. При этом Сокольников показывал, что знает это непосредственно от самого Томского.

Итак, Сокольников, один из членов троцкистского центра, говорит, что к ним входил от «правых» Томский. Версия № 1. Но здесь необходимо отметить следующий возмутительный факт. На очной ставке т. Каганович спрашивал Сокольникова: «А может быть Томский один входил в ваш центр, без согласия Бухарина и Рыкова?» На что Сокольников ответил уверенно, что Томский входил и входил от имени троих, и что это он сам слышал от Томского.

А на суде, очевидно, прочтя показания Радека и зная его версию, или будучи об этом информирован заранее по следственному материалу, Сокольников показывает совсем другое: «Но правые не вошли в блок. Они заявили, что будучи согласны со всем, они хотят сохранить свою отдельную организацию, свою центральную группу и поддерживать лишь контакт с объединенным центром». (И, оказывается, что уже не он, Сокольников, разговаривал с Томским!) (см. стен. отчет о суде). Значит, у одного Сокольникова есть целых два, прямо противоположных, мнения. Это уже такое жульничество, какое вообще, пожалуй, не могло бы быть оставлено без возражений во время процесса со стороны прокурора, который присутствовал при очной ставке.

Посмотрим, что показывает Радек (протоколы от 4—5—6 декабря, стр. 5—7). Здесь говорится, что: «В состав центра троцкистско-зиновьевского блока входили: Зиновьев, Каменев, Бакаев, Смирнов И. Н., Мрачковский, Тер-Ваганян». На вопрос: «Известно ли вам об участии в центре еще кого-либо»? Радек отвечает отрицательно. 2) В параллельный центр входили: Пятаков, Сокольников, Серебряков, Радек. Таким образом, в троцкистские центры не входил никто из б. правых. Посмотрим, наконец, что показывает по этому поводу Пятаков (см. протокол допроса от 19—20 декабря, стр. 14): «На первых порах мы — говорит он о членах параллельного центра — предполагали возможным ограничиться установлением системы отдельных встреч членов центра между собой. Так, я дважды встречался в 1935 г. с Сокольниковым, два или три раза с Радеком, а также с Серебряковым, встречался далее с Томским, который формально хотя и не являлся членом центра, но по существу дело шло к тому, что центр сложился с участием правых. Мне известно, что Сокольников поддерживал связь с Радеком, а также встречался с Томским. Кажется, были встречи Радека с Серебряковым (а из правых с Бухариным)».

Итак, по этой версии, хотя Томский формально и не входил в центр, но «дело шло к тому», что центр «сложился с участием правых». Что это значит, понять трудно. Ибо о какой «формальности» вообще могла здесь итти речь? Ее вообще ведь, судя по всем показаниям, не было. Затем, оказывается, центр уже сложился, а с другой стороны — «дело» только «шло к тому». Как понять этот вздор?

Во всяком случае, здесь мы имеем третью версию, отличную и от первой, и от второй.

Спрашивается: возможно ли, чтобы из четырех известных членов троцкистского центра трое имели различное представление о таком важном политико-организационном вопросе, как самый состав этого самого центра, если бы к делу не примешивался какой-то недействительный и лживый якобы факт? Всякий непредубежденный человек скажет: нет, это невозможно. Здесь просто люди не успели спеться во вранье.

Когда люди создают узкую, маленькую, строго законспирированную организацию из 4—5 человек, то совершенно диким является предположение, что трое из четверых толком не знают, есть ли еще пятый. А здесь трое говорят об этом пятом по-разному: один, что он не входил, другой, что он — входил на полных правах, третий — что он формально не входил, но «участвовал» в составе. При этом один из троих, смотря по обстоятельствам, выставляет два противоположных утверждения, ни капли при этом не краснея. Здесь со всей очевидностью выступает та объективная истина, что после показаний на суде во время первого процесса (а может и раньше) троцкистами решено было держать линию на клевету о сотрудничестве с Бухариным, Рыковым и др., но в конкретном вопросе о центре не успели договориться точно об этой клевете или дать друг другу соответствующие сигналы.

А вопиющая разноголосица по такому вопросу разоблачает клеветников. И тут уж никак нельзя отболтаться таким, скажем, контр-аргументом, что Томский как-то неопределенно был «около» или «почти — входил», и что это объективная неопределенность («организационная нечеткость») сказалась на неопределенности показаний. Ибо Сокольников весьма четко говорит: вошел, и даже с мандатом от своих коллег. Радек отрицает всякое вхождение, отграничивая точно четыре имени. Пятаков занимает третью позицию. Сокольников на суде круто меняет вехи, демонстрируя свою абсолютную лживость.

Неопределенность есть, следовательно, не результат объективной неопределенности положения, а результат субъективной несогласованности клеветы.

Я не могу отвечать за Томского, ибо не знаю, что он делал последние годы, но что он не мог вести от моего лица переговоры с троцкистскими бандитами, ссылаясь на мое согласие, в этом я уверен абсолютно. Сокольников на очной ставке об этом бессовестно лгал. Характерно для Сокольникова, что эту свою ложь на очной ставке он полностью опроверг на суде, заменив ее другой ложью.

В этом вопросе есть, однако, и другая, чрезвычайно примечательная сторона. И в показаниях Радека, и в показаниях Пятакова рассказана длинная история «запасного центра», превратившегося в «параллельный центр». И Радек, и Пятаков показывают, что это превращение отнюдь не случайно, а что оно есть результат превентивных мер троцкистов «чистой крови» против зиновьевцев. Троцкисты боялись такого соотношения сил в их блоке, что зиновьевцы будут командовать. И вот, чтобы обеспечить гегемонию троцкистов, они идею «запасного» (на случай провала) центра превратили в параллельный троцкистский центр, с одобрения и самого обер-бандита Троцкого. При этом следует вспомнить, что, по показаниям Пятакова, Троцкий его учил не все говорить даже ближайшим единомышленникам, и сам Пятаков думал, что Троцкий не все даже ему, Пятакову, говорит о своих действительных установках (хотя, казалось бы, куда уж итти дальше, чем блок с фашистами, интервентами, пораженчество, измена, диверсия, белый террор и т. д.). И вот в центр, конспирирующий от зиновьевцев и долженствующий обеспечить гегемонию «чистого троцкизма» привлекается Томский или «участие правых»! Разве не ясна вся нарочитая придуманность этой лжи, где не сходятся концы с концами самым очевидным образом![3].

Эти три разнородные версии о составе параллельного центра как раз в пункте о правых и эта бессмыслица с привлечением правых для обеспечения гегемонии троцкистов над своей лживой природой, прямо воняют ложью.

2. О «связях», «контактах», «блоке» и т. д. троцкистов и зиновьевцев с правыми

Прежде всего я оговариваюсь: когда я говорю о «правых», я ставлю это слово в кавычки, если говорю, прежде всего, о себе (а я себя правым отнюдь не считаю).

Вопрос о соотношениях между троцкистско-зиновьевским блоком и «правыми» не исчерпывается одним лишь вопросом о вхождении или невхождении в общий центр. Что никакого такого вхождения не было и что относящиеся сюда показания членов троцкистского центра явно лживы, доказано, мне кажется, довольно убедительно предыдущим анализом показаний клеветников. Здесь я продолжаю исследовать их показания насчет «связей» вообще.

Начну с показаний Пятакова. На очной ставке Пятаков, правда, без радековского энтузиазма, рассказывал, что с самого начала моей работы в НКТП находился со мной в политически близких отношениях, что он меня информировал о позиции Троцкого, я же высказывал «пессимистические взгляды» о промышленности и т. д. Начал он свой рассказ с того, что я ходил в 1928 г. к нему в больницу и высказывал пессимистические мысли о ходе развития. Это и было-де началом связей.

Каково же было дело в действительности? В 1928 г. (т. е. почти 10 лет тому назад) я действительно прочитал Пятакову, который был в больнице (у него оказался сидящим и Каменев), написанную мной т. н. «платформу» (тезисы о текущем, главным образом, хозяйственном, моменте). Эта «платформа» никуда не пошла, никак не распространялась и не размножалась. Когда в ЦК разбирались какие-то

дела о правой оппозиции, меня усиленно допрашивали насчет моих тогдашних взглядов, и т. Серго сослался на «безымянного» корреспондента, который сообщал, что я считаю вероятным, в случае войны, что наши новые заводы достанутся белогвардейцам, если мы не помиримся с мужиком. Так как это было выражением из упомянутой платформы, то мне вся кровь бросилась в голову: я понял, что Пятаков и был этим «безымянным корреспондентом». Меня поразило здесь следующее обстоятельство: Пятаков со мной весьма нежничал, успокаивал мои волнения, посылал со мной свою маленькую дочку, чтобы она проводила меня домой, говорил разные хорошие слова — и потом так коварно поступил! — такова была тогдашняя моя психология. Что именно Пятаков сказал о платформе, это он подтвердил, да это и без того знают члены ПБ. Как же считать хоть сколько-нибудь вероятным тот якобы факт, что, после перерыва всяких отношений, придя в НКТП, я сразу же стал перед ним держать оппозиционные («пессимистические», как он говорил на очной ставке) речи. Не ясно ли, что все это вздор?

С другой стороны, разве вероятно, чтобы сам Пятаков начал осведомлять меня о троцкистских планах, когда я пришел в НКТП? Ведь вот что говорит Пятаков (см. протокол от 19—20 декабря, стр. 6) о методах их организации: «...об установках Троцкого нет нужды рассказывать всем: надо людей проверять длительно и только после этого, будучи полностью уверенным, что никаких неожиданностей не будет, знакомить соответствующих троцкистов с подлинными взглядами Троцкого».

Как же можно поверить, чтобы Пятаков по отношению ко мне вдруг проявил такую сугубую неосторожность, которая шла вразрез с их троцкистско-конспиративными нормами? И это тем более, что, по его собственным показаниям, он, в разговоре с Каменевым (1932 г.), сомневался, можно ли итти с правыми, с которыми были чрезвычайно острые политические разногласия. Значит, и с этой точки зрения для всякого непредубежденного человека видна явная надуманность и лживость показаний Пятакова.

Как говорит Пятаков в 1932 г., «Каменев... сказал мне, что у центра установилась связь с правыми (Бух., Рык., Томск.). Хорошо бы, — сказал Каменев, — если бы и вы сейчас поддерживали необходимую связь с Бухариным, с которым у вас хорошие отношения». (Означен. протокол, стр. 10).

Далее Каменев, по словам Пятакова, сообщает, что они «договорились» с правыми насчет общей позиции (об этом речь еще будет ниже). В связи с этим я должен заметить, что и здесь ясно видна ложь Каменева — Пятакова.

В самом деле. После моей (политически преступной) беседы с Каменевым в 1928 г. (прошу помнить, что это все имеет почти десятилетнюю давность!!), ведь Каменев, «приукрасив» ее и препарировав соответствующим образом, записал и дал троцкистам для напечатания. Ведь он таким образом (выражаясь соответственно тогдашней моей психологии) «выдал» мое посещение и поступил еще более коварно, чем Пятаков (с «платформой»).

С другой стороны, он присутствовал и при чтении этой платформы. Так как же я при таких условиях мог бы вступать с места в карьер в блоки и соглашения?

Таким образом, и этот каменевско-пятаковский эпизод звучит крайне не убедительно и говорит сам о своем клеветническом характере. Мне-то представляется очевидным, что Пятаков здесь подхватывает нить, которую начал плести еще Каменев на суде, о чем Пятаков прекрасно знал из газет.

Однако, интересно отметить, что в своей последней, заключительной, предсмертной речи Пятаков ни слова не говорит о правых (не исключено, что все же его в последний момент заела совесть) в противоположность Сокольникову и особенно Радеку.

Посмотрим теперь на дело с другой стороны. Пятаков на очной ставке заявляет, что он был связан со мной с 1931 г. и рассказывал об установках Троцкого. Пятаков же показывает, со слов Каменева, что зиновьевско-троцкистский блок «договорился» в 1932 г. с правыми на общей контрреволюционной платформе.

А вот что читаем мы на стр. 26 допроса Пятакова от 23 декабря о позиции Троцкого, обер-начальника всех троцкистско-зиновьевских банд. Оказывается, в декабре 1935 г. Троцкий говорит Пятакову, что будто бы правые признали все троцкистские установки, вплоть до террора и вредительства, но что «мне (Троцкому) известно, что у вас там начали дискуссировать по вопросу о том, как далеко

можно провести это объединение». «Пусть на первых порах это будет контакт — ведь начали же мы в 1926 г. с контакта с зиновьевцами...»

Я оставляю в стороне клеветнический характер всего этого в целом. Здесь я указываю лишь на вопиющее, кричащее противоречие этих реплик атамана бандитов со всем, о чем толкуют Пятаковы и Сокольниковы (Сокольниковы до суда). Троцкий на рубеже 1936 г. требует хотя бы контакта с правыми: «пусть на первых порах это будет контакт!» Ну, не очевидно ли, что Троцкому хочется иметь правых, а ничего, по его же словам, нет! Не ясно ли, как здесь все запутано и налгано? А на стр. 21 допроса Радека (протокол от 4—5—6 декабря) мы читаем изречения того же Троцкого: «Если придет дело к войне, то ряды троцкистов и зиновьевцев расширятся притоком из правых кругов».

Как же это так, если эти самые «правые круги» уже давным-давно в блоке, в тесной «связи» и т. д. и т. п.? Все эти противоречия в показаниях указывают на их глубоко нечестный характер, и из этого нужно делать соответствующие выводы.

Из показаний Пятакова, кроме вышеозначенных мест, обо мне говорится: на стр. 3 протоколов (о том, что Троцкому известно, будто правые — речь идет о 31 г. — «притаились»). Это чтение в душах и мало конкретно. На стр. 14 Пятаков говорит, что, «кажется», Радек встречался в 1935 г. с Бухариным. Всем известно, что я в 1935 г. работал с Радеком в одной редакции. На стр. 26: Троцкий «интересуется» рядом лиц, в том числе и мной (в числе списка есть и тов. Крестинский, например). На стр. 27: Троцкий дает директиву «не ослаблять связи» со мной (вопреки требованию будущего контакта!). Все эти добавочные противоречия только осложняют путаницу, характерную для этого организованного троцкистско-зиновьевского лганья и клеветничества.

3. Об «общей платформе» по показаниям клеветников-троцкистов

Чрезвычайно поучительно распутывать и распутать дальнейшую гнусную клевету насчет якобы имевшейся общей платформы.

Вот что имеется по этому вопросу в показаниях Пятакова, когда он передает слова Каменева (протокол от 19—20, стр. 11). «...Эта общая цель: 1. Свержение Сталина и ликвидация сталинского режима. 2. Отказ от построения социализма в одной стране и, следовательно, соответствующее изменение эконом. политики. На этих двух пунктах мы с правыми легко договорились».

«На мой вопрос, — продолжает Пятаков, — что значит изменение экономической политики, Каменев, со свойственным ему апломбом, ответил: «Ну, знаете, конкретизировать будем тогда, когда будем у власти. Ясно только одно, что нам нужно будет отступить, чтобы ослабить внутреннее положение и выровнять внешнее».

Итак, договорившийся якобы с правыми Каменев выдвигает нечто весьма неопределенное: определенными являются только два вышеприведенных пункта.

Сокольников на очной ставке ничего не говорил насчет общей платформы, но говорил, в ответ на вопрос т. Кагановича, об уступках капитализму, мелкому собственнику и т. д.

А на суде вдруг Сокольников заявляет: «Что касается программных установок, то еще в 1932 г. и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась, как программа правых. Это — так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 г.» («Правда» № от 26 января, стеногр. отчет о процессе).

Почему же Сокольников ни слова не говорил о рютинской платформе во время очной ставки со мной? Почему он ни слова о ней не говорил, когда его много раз спрашивали именно о платформе? (И да позволено будет спросить, почему прокурор не обратил внимание на это исключительно кричащее противоречие?!) Почему Каменев в ответ на вопрос Пятакова ни слова не говорил о рютинской платформе? Почему сам Пятаков ни на следствии, ни во время очной ставки, ни на судебном следствии, ни в заключительной речи ни слова не говорил о рютинской платформе? Почему она вылезла только под самый конец у Сокольникова «второй манеры»? Почему даже Радек, который упоминает о рютинской группе, лжет о ней по другой линии, и ни слова не говорит о ее платформе, как общей платформе трех групп?

Почему Троцкий, по показаниям и Радека и Пятакова, ни разу не заикается об этой якобы столь авторитетной и важной платформе?

Из этих недоуменных вопросов вытекает и здесь явное жульничество Сокольникова, который сперва играл на Томском, потом его бросил, сперва играл на вхождении правых в их троцкистский центр, а потом пересел на другую лошадь (самостоятельности «правых»), сперва ни слова не говорил о рютинцах, а потом схватился за Рютина на открытом заседании суда. Талантливый клеветник!

Смысл этого танца обнаружится в дальнейшем. Сейчас же достаточно констатировать здесь элементарное, грубое, площадное жульничество Сокольникова.

Возвращаемся теперь снова к исходному пункту, к формулировкам Каменева. Здесь во главу угла поставлена невозможность социализма в одной стране, самая глупая, вдребезги разлетевшаяся и разбившаяся в прах теория Троцкого.

Всякий, кто мало-мальски добросовестно изучал партийную историю и историю борьбы с уклонами, знает, что при всех своих ошибках, при всех своих больших грехах, я на всех этапах был горячим противником этой теории, и еще в совместной борьбе против Троцкого обстоятельно (в том числе и в одной довольно большой работе: «О характере нашей революции» и т. д.) выяснял ее злостную антиреволюционную природу. Поэтому нет ничего более глупого, как подсовывать мне эту «теорию», как базу воображаемых соглашений воображаемого центра правых с подлецами из троцкистско-зиновьевского центра.

Я здесь не хочу вдаваться в какие-то бы ни было теоретические рассуждения; констатирую лишь, что и вопрос об общей платформе при ближайшем рассмотрении оказался точно так же большим мешком, набитым омерзительной троцкистско-зиновьевской клеветой и мелким мошенничеством, из которого клеветники извлекают свой жалкий и недостойный профит.

* * *

В заключении этой главы я хотел бы остановиться в нескольких словах на двух фактах.

1) Мой спор с Радеком в пленуме Конституционной Комиссии. Здесь Радек очень хитро (и с большой пользой для троцкистов и всех других антисоветских сил) поставил вопрос о праве каждого гражданина выставлять кандидатуры на выборах в Верховный Совет. Я, если не ошибаюсь, трижды выступал против него, мотивируя недопустимость этой нормы, ибо тогда все будут лезть в эту щель и выставлять антисоветских кандидатов и устраивать большие политические скандалы, если мы будем вынуждены в той или иной дозе этих кандидатов ущемлять. Спрашивается, зачем мне нужно было проваливать предложение Радека, если бы я был его единомышленником? Меня за язык никто не тянул.

Как же объяснить все это? Только так, что я стоял и здесь на страже интересов партии и диктатуры пролетариата.

2) Подготовка парижскими троцкистами выступления против меня и физического против меня нападения.

В бытность мою в Париже меня наша секретная служба заставила переехать из гостиницы, где я жил, в посольство, рассказав, что парижские троцкисты готовят против меня большую гадость. Я сам видел, что с определенного времени появились для моей охраны наряды французской полиции. До того, на моем докладе, где была масса народу, троцкисты устраивали мне дикий скандал, и «Последние Новости» писали, как под моим руководством бьют троцкистов на лестницах. Можно ли полагать, что парижские троцкисты хотели меня угробить для «конспирации», т. е. для того, чтобы прикрыть мою «действительную» к ним симпатию? Вряд ли можно об этом даже думать. Что же отсюда вытекает? Отсюда вытекает, что троцкисты считают меня своим смертельным врагом, равно как и я считаю их своими смертельными врагами, ибо они — смертельные враги дела, которому я служу.

Часть II (о правых лжесвидетелях) следует.

Настоящую часть II моего «Заявления» Пленуму ЦК ВКП(б) (стр. 39—93) прошу перепечатать, размножить, присоединить к ранее посланной части I и раздать всем участникам Пленума заблаговременно. Копию на машинке всего документа прошу прислать также и мне.

Я извиняюсь за рукописную (и не очень чистую!) форму этого заявления, но

все это вызвано крайней спешкой (в связи с весьма поздним получением материала) и моим крайне болезненным нервным состоянием.
20.II.37. Н. Бухарин

Р. С. Из-за той же спешки я вынужден был из своего прежнего заявления (в связи с показ. Цетлина) вырвать часть и вставить сюда, а не писать заново.

Заявление т. Н. Бухарина
Всем членам пленума ЦК ВКП(б)

Часть II. Правые лжесвидетели

О показаниях Куликова.

Я могу писать о Куликове лишь на основе воспоминаний об очной ставке с ним[4].

Здесь не место повторять историю возникновения правой оппозиции. Здесь я хочу выделить лишь несколько наиболее ярких пунктов, связанных с наиболее тяжкими, направленными против меня обвинениями.

Но предварительно я должен остановиться на одном политическом эпизоде, который освещает все дальнейшее совершенно определенным светом.

Еще до того, как я и др. подали (в 1930 г.) заявление о признании своих ошибок (это было 7 лет тому назад!), совершенно неожиданно для меня тогдашние мои единомышленники, Угланов и Куликов, подали заявление о капитуляции (отдельно Котов, отдельно В. Михайлов, вместе Угланов и Куликов). Но что меня в те поры особенно огорчило, так это был текст углановско-куликовского заявления. Этот текст был подчеркнуто-враждебной по отношению ко мне демонстрацией. Я об этом на очной ставке с Куликовым упоминал и на этом настаивал. Куликов это на очной ставке отрицал. Но позднее я достал старую «Правду» (№ от понедельника, 18 ноября 1929 г., стр. 2) и в «Заявлении т.т. Угланова и Куликова» обнаружил следующее место: «Перед нами встает вопрос, что дальше? Быть ли на отлете от партии и рабочего класса и поддерживать т.т. Бухарина, Рыкова и Томского или итти в ногу со всей партией? Мы считаем нужным быть вместе с партией и рабочим классом и победоносно бороться за социалистическое строительство. Н. Угланов, Е. Куликов».

Когда, совершенно для меня неожиданно, появилось такое заявление Угланова и Куликова, то я, вполне естественно, преисполнился к ним величайшего недоверия, и наши отношения фактически оборвались. Дело, повторяю, было не в самом факте подачи ими заявления, а в той форме, какую они избрали. (Я здесь говорю, как всякому понятно, о своей тогдашней психологии). В результате был разрыв, да еще осложненный различными подозрениями. «Подальше от Угланова», — таково было тогда настроение и у меня, и у Рыкова, и у Томского. Потом (в 1930 г.) мы подали свои заявления, но с Углановым я почти не виделся.

Летом 32 года, когда было известное брожение, я, боясь, что Угланов, в силу своей болезне-неустойчивости, вновь колебнется вправо, и что его срыв будет приписан и мне, специально зашел к нему его предупредить (я сам уезжал в отпуск). В сохранившейся у меня копии заявления в ПБ от 7 октября 1932 года сказано по этому поводу: «Я, зная болезненную неуравновешенность Угланова и опасаясь каких-либо случайных отрицательных влияний на него (с Углановым вне служебной обстановки я виделся за почти 2 года только один или 2 раза), предупреждал его против такой опасности, указывая на абсолютную необходимость дружно «тащить телегу», изо всех сил работать и т. д., несмотря на любые трудности. Но я думаю, что это нужно счесть моим элементарным долгом, а не ставить мне этого в вину. Говорил я с Углановым исключительно по своей инициативе, а вовсе не потому, что он искал со мною какого-либо разговора. Против какой-либо иной интерпретации данного пункта я протестую, как против злостной выдумки».

Вот каков был фон действительных отношений в это время. Должен сказать, что после подач мною и др. заявления я не всегда достаточно резко ставил вопрос о ликвидации всяких остатков групповщины (это относится, главным образом, к молодежи), боясь, что в противном случае я оттолкну людей, а постепенно они все

перейдут на правильные рельсы. Объективно, таким образом, был процесс изжития различных хвостов плохого наследства 28/29 г.г., а не однократный акт абсолютной их ликвидации.

В свете этих положений рассмотрим показания Куликова. Главным пунктом обвинения против меня служит его рассказ о случайной (как он сам говорит) встрече на улице весной 1932 г. (это дата Куликова, я даты не помню, позднее дело быть не могло, раньше могло).

Коротко содержание этого рассказа таково: Куликов встречает меня случайно на улице, нападает за бездействие и слабость; я иронизирую над его кадрами, говорю: Да где они у вас и т. д. А потом заявляю о решении «правого центра» перейти к террору и передаю конкретную террористическую директиву против т. Кагановича. После этого Куликов, который, по его же словам, кипел и сам хотел выполнять такие директивы... уехал в отпуск.

Вот суть этого рассказа, который, как видит всякий, в целом, если бы не было действительно трагической стороны во всем этом деле, годился бы для юмористического журнала.

В самом деле. Посмотрим на все звенья цепи. Исходный пункт — величайшее недоверие с моей стороны к Куликову из-за характера его заявления. Фактический разрыв. Случайная уличная встреча. Нападение Куликова за фактический отказ от продолжения борьбы. И тут же в ответ террористическая директива. И — конец венчает дело — отъезд пылающего жаждой «дела» Куликова после этого на покой. Стоит только изобразить этот ход событий, как становится ясным, что здесь выдумано как раз самое острое, что составляет суть обвинения. Что встреча была, это верно. Что нападал на меня Куликов — тоже верно. Дело было как раз в том, что я действительно прекратил борьбу, что оставались кое-какие хвосты, которые я не рубил с должной силой и определенностью. И тут я не пошел против Куликова в лоб, а стремился внутренне дискредитировать скепсисом его домогательство. При такой установке и при общем недоверии к Куликову как вообще могла явиться означенная директива, ее передача, да еще именно Куликову? Это противоречит настолько тому, что рассказывает сам Куликов о бездействии и т. д. и о случайном характере встречи, что не может быть рассматриваемо серьезно. (Я уже не говорю здесь о гнусном предположении насчет моих якобы террористических установок). Нужно сказать, что даже терминология носит следы подделки. Никогда, даже когда у нас, тогда правых, в 1928/29 гг. фактически была «тройка», не употреблялся термин «центр» или тем более «правый центр». И когда Куликов показывает, будто я говорил ему: «Теперь правый центр решил» и т. д., то ясно видно, что это все «решил» Куликов или какие-либо его друзья, а не «правый центр», и не тогда, а теперь, на потребу моего изничтожения.

Не более удачно скомпонован и второй тяжкий обвинительный пункт, а именно пункт о рютинской платформе. Куликов делает круглые глаза и с сожалением на меня посматривает, когда я утверждаю, что рютинскую платформу видел только в ЦК. «Да ведь она была основой нашей работы, да что Вы, Ник. Ив.!» И т. д. Может она и была основой куликовской работы, но к этой работе я не имел никакого касательства, о ней не знал и за нее ни прямо, ни косвенно ответственности не несу.

Как Куликов может здесь меня вообще обвинять? Он видел меня последний раз, по его собственным словам, весной 1932 года: больше мы с ним не видались до того самого дня, когда сошлись на очной ставке. Весной же 1932 г. никто не слышал ни о какой рютинской платформе. Не случайно, что на очной ставке, подробно передавая разговор на улице, Куликов ни словом не упомянул об этой платформе, в связи с этим разговором. Между тем, мы с ним давно не виделись, это должно было бы быть новинкой и т. д., если бы эта платформа тогда была ему известна. Но, следовательно, тогда она была ему неизвестна. А потом он меня не видал. Как же он может удивляться, что я ее не читал? Обо мне у него не может быть сведений. Вскоре я уехал. Что без меня появились какие-то новые явления, и Куликову или его друзьям была доставлена эта платформа, и что, возможно, они ее читали и с ней соглашались, — всего этого я не знаю до сей поры и судить об этом не могу[5].

К этому вопросу о платформе Рютина я буду еще не раз возвращаться. А теперь перехожу к показаниям Е. Цетлина, которые были мне присланы, и которые мне поэтому легче подвергнуть соответствующему критическому разбору.

Показания Цетлина

Прежде чем перейти к подробному разбору показаний Е. Цетлина, носящих явно бредовой характер, я должен сказать несколько слов об их авторе. Цетлин был ряд лет (примерно, до начала 1933 г.) близким мне и мною любимым человеком, который, в бытность мою в НКТП, был моим замом и фактически личным секретарем. Однако после январского пленума 1933 г. у него наметилось по отношению ко мне серьезное внутреннее охлаждение в связи с тем, что на пленуме я не отделил его от слепковцев и ничего не сказал о нем в его защиту в ответ на реплику т. Ворошилова. В связи с этим он уже тогда решил от меня уйти, но я уехал в Нальчик, и вопрос остался открытым. Когда он, подозреваемый в связи со Слепковым и др., был сам арестован (кажется в феврале 1933 г.), а затем выпущен, он вскоре стал осыпать меня оскорбительными письмами и речами, возмущался тем, что я из протеста против его необоснованного ареста не арестовался сам (чтобы все выяснить и способствовать его скорейшему освобождению), что я за него не заступался (это было кстати неверно!!), что я не помогал его семье. С другой стороны, он рассказывал о непорядках в ГПУ, говорил, что «они у меня все в руках», и если Сталин узнает, то будет им плохо, и требовал, чтоб я устроил ему свидание со Сталиным на этот предмет. При этом все — и устная речь, и письма Цетлина — носили характер явно патологической возбужденности, буквально были на грани ненормального. Его любовь ко мне перешла в ненависть и, несмотря на все мои старания примирить его со мной, он ушел от работы со мной в состоянии глубокой вражды, с оттенком мстительности. Он работал на Урале и вскоре был восстановлен в партии.

Прежняя биография у него была отличная (участник октябрьского восстания, гражданск. война, тюрьма в Германии, один из основателей КИМ'а и т. д.). Задолго до своего ареста Цетлин уговаривал меня рвать всякие отношения с молодежью около Слепкова, говорил, что они гнилые и т. д., обвинял меня в либерализме по отношению к ним (и здесь был, по сути дела, прав). Именно потому я тогда, вопреки его мнению, неоднократно за него заступался, даже после того, как по отношению к другим из молодых убедился, что они действительно пошли по контр.-рев. пути.

Перехожу к показаниям Цетлина. Здесь я хочу рассмотреть прежде всего два, на первый взгляд, несущественных пункта: 1) о составе группы («школы») молодых; 2) об архиве (все цитаты по протоколу допроса Е. В. Цетлина от 22.XII.36 г.). Давая показания о составе группы молодежи, Цетлин почему-то пропускает т. А. Стецкого, К. Розенталя, В. И. Межлаука, который когда-то дружил со Слепковым. Мог ли он забыть? Никак не мог забыть. Всем известно, что названные товарищи, давно отошедшие от группы молодых, выполняют в партии и в аппарате государства важные политические функции, пользуются большим доверием со стороны партруководства и занимают крупные и ответственные посты. Если бы Цетлин о них упомянул, то это помешало бы ему искажать историю так, как он ее клеветнически искажает.

Итак: есть тут определенная тенденция или это умолчание случайно? Это умолчание не случайно. Здесь есть определенная тенденция, явная и нехорошая. Она состоит в том, чтобы с самого начала представить группу молодежи, как контрреволюционную группу, а меня — как контрреволюционера от природы.

Посмотрим, как это связано со смежными проблемами. Следователь задает вопрос: «Когда вы примкнули к организации правых?» Ответ: «К организации правых я примкнул в 1926 г., когда приехал в Москву, где сблизился с одним из руководителей этой контрреволюц. организации — Н. И. Бухариным» (стр. 1). Итак: 1) в 1926 году была правая организация, 2) она была контрреволюционной, 3) она имела руководителей, 4) одним из этих руководителей был я, Бухарин.

Таковы исторические показания Еф. Цетлина, относящиеся к 1926 году!

Всякий, кто хоть чуточку знает историю партии, без труда видит всю бездонную безграмотность этих утверждений и явную клеветническую их тенденцию. В 1926 г. никаких правых не было вообще; никакой организации антипартийного или даже, даже просто оппозиционного характера, под моим руководством в 1926 г. не было и быть не могло, как это понимает всякий не сошедший с ума человек и не злостный клеветник. В 1926 г. не было даже у меня более тесных личных и иных

отношений с Рыковым и Томским; наоборот, они были от меня дальше, чем другие члены ПБ. Цетлин вовсе немалограмотен, и здесь нужно просто удивляться его смелости играть роль малограмотного и убогого. Оказывается далее, что «бухаринская школа» еще в 1925 году «фактически выступала против ВКП(б)». Это где? Это по какому случаю? У Цетлина исчезает вся история: если Слепков и др. оказались в тридцатых годах контррев. группировкой, то значит они были уже «готовыми» в 1925 году. Выходит, что люди, помогавшие составлять, например, съездовские резолюции, сидевшие в редакции «Правды», «Большевика» и т. д., люди, которых ответственнейшие товарищи предлагали в состав ЦК, все они тогда уже были контрреволюционерами? А где же история образования и развития правого уклона? Где базис его появления, вопросы, по которым шли разногласия и т. д.? Все это исчезает.

Тенденция ясна: нужно «показать», что с самого начала, чуть ли не со дня моего рождения, я — контрреволюционер. Жалкая, клеветническая попытка! Большое падение Цетлина, моральное падение.

Понятно теперь, почему вычеркнуты (или не упомянуты) вышеприведенные фамилии? Весьма понятно и всякие комментарии здесь поистине излишни.

Еще, пожалуй, характернее диалоги по поводу моего архива. Я должен привести прямо поразительные, на мой взгляд, выдержки из протокола допроса Цетлина (стр. 18, 19, 20). «Вопрос: Вам известно, что ваша организация (!!) располагает архивом, в котором собраны документы контрреволюционного содержания? Что собой представляет этот архив и где он хранится в настоящее время? Ответ: В архиве находились следующие документы: проект платформы организации правых, составленный в конце 1928 г.; бухаринские наброски к проекту программы Коминтерна; отдельная папка с материалами по различным вопросам, обсуждавшимся в разное время на заседании ПБ ЦК ВКП(б) и на пленуме (каком? — *НБ*) ЦК. Отдельные письма, в том числе и письма от Слепкова, Марецкого и других активистов нашей организации... Хранился этот архив у Бухарина в шкафу».

Далее тов. следователь интересуется, в каком именно шкафу, и вновь повторяет свой вопрос, «из чего именно этот архив состоял» (19). «Ответ: Архив состоял из нескольких папок, одна папка толстая содержала первый набросок программы К. И. (рукопись Бухарина), второй вариант, частью писанный рукой Бухарина, склеенный с другим печатным текстом и, кажется, окончательный текст программы К. И. Не помню, в форме ли рукописи или печатный. В другой папке были разные письма к Бухарину, сейчас мне трудно вспомнить какие, но там были, между прочим, письма Слепкова и Марецкого, а также и других. Остальной архив — бумаги разного содержания: заметки, наброски, в том числе материалы к апрельскому пленуму ЦК, были тоже в отдельной папке; платформа, составленная в 1928 г. (не помню точно, была ли это рукопись или отпечатанная на машинке), написанная от руки Бухариным листов 17—20 на четвертушках».

Я в сущности не понимаю, как мог допустить тов. следователь (да и Еф. Цетлин) такой диалог. Оказывается в числе важнейших документов якобы архивы контррев. организации (а именно этот вопрос был задан) перечисляются: проект программы К. И.; второй его вариант; окончательный текст программы К. И. (обязательной в том числе и для допрашивающего тов. Глебова!); материалы к ПБ и пленумам ЦК и проч.: «заметки, наброски, в том числе материалы к апрельскому пленуму ЦК»! Что это такое! Ведь, в крайнем случае предосудительной являлась бы «платформа» 1928 г. (о которой как раз Цетлин не помнит, что это было, рукопись или нечто переписанное на машинке; т. е. он забыл — и не мудрено!), да письма Слепкова (если они были) неизвестного содержания. А подавляющее большинство материала, это — материалы КИ (программа!), ЦК и ПБ ЦК. И это смеют называть архивом контрреволюционной организации! Далеко можно пойти при таком понимании дела!

Я прохожу мимо злобных характеристик со стороны Цетлина, где известная доля правды в характеристике группы разогревается ненавистью до невероятных размеров и превращается в ложь и клевету, и хочу отметить сначала некоторые сравнительно мелкие ошибки фактического характера: На стр. 3 протоколов говорится, что «в начале 1929 г. ...к этому времени окончательно оформился... общесоюзный центр организации правых в составе: Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и Смирнова А. Н. (нужно А. П. — *Н. Бух.*)».

Это не так. Угланов стоял сбоку, а Смирнов (Фома) вообще держался в стороне. Он не был участником разных совещаний, и даже в самом начале оппозиции, помню, уговаривал меня не выступать даже на пленумах ЦК. Я точно никогда и не знал его действительных взглядов в тот период (известно было «вообще», что он весьма право настроен; против него в «Правде» еще давно писали слева не то Марецкий, не то кто-то другой).

На стр. 4. Возмутительной клеветой является утверждение о «нашей ставке на повстанческое движение» (речь идет о 1929 г.). Я боялся крестьянских восстаний, а не ставил ставку на них. Из-за этой боязни я и проповедывал оппортунистические уступки, чтобы предупредить возможные волнения и сократить их размеры. Что я очень следил за «выборками» и «исследованиями» в этой области, это — понятно: каждый политик должен был следить. Корень всех моих беспокойств был в беспокойном состоянии деревни. Из него я делал неверные, политически вредные оппортунистические выводы, приведшие меня к тяжелому конфликту с партией и к различного рода антипартийным шагам. Но нужно потерять стыд и совесть, чтоб утверждать, будто я и др. ставили ставку на повстанческое движение крестьян (даже в 1929 г., т. е. 8 лет тому назад, в период наиболее острых отношений с партией). Но если программу КИ можно почти превратить в контрреволюционный документ, то что говорить о такой «мелочи» как эта!!

Клевета о блоке с эсерами

С конца 4 стр. и далее Цетлин сочиняет целую новую, доселе неизвестную мне, тактическую главу в истории правого уклона, а именно главу о якобы проповедывавшемся блоке с эсерами. Оказывается (стр. 4), «в связи со ставкой... на повстанческое движение, среди руководящих деятелей правых раздавались отдельные голоса (Слепков, Сапожников, Кузьмин) о том, что в обстановке нарастающих крестьянских волнений неизбежно усиление эсеровского влияния в деревне, и что с этим нам, как реальным политикам, придется считаться и пойти на деловой контакт с ними».

«Впоследствии (в 1932—1933 г.) вопрос об отношении к эсерам встал в плоскость организационной связи с ними» (4 стр.). Я пока отмечаю: а) клевету со ставкой на повстанческое движение (см. выше); б) клевету о блоке с эсерами (глупость еще в том, что повышение роли эсеров вообще высосано из пальца); в) передержку с фамилиями: никогда ни Сапожников (над которым всегда все издевались и смеялись), ни Кузьмин (который был где-то в Сибири и очень редко бывал в Москве) не числились в «руководящих», что очень хорошо известно Цетлину.

Но вся лживость утверждений об этих «установках», весь их клеветнический характер выясняется, когда мы переходим к анализу цетлиновских показаний о практических выводах из этих якобы имевшихся планов. Цетлин показывает (на стр. 7 протокола): «Я должен сказать, что уже в октябре 1932 г. Бухарин сообщил мне, что по вопросу об установлении контакта с эсерами он говорил с Рыковым и Томским и что этот вопрос не только получил положительное разрешение, но был признан одним из актуальных. Тогда же в октябре 1932 г., по предложению т. Бухарина было приступлено к практическим переговорам с лидерами эсеров, бывшими членами ЦК. Эти переговоры велись одновременно по нескольким линиям. Вопрос: По каким линиям? Ответ: Слепкову было поручено Бухариным выяснить состояние эсеровской ссылки и место нахождения цекистов Гоца, Тимофеева и М. Спиридоновой».

Сперва остановимся на этой части цетлиновских откровений. Только что (28 сент. — 2 окт.) был пленум ЦК, где говорилось о вскрытых перед тем контрреволюц. организациях (речь шла о рютинцах, об аресте Слепкова, Марецкого и др., о рютинской платформе и проч.). И вот как раз теперь, очевидно, для возмещения убыли в кадрах, начинаются поиски эсеров («цекистов»), у которых и за которыми ровно ничего нет (ибо не было никаких сигналов о возрастании роли эсеров, да и в 1932 г. уже были пройдены критические точки трудностей). Уже это одно делает все показания Цетлина чрезвычайно маловероятными. Но он сам хочет их сделать явно нелепыми и показать их клеветнический характер во всей красе.

В самом деле. Как мы видели, по Цетлину выходит, что уже (обратите внимание на это «уже»!) в октябре 1932 г. Бухарин сообщил о якобы договоренности с Рыковым и Томским на предмет эсеров.

После этого («тогда же в октябре», т. е. очевидно, уже не в первых числах октября) я, Бухарин, по словам Цетлина, поручаю Слепкову связаться с эсерами.

Однако, здесь-то и получается громаднейший конфуз. Ибо Слепков и др. были арестованы гораздо раньше. Они были арестованы до пленума ЦК. Пленум ЦК происходил 28 сент. — 2 окт.! Я из отпуска приехал после пленума, если не ошибаюсь, 6 октября, когда Слепков и др. уже сидели.

Существует постановление ЦКК ВКП(б) от 9 октября 1932 г., коим Слепков, а также Рютин были исключены из партии (эти постановления отпечатаны) уже на основе их ареста. На самом пленуме об этом шла речь, и поэтому я, еще не зная всего дела, тотчас же по приезде подал заявление в ПБ, которое датировано 7 октября 1932 г.

Так как же это я мог давать поручения давно уже арестованному Слепкову? Не ясно ли, что это — не только клеветническая стряпня, но и неряшливая клеветническая стряпня, которая у каждого мало-мальски объективного человека подрывает всякое доверие и всякое уважение к показаниям Цетлина.

Таким образом, доказано, что цетлиновский тезис о поручении Слепкову рушится и подрывает самым основательным образом и свои посылки, т. е. рассуждения о блоке с эсерами вообще, о ставке на повстанческое движение и тому подобную чепуху.

Но протокол дает мне в руки и другие аргументы по данному вопросу. Оказывается далее, что «сам Бухарин имел в виду, через бывшего эсера Семенова, с которым он был близко связан (!), выявить подходящих людей, через которых тоже можно будет вступить в переговоры с Тимофеевым и М. Спиридоновой» (стр. 7).

На стр. 8 читаем: «Бухарин мне говорил, что при помощи Семенова организации правых удалось собрать нужные сведения о составе эсеровской ссылки в средне-азиатских и уфимской местностях (!!), где были сконцентрированы крупные силы из эсеровского руководства.

На основании этих сведений уже по линии Слепкова и Смирнова вели переговоры с лидерами эсеров Гоцем и Тимофеевым».

Разберем пока эти перлы. Во-1) Малограмотно и неумно выбирать для клеветы о поисках эсеров Семенова. Семенов фактически выдал советской власти и партии боевые эсеровские группы. У всех эсеров, оставшихся эсерами, он считался «большевистским провокатором». Роль разоблачителя он играл и на суде против эсеров. Его эсеры ненавидели и сторонились его как чумы. Как же это Цетлин не сообразил?

Во-2) Малограмотно выражаться «цекисты Гоц, Тимофеев и М. Спиридонова», ибо здесь — разные партии. Вряд ли Цетлин мог это позабыть.

В-3) Обращаться к М. Спиридоновой вообще мог только сумасшедший, ибо она была психически больна, как это было давно мне известно от чекистов.

В-4) (самое интересное): Слепков (арестованный!) оказывается, продолжает действовать и много позднее; в самом деле: я даю, по Цетлину, поручение Семенову (в октябре, очевидно, уж позднем), потом проходит период розысков, потом Семенов приносит сведения; а затем Слепков ведет переговоры. Недурная картина? А Слепков и не знает, какими сверхбожественными и чудесными качествами награждает его Цетлин!

Так рушится и эта клевета, о Семенове, эсерах и Слепкове, что бы ни показывали заинтересованные лица. Нельзя пройти мимо чудовищного обвинения меня в том, что я, якобы, давал Семенову террористические директивы. Здесь клеветничество Цетлина (во всяком случае по протоколу) достигает своего бешенства. К этой клевете Цетлин подползает через соответствующие ответы на соответствующие вопросы с постепенностью. Цетлину задают вопрос: «О каком Семенове идет речь?» Ответ: «Семенов — бывший руководитель боевой организации эсеров, осуществивший террористическое покушение на Ленина, а также убийство Урицкого и Володарского» (стр. 8). На стр. 9 «вопрос» тов. следователя формулирован так: «Какие еще подробности о характере связи Бухарина с эсером Семеновым вам известны?»

По этому поводу можно только возмутиться. Здесь умолчано о том, что Семе-

нов был коммунистом, членом партии. На Ленина покушалась Каплан. Урицкого убил Канегиссер. Володарского — не помню кто. Семенова я защищал по постановлению ЦК партии. Партия наша считала, что Семенов оказал ей большие услуги, приняла его в число своих членов. Но я встречал Семенова, вопреки Цетлину, крайне редко и случайно, в Кремле он у меня не бывал, и никаких вообще поручений ему не давал, а что до террора, то повторяю, я с возмущением и негодованием отвергаю всякие разговоры на этот счет[6]. Далее, на стр. 8, Цетлин продолжает: «Кто персонально вел переговоры с Гоцем и Тимофеевым, я не знаю, могу лишь сообщить, что переговоры Слепкова (арестованного!) и Смирнова А. П. с эсерами Гоцем и Тимофеевым велись через ряд посредствующих звеньев, состоявших из тщательно проверенных людей. Вопрос: Кто эти посредствующие звенья? Ответ: Они мне неизвестны. Знаю только, что эти переговоры велись в октябре-декабре 1932 г.» (далее сообщается, что цель была достигнута).

Здесь опять полно белых ниток. Во-первых, Слепков фигурирует уже даже в декабре (а сидел он уже в сентябре!). Но он все же, оказывается, цели «достиг»!!! Во-вторых, как же это Цетлин не знает, что за звенья? Ведь Цетлин был самым близким мне человеком, замом и секретарем. Уж ему-то знать было — первое дело, если б что-либо было. Но он назвать здесь ничего не может, потому что все это миф. В-третьих, кто же «тщательно проверял» людей? Слепков, который сидел? Или кто? Или я, который якобы поручал Семенову совершать терр. акты и извещал об этом Цетлина (стр. 9), но «звеньев» ему не доверял? Со Смирновым я ни разу ни о каких эсерах не говорил. Какой сущий вздор! Какая наглая и циничная ложь! (или бред?).

Правые и троцкисты

Цетлин сообщает: «Мне известно, что, начиная с 1929 г., центр нашей организации в лице Бухарина наладил прочный организационно-политический контакт с троцкистами в лице Пятакова и зиновьевцами в лице Каменева, Зиновьева и Сокольникова... Начало этому было положено совещанием, состоявшимся в Кремлевской больнице в 1928 г., во время болезни Пятакова» (стр. 14). Это то самое свидание, когда я прочитал «платформу», а Пятаков о ней сообщил, а я про это вскоре узнал. Это — начало «тесного контакта». Вранье № 1.

На следующей (15 стр.) говорится: «В конце того же 1932 г. Бухарин сообщил мне, что наша организация находится накануне больших событий, так как в результате состоявшегося объединения троцкистов, зиновьевцев и правых предполагается повсеместная активизация борьбы и что в недалеком будущем мы придем к власти». И тут же снова о терроре.

Вдумаемся в дело. Поздним летом 1932 г. арестована вся «наша организация» («молодежь»), арестованы рютинцы, выслан (по-видимому) Угланов — а «наша организация» «находится накануне больших событий». Да кто же это такие? Ведь нужно же знать меру во вранье! Повторяю здесь еще раз: мне неизвестно, были ли связаны слепковцы с рютинцами (мне известны только партрешения, а не я сам знал). Но все это может относиться ко времени до ареста этих людей. А Цетлин говорит о «ноябре или декабре 1932 года»! (см. стр. 15, строка 12 сверху). Вранье, явное, № 2.

Далее. На той же 15 странице говорится, что переговоры «в конце 1932 г. велись Бухариным и Томским с Каменевым, Сокольниковым, а также с Радеком и Пятаковым».

Опять вспомним непреложные факты. Постановлением ЦКК ВКП(б) от 9 октября 1932 г. Зиновьев и Каменев были исключены из партии и, кажется, высланы из Москвы. А Цетлин, ничтоже сумняшеся, говорит о свиданиях на квартире Бухарина и на даче Томского. Это он говорит не о 1929 годе, а о конце 1932, когда Зиновьев и Каменев были, повторяю, уже исключены из партии. Радек показывает, что он вошел в связь со мной на предмет контрреволюции только в 1934 году (тоже вранье, но другое, и это, радековское, вранье, исключает вранье цетлиновское и наоборот). Куча вранья № 3.

Далее, на стр. 16, сообщается, что опять-таки «в конце 1932 года» состоялось террористическое совещание на квартире Астрова, где я, Бухарин, будто бы произнес контрреволюционную речь лично против Сталина.

И здесь то же. Ведь к концу 32 года весь «актив» сидел арестованным. Как же он мог быть у Астрова? Вранье № 4.

Вокруг рютинской платформы

Здесь точно так же целый воз несусветного лганья. Разберем все по пунктам.

Во-1) Цетлин утверждает, что он сам платформы не читал, а знает о ней и о ее содержании лишь с моих, Бухарина, слов. Это для всякого, знавшего наши отношения, звучит, как злостная неправда. Все шло от меня через руки «Ефима». Если бы у меня была бы платформа, она не могла бы миновать рук Ефима. Но ее у меня не было.

Во-2) Вопрос о сроках. До моего отъезда в отпуск в Среднюю Азию не было никаких слухов ни о какой рютинской платформе. Я приехал из отпуска 6 октября (Ефим был в это время в Москве). К этому времени слепковцы и рютинцы уже сидели арестованными. Когда же я и др. «одобряли» еще не пущенный в оборот документ? И как же это, если он проходил через стадию «одобрения», его не видел Цетлин?

В-3) Цетлин утверждает, что не обратился ко мне с вопросом, почему платформа (стр. 17 его показаний) выпущена, как рютинская, как групповая, на что я-де ему ответил, что это — в целях конспирации. Не ставя вопроса о достоинстве самого ответа, я ставлю другой вопрос: кто знал наши отношения, тот никогда не поверит, чтобы Цетлин меня спрашивал, якобы не будучи никак в курсе дела. Если бы действительно я знал о платформе, ее одобрил и т. д., то первым советчиком, как выпускать и т. д., был бы Ефим. Но этого ничего не было вообще.

Повторяю здесь то же, что говорил раньше: я рютинскую платформу видел только в ЦК, когда мне ее показал Сталин. Если бы я был против партии, я сам бы писал платформу, а не ходил бы по рютинской. Рютина я видел только в самом начале оппозиции, потом он отошел и исчез, и я ни разу его нигде не видел и никаких «указаний» ему давать не мог.

О платформе 1928 года

Верно, что я был в больнице у Пятакова. Верно, что там сидел Каменев. Неверно, что было «совещание». Верно, что я прочитал платформу. Факт, что Пятаков об этом сообщил в ЦК. Факт, что я (при обсуждении вопроса в ПБ) это узнал по некоторым специфическим выражениям. На этом «платформа» приказала долго жить.

Тов. следователь задает Цетлину (стр. 18) вопрос: «В каком количестве экземпляров была размножена эта платформа? Была ли она распространена? Ответ: Платформа не была размножена из соображений конспирации».

Я ни в малой степени не собираюсь прикрывать грехи 1928/29 годов. Но я должен сказать, что платформа, которая никак не распространяется, фактически есть нуль. Но это — 1928 год.

Еще раз террор, дворцовый переворот и прочие бредни, Кузьмин, Сапожников и т. д.

Дикой клеветой является вся выдумка о терроризме чуть ли не всех участников группы, да еще относимом к весне 1929 года (стр. 11). Я узнал о каких-то бывших разговорчиках 1) из показаний арестованных (речь шла, если не ошибаюсь, о В. Кузьмине) и 2) из показаний Астрова в связи с конференцией и из показаний Сапожникова. И то, и другое было мне показано т. Сталиным (в марте 1933 г. и много позднее, когда я однажды был вызван в Политбюро). Кузьмин редко бывал в Москве; мне в свое время (года не помню, что-нибудь около 1931) передавали, что Кузьмин заявил где-то, что не будет подавать мне руки (за мое партийное поведение), Сапожников всегда занимал особое место: над ним смеялись все, кому не лень, всерьез никто к нему не относился никогда. Это Цетлин прекрасно знает. Более того, во времена оппозиции Цетлин советовал мне держаться подальше от Сапожникова, как «ненадежного» в правом отношении. А в показаниях он Кузьмина и Сапожникова делает центральными фигурами. Все одно к одному: фальшь

и ложь на фальшь и ложь. В частности, никакого совещания Слепков + Сапожников + Цетлин, на котором велся якобы разговор о терроре, вовсе не было.

Что можно сказать насчет «дворцового переворота»? Да еще двух вариантов? (это Цетлин относит к 1930 г.). Кто же готовил этот переворот? Какие люди были втянуты? Оказывается, что все оказалось мыльным пузырем, по Цетлину. Почему же потерялись «надежды»? Кто пробовал и как их осуществить? Ведь Цетлин бы прекрасно знал об этом? Ни слова. О терроре ни с кем я никаких разговоров не вел, не вел их и с Ефимом, который об этом рассказывает.

Цетлин хорошо знал, что я всегда боялся даже простой фракционной борьбы, постоянно удерживал от ее развития. Что в самом начале оппозиции у меня было чувство горечи, обиды (я не понимал тогда своей вины), резкой оппозиционности, враждебное чувство к руководству — это верно. Что я делал легкомысленно — преступные шаги — тоже верно. Что позиция правых в своем развитии привела бы к победе контрреволюции, — все это тысячу раз верно. Но когда теперь пытаются (и Цетлин) изображать дело так, что я был террористом, повстанцем и т. д. — я не могу не протестовать всеми силами; когда хотят меня изобразить двурушником (за последние годы) — я не могу не протестовать всеми силами; когда меня сближают с подлецами зиновьевско-троцкистского толка — я не могу не протестовать всеми силами.

От клеветы всегда что-нибудь остается. Если кому угодно показать показания Радека, Цетлина других клеветников, и если эти люди не знают деталей хронологии и т. д., они придут в ужас — и понятно; если такие документы показать свидетелям, другим подследственным, подсудимым и т. д., они будут неизбежно итти по этим же дорожкам. Я все это понимаю. Но тем больше я буду давать отпор всему этому потоку. Многие на меня просто злы: я от них давно ушел, их осудил. Так теперь можно легко мстить...

* * *

16.II. в $6^1/_2$ час. вечера я получил 20 различных показаний (к сожалению не получил важных, вероятно, показаний А. Слепкова, Айхенвальда, Д. Марецкого, упомянутого выше Семенова и др.). Понятно, что не располагая временем, необходимым даже для беглого анализа этой груды материалов, я не могу дать исчерпывающий ответ, и это не моя вина. Между тем подозреваемый или обвиняемый имеет право на изучение всех относящихся к нему материалов и это есть элементарная норма всякого (и официального государственного, и партийно-политического) судопроизводства.

О большом количестве клеветы. Большое количество унифицированной клеветы со стороны правых объясняется следующими обстоятельствами: почти все клеветники (весьма многие из них) сидели, сидят или подвергались др. репрессиям; я давным давно от них («молодежи») отрекся и публично называл их деятельность контрреволюционной; они читали газеты, имели перед собой 2 процесса и две порции расстрелов; они знали, что меня обвиняют в самых ужасных преступлениях; к ним применялся метод: «нам уже известно», «такие-то уже показали», «следствие требует полного признания» и т. д.

(Что это так, приведу хотя бы пример из допроса Левиной: «Следствие располагает данными, что вы были осведомлены о том, что рютинская платформа составлялась с ведома центра правых»... протоколы стр. 22. «Мы располагаем данными, что вам об этой (террорист. — *Н. Б.*) деятельности не только было известно, но что вы лично в ней принимали участие» — прот. допроса Зайцева от 24—27.XII; «Материалами следствия вы изобличаетесь в том, что длительное время активно боролись против ВКП(б) и советской власти. Следствие требует»... и т. д. — протокол допроса Афанасьева от 23.XII.1936 г. и т. д. Таких и еще более ярких примеров целое множество. Сами по себе такие вопросы вполне допустимы и необходимы, но вся беда в сложившейся объективной обстановке. Точно также обстоит дело и с предъявлением показаний других, как это не трудно видеть по протоколам). Прошло два процесса: в связи с одним — про меня сказано: «нет юридических данных»; но на втором снова показания против меня, да какие! Вся атмосфера после речей Радека такова, что если бы я пошел на демонстрацию, то, при возбуждении злобы против меня, меня могли бы линчевать. Сидящие вероятно считают, что

вновь арестованы из-за меня. (Не говорят ли иным, что я в чем-то сознался и на них показываю? И это возможно).

В таких случаях человек здесь по отношению ко мне, в теперешней обстановке почти неизбежно оговаривает, врет. В огромнейшем большинстве случаев он, подчеркиваю, в такой обстановке, будет не говорить правду, а чернить меня (иначе подозрение в неискренности). Мне, например, сейчас трудно было бы найти свидетеля защиты (каждый думает: к чему связываться?!); а если человек просто молчит, не говорит, значит он «покрывает». Чтобы не быть заподозренным и в укрывательстве, он говорит. А так как он прекрасно знает, о чем «нужно» говорить (ибо обвинения сформулированы и гуляют через газеты по всему миру, как якобы почти доказанные), то он и «формулирует», тем более, что речь идет об ответах на весьма определенные вопросы, прямо задаваемые следствием. Таким образом, по-видимому, возникает 1) большое количество показаний, 2) их — в ряде пунктов — однотипность. Это не значит, что здесь не может быть противоречий. Полной согласованности, в особенности по конкретным вопросам, достигнуть трудно. А противоречия часто (не всегда, конечно) раскрывают лживость показаний, что вскрывается их критическим анализом (и на что, повторяю, требуется время и минимум спокойствия).

Об исторических периодах и специально о двурушничестве. Необходимо сделать еще одно общее замечание в связи с той ложью, которая содержится в показаниях.

Я считаю, что в возникновении, развитии и ликвидации правого уклона было три периода:

I период: от 28—1930 гг. (семь — девять лет тому назад!). Это был период возникновения правого уклона и борьбы с партией. Эта борьба, однако, не была со стороны «тройки» борьбой с дискуссией по районам и т. д.: все документы «тройки» вносились в ЦК (на пленумы или Политбюро). Собрания членов ЦК и др. вовсе не были, как изображается теперь в показаниях, все нелегальными и конспиративными: они большей частью были в Кремле, где всегда имелся достаточный контроль и все знали, кто к тебе ходит, и кто от тебя уходит. (У меня, и у Рыкова была еще охрана из чекистов). Я этим отнюдь не хочу умалить фракционности этих совещаний, но я уточняю их действительный характер в моменты рождения правой оппозиции. У меня бывали и правые из молодежи и я часто бывал у них. Потом выделилась (без всякого оформления) «тройка» (я, Рык., Томский). Об этом все знали. В официальных партийных документах она фигурирует, как «группа тов. Бухарина» (т. е. группа членов Политбюро). Никто этого не скрывал. А теперь следователи ставят по отношению к тому времени вопросы вроде: кто входил в правый центр контррев. организации? Это ли не издевательство над историей? Здесь думают по шаблону; к контрреволюции известная часть правых скатилась, это верно. Но это — другое дело.

Борьба велась «тройкой» до 1930 года. Была организация сил, выступления правых на периферии и т. д. Неожиданно для «тройки» (а вовсе не по соглашению, как значится в некоторых показаниях) в конце 1929 г. подали заявление Котов, Михайлов, Куликов + Угланов, последние двое с резкой мотивировкой против Бухарина, Рыкова, Томского персонально. В 1930 году тройка капитулировала.

II период: от 1930 до 1932 г. включ. Этот период был периодом полного изживания прежних взглядов и ошибок, изживания борьбы против партии и т. д. В нем были элементы известной двойственности. Если подходить не формально, а по существу, то не трудно понять, что для внутреннего психологического переворота необходим известный период, что сдача (капитуляция) не может не быть началом этого процесса: сдача знаменует перелом, за которым дело, так сказать, доделывается. За это время я помогал, напр., Рыкову и Томскому при составлении речей на пленумах ЦК и т. д. Из теоретико-политических вещей для меня не ясен был вопрос о стимулах в сельском хозяйстве (до законов о советской торговле). Я смотрел сквозь пальцы на групповщину у молодежи, на разговоры о том, что все же кадры нужно попридерживать: я лишь иронизировал по поводу «кадришек», думая, что если я займу здесь крутую линию, то от меня все люди уйдут, а так они логикой вещей убедятся и постепенно все придут к партийной позиции целиком. Когда меня стали на собраниях и в резолюциях называть контрреволюционером, был случай, что Слепков отказался признать меня таковым, на этом вопросе дал бой, получил

в каком-то Самарском вузе большинство. Потом в связи с этим началась было целая кампания. Я не считал себя контрреволюционером. Но я сказал, чтоб люди перестали выступать и не вели борьбы и согласились называть меня как угодно. Здесь у меня был и личный момент: я вовсе не хотел, чтобы люди страдали за меня и из-за меня. В то же время — не скрою — заступничество за меня привязывало меня к этой молодежи, и все это мешало рассасыванию остатков групповщины. Огромное значение лично для меня имело законодательство о советской торговле, ибо тогда мне все стало абсолютно ясно. К этому времени, я помню, относится мой разговор со Слепковым, где я говорил, что партруководство доказало свою большую маневроспособность (в хорошем смысле практической диалектики), что из ситуации было выжато все, что можно, а теперь в связи с советской торговлей издаются, на достигнутых предпосылках, прочные основы мощного подъема, что нужно без всяких оговорок бешено работать с партией и т. д. И Слепков со мной согласился так же, как и Розит, который давно вел такую линию (как он мне говорил, и я думаю, что это было правдой).

В таком положении, когда и у меня не было никаких неясностей, я уехал в отпуск. А когда приехал, оказалось, что Слепков, Марецкий и К[0] арестованы, что обнаружена рютинская платформа и т. д. и т. п.: очевидно, что «молодые» меня обманули, вырвались и пошли по своим путям.

III период: от 1932 по сие время. Бывшие связи, даже личные, прекращаются: молодых я открыто политически осудил, физически они тоже были далеки. Одни из них сидят, другие — работают вне Москвы; с Томским и Рыковым они становятся все реже; в 1934 году — почти ничего. В 1935 году ни одного раза. В 1936 г. — ни одного раза. Это — период дружнейшей и безоглядочной работы с партией, быстрого возрастания глубокого уважения и любви к партийному руководству, — вместо озлобленности первого периода. Вот действительное положение вещей. Все многочисленные гнусные показания о терроре, блоках с троцкистами, даче террористических и вредительских директив якобы существовавшим правым центром, — все это — подлейшая клевета перепуганных людей, которые делали что-то контрреволюционное помимо меня и вне моей о том осведомленности, может быть, в связи с Углановым и кем-либо еще; а Угланов, очевидно, действовал «для авторитета» и моим именем (с ним я, как сказано, не виделся с лета 1932 г.).

В этот период у меня не было уже ни малейших признаков двойственности в отношении к партии и партийному руководству; я и в прошлом не могу говорить о двурушничестве в собственном смысле слова: ибо двурушничество есть маскировка для обостряющейся или остающейся прежней антипартийной позиции по существу, а у меня все развитие шло в сторону изживания всех неясностей и остатков старого и давно уже ни в мысли, ни в действии не осталось следов бывшего тяжкого наследства.

Теперь я постараюсь — ограниченный немыслимо коротким временем — ответить на некоторые основные вопросы, поскольку обнаруживается гнусная ложь показаний правых контрреволюционных клеветников.

О рютинской платформе

Вопрос о рютинской платформе принадлежит к числу очень важных вопросов, потому что по нему, по ответу на то, кто ее авторы и т. д., можно судить о политических ориентациях ряда лиц.

Один из специалистов клеветы против меня, В. Астров, который с особым удовольствием делает сенсационные «разоблачения», говорит по поводу авторства платформы следующее (протоколы, стр. 19): «Рютинская платформа по существу явилась документом не Рютина, а центра правых... В частности, Слепков сказал, что рютинская платформа так же, как и наше решение (речь идет о решениях т. наз. «конференции». — *Н. Б.*), содержит в себе требование применения в борьбе против руководства ВКП(б) всех средств, вплоть до террора. (Кстати сказать, в материалах о конференции, кот-ые были мне показаны в 1933 г., ничего подобного не было, а были показания самого Астрова о каких-то пьяных разговорчиках на вечеринке. — *Н. Б.*). Слепков далее сообщил, что главными авторами рютинской платформы были Рыков, Бухарин, Томский и Угланов и что было обусловлено в случае провала изобразить этот документ, как документ только

Рютина, дабы не поставить под удар руководящую верхушку правых». Версия № 1.

Теперь берем Угланова (протокол допроса от 23 сентября, стр. 5): «Вопрос: К какому времени относится появление т. н. Рютинской платформы? Ответ: К лету 1932 г. Вопрос: Кто являлся непосредственным автором этой платформы? Ответ: Непосредственным автором платформы были Рютин, Галкин, Каюров». Версия № 2.

Цетлин (протоколы, присл. из ЦК, допр. от 22.XII.36, стр. 17). «Этот составленный Рютиным документ был выпущен после одобрения Бухарина и других членов центра нашей организации». Версия № 3.

Куликов: «Программный документ организации, т. н. рютинская платформа, был выработан не только правыми, как это мы хотели изобразить. В выработке этого документа принимали участие по договоренности с нами троцкисты, зиновьевцы и леваки». И ниже: «Т. н. рютинскую платформу я не читал». (Затем Куликов подробно ее излагает «со слов Угланова»). Версия № 4.

Наконец, берем показания Зайцева (протоколы от 24—27.XII, стр. 11): «На мой вопрос о «рютинской платформе» Угланов подтвердил сказанное мне Слепковым, что составление платформы — дело рук правых, что в нем принимали участие, как выразился Угланов, «наши ребята», что, в частности, к нему дважды приходил по этому вопросу Слепков». И ранее, со ссылкой на Слепкова: «Слепков подтвердил наличие платформы и сообщил, что непосредственными авторами ее являются Рютин, он — Слепков, и Марецкий, но что «вожди» также знают эту платформу, в частности, ее читали и одобрили Бухарин и Томский. Относительно содержания платформы Слепков сказал, что оно соответствует выводам конференции» (проток., стр. 10). Версия № 5[7].

Итак: Угланов заявляет, что авторы — Рютин, Галкин, Каюров. Куликов, будто бы со слов того же Угланова, утверждает, что это — плод коллективного творчества троцкистов, зиновьевцев, леваков и правых. Зайцев, якобы со слов опять-таки того же Угланова, говорит о «наших ребятах», в том числе Слепкове и Марецком. Цетлин говорит об одном Рютине, но говорит об одобрении ее Бухариным и др. В. Астров, якобы со слов Слепкова, сообщает, что главными авторами являются Бухарин, Рыков, Томский и Угланов. Наконец, Т. Левина (человек очень близкий Слепкову, работавшая с ним в той же Самаре) говорит, что ей ничего не было известно ни об отношении «центра правых», ни о прикосновенности к авторству Слепкова (протоколы, стр. 22). Куликов подробно ее излагает, но заявляет, что он ее не читал. Цетлин утверждает, что она получила мое одобрение, а он, Цетлин, ее не видал (хотя он был моей правой рукой).

Особенную старательность проявляет Астров, который бьет прямо в лоб, как и в других вопросах, объявляя меня и проч. главными авторами. А, с другой стороны, рвение проявляет Куликов, объявляющий платформу платформой целого огромного блока троцкистов-зиновьевцев-леваков-правых и продуктом их коллективного творчества.

Афанасьев (протокол допроса от 23.XII.36) показывает о рютинской платформе: «В августе 1932 года эту платформу к Угланову для согласования принес Галкин. Я был тогда в квартире Угланова и хорошо помню, что уходя Галкин платформу прятал на животе под брюками».

Итак, первый раз Галкин принес к Угланову эту платформу для согласования в августе (это подтверждает и Угланов, прот., стр. 6). Меня, Бухарина, в это время в Москве уже не было. Далее, Угланов сообщает: «В сентябре 1932 г. в Болшеве у Томского собрались — Томский, Рыков, Шмидт В. В. и я — Угланов. Я сообщил собравшимся, что платформа уже выпущена, и изложил им ее содержание» (проток., стр. 6).

Из этого вытекает:

1) что меня на этом собрании не было (я был в Азии);

2) что, даже если такое собрание было, и там шел разговор о платформе, то никто из присутствовавших (за исключением Угланова) не мог быть ее ни главным, ни второстепенным автором. Ибо: в противном случае, зачем было бы Угланову оповещать о выходе платформы и рассказывать ее содержание?! Разве авторам рассказывают содержание их статей? А авторам платформ — содержание их платформ?

Я приехал в начале октября (если не ошибаюсь, 6 октября, после двухмесяч-

ного отпуска и с опозданием из-за задержки в горах). В Москве в это время произошел арест рютинцев, Слепкова и К^0 и т. д., и на Пленуме ЦК уже шла об этом речь. Как же я мог эту платформу видеть? У кого? Искать ее у знакомых арестованных? Или как?

Вышеприведенное с полной ясностью доказывает:

1) что никто из бывшей тройки не мог быть ни прямым, ни косвенным ни автором, ни соавтором платформы Рютина и К^0;

2) что я этой платформы не видел в глаза (мне ее показывал позднее тов. Сталин в ЦК и только там, у Сталина, я ее и видел).

Отсюда очевидна вся бездонная глубина мерзости в показаниях Астрова и Зайцева, кои хотят изобразить меня одним из главных авторов этой платформы или ее редактором. Так же, как Сокольников и К^0, так же как и Радек, они лгут изо всех сил, лишь бы произвести впечатление искренности, хотя у них одна подлость.

Так же гнусно и поведение Е. Цетлина, который рассуждает о рютинской платформе якобы с моих слов: он-то был все это время в Москве, и если бы я имел к этому делу хоть какое-нибудь отношение, то он-то об этом знал бы все до последней запятой.

Но вышеприведенные показания Угланова в корне подрывают всякое доверие к его дальнейшим рассуждениям, а именно, что Рыков и Томский сразу же, со слуха, одобрили (после рассказа Угланова!!) эту платформу, особенно за террор. Поистине, подходящий метод обсуждения и принятия платформы!

Таким образом, я, помимо общего категорического отрицания какого бы то ни было существования тогда правого центра, установки на террор, положительного отношения к рютинской платформе, на конкретных фактах и на показаниях самих клеветников разрушаю их подлую клевету.

Я слышал позднее от Цетлина как раз, что Томский интересовался платформой с той точки зрения, что боялся, как бы она провокаторски не была бы приписана бывшей тройке. Я, когда ходил к Угланову перед отъездом (об этом было выше) тоже предупреждал его, внутренне боясь какой-нибудь провокации. Я знал, что около него крутится некий Ванька Коротков, который однажды был у меня с подозрительными разговорами: я его выгнал, а не донес на него потому, что знал о его специфической службе: было позабыто, что я его вместе с Дзержинским вводили в партию и определили на специальные виды работы. Ходили слухи, что он принимал горячее участие в выработке заявления Угланова — Куликова (а, с другой стороны, мог толкать и на борьбу против партии, неверно понимая свою роль). Угланов и Куликов давали террорист. директиву против т. Кагановича Афанасьеву. А Афанасьев считал, что около Куликова и Котова есть предатель (протоколы, стр. 7).

Конференция слепковцев

В числе многих вопросов, стоящих в связи с показаниями клеветников, существенным вопросом является вопрос о конференции слепковцев поздним летом 1932 года, т. е. примерно в то же время, когда выплыла на свет божий пресловутая рютинская платформа.

Вот что показывает Зайцев об этой сентябрьской конференции (проток., 24—27 сент. 1936 г., стр. 9): «Мне совершенно ясно сейчас, что данная конференция являлась сборищем подлинных, вполне законченных буржуазных реставраторов, террористов. Должен чистосердечно заявить, что с этими выводами конференции я был согласен целиком. Вопрос: Какова была роль Бухарина в этой конференции бухаринцев? Ответ: Слепков мне говорил, что этой конференцией руководил Бухарин. Впрочем до этого Петровский мне также передавал, что Бухарин виделся с рядом участников этой конференции и был им очень рад. Вопрос: Выступал ли Бухарин на этой конференции? Ответ: Этого точно я не знаю».

Итак, Зайцев утверждает, что 1) я был около конференции, 2) я ею руководил, 3) я виделся непосредственно с ее участниками, 4) был им очень рад, 5) неизвестно только, выступал ли сам, 6) что о моем руководстве говорил ему, Зайцеву, Слепков, 7) что я встречался с участниками конференции и что об этом сообщил ему, Зайцеву, П. Петровский.

Как видим, чистосердечный Зайцев говорит вполне определенные вещи о том,

как Бухарин руководил «сборищем подлинных, вполне законченных буржуазных реставраторов, террористов». Т. е. — вывод: Бухарин — руководитель. Поэтому Зайцев, подражая некоторым зиновьевцам, в конце одного из протоколов проклинает час, когда со мной встретился и требует уничтожить его, Зайцева, как гадину.

Но беда «чистосердечной» «гадины» в том, что во время конференции я был или на ледниках Тянь-Шаня или во Фрунзе, во всяком случае не в Москве. И поэтому мне нельзя было ни руководить конференцией, ни видеться с ее участниками, ни радоваться им. Зайцев гнусно, воровски, разбойнически на меня налгал; не знаю, налгал ли он на Слепкова и на Петровского, или они все лгали, — это дела не меняет. У меня нет сейчас непосредственного интереса к тому, чтобы разбирать внутренние дела лжесвидетелей: достаточно с меня того, что и это важнейшее показание против меня рушится, как гнусная клевета на основании сопоставления с непреложными фактами, которые можно всегда проверить с абсолютной точностью (я приехал 6 октября или около этого числа).

Всякий добросовестный человек скажет после этого, что таким людям верить нельзя ни на иоту. При спросе на показания о терроре они лгут о нем с невероятной готовностью и невероятным усердием. Если они могут так нагло и цинично лгать о террористической платформе Рютина, приписывая ее мне (Астров); если они могут так лгать о конференции слепковцев, приписывая руководство ею тоже мне, то скажите, почему они не могут лгать по другим вопросам, о терроре, вредительстве и прочем, по коим меня уже оболгали умудренные большим опытом и еще более квалифицированные лжецы из троцкистского лагеря? Об этом нужно прежде всего помнить всем, кто призван решать мое дело.

О «центре»

Выше мы видели, что в период борьбы против партии у правой оппозиции была руководящая «тройка» (Бухарин, Рыков, Томский), которая после капитуляции (1930) самоликвидировалась. Оставались известное время лично-политические связи, потом они стали тоже таять и затем совсем исчезли. Вот правда, а не провокационная ложь, которой набиты показания лжесвидетелей.

Но я должен отметить, как эта подлая лживость показаний все же прорывается неожиданно для их авторов.

Остановлюсь здесь на вопросе о составе «центра» по этим показаниям (кстати, вопрос о «центре» неизменно предлагался допрашиваемым со стороны следствия и притом в форме, предрешающей характеристику оного «центра», как контрреволюционного).

Некоторые из показаний говорят о Бух-не, Рыкове и Томском. Другие прибавляют сюда еще Угланова. Затем идут следующие варианты: Козелев (протокол допроса от 25.XII.36, стр. 2). «Вопрос: Вам известен персональный состав союзного центра организации правых? Ответ: Да, известен. Вопрос: Назовите его. Ответ: В состав союзного центра организации правых входили Бухарин, Рыков, Томский, Шмидт В., Угланов, Сырцов». Котов (проток. от 5.II.37) заявляет: «В 1930 г. я узнал от Угланова, что Смирнов вошел в состав союзного центра организации и что он возглавляет группу правых по линии НКЗ» (стр. 1). След., оказывается, что во «всесоюзный центр» входил и Смирнов. В более ранних показаниях (от 19.XII.36) Котов говорит: «Угланов мне рассказал, что в центр организации вошли Бухарин, Рыков, Томский, Шмидт, Угаров и он, Угланов» (стр. 3 протокола). Сам Угланов показывает: «Во главе существовавшей *до последнего времени* (мой курсив. — *Н. Б.)* организации правых стоял всесоюзный центр. В состав центра входили: Бухарин Н. И., Рыков А. И., Томский М. П., Шмидт В. В. и я — Угланов».

Наконец, есть еще одно любопытное показание «чистосердечного» Зайцева о «сверхцентре», о коем он якобы узнал от меня (!!): «В связи с осенним провалом Зиновьева и Каменева, я поинтересовался у Бухарина вопросом о судьбе заключенного летом (или осенью) блока с зиновьевцами. Бухарин отвечал, что блок продолжает существовать, что с Зиновьевым и Каменевым (находившимися в ссылке) удалось установить связь, что с осени 1932 г. блок заключен также и с Троцким через Смирнова И. Н. — «примерно» на тех же основаниях, что и с Зиновьевым и Каменевым» и что уже существует единый террористический центр, который должен

увязывать деятельность отдельных центров (центра правых, центра зиновьевцев и троцкистов с леваками)» (стр. 14 протокола от 24—27.XII).

О том, что правая оппозиция в 28 — нач. 30 г.г. возглавлялась Бух., Рык. и Томским было общеизвестно: об этом писали все газеты, этот факт был фактом, никем не оспаривавшимся.

Но лжесвидетели суть лжесвидетели. Козелев «вводит» Сырцова. Но он вводит Сырцова с целью: а именно с целью доказать наличие блока. Он, как и Угланов, вводит В. Шмидта, хотя тот всегда держался в стороне. Котов вводит Смирнова (А. П.) и Угарова и т. д. Эта разноголосица крайне показательна. Определение состава «центра» диктуется авторам их мнениями о «полезной цели» и они поступают соответствующим образом. Но так как они противоречат друг другу, то, значит, они почти все лгут (они ведь не говорят, что могут ошибиться, что говорят приблизительно и т. д.; нет, они твердо и уверенно называют фамилии и противоречат друг другу).

Следует отметить и их подлую ложь о времени существования «тройки» (по-ихнему, не тройки, а более широкой организации).

Угланов (см. выше) нарочито подчеркивает, что «центр» существовал до последнего времени.

Я заявляю, что Угланов меня не видел с 1932 года, то есть почти 5 лет. Как он смеет утверждать, что я входил в какой-то центр — да еще вместе с ним — «до последнего времени»? Это наглая клевета, которая подло приспособляется к уже пущенным в ход обвинениям.

(В присланном мне лишь 19.II.37 протоколе допроса Кашина говорится: «Из целого ряда моих бесед с Томским на протяжении 1934—1936 г. г. мне известно, что руководство всей подпольной террористической организации правых возглавляли: Томский, Сырцов и Угланов» (стр. 4). Это — совершенно новая трактовка вопроса, которая все ставит на совершенно иные рельсы. Она находится, однако, в противоречии со всеми другими показаниями: в частности, она совершенно опровергает утверждение Котова о том, что террором «заведывал» т. А. И. Рыков. Я, многажды оклеветанный, не имею оснований верить в правдивость Кашина и в его обвинения против Томского, но констатирую, что эта версия стоит в противоречии с центральным обвинением против Рыкова, выдвигаемым Котовым).

Но всего возмутительнее зайцевский сверхцентр, да еще террористический, о котором никто, кроме Зайцева, не заикался. Здесь, как на ладони, видна механика показаний клеветников. Допрос с Зайцева снят 24—27.XII.36. Это было время, когда троцкистские клеветники напирали на центральную близость с б. правыми: именно с этой клеветы началось дело на 1-ом процессе. Эти клеветнические положения создавали и соответствующий спрос. Зайцев здесь старался дать максимум и дал «объединенный террористический центр».

Но, увы! За это время положение несколько изменилось. Радек лгал по-другому. Радек подчеркивал, что речь шла только о контакте, что я, Бухарин, ему говорил: «врозь итти, вместе бить» и т. д. Все это — тоже гнусная ложь, ибо я вообще ни о чем подобном с этой змеей не говорил, но эта ложь находится в вопиющем противоречии с ложью Зайцева. На суде и Сокольников, как я говорил и доказал уже выше, снял свое показание, данное им на очной ставке со мной, и стал равняться по Радеку. А показание Зайцева было приноровлено к другой конъюнктуре, к другим требованиям, к другому спросу, и поэтому оно теперь висит, как всем видимая, явная, никакими побрякушками не прикрытая, отвратительная ложь.

Так же, как с конференцией, где Зайцев перенес меня за тысячи километров в Москву и явно для всех налгал, так и здесь его преступно-позорная клевета выступила наружу во всей своей бесстыдной наготе.

Клеветники не могли спеться и в определении функций членов воображаемого центра: так, Радек утверждал, что террор — у меня, а у Рыкова — вредительство. Котов же утверждает, что весь террор сосредоточен у Рыкова (протоколы допр. Куликова от 30 нбр. 36 г.). Это как будто мелочь. А на самом деле далеко не мелочь: с одной стороны — якобы мой «интеллектуальный друг», с другой, — правая рука Угланова. Как же это они утверждают самые различные вещи о «разделении труда» внутри «центра»? Это потому, что не могли спеться относительно такой «подробности» на основе общей кровавогрязной клеветы о терроре и вредительстве. Хочется плюнуть в глаза этим бессовестным негодяям.

Клевета о терроре

Я не буду говорить о всей силе негодования и возмущения по поводу самого факта предъявления ко мне возмутительных обвинений. Я постараюсь и здесь остановиться на некоторых примерах противоречий, которые приоткрывают двери в лабораторию клеветы и обмана.

Вот что показывает Зайцев (протокол от 24—27.XII.36 г., стр. 2 и 3). Угланов, рассказав о своей встрече с троцкистом И. Н. Смирновым, показывает Зайцев, «сообщил нам, что в конце 1931 г. центр правых по его, Угланова, докладу также принял решение о переходе к террору, как методу борьбы против сталинского руководства».

А вот что показывает Куликов по поводу встречи со мной в 1932 г. весной (об этой встрече было выше, на основании очной ставки): «Я в резкой форме заявил Бухарину, что на нас, т. е. на меня, Угланова, Котова, как членов моск. центра, нажимают участники организации, которые требуют перехода к решительным действиям по отношению к руководству ВКП(б), я сказал Бухарину, что вы, т. е. союзный центр, с такими решениями не считаетесь и почему-то медлите». Потом на мой вопрос о кадрах Куликов назвал-де мне фамилии Матвеева, Котова, Невского и т. д. В ответ на это я якобы дал террорист. директиву против Сталина (см. стр. 2 прот.): «Таким образом, — заключает Куликов, — Бухарин лично мне подтвердил директиву союзного центра, ранее мною полученную через Угланова, о необходимости перехода к наиболее решительным средствам в борьбе с руководством ВКП(б), о необходимости убийства Сталина» (там же). В этом куске куликовских показаний заложено несколько моментов, раскрывающих позорную их лживость и клеветнический их характер.

На очной ставке Куликов рассказывал, что я ему якобы дал директиву об убийстве тов. Л. Кагановича, причем он, Куликов, распространялся и о том, что тов. Каганович — бывший сапожник, и что он его хорошо знал, и что т. Каганович был особенно ненавистен правым и т. д. А здесь, на допросе, Е. Куликов утверждает, что я ему передал директиву об убийстве Сталина. Речь идет об одном и том же разговоре, об одной и той же директиве. Так как же это возможно? Может быть Куликов «забыл»? Но во-первых, такие вещи не забываются. Во-вторых, что еще более знаменательно, допрос Куликова происходил 6 декабря, а очная ставка — 7 декабря, то есть всего-навсего одним единственным днем позже. Так что же, за один день у Куликова так отшибло память? А с какой самоуверенностью Куликов говорил, точно об аксиомах! Даже возмущался, что я не признаю его клеветы.

О чем это все говорит? Это говорит за то, что обе версии в равной мере выдуманы. Куликов в один день сочинил одну кровавую клевету, а в другой день — другую. Что из того? Лгать, так лгать! Это — прямо вопиющее дело. Оно раскрывает подлейшую механику клеветы. За это нужно было бы карать, ибо такие вещи суть прямо государственная опасность.

Но вопрос имеет и другую сторону. Куликов жалуется, что на него, Котова и Угланова нажимают, а «всесоюзный центр» (смешные слова, придуманные по аналогии, и никогда в действительности ни в одном разговоре даже во времена действительного существования «тройки» не употреблявшиеся) медлит и молчит. Позвольте, но ведь Угланов, по его собственным словам, член всесоюзного центра! Но ведь Угланов, по показаниям Зайцева, еще в 1931 г. сам якобы провел директиву о терроре через «всесоюзный центр»? Как же это Угланов жалуется, что «союзный центр — не считается с настроениями»?! Нескладное вранье глядит здесь через все четыре окна.

Выше, в начале всей части о правых клеветниках, я уже останавливался на других сторонах куликовских высказываний. Здесь к ряду абсурдов присоединяются еще новые и новые и ложь обнаруживается, как ложь.

Теперь несколько слов о хронологии. Мы видели, что: Зайцев, со слов Угланова, утверждает, что он, Угланов, провел директиву о терроре в конце 1931 года через «всесоюзный центр». Куликов утверждает, что он весной 1932 года получил от меня подтверждение о якобы террористической позиции «центра». Яковлев (протокол допр. от 16.XI.36 г.) сообщает, что «на путь подготовки и совершения террор. актов... наша организация правых стала в 1932 г.» (стр. 3). Котов (протокол допроса от 19.XII.36, стр. 4, 5) показывает, что Угланов получил директиву о

терроре «в конце 1932 года» «от центра организации в лице Бух., Рык., Томского; что «центр организации вынес по этому поводу специальное решение» (5). Пожалуй, довольно.

По Угланову, директиву он провел сам, после своего соглашения с И. Н. Смирновым. По Котову, эту директиву ему дали. По Угланову, это было в 1931 году. По Котову, это было в 1932 г. По Котову и Яковлеву, это было в конце 1932 г. А Куликов получил весной 1932 г. подтверждение уже бывшего якобы решения. И т. д. Разве можно не видеть, что когда перед нами такие противоречия в показаниях, то это означает подлинную гнилость самих этих показаний? Не знаю, что кто решал, может Углановы и К^0 что-либо решали, но я здесь абсолютно не при чем и, мне кажется, довольно убедительно доказываю лживость направленных против меня обвинений. (В полученном мною только 19.II. протоколе допроса Д. Матвеева дается такая картина: «Осенью 1932 года... Угланов сделал большую информацию о положении дел в организации. Он говорил, что начался окончательный разгром правых, что в создавшейся обстановке старые методы борьбы против партии уже не годятся, и что необходимо перейти к более активным методам борьбы... Помню, что Куликов (!!) и еще кто-то спросил Угланова, является ли это лично его точкой зрения или это исходит от «тройки» (Бух., Рыков, Томский), Угланов ответил: «Кому надо, тот знает», это дословное выражение Угланова». Здесь в высшей степени интересно, что Куликов осенью спрашивает Угланова о террорист. директивах и о моем мнении, а про весну Куликов показывает, что ему эти якобы директивы были известны, в том числе и от меня. Таким образом осеннее совещание у Угланова раскрывает весеннюю ложь Куликова).

Лжесвидетели делают из меня прямо-таки разносчика террористических директив. Я их раздаю, по словам клеветников, направо и налево, оптом и в розницу. «Инициатором идеи дворцового переворота был лично Н. И. Бухарин», — заявляет Е. Цетлин, относя оную идею к 1930 году (протоколы, присл. из ЦК ВКП(б), стр. 12).

Петровский (в октябре или ноябре 1929 г.), «вернувшись из Москвы связывал установку на «дворцовый переворот» прямо с именем Рыкова, называя его автором этой установки и главным (предполагаемым) исполнителем „дворцового переворота“» — сообщает Зайцев от 11—19.I.37 г. Этот дворцовый переворот, по Цетлину, должен был привести... к захвату власти слепковцами!!! Так и пишется: «Пост секретаря ЦК займет Томский, остальные руководящие места в аппарате ЦК займут Слепков и участники его группы»! (протоколы, стр. 13).

Весь этот дикий и противоречивый вздор с различными аксессуарами и подробностями, взятыми из совсем других разговоров, с серьезным видом преподносится серьезным людям! Введение воинской части, — взятие власти извнутри Кремля, мобилизация 200 «правых», которые ворвутся, — и тому подобная галиматья имеется в показаниях различных клеветников. При этом интересно то, что, напр., Кузьмин делает несколько раз в разных местах одни и те же истерические террористические выкрики (по Астрову, прот. стр. 13, это произошло якобы на кв. Марецкого, и даже в моем присутствии в 31 г.; по Розиту и Сапожникову на квартире у Розита, без меня — в 1929 г.; по тому же Астрову — на даче у Слепкова в 1930 г.), и в то же время подчеркнутыми формулами он изображается, как один из ближайших к Бух-у людей. Эта маленькая клеветническая подробность нужна маленьким и низким людям для большей убедительности их лганья. Я уже отмечал, что ни Кузьмин (который отказывался подавать мне руку и обретался далеко от Москвы), ни Сапожников, который был объектом всяческих насмешек и которого никто не брал всерьез никогда — вовсе не были мне близки, даже в период моих тесных отношений с этой группой молодежи.

Показания Сапожникова относительно того, что он при каком-то Трепалове говорил о терроре и что он мне об этом сообщал, приехав ко мне на квартиру в Кремль, является вымыслом: я от него ничего подобного не слыхал, и это может подтвердить Надежда Мих., на присутствие которой он обычно ссылается. О самом Трепалове, вопреки Сапожникову, я до сих пор не имею ни малейшего представления и никогда не слышал ни о нем вообще, ни о его правооппозиционной роли — в частности. Характерно, однако, что, вопреки своим прежним показаниям, Сапожников здесь уже прямо переходит к лжесвидетельству на тему, что я давал ему тоже террористические директивы...

В клеветах о терроре и «дворц. перевороте» характерно также то, что здесь вполне отсутствуют технические подробности: неизвестно, как же, какими средствами и т. д. должны были быть произведены акты; если готовился дворцовый переворот, то неизвестно, какие войсковые части, какие люди и с кем были связаны; кто готовил выступления; почему дело провалилось; какие были силы; где было оружие; кто должен был командовать и т. д. Это указывает на литературно-клеветнический характер показаний.

Петровский, по словам Зайцева, относит дворцовый переворот к 1929 г. и связывает его с именем Рыкова.

А Радин (протокол, стр. 11), б. секретарь Рыкова, утверждает, что как раз в это время («начиная с осени 1929 г.») началось двурушничество для накопления сил (стр. 12), что я, мол, говорил: «Надо врабатываться в режим», а Рыков: «само время работает на нас» (стр. 11). Так как же это совместить? Все буквально люди слепковского кружка производятся в террористы, начиная с давних времен. Все в течение многих лет занимаются террором. Но странным образом у них не находят ни одного револьвера, ни какого бы то ни было другого оружия, никаких технических приготовлений. И все время: директивы центра правых, директивы Бухарина и т. д.

Возмутительная бездарная стряпня!! Я не имею сейчас времени опровергать каждую конкретную ложь в отдельности (я бы это сделал, если бы получил материалы хоть сколько-нибудь своевременно) и ограничиваюсь суммарным протестом против этой возмутительно подлой клеветы: никогда никому никаких террористических директив ни в какой период своей жизни я не давал и давать не мог. Все утверждения противоположного характера суть грязная ложь клеветников и их помощников и покровителей. Никогда за все время действительного существования «тройки» у нас не было ни намека на террористические установки.

До чего доходит прямая глупость лганья, видно хотя бы на показаниях Вас. Слепкова, который, напр. (см. протоколы, стр. 17), рассказывает, что некий Медведев, первый раз меня в жизни увидавший, немедленно получает от меня террористическую директиву против Сталина.

Удивительно только, как вообще мог уцелеть вообще хоть один человек, начиная с меня!! Это уже тип лжи наивной, неопытной, но глупой и в то же время преступной. Нет, это не Радеки, еще не мастера своего дела, а только ученики!

Или, напр., другой факт: Котов, напр., сообщает, что Цетлин ненавидел Сталина в 1931—32 г.г., и даже, что он, Цетлин, готовил «по прямой директиве Бухарина (sic!) убийство Сталина» (протоколы от 5.II.37).

После подлостей Цетлина у меня не может быть к нему никаких сантиментов. Но здесь все налгано: Цетлин один из первых понял значение Сталина. Однако, это — лишь голословное утверждение. А вот что интересно: во-первых, Цетлин сам об этом ничего не показывает; во-вторых, зачем ему нужно было от меня отцепляться (еще до своего первого ареста он от меня все время хотел уйти, а после — разругался и уехал, порвавши со мной окончательно)? К чему бы все это, если он действительно бы занимался приписываемой ему Котовым деятельностью? Разве сам факт ухода Цетлина по его желанию не говорит за себя? Единственный человек, который остался при мне из б. правых и мог быть (если исходить из предположений о контррев. центре, его работе и т. д.) человеком связи, уходит и уезжает на Урал? Не для того ли, чтобы там выполнять якобы данную мною директиву (по Котову) о терр. акте против Сталина? Какой махровый вздор!

И таких вопросов можно было бы задать множество.

По недостатку времени не могу останавливаться на мизерабельной и жалкой клевете о вредительстве и на жалких потугах наскрести здесь какие-то факты, якобы касающиеся меня. Во всяком случае я к вредительству имею ровно такое же отношение, как любой из членов ЦК.

Люди и годы:

Вот список «школы», составленный Цетлиным:
А. Слепков (арест. в 1932 г.);
Д. Марецкий (« « «);
Астров (« « « , потом выпущен, потом опять арестов.);

Зайцев (« « « или в 1933 г.);
Сапожников (« « « « «);
Краваль — занимает отв. пост;
Розит — нач. Чирчикстроя (Ташкент) (теперь арест.);
Александров (арест. в 1932 г. или в 1933 г.)
Айхенвальд (« «);
Гусев — занимает отв. пост, отошел раньше;
Кармалитов (« « «);
Гольденберг — (нач. одного из строительств) (теперь арест.(?);
Борилин — заним. отв. пост (отошел раньше);
Мендельсон — « « « (« «);
Беленко и Шибанов (Ленинград, не знаю)
Добавл.:
Стецкий — заним. отв. пост
В. Межлаук — « « « отошли раньше.
К. Розенталь — « « «

Итак, нужно констатировать, что в конце 1932 года примерно подавляющее большинство б. «школки» было арестовано. Осенью, в мое отсутствие, они ориентировались, вопреки обещаниям Слепкова, на линию против партии и без всякого моего ведома и без всякой связи со мной — пошли по контр. рев. пути, вероятно, не без влияния Угланова, а может быть и Невского и К[0], и даже Рютина (сужу на основе критического анализа показаний).

Отсюда вытекает, что при всем ко мне недоверии (пусть оно будет даже абсолютным) нельзя отрицать, что у меня с конца 1932 — начала 1933 года не осталось «возможных людей», даже если бы я стоял на антипартийной точке зрения. Но это последнее предположение ложно. Я сам работал и в НКТП, и в «Известиях» целиком и полностью (и с радостью, несмотря на тысячи неприятностей и подвохов, отравлявших жизнь) на основе партийности и защиты партийной линии. Я старался ни с кем из своих бывших единомышленников не видеться. Я вместо Цетлина взял испытанного и замечательного молодого партийца тов. Ляндреса, никогда ни в каких уклонах не бывавшего, человека с военным опытом и чекистскими связями; я предпринимал все возможное, чтоб не входить в соприкосновение с б. правыми.

О Рыкове и Томском я писал. Угланова я не видал с лета 1932 г., Куликова — с весны 1932 г. И т. д. Поэтому для лиц, заинтересованных в моей компрометации и в моей гибели, нужно было изобрести какие-либо якобы факты, которые могли бы сойти за факты моих правых (да еще террористических по теперешним временам) связей — за самое последнее время. Это делается в показаниях Грольмана, Розита, Котова.

Я остановлюсь на каждом из этих возмутительных показаний, любое из которых есть верх пресмыкающейся низости. Грольман. Сперва факты. Я в 1935 году был с женой на Алтае. Так как она должна была сдавать дипломную работу о Кузбассе (его металлургии: работа была сделана, в этом году кончена, предъявлена и зачтена, как дипломная работа), то мы решили осмотреть завод, благо у меня были хорошие отношения с ак. И. П. Бардиным, техническим его директором. Благодаря любезности сиб. товарищей нам дали вагон, в котором мы и жили.

Так вот Грольман, бывший в Сталинске, когда я туда приезжал, поговорив в показаниях о том, что Угланов в свое время давал якобы террористические директивы (Угланов их давал якобы и от моего имени, чего я ему отнюдь не поручал, ибо никогда с ним на эти темы не говорил и говорить не мог), заявляет: «В Сталинск Бухарин приехал в отдельном вагоне и в сопровождении нескольких других лиц. Я имел с ним встречу в его вагоне. Хотя обстановка и не позволяла нам вести откровенные разговоры (ввиду нахождения в вагоне посторонних лиц), однако нам все же удалось поговорить наедине по вопросам, касающимся борьбы правых против ВКП(б). Именно во время этого разговора Бухарин совершенно недвусмысленно дал мне понять, что в борьбе с ЦК ВКП(б) правые должны итти на организацию индивидуальных террористических актов» и т. д. (Далее речь, конечно, о Сталине и т. д.).

Не знаю, на каких дураков рассчитывает Грольман. Нельзя было вести, видите ли, откровенные разговоры, но разговоры о терроре вести было можно «наедине»?

Где это «наедине»? Мы стояли у окна и сидели за столом при всех. В особенности забавно выглядит эта ложь, если я скажу, что «посторонние» — это были, между прочим, чекисты, которые все время ездили со мной и по Алтаю, и по Сибири, затем была жена и др. Так вот, при чекистах Грольман ведет со мной разговор о терроре против Сталина. Ну, и перестарался Грольман на базе своей новой профессии гнусного клеветника! Далее. Ему, конечно, надо было выдумать и реставраторство. Я говорил ему, как Садуль на одном дипломатическом приеме познакомил меня с Лавалем, и какой Лаваль жулик. И Грольман тут же превращает меня в апологета парламентаризма, да еще приписывает мне разговор с Эррио, которого я никогда в жизни не видел.

Грольман утверждает, что в конце 1935 г. меня видел Гольденберг, и что я был напуган. Не знаю таких фактов. Гольденберга я видел на том же заводе, что и Грольмана, но при всем честном народе, а больше я его не видал.

Выходит, как будто, что лганье Грольмана вышло не особенно удачным. Не могу пройти мимо того, что в своем усердии Грольман называет контрреволюционной мою работу даже во время VI конгресса, говорит о дыхании терроризма в 28 г. и т. д., хотя известно, что во время VI конгресса как раз меня чуть не убил сторожывший меня агент польской дефензивы: он вместо меня убил некоего тов. Шапошникова. Весьма недопустимо клеймление контрреволюционерами таких товарищей, как Эверт, который сейчас мученически страдает в Бразилии и которого горячо поддерживает вся честная печать, во главе с коммунистической и т. д. Но это — особая тема, и приходится только сожалеть, что в протоколах НКВД, благодаря неосведомленности, фигурируют с такими клеймами такие имена, как имя Эверта.

Функцию Грольмана выполняет, со своей стороны, и Розит. Оказывается, я пытался все время свернуть Розита (за самое последнее время) с партийных позиций. Между тем я искренне радовался успехам Чирчикстроя, радовался, что дело идет (не сам был инициатором поездки, а ташкентские товарищи, и ездил не один, а с Ляндресом, беседовал с Розитом в присутствии Цехера и Файзуллы; по просьбе Розита, да и по собственной воле, написал письмо т.т. Серго и Сталину о нуждах Чирчика — его читал и т. Цехер), — словом не только не пытался свернуть Розита с партийного пути, а хотел ему помочь, чем могу. Выражение о терроризме: «Борьбу нужно продолжать до конца, даже если Сталин меня осудит как террориста» (!) — которое мне вкладывает в уста этот клеветник (относя это к началу 1933 г.), есть гнусная выдумка злодейского порядка. Последний раз я виделся с Розитом в Ташкенте и на Чирчике, по дороге на Памир.

Наконец, в каком-то из показаний (кажется, Котова), мелькает имя Матвеева, который в последние годы якобы получил от меня тоже специфическую директиву. Матвеева я, действительно, секунду одну видел. Он приходил с какой-то делегацией — в «Известия», был в костюме с светлыми пуговицами, сказал: «Не узнаете? А я теперь инженер». Я с ним поздоровался при большом количестве народа и тотчас вышел из этой комнаты по каким-то делам. Думаю, что можно было бы, при большой, впрочем, затрате труда, полностью восстановить эту картину.

На протяжении весьма короткого времени, к великому моему удивлению, после гигантского перерыва во времени, ко мне в редакцию звонили: Астров (который, кроме того, заходил, но меня не застал), Семенов, Гольденберг, кто-то от Котова. Я уклонился от всех этих приемов и разговоров. Не сомневаюсь теперь, что поступи я иначе, и в 1936 году я многажды оказался бы раздатчиком террористических и вредительских директив. Спрос рождает предложение, и я бы подвергся, выражаясь философски, финальной, конечной, клевете, которая бы покрыла своим чудовищным куполом все здание всех предыдущих клевет, превзойдя все своей «актуальностью» и «законченностью».

Итак, даже если верить клеветникам последней марки, у меня после 32 года остались кадрами Грольман и Розит. Какая, в сущности, громадная растрата сил на опровержение жалких негодяев!

* * *

В 1933 г., когда раскрылась история со слепковской конференцией я решительно отмежевался от всех этих людей; за их деятельность, которую они разви-

вали помимо меня и за моей спиной, я ответственности не несу и ее не знаю. Я вместе со всеми осуждаю самым суровым образом все антипартийные группы и стою за суровую расправу со всеми действительными врагами нашей страны.

Заключение

Какова общая диспозиция клеветнических сил?

Вредительскую атаку начали троцкистско-зиновьевские бандиты. Мотивы их теперь уже известны (о них было выше). Содержание их клеветы имело своей осью наитеснейшую связанность «правых» с их центром или их центрами. Именно сюда были направлены усилия этих клеветников.

После ликвидации первого их центра «главной фигурой» против меня выступил на первом этапе Сокольников. Что хотел доказать Сокольников? Вернее, в чем была суть его клеветы? Он стремился наговорить максимум по вопросу об участии «правых» в троцкистском центре. Он утверждал на очной ставке, что «правые» в центр входили. Он утверждал, что персонально входил Томский. Он утверждал, что Томский входил и как представитель Бух. и Рыкова. Он утверждал, что «правые» согласны со всеми троцкистскими установками, организационно входят в центр и, следовательно, в блок. На основе очной ставки с Сокольниковым были сделаны некоторые заключения.

Но потом началась клеветническая бешеная атака со стороны Радека и «главной фигурой» (Пятаков посередине) против меня стал Радек. Радек занял другую позицию в показаниях, не успев спеться с Сокольниковым и, крайне расширяя тематику клеветы, в то же время поставил в нелепое положение Сокольникова. Поэтому Сокольников на суде занял позицию совсем другую, чем во время очной ставки, выравнивая фронт клеветы по линии радековских показаний (противоречия и нелепости все время указывались мной в соответствующих письмах и заявлениях).

Но если первоначальная концепция троцкистской клеветы потерпела крупнейшее поражение, то была выдвинута вторая, с переносом центра тяжести на «самостоятельную» организацию «правых». Так в этой плоскости образовалась большая группа правых подпевал троцкистских клеветников.

Я в данном письме даю критический разбор всех основных клевет троцкистов и их правых подпевал. На примере особенно Цетлина, Зайцева и др. я показываю, насколько жалки приемы, фальшивы аргументы, низка клевета и с этой стороны. К чему ни прикоснись, все кровавая, плохо сделанная клевета.

Я стою против нее один: у меня нет ни достаточного материала, ни аппарата, ни помощников. Но я уверен, что если бы у меня были люди и несколько месяцев времени, я бы обнаружил целый мир дикого клеветнического вранья и не оставил бы без удовлетворительного ответа ни одного вопроса. Однако, я полагаю, что и то, что я предлагаю вниманию ЦК ВКП(б), является материалом, разбивающим самые основные клеветнические положения моих троцкистско-зиновьевских и правых обвинителей. (Показаний около 400 страниц: на подробный их анализ нужны месяцы).

Итак: 1) во время реального, а не мифического существования «тройки» никогда не было каких бы то ни было мыслей о терроре, вредительстве и т. д.;

2) после ее самоликвидации до 1932 г. был процесс изживания старых ошибок, были элементы двойственности (групповщина), но вся динамика направлялась у меня (и я думал, у других) в сторону полного слияния с партией;

3) в конце лета 1932 г. (когда я был в отъезде) произошла конференция слепковцев, аресты рютинцев и т. д.; очевидно, слепковцы пошли здесь под влиянием Угланова и др.; я от всех них публично отрекся и осудил их поведение; с этих пор я никаких сведений о бывших правых и о правых не имел и их деятельностью не интересовался, живя совершенно другими интересами;

4) не исключаю, что ряд элементов из прежде шедших за мной правых, продолжая борьбу, превратились в оголтелых контрреволюционеров со всеми вытекающими отсюда последствиями; но это не имеет ко мне никакого отношения;

5) в частности не исключаю, что, напр., Угланов злоупотреблял моим именем: можно видеть по показаниям, что он делает это неоднократно, и что уже давно он имел «свои счеты» с руководством, «свои группы» (напр., Рютинскую, по его соб-

ственному признанию) и т. д. (о существовании рютинской группы я вообще ничего не знал);

6) категорически отвергаю всякие обвинения в блоках с троцкистами, зиновьевцами и прочими;

7) никогда никаких ориентаций на восстания, на террор, на вредительство, на «дворцовые перевороты», на блоки с с-рами и т. д. у меня не было и быть не могло. Никому никаких директив в этом духе я не давал и давать не мог, о соответствующих намерениях отдельных лиц или групп не знал и знать не мог. Все показания, противоречащие данному моему заявлению, являются ложными и клеветническими;

8) по существу я вел энергичным образом довольно значительную работу по сплочению вокруг партии и партийного руководства, не имея абсолютно никаких разногласий с линией партии и всей душой радуясь ее успехам и победам.

Слава наших органов заключается не только в том, что они разыскивают виновных, но и что они охраняют невиновного. Нет ничего зазорного в том, что кто-то подозреваемый и подозревавшийся оказывается невинным. Доказательство этого и помощь этому доказательству есть дело нисколько не менее славное, чем обнаружение и наказание действительного врага.

Я довольно настрадался по милости врагов нашей страны и прошу ЦК положить конец этим незаслуженным страданиям.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Строго секретно

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) Центральный Комитет

№ П46/35

22.II.1937 г.

Выписка из протокола № 46 заседания Политбюро ЦК от ——— 193 г.

Опросом членов ПБ от 22.II.37 г.

25. — Заявление т. Бухарина в Политбюро ЦК ВКП(б).

Разослать членам и кандидатам ЦК ВКП(б) следующее решение Политбюро ЦК ВКП(б):

В связи с заявлением т. Бухарина, что он «будет голодать полной голодовкой, пока с него не будут сняты обвинения в измене, вредительстве, терроризме», а также в связи с его отказом притти на Пленум ЦК ВКП(б) и держать перед ним ответ Политбюро ЦК ВКП(б) считает нужным заявить следующее:

1) Политбюро отклоняет предложение т. Бухарина не сообщать Пленуму ЦК его заявление о «голодовке» и рассылает его заявление всем членам ЦК ВКП(б), ибо считает, что Политбюро не может и не должно иметь секретов от ЦК ВКП(б);

2) Политбюро считает себя обязанным передать все вопросы по делу т. т. Бухарина и Рыкова, в том числе вопросы о «голодовке» и об отказе т. Бухарина притти на Пленум, — на рассмотрение Пленума, который открывает свою работу завтра, 23 февраля.

Секретарь ЦК.

,(Продолжение следует)

Примечания

1. Уже начал с 12 ч. ночи. Прим. в 10 ч. у. 21.II.37 г.
2. В одном из разговоров (в присутствии других лиц) после заявления прокуратуры Радек действительно говорил о термине «юрид. данные», на что я заявил, что это или специфически-прокурорский язык, или же есть какие-либо сомнения.
3. Если предположить, что Сок-в говорил о I-м центре, это не спасает дела: тогда у Сок-ва два варианта, Пятаков говорит все же об участии именно во II-м центре, Радек отрицает это участие и в I-м, и во

II-м. Масштаб и объем жульничества Сокольникова остается в полной неприкосновенности.

4. Первые разделы этой части были написаны до получения показаний, кои я получил 16.II.37 г.
5. В присланных напечатанных показаниях есть материал для суждения по этому поводу.
6. Если я не ошибаюсь, Семенов довольно долгое время был в Китае, на секретной работе. Сам Цетлин заявляет: «Я помню (в 1928 г.) я видел Семенова у Бухарина, а затем больше не встречал» (стр. 9). Если бы я часто видел Семенова, то это не могло бы итти помимо Цетлина. Это очевидно для всех.
7. В полученном мною 19.II.37 протоколе допроса Я. Стэна есть еще новый вариант: авторами платформы здесь называются неведомые мне правые профессора ИКП во главе с неведомым мне Рохкиным, причем якобы было благословение мое, Рык., Томского.

СТАТЬИ

Становление системы привилегий в Советском государстве

М. Мэтьюз

Система привилегий, присущая образу жизни советской элиты, возникла уже в первые месяцы и даже недели после революции. Ниже речь пойдет о государственной политике, закреплявшей эти привилегии.

Ленинская трактовка эгалитаризма. По сути дела, несмотря на политику «военного коммунизма», В. И. Ленин был далек от мысли, что революция в России способна немедленно привести к всеобщему материальному равенству[1]. Он был реалистом и допускал по необходимости временное существование разных, пусть и несправедливых уровней жизни. В дальнейшем, когда государство почти полностью взяло в свои руки контроль над доходами, концепция «несправедливого» различия в благосостоянии была полностью отброшена. Сам Ленин, как ни странно, был мало заинтересован в материальных благах: даже после революции стиль его жизни был начисто лишен роскоши и отличался скромностью и воздержанием. Его элитарность сильнее всего проявлялась в стремлении к верховной политической власти.

В сфере доходов Ленин начал с того, что решительно поддержал тенденции эгалитаризма. В работе «Государство и революция» он одобрил практику Парижской Коммуны, которая сводилась к тому, что высокопоставленные чиновники получали меньше простых рабочих. Первое (по-видимому, неопубликованное) постановление большевистского Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) устанавливало максимальный предел зарплаты «ответственных работников» в Советах в 400 руб. в месяц, что не превышало размеров дохода квалифицированного рабочего. 18 ноября (1 декабря) 1917 г. Ленин набросал проект постановления Совета Народных Комиссаров (СНК) «Об окладах высшим служащим и чиновникам», в котором предельное жалованье народным комиссарам устанавливалось в 500 руб. в месяц бездетным и прибавка в 100 руб. на каждого ребенка, квартиры не свыше одной комнаты на каждого члена семьи; предусматривалась подготовка и проведение «революционных мер к особому обложению высших служащих». Народному комиссариату финансов и отдельным народным комиссарам вменялось строго следить за расходами и предписывалось урезать все непомерно высокие жалованья и пенсии[2].

Мэтьюз Мервин — преподаватель университета графства Суррей (Великобритания). Автор работ «Класс и общество в Советской России», «Советское правительство: избранные официальные документы по внутренней политике» и др. Данная статья представляет собой сокращенный текст главы его книги «Привилегии в Советском Союзе. Исследование элитарного образа жизни при коммунизме».

Спустя несколько месяцев большевики приступили к сокращению различий в заработной плате рабочих разного уровня квалификации. Шкала зарплаты железнодорожников и петроградских служащих устанавливала вилку — 282 — 510 руб. в месяц, т. е. соотношение 1:1,8 между верхней и нижней ставкой. Это было далеко от равноправия, но тем не менее разрыв в зарплате стал значительно меньше прежнего. Законы о труде начала 20-х годов содержали немало подобных установлений[3]. Однако эти эгалитаристские инициативы Ленин вскоре принес в жертву другим своим принципам — о «неизбежных» или «несправедливых различиях» в благосостоянии людей. В результате больше всего выиграли «спецы» (высококвалифицированные технические специалисты), политические функционеры и государственные служащие, командный состав Красной Армии и те, кого можно назвать творческой интеллигенцией.

Порядок установления окладов для специалистов. Страна нуждалась в срочной помощи тысяч «буржуазных» специалистов, большинству из которых жилось сравнительно неплохо и при царе. Многие из них с возмущением восприняли большевистский переворот, многим предстояло поплатиться за это. Тем не менее были разработаны подробные инструкции, гарантирующие высокие доходы (хотя и в условиях быстро обесценивающегося рубля) тем, кто выразит готовность сотрудничать с новым режимом. Основным принципам этой системы оплаты труда предстояло надолго сохраниться к немалой выгоде тех, кто пришел на замену «спецам».

Ленин не оставлял и тени сомнений относительно своего отношения к «буржуазным» специалистам. Бывшие «организаторы действительно крупных и крупнейших предприятий, трестов или других учреждений», не говоря о первоклассных технических специалистах, «на девяносто девять сотых принадлежат к классу капиталистов»[4], — писал он. Они пропитаны прокапиталистическими идеями и отравлены буржуазными привычками. Однако их знания необходимы пролетариату. Пролетариат получит от их усилий прямую выгоду и сможет овладеть их знаниями с тем, чтобы принять на себя их дела. Вот почему специально там следует щедро платить. «Мы не собираемся лишать их пока их привилегированного положения», — говорил Ленин еще 4 (17) ноября 1917 года[5]. Впоследствии он разъяснял: «В марте и апреле 1918 г. стал такой вопрос, как вознаграждение специалистов по ставкам, соответствующим не социалистическим, а буржуазным отношениям, т. е. ставкам, не стоящим в соотношении к трудности или к особо тяжелым условиям труда, а стоящим в отношении к буржуазным привычкам и к условиям буржуазного общества. Подобного рода исключительно высокое, по-буржуазному высокое, вознаграждение специалистов не входило первоначально в план Советской власти и не соответствовало даже целому ряду декретов конца 1917 года. Но в начале 1918 г. были прямые указания нашей партии на то, что в этом отношении мы должны сделать шаг назад и признать известный „компромисс“»[6].

В период, последовавший за захватом большевиками власти, решение вопроса о зарплате и окладах шло по двум направлениям. Они либо скрупулезно определялись шкалой, утвержденной правительством, либо устанавливались по соглашению между рабочими и работодателями в рамках минимума и максимума. Особые условия для получения высокой зарплаты, выходящей за рамки установленной шкалы, были определены декретом от 27 июня 1918 г.[7], который можно в определенном смысле считать краеугольным камнем в советской политике установления высоких окладов. Он санкционировал введение максимальной зарплаты для специалистов в размере 1200 руб. в месяц (для народных комиссаров 800 руб., а минимум зарплаты для служащих и низкооплачиваемого персонала — 350 рублей).

Не менее важны были меры, к которым приходилось прибегать для того, чтобы обеспечить этот максимальный оклад в условиях разгула инфляции. Так, в отношении специалистов требовался специальный приказ того учреждения, где они работали, который после утверждения его Народным комиссариатом государственного контроля и Народным комиссариатом труда направлялся на рассмотрение в СНК. Для решения же вопроса о ставках самих народных комиссаров требовалось лишь согласие СНК. Этот облегченный механизм определения ставок оставлял лазейки для злоупотреблений, тем не менее он стал основополагающим в законодательстве по заработной плате.

В одном из разделов декрета от июня 1918 г. в закамуфлированном виде содержится положение о «получении скрытых преимуществ», явно позаимствованное из

практики царской администрации. Большинство их было аннулировано или резко ограничено, но поскольку они позже возродились в советизированной форме, стоит их перечислить. Это: пособия, обеспечивающие «прожиточный минимум», дополнительные выплаты на иждивенцев, наградные за долговременную службу, система компенсаций за квартплату и питание, оплата сверхурочной работы и совместительства, выплаты за работу в различных комитетах, суточные и проездные в служебных командировках. И это лишь главные из преимуществ. Нормы оплаты сверхурочной работы большевики ограничили теми, что были приняты для обычного рабочего дня, а за работу по ночам полагалась двойная компенсация. Без изменений осталось лишь положение о выплате подъемных на случай вынужденного переезда на новое место работы.

Верхний предел жалованья, положенного специалистам, стремительно рос — с 3000 руб. в фервале 1919 г. до 60 000 в августе 1922-го. Однако советский рубль к тому времени практически потерял свою ценность. Значительно более сильное впечатление оставляют сами циркуляры, призванные гарантировать специалистам получение высоких окладов. В марте 1919 г. был опубликован обстоятельный документ, предусматривавший 27 градаций оплаты и подтвердивший право высокооплачиваемых кадров (начальников управлений народных комиссариатов, директоров и главных бухгалтеров) самим устанавливать шкалу окладов. Их ставки должны были основываться на «данных, представляемых народными комиссариатами и другими учреждениями и организациями», и публиковаться в каждом отдельном случае Народным комиссариатом труда. В мае процедура повышения максимума зарплаты была еще более упрощена. Оклады выдающимся специалистам, получавшим более 3000 руб., а также лицам, чья зарплата подлежала повышению сверх указанного уровня, утверждались СНК списком. Уже одно это говорит о том, что понятие максимума почти полностью утратило свой смысл.

25 марта 1920 г. власти ввели в действие первую из многочисленных «премиальных систем», дававшую право в 3 раза повышать почасовые ставки и в 2 раза — оплату за усовершенствование производственного процесса. Показательно, что эта система распространялась и на тех высокопоставленных технических, административных и обслуживающих работников, которые сами непосредственно не участвовали в производстве. Уже в то время со всех сторон раздавались протесты против повышения окладов специалистам, однако, судя по всему, это никак не влияло на официальную политику в данном вопросе.

Попытка сократить разрыв в заработной плате была официально похоронена в апреле 1920 г. на III съезде профсоюзов, который утвердил вилку 1:8. Специалисты, которых нанимали на этой основе, допускались, таким образом, как высококвалифицированные и ответственные работники, к наивысшим привилегиям. В апреле 1922 г. в разгар проведения новой экономической политики были предприняты определенные шаги для того, чтобы некоторые специально отобранные предприятия или объединения получали фонд заработной платы в деньгах и товарах не от местных комиссий по зарплате, а непосредственно из центра. Это значительно облегчило дифференциацию предприятий по оплате труда.

Еще один набор вознаграждений в форме тантьем (вознаграждений, выплачиваемых директорам и высшим служащим в виде процентов от прибыли) и премий был изложен в декрете от 5 октября 1922 года. В отличие от прежней системы премирования он предусматривал предоставление вознаграждений лишь высшему составу — членам дирекций, директорам трестов, синдикатов, основных промышленных предприятий, а также «особенно квалифицированным работникам». Их могли получить и те, кто непосредственно не был связан с производством. Выплаты могли составить целую годовую зарплату, а контроль возлагался на Народный комиссариат труда.

1 октября 1923 г. все эти премиальные выплаты были объединены в четкую, вполне определенную систему «персональных окладов» и «премий за выполнение специальных заданий»[8]. Они предназначались для специалистов, занятых на предприятиях, полностью или частично принадлежавших государству, и для этих целей выделялся определенный процент из фонда заработной платы. Персональные оклады, превышающие утвержденные государством расценки, теперь лишь фиксировались обычным трудовым соглашением и утверждались комиссией, созданной при Народном комиссариате труда. На VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. была

принята отдельная шкала выплат для специалистов и опять-таки с сохранением сверхвысоких ставок.

Практика совместительства стала после революции обычным явлением; для этого достаточно было обычно согласия самого совместителя. Запрещенное в 1921 г., оно было вновь в принципе легализовано 21 декабря 1922 г. «Временными правилами работы в государственных учреждениях и на предприятиях» и разрешено на определенных жестких условиях, одним из которых было согласие руководителя предприятия. Позднéе совместительство по некоторым особо престижным профессиям (таким, как врачи-консультанты) и низкооплачиваемым, но важным, как, например, школьные учителя, стало, по сути, дела поощряться. Однако власти с самого начала учитывали опасность злоупотреблений, и в сфере финансов, правовых органах и милиции совместительство запрещалось, как и привлечение к работе в одной и той же организации людей, состоящих в близком родстве.

Структура законодательства, направленного на установление и сохранение гарантированных высоких заработков для ответственных работников, служащих административного и управленческого аппаратов, поражает своей сложностью и потому нуждается в двух пояснениях. В первые месяцы и годы советской власти многие специалисты жили, по сути, в относительной бедности. Согласно данным, приведенным С. Г. Струмилиным, инженер, получавший зарплату по высшей ставке, жил в 1917 г. лишь на 80% лучше, чем самый низкооплачиваемый рабочий, и в основном потому, что последний получал гораздо лучший паек[9]. И лишь к середине 20-х годов, когда жизнь понемногу стала нормализоваться и была осуществлена кардинальная денежная реформа, разрыв между верхним и средним уровнем заработной платы стал действительно значительным.

Сверхвысокие заработки вызывали в обществе весьма серьезные протесты. Еще в январе 1919 г. на II съезде профсоюзов А. Лозовский жаловался, что в то время как зарплата большинства трудящихся составляет в Москве 390 руб. (цифра, по-видимому, относится к одному из минимумов 1918 г.), некоторые специалисты получают 4500—5000 рублей в месяц. Это, сказал он, не согласуется с тем, что говорил К. Маркс о дешевой административной машине[10]. На том же съезде В. В. Шмидт заявил, что «ставить специалистов в исключительное положение, а их зарплату — вне общей, единой шкалы» означает, что многие из них становятся специалистами по «получению денег». Некоторых оплачивают по явно завышенным ставкам, и чтобы заполучить их, управленцы идут на все. Впрочем, если учесть угрожающий рост инфляции и преимущества, установленные для пролетариата в системе распределения, эти критики были не во всем правы.

В апреле 1920 г. на III съезде профсоюзов (когда дифференциация в уровне зарплат достигла 1:8 и специалисты оказались на самом верху шкалы) вновь зазвучали голоса недовольных. На VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. упоминались «сложности» в отношениях между рабочими и специалистами. Текст закона от июля 1925 г. о премиях свидетельствует, что некоторые специалисты и впрямь получали чрезмерно высокие оклады. В декабре 1928 г. на VIII съезде профсоюзов М. П. Томский говорил о «недопустимом» разрыве в оплате труда между рабочими, с одной стороны, и инженерами и техническими работниками — с другой.

Проявлявшееся время от времени недовольство в достаточной мере объясняет попытки законодательного ограничения высоких доходов. Согласно актам, принятым в апреле и мае 1924 г., сверхвысокие оклады были сокращены на 20%, а в декабре 1926 г. был лимитирован размер премий. Прогрессивный подоходный налог в определенной степени ограничивал самую высокую заработную плату. И тем не менее не подлежит сомнению, что власти всячески содействали сохранению высоких окладов для специалистов.

Зарплата ответственных партработников. Большевистское руководство первоначально установило для наиболее ответственных партийных и государственных служащих сравнительно низкую зарплату. Это было закреплено в разного рода юридических актах[11]. Согласно декрету от 23 июня 1921 г., зарплата ответственных работников ограничивалась 100—150% средней зарплаты, принятой на тех предприятиях и в тех учреждениях или организациях, где они работали. Примечательно, что в этом документе устанавливались жесткие ограничения на получение заработков на стороне. Эти принципы были провозглашены на долгие времена, однако, судя по всему, к середине 20-х годов жалованье народных комиссаров и ответствен-

ных работников значительно выросло по сравнению со средней зарплатой. Положение в экономике входило в норму и заработки в новых рублях приобретали все больший вес.

Декрет от 31 марта 1925 г., определявший зарплату ответственных работников 106 профессий в профсоюзах, советских, кооперативных, экономических и других организациях, свидетельствует о том, что работники партийного аппарата, начиная с Центрального Комитета, были поделены на семь категорий, зарплата которых соответствовала семи высшим разрядам по 17-разрядной профсоюзной шкале[12]. Наивысшая ставка ответственного партийного работника составляла тогда 175 руб., в то время как средняя зарплата промышленного рабочего — примерно 50 рублей[13]. Видимо, к этому, в узком понимании, и сводилось определение «партмаксимума»; если же дело обстояло так, то он отнюдь не был столь мизерным, как некоторые полагают сегодня.

Сам Ленин, без сомнения, был уверен, что ближайшие его подчиненные должны снабжаться всем необходимым, о чем свидетельствует инцидент с А. Д. Цюрупой. Он занимал пост народного комиссара продовольствия. Однажды, июльским днем 1918 г. на заседании СНК он, должно быть, от недоедания, потерял сознание. Ленин, видимо, под впечатлением от его непритязательности, предложил повысить ставки народным комиссарам, приравняв их к административным работникам. Двум из его подчиненных было вменено в обязанность изучить финансовое положение народных комиссаров и членов коллегий комиссариатов и внести предложение об увеличении их зарплаты. Жалованье Цюрупы было немедленно повышено до 2000 руб. в месяц (за несколько дней до этого официальный максимум для специалистов был зафиксирован в размере 1200 руб.). Впрочем это решение несколькими днями позднее было аннулировано (наверное, чтобы не допустить его широкого использования для подобного повышения зарплаты), а Цюрупе было выдано 5000 рублей «на лечение»[14]. Тем самым был установлен прецедент, которому суждено было получить одобрение грядущих поколений.

Должно быть, и в последующие годы сохранялась тенденция повышения зарплаты партработников сверх установленных законом рамок; во всяком случае, в двух документах недвусмысленно подчеркивалось, что эти работники не имеют права на иные доходы, кроме как от печатных работ и преподавания, к тому же и во многих подзаконных актах говорилось о недопустимости нелегальных заработков. В июле 1924 г. за рамки шкалы узаконенных высоких окладов выведены были те лица, которые добились их незаконным путем. В сентябре 1925 г. было объявлено о недопустимости получения дополнительных вознаграждений за работу в разного рода комитетах, а через несколько месяцев было категорически запрещено включение в вышеупомянутые 106 профессий дополнительных видов работ.

Согласно более раннему распоряжению, тем, кто получал доходы свыше разрешенного «партмаксимума», рекомендовалось вносить излишки в парткассу. Об этом, видимо, никогда не публиковалось в печати, однако на эту рекомендацию были ссылки в позднейших декретах и, как говорят, она оставалась в силе вплоть до середины 30-х годов. Сами по себе эти ограничения денежных доходов партийных чиновников, сколь бы значительными они ни казались, не шли ни в какое сравнение с доступными им материальными благами.

Привилегии командного и начальствующего состава Красной Армии. После провала в феврале 1918 г. попыток организовать избрание командиров в войсках командиры Красной армии и военно-морского флота проходили обучение отдельно от рядовых. Помощь новому командованию оказывали от 30 до 40 тыс. бывших царских офицеров.

Первоначально большевистские власти рассматривали всю Красную Армию как привилегированную касту. Такое отношение к рядовым и их семьям объяснялось условиями войны. Предусматривались более надежное продовольственное снабжение, осуществляемое специальной комиссией, большие пайки по «красноармейской книжке», различные льготы по налогам и транспортным расходам и (после частичного восстановления 22 марта 1923 г. зарплаты за службу в армии) бесплатное образование. Большинство из этих многочисленных и установившихся преимуществ было собрано в особый нормативный свод в октябре 1924 года.

Особые привилегии командного состава выглядели в те годы сравнительно скромно. 2 октября 1919 г. ему были предоставлены обычные для офицеров льго-

ты, а 14 марта 1921 г. они были расширены. Жалованье командира корпуса равнялось 150 руб. (в 1924 г. оно в 3 раза превышало среднее). Однако в 1921 г. были закреплены за командирами и начальниками персональные оклады. Дети командиров Красной Армии имели преимущества при поступлении в вузы, они освобождались от платы за обучение, когда таковая была введена. В марте 1926 г. командиры и начальники получили право на получение пенсий и страховых выплат на весьма выгодных условиях. 14 сентября 1926 г. были установлены льготные условия для их устройства на работу после демобилизации из армии (за их соблюдением следила специально созданная комиссия).

Поддержка творческой интеллигенции. Большинство академиков, научных работников, врачей, юристов, писателей, артистов в 20-е годы перешли на службу в государственные учреждения и получали зарплату «буржуазных» специалистов. Другие же, по доброй ли воле или в силу необходимости, были вынуждены жить, торгуя своими знаниями и опытом частным образом. Отвергнутые новым режимом, они совершенно не могли рассчитывать на получение каких-либо благ. Они были среди тех, кому пришлось тяжелее всех в период рационирования продовольствия и кого сильнее всего поразила инфляция. Буржуазное происхождение вызывало подозрение у местных властей, что нередко вело к дискриминации при решении жилищной и других проблем. Прогрессивный подоходный налог обрушился на них с особой тяжестью. У их детей было меньше всего шансов поступить в вузы и им пришлось платить за такую привилегию куда больше, чем пролетариям, когда ввели плату за образование.

Однако к тем представителям интеллигенции, которые изъявили готовность сотрудничать с режимом, власти вскоре стали проявлять особое отношение, и мало-помалу оно обрело легальные формы. Первыми это почувствовали писатели. 26 ноября 1918 г. им было предоставлено пожизненное право на получение гонораров по установленным Комиссариатом народного просвещения ставкам, а годом позже государство гарантировало им соблюдение условий контрактов на все виды их работ. Их получившие официальный статус права были в какой-то мере расширены серией актов, принятых в 1925 году.

Еще в декабре 1921 г. была учреждена Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). В октябре 1921 г. около 8 тыс. ученых и научных работников начали получать особые — «академические» — пайки, а четырьмя месяцами позже такие же пайки были введены для 200 тыс. учителей. С 6 декабря 1921 г. ученые обрели законное право получать вознаграждение «за научные, педагогические и научно-популярные сочинения».

Еще большая щедрость была проявлена к инженерам и техническим работникам, в чьих услугах особенно нуждалось государство. Декрет от 25 августа 1921 г. констатировал, что им должны быть созданы благоприятные юридические, научные и материальные условия с тем, чтобы в своей практической и научной работе они еще теснее сплотились с рабочим классом. В своих правах они были во всех отношениях приравнены к рабочим, а их денежные доходы следовало поднять «до уровня прожиточного минимума лиц, работающих на государственных предприятиях и в учреждениях». Несколько позже, в декабре 1925 г., значительно повысили заработную плату периферийным врачам.

С середины 20-х годов на творческую интеллигенцию была распространена система государственных премий. В 1925 г. Коммунистическая академия учредила комиссию экспертов для распределения ежегодных премий на общую сумму в 10 тыс. руб. за научные работы во всех областях знаний, имеющих наиболее важное практическое значение. Творческая интеллигенция получила также доступ ко многим иным, нематериальным благам, что призвано было продемонстрировать заботу советского режима о науке и культуре.

Снабжение продуктовыми и потребительскими товарами. Вопрос о значении нормирования продуктов питания вплоть до 1923 г. был непосредственно связан с тем, как оно отражалось на различных социальных группах.

Впервые о необходимости планового распределения продовольствия было упомянуто в декрете, принятом через два дня после захвата большевиками власти[15]. Вскоре для этих целей был создан в высшей степени централизованный аппарат — Народный комиссариат продовольствия (Наркомпрод). Возникло множество контролируемых правительством кооперативов. Нормирование охватило большую

часть потребительских товаров. Оно напрямую зависело от социального статуса гражданина и числа его иждивенцев. К осени 1918 г. все население Москвы и Петрограда было поделено на группы: работники физического труда, работники умственного труда, неработающие. Нормы снабжения продовольствием были установлены в пропорции — 4:2:1[16]. При нехватке продовольствия, что случалось весьма часто, лица, принадлежавшие к третьей, а порой и второй категориям, были нередко вынуждены голодать.

Военнослужащим и их семьям полагался так называемый военный паек, величина которого зависела от того, находился военнослужащий на фронте или в тылу. Служащие невоенных организаций стремились зарегистрироваться как военнослужащие: только в 1919 г. в эту категорию специальным распоряжением были отнесены работники ЧК, милиции, рабочие некоторых особо важных предприятий, политфункционеры, служащие в советских и комсомольских органах. Эта практика приобрела столь широкий размах, что в сентябре 1919 г. была учреждена специальная Комиссия по переводу на снабжение красноармейскими пайками, функции которой в марте 1920 г. были переданы Комиссии Наркомпрода по снабжению рабочих.

10 апреля 1919 г. был увеличен продовольственный паек врачам и медицинским работникам, занятым борьбой с эпидемиями. Некоторые крупные учреждения и гостиницы создавали собственную систему снабжения. Система нормирования продовольствия стала крайне громоздкой. В апреле 1920 г. все невоенные пайки были вновь сведены к трем основным категориям: для лиц физического труда, для лиц умственного труда на государственных предприятиях и для лиц, занятых в частном секторе и не использующих наемного труда. Нормирование двух первых групп было установлено в пропорции 4:3.

Особый интерес представляет появление привилегированных пайков вне рамок общей системы. В декрете, принятом 30 апреля 1920 г., говорилось о необходимости введения специальных норм для рабочих и служащих предприятий и учреждений, имеющих особо важное значение для государства, для рабочих на особо тяжелых и опасных работах и для лиц, занятых наиболее высококвалифицированным умственным трудом. Условия снабжения последних были детально определены как вознаграждение «ответственным работникам», которым предоставлялись те же права, что и рабочим, на получение товаров натурой, а также дополнительных пайков. Это были так называемые ответственные пайки. Уже говорилось, что в октябре 1921 г. были установлены «академические пайки», существовали наверняка и другие виды продовольственного нормирования.

Примечательно, что в декабре 1920 г., то есть в самый разгар голода, условия снабжения «специальных категорий» были включены в декрет о бесплатном снабжении продовольствием. Можно предполагать, что этот вид привилегий был ликвидирован вместе с отменой нормирования продовольствия и оплаты натурой в конце 1922 года. Тем не менее был установлен прецедент, которому суждено было долгие годы определять советскую реальность. Не следует при этом забывать, что большинство людей в самую тяжелую пору тех трудных лет вынуждено было прибегать к услугам черного рынка, по сути своей наименее эгалитарного, более всего благосклонного к самым состоятельным и влиятельным клиентам.

В первые послереволюционные годы понятие «общественное питание» отнюдь не воспринималось городским населением в том виде, каким оно было раньше, однако относящиеся к нему учреждения — от дешевых пирожковых до роскошных ресторанов — были, по самой своей природе, социально дифференцированы, что составляет непременное условие эгалитарного режима. Декрет, принятый спустя два дня после захвата большевиками власти, предоставил городским администрациям право взять в собственность любые магазины, рестораны, гостиницы и мельницы, установив контроль над снабжением их продуктами и товарами, персоналом, ценами и т. д. Разрешалось также превращать рестораны и гостиницы в места общественного питания под управлением и контролем городских властей. Поощрялось и создание столовых непосредственно на предприятиях.

Скоро стало очевидным, что все эти государственные заведения, как это было и раньше, значительно отличались друг от друга по доступности и качеству обслуживания. Как отмечал в своих воспоминаниях советский дипломат Г. А. Соломон, качество обслуживания в кремлевской столовой в 1919 г. было безупречным. СНК

имел свою собственную столовую, делами которой, как говорили, заправлял тогдашний руководящий работник Наркоминдела М. М. Литвинов. Доступ туда был ограничен узким кругом высокопоставленных советских деятелей, а потому питание было отличным и невероятно дешевым.

Для тех точек общественного питания, которые остались в частных руках, в августе 1918 г. были введены строгие правила регистрации. 28 октября 1919 г. власти приняли, под предлогом борьбы с черным рынком, декрет о закрытии частных кафе, гастрономических магазинов и столовых, которые «не соответствовали запросам трудящихся». Однако вскоре пришлось во имя получения высоких налогов признать по закону существование по меньшей мере пяти категорий таких заведений. К июлю 1925 г. кафе и рестораны четвертой и пятой категорий рассматривались уже как предприятия, производящие предметы роскоши. Налоги (патенты) для них были установлены в 1,5 и 2,5 раза выше тех, которые брали с заведений второй и третьей категорий, что несомненно сказывалось на цене блюд. Снабжение их продуктами питания носило элитарный характер с первых же дней нового режима. Предприятия же, занимавшиеся производством таких предметов роскоши, как кожи, меха, кружева, драгоценности, мебель и сигары, с середины 20-х годов подлежали специальному налогообложению.

Привилегии в получении жилья. Экспроприация после революции собственности класса эксплуататоров сопровождалась поспешной национализацией и муниципализацией жилых помещений. Многоквартирные жилые дома передавались в ведение местных советов, учреждений и организаций; отдельные частные квартиры и мелкие жилые строения, как правило, оставались в частном владении. К середине 20-х годов около половины жилого фонда городов стало общественной собственностью, пользование которой подлежало, однако, строгому регламентированию в соответствии с государственными установлениями и правилами.

Уже к январю 1918 г. местные советы обзавелись своим собственным жилым фондом, получив при этом широкие полномочия по его использованию[17]. Главная задача этих органов свелась к переселению заслуживавших того пролетариев в более просторные помещения за счет их дореволюционных обитателей. Местные власти никогда не отказывались от своей доминирующей роли в решении жилищного вопроса, однако 8 августа 1921 г. было разрешено и частное жилищное строительство, в первую очередь для организаций и живущих за пределами уже существующих жилых массивов мастеровых, при условии соблюдения индивидуальными застройщиками местных норм жилплощади. С течением времени, в 20-х годах, стало поощряться и кооперативное строительство с предоставлением в этих целях государственных ссуд.

В законодательстве получили отражение два аспекта жилищной проблемы: излишки жилой площади, превышающие установленные Наркомздравом 17 июля 1919 г. нормы, и дифференцированная квартплата. 25 мая 1920 г. местным советам было предписано постоянно заниматься по согласованию с профсоюзами перераспределением жилого фонда с предоставлением дополнительной жилплощади «отдельным лицам и категориям трудящихся», которая потребна для их профессиональной деятельности. От этого в первую очередь выгадали специалисты промышленного производства. В августе 1921 г. инженеры получили право улучшать свои жилищные условия путем получения дополнительной комнаты сверх всяких жилищных норм «для надомной работы в профессиональных целях». 16 января 1922 г. дополнительная комната была разрешена и научным работникам.

Категория квартиросъемщиков, которым предоставлялась такая привилегия, судя по всему, постоянно расширялась, и 29 сентября 1924 г. был опубликован подробный список тех, кто имел право получить дополнительную комнату, а в случае отсутствия таковой — до 16 кв. м сверх нормативов РСФСР[18] (реальная жилплощадь в то время, по всем расчетам, равнялась 6 кв. м на человека). Было определено пять категорий лиц, имеющих право на такую привилегию (не считая людей, страдающих некоторыми заболеваниями).

В первую категорию вошли работники «государственных или приравненных к ним учреждений и предприятий, профсоюзов, кооперативных и партийных организаций», занятые служебной работой на дому, внесенные в специальный список профсоюзов или несшие ответственность за работу, оплачиваемую на два порядка выше их зарплаты. Ко второй категории были отнесены ответственные работники

армии и военно-морского флота из числа высшего командования, высшего управленческого звена и политического руководства, принадлежавшие к первым четырем рангам из 19, учрежденнных в те годы в вооруженных силах. Сюда же были включены командиры и комиссары некоторых воинских подразделений. В третью, четвертую и пятую категории входили научные работники, которым это право было предоставлено 31 июля 1924 г., врачи и дантисты, занимающиеся частной практикой, а также члены Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

Те, кто имел право на дополнительную жилую площадь, не могли настаивать на ее получении: закон предусматривал лишь сохранение за квартиросъемщиком уже имевшихся у него излишков жилплощади или предоставление добавочной площади по мере ее поступления в жилфонд. Годом позже эту привилегию распространили на хирургов-ветеринаров, юристов, инженеров, писателей и артистов, а также на всех, кто получал доходы от занятий умственным трудом не в штате соответствующих учреждений, а по трудовому соглашению.

20 апреля 1922 г. после длившегося 14 месяцев эксперимента — предоставления бесплатной жилплощади — был принят декрет о взимании квартплаты, основные положения которого никогда после этого не отменялись[19]. Максимальную квартплату устанавливали, причем по крайне низким расценкам, местные советы: стоимость жилплощади в 5 кв. м равнялась 1% от минимальной зарплаты работника государственного предприятия. Учитывались расходы на содержание жилья, его качество (санитарные удобства, наличие или отсутствие электричества и газа), а также его месторасположение. Квартплата, таким образом, отражала в основном социальные, а не экономические аспекты. Принимался в расчет размер семьи и в какой-то мере род занятий квартиросъемщика. Занятые в частном секторе платили на 50% больше, в то время как инвалиды войны и лица, получившие травму на производстве, вообще освобождались от квартирной платы.

Не занимавшиеся общественно полезным трудом должны были сами подыскивать себе жилье, каким бы дорогим оно ни было, а те из них, кто проживал в муниципальных квартирах, нередко подвергались жестокой дискриминации. Согласно закону, принятому в октябре 1922 г., жильцам муниципальных домов, жившим на «нетрудовые» доходы, или лицам свободных профессий квартплата могла быть установлена в 9 раз выше обычной.

Низкая квартплата в муниципальном секторе означала, конечно же, дополнительные выгоды для тех, кто хорошо зарабатывал в общественном секторе. По усмотрению местного совета за излишки жилья взималась дополнительная плата, но если превышение жилплощади санкционировалось свыше, то квартплата оставалась на обычном уровне.

В октябре 1922 г. был принят декрет об излишках жилплощади. Рабочие, которые иногда проживали на площади в 2 раза больше нормы, а также те, кто имел излишки площади на законном основании, вносили за них обычную квартплату. Дополнительное сверхнормативное превышение площади облагалось в десятикратном размере для рабочих и в стократном — для всех прочих.

К середине 1923 г. квартплата стала больше соответствовать получаемым доходам, однако лица с более высокой зарплатой опять выгадали больше других, поскольку потолок квартплаты составлял 1 руб. 20 коп. за квадратный метр для всех, кто зарабатывал свыше 100 руб. в месяц. А площадь сверх нормы облагалась платой всего в трехкратном размере. По-прежнему сохранилась дискриминация в отношении лиц свободных профессий или живущих на «нетрудовые» доходы: первые платили за жилье от 2 до 5 руб. (в Москве была установлена особая плата — 10 руб.), вторые — по крайней мере 5 руб. за квадратный метр. 1 июня 1923 г. квартплата была повышена ради улучшения содержания домов, принципы же, положенные в основу шкалы квартплаты, остались прежними.

В середине 20-х годов наметилась тенденция к понижению квартплаты для представителей творческой интеллигенции. К концу июля 1924 г. значительно улучшились жилищные условия научных работников: отныне им разрешалось иметь дополнительную комнату. После опубликования актов от 22 декабря 1924 г. и 30 сентября 1927 г. большие преимущества предоставлялись писателям, артистам, скульпторам и научным работникам. 4 июня 1926 г. союзным республикам было предоставлено право самим устанавливать квартплату для лиц свободных профес-

сий и даже опускать ее до уровня, установленного для рабочих. Годом позже им разрешили устанавливать потолок квартплаты для лиц с нетрудовыми доходами.

Налицо, таким образом, явная тенденция к дифференцированному распределению жилья. Об этом свидетельствует положение наиболее привилегированной группы квартиросъемщиков. Вот данные о руководящих деятелях Народного комиссариата по делам национальностей[20]. Из 65 человек, внесенных в официальный справочник, в Кремле жил только Сталин. 8 из его коллег проживали во II и IV домах Советов. 20 человек разместились в трех также зарезервированных домах, расположенных на «престижных» центральных улицах. Трое располагались в когда-то роскошных гостиницах «Савой» и «Русь».

Еще по ленинскому декрету от 16 августа 1918 г. разрешено было народным комиссариатам принимать предложения соответствующего управления Моссовета об аренде отдельных гостиниц и домов для служебных помещений и проживания работников. К сентябрю 1923 г. был выпущен специальный перечень гостиниц столицы, закрепленных за государственными учреждениями, постояльцы которых не подлежали выселению[21]. Практика предоставления административным органам собственного жилого фонда никогда не прекращалась, всегда оставаясь важным фактором при дифференцированном распределении жилья между разными группами населения.

Возможности получения высшего образования. В декларации от 2 августа 1918 г. большевики заявили, что высшее образование доступно всем гражданам, достигшим 16 лет, независимо от пола и национальности. Однако меры по поддержке рабочих и крестьян вылились на практике в дискриминацию по отношению к тем социальным группам, из которых прежде традиционно выходило большинство студентов. Профсоюзный циркуляр, опубликованный в газете «Труд» 15 мая 1923 г., открыто призывал принимать в вузы только рабочих и членов коммунистической партии[22]. Правила, утвержденные в марте 1924 г., создали прецедент, установив систему квот, согласно которой предпочтение при приеме оказывалось молодым людям, окончившим рабфаки, а оставшиеся места заполняли кандидаты, выдвинутые партийными, комсомольскими и профсоюзными органами[23]. Буржуазные элементы, лишенные избирательных прав по Конституции 1918 г., не имели никаких шансов поступить в вузы[24].

Политику пролетаризации системы высшего образования оказалось, однако, не так уж просто проводить в жизнь, и на протяжении всех 20-х годов слышались жалобы на то, что среди студентов вузов преобладали непролетарские элементы, или, как формулировалось в циркуляре 1925 г., лица, «не представляющие классовой ценности». Семьи работников умственного труда вынуждены были прибегать ко всякого рода уловкам, иногда незаконным, лишь бы дать возможность детям получить высшее образование. Майский циркуляр 1923 г. утверждал, что многие служащие и их дети оказались в вузах благодаря протекции, личным связям и т. д. Иногда в вуз направляли для того, чтобы отделаться от ненужного работника. Еще одна лазейка таилась в самих правилах приема в вузы. Уже отмечалось, что представители некоторых профессиональных групп получили привилегию поступать в вузы на тех же основаниях, что и рабочие.

В правилах приема 1924 г. говорилось, что, хотя двери в вузы открыты лишь для членов профсоюзов, непосредственно связанных с производством, предпочтение будет оказываться тем, кто участвовал в гражданской войне, героям труда, членам ВКП(б) и комсомола. Приблизительно в то же время приемным комиссиям вузов было дано указание в порядке исключения полностью или частично освобождать от вступительных экзаменов лиц, «представляющих особую классовую ценность», чья «общая подготовленность» к поступлению в вуз не вызывала сомнений[25]. В идеале власти хотели бы зачислять в студенты лишь выходцев из рабочего класса и коммунистов, но добиться этого было не так просто.

Для середины 20-х годов определить размеры непролетарской прослойки в студенческой среде крайне трудно. Однако к 1930 г. в университетах РСФСР было лишь 37,4% студентов рабоче-крестьянского происхождения. Большинство же студентов вышло из некооперированных ремесленников, «единоличников» и из необозначенной группы, которую, скорее всего, составляли работники умственного труда (52,8%)[26]. Последняя группа представляла в те годы всего 10% населения страны. Из этой же среды вышло 70% научных сотрудников Московского уни-

верситета. Однако ориентация на пролетарское происхождение при приеме в вузы сохранялась вплоть до 1936 г., когда новая Конституция провозгласила, наконец, формальное равенство всех советских граждан.

Различия существовали и в плате за обучение. В вузах, как и во всех других учебных заведениях, она была введена 22 марта 1923 года. Первоначальный размер платы за обучение в вузе был установлен в 50 руб. в новой ревальвированной советской валюте. Однако при этом допускалось немало исключений, которые касались инвалидов войны, беднейших рабочих и крестьян, детей рядовых красноармейцев и матросов, командиров, комиссаров, армейских и флотских политработников, а затем и работников военно-административной службы.

Для лиц непролетарского происхождения в начале 1924 г. она была значительно (даже с учетом инфляции) повышена и взималась дифференцированно. Студенты — выходцы из среды работников умственного труда, представители свободных профессий и их дети должны были в зависимости от решения приемной комиссии платить от 100 до 300 руб., а те, кто жил на «нетрудовые» доходы, — от 225 до 400 рублей. Судя по всему, такой порядок сохранялся вплоть до начала 30-х годов.

Категория лиц, которые могли поступать в вуз на равных основаниях с рабочими и платить те же деньги за обучение, постоянно расширялась. В декабре 1925 г. дети медицинских работников, занятых в сельских местностях, при поступлении в вузы и другие учебные заведения освобождались от платы за обучение и могли рассчитывать на стипендию. В 1926 и 1927 гг. к выходцам из рабочих и крестьян приравняли детей академиков, научных работников, деятелей литературы и искусства, а в марте 1926 г. руководители народного образования РСФСР даже зарезервировали определенное количество мест для детей «рабочей интеллигенции». Большие преимущества, без сомнения, получили дети из литературных и артистических семей от учреждения в январе 1926 г. нескольких частных художественных и профессиональных институтов, однако этот эксперимент вскоре был прекращен[27].

Транспортные проблемы. Первоначально власти, видимо, намеревались решить проблему передвижения по стране на основе полной эгалитарности; однако стечение обстоятельств, бюрократические препоны и определенные социальные потребности вынудили ввести специальные правила для некоторых групп населения.

Поначалу большевики попытались ввести продержавшуюся совсем недолго практику «равноправия» при передвижениях для тех, кому они были разрешены. До революции существовало два класса мягких и два класса жестких вагонов, а также роскошные салон-вагоны и товарные вагоны, оборудованные лавками для перевозки бедноты. В ноябре 1918 г. было решено — в целях «экономии топлива» и увеличения пассажирских перевозок — упразднить те немногие из мягких вагонов, что еще уцелели, а часть переоборудовать в жесткие вагоны третьего класса. Спустя полтора месяца были упразднены классные вагоны как таковые и за стандарт был взят дореволюционный вагон третьего класса. Одновременно вводилась единая система билетных цен.

Однако администрации железных дорог предоставлялось право «для удобства пассажиров» пускать за дополнительную плату определенное количество скорых поездов, как экспрессов, так и курьерских, а также включать в ночные составы и поезда дальнего следования вагоны с нумерованными местами и полками. Но претворение в жизнь этих решений осуществлялось крайне медленно. В сентябре 1919 г. и апреле 1920 г. были спущены указания о том, что сохранившиеся мягкие вагоны отводятся женщинам с малолетними детьми, больным, а также пассажирам дальнего следования (во втором из этих документов эти последние были заменены лицами, совершающими официальные и деловые поездки). Таким образом, согласно принятому компромиссному решению парк пассажирских вагонов был снова поделен на два класса — мягких и жестких.

Определение платы за проезд представляло серьезную проблему. 29 сентября 1919 г. устанавливалась стоимость проезда, в 50 раз превышавшая июльский уровень 1917 г., однако к тому времени было введено столько ограничений на приобретение билетов, а деньги стали значить так мало, что эта стоимость уже никого не беспокоила. Любопытно, что за месяц до принятия так называемого единого билет-

ного тарифа не опубликованный в печати документ устанавливал отдельные категории лиц, имевших право пользоваться бесплатным проездом; сюда входили работники железных дорог, учащиеся начальной и средней школ рабочей молодежи, ответственные работники в деловой поездке, в том числе работники финансовых органов и ЧК, занятые на железнодорожном транспорте, служащие телеграфа, ответственные работники правительства, наркоматов, профсоюзов и Реввоенсовета республики. 9 июля 1921 г. была узаконена оплата таких поездок соответствующими ведомствами.

9 сентября 1918 г. были определены особые правила, регулировавшие поездки ответственных работников ВЦИК, СНК, наркоматов по военным делам, почт и телеграфов, иностранных дел. Им во временное или постоянное пользование выделялись вагоны всех классов, включая салоны. Правила разрешали использование отдельных вагонов лишь в экстренных случаях, когда невозможны были обычные средства передвижения. Судя по всему, и тут не обходилось без злоупотреблений. 9 января 1920 г. власти сочли необходимым запретить долгосрочное использование вагонов в личных целях. Тем не менее вплоть до 1926 г. существовала система предоставления индивидуальных вагонов.

Не следует удивляться, что видные военачальники, начиная с Л. Д. Троцкого, следовали своим собственным правилам. Салон-вагоны, вагоны-рестораны и мягкие вагоны предоставлялись тому или иному военачальнику согласно его рангу. Декрет от 23 июля 1920 г., т. е. когда гражданская война фактически уже закончилась, сохранял за наркоматами право пользоваться отдельными вагонами (их число составляло до 5% от общего парка вагонов).

Декретом от 3 мая 1918 г. все автомобили были переданы в единый парк, затем перерегистрированы — в феврале 1919 г., а в июле распределены по отдельным ведомствам. Судя по всему, легковых автомобилей к тому времени было всего 2582. Обслуживали они исключительно влиятельных деятелей. Утвержденные 10 июня 1920 г. правила предусматривали, что право проезда в автомашинах по Москве и Московской области имеют только члены Президиума ВЦИК, народные комиссары, члены коллегий наркоматов, ЧК, Малого Совнаркома, Реввоенсовета, члены президиума Моссовета, ВСНХ, Всероссийского совета профсоюзов, Центросоюза и сопровождающие их лица.

Все остальные советские служащие могли пользоваться машинами только при особых обстоятельствах со специального разрешения руководства того учреждения, где они работали, утвержденного московской ЧК, которая, кстати говоря, утверждала и все автомобильные лицензии. В правилах указывалось, что использование автомашин для поездок в театр, на концерт и т. д. безусловно запрещается. По мере пополнения парка машин правила эти были несколько смягчены. Но о личных автомашинах никто не помышлял еще в течение нескольких десятилетий.

Заграничные поездки. После революции право совершать заграничные поездки было крайне ограничено, а вскоре по сути превратилось в редкую политическую привилегию.

После революции в повестку дня встал вопрос о создании нового пограничного режима, призванного охранять молодую республику до тех пор, пока мировая революция не покончит с самой необходимостью границ. Новое законодательство резко ужесточило порядки, существовавшие при царе.

Созданная 28 мая 1918 г. пограничная служба должна была взять на себя функции надзора, включая и такие, как пресечение попыток тайных перевозок товаров и тайного перехода сухопутных и морских границ РСФСР. Вскоре были созданы таможни и пограничные заставы. Согласно декрету от апреля 1919 г. заграничные паспорта, до того времени выдававшиеся подотделом НКИД, некоторыми местными советами и другими организациями, теперь мог выдавать только НКИД, которому вменялось в обязанность выдавать паспорта только тем лицам, отъезд которых «не вызывал возражений» со стороны народных комиссариатов военных и внутренних дел. Учитывая политическую напряженность тех лет, легко себе представить, какие трудности создавала эта система для рядового гражданина. Были разработаны меры по предотвращению проникновения в пределы РСФСР граждан враждебных государств и выдворению тех, которым это все же удавалось сделать.

Новый режим создал немало бюрократических барьеров на пути частных гра-

ждан, пожелавших покинуть страну. 3 июня 1919 г. на НКИД была возложена обязанность получать от всех советских организаций, направлявших своих работников по служебным делам за границу, документы, удостоверяющие необходимость такой поездки, и гарантии их преданности и лояльности. Литвинов с удовольствием приступил к выполнению положений этого декрета, потребовав от работников НКИД собирать все необходимые данные на лиц, намеревавшихся отправиться за рубеж.

В сентябре 1921 г. для рядовых граждан были установлены пошлины на получение заграничного паспорта, а также выездной, въездной и транзитной виз. Это позволяет сделать вывод, что и в период нэпа по своей воле за границу готово было отправиться значительное число людей. Пошлины были большими. Паспорт стоил 3 тыс. руб., что составляло в то время в Москве почти месячную зарплату специалиста высшей квалификации, а виза на вторичную поездку — 100 тыс. рублей. Государственным служащим, отправлявшимся в деловую поездку, паспорт выдавался бесплатно, и их расходы, естественно, также оплачивались.

Еще более строгие правила для получения заграничного паспорта были установлены 10 мая 1922 г., но они, разумеется, ни в какой мере не касались узкой группы высокопоставленных лиц. Поездки за границу отныне проводились лишь «по особому разрешению» НКИД. Ко всякому обращению на этот счет должна была прилагаться справка из ГПУ, свидетельствующая об отсутствии законных препятствий для совершения такой поездки данным лицом. За такой справкой можно было, в свою очередь, обратиться только по предъявлении шести документов, включая поручительство двух граждан РСФСР, не состоявших прежде под судом и не находившихся под следствием, а также справку с места работы, подтверждающую отсутствие возражений к его отъезду. Паспорт был действителен лишь на шесть месяцев. Желающие выехать из страны и не имеющие на то официального разрешения должны были быть готовы к тому, чтобы иметь дело с тайной полицией.

Справок ГПУ не требовалось лишь членам ВЦИК, наркомам и их заместителям, членам коллегий наркоматов и руководящим работникам губисполкомов. Особая и, видимо, облегченная процедура применялась к дипломатам, морякам, репатриантам, лицам, принявшим советское гражданство, и тем, кто проживал в пограничных зонах. В декабре 1922 г. выдача обычных загранпаспортов была полностью передана в ведение органов НКИД.

Разрешения на зарубежные поездки другим группам населения давались со всеми мерами предосторожности. 6 декабря 1921 г. была определена «упрощенная процедура» получения разрешения на зарубежные поездки для академиков и научных работников. К весне 1924 г. в моду вошли поездки для изучения зарубежного опыта работы и менеджмента под эгидой Рабоче-крестьянской инспекции. Еще до июля 1924 г. в Наркомпросе была учреждена комиссия по зарубежным поездкам сотрудников Академии наук, однако, судя по ее статусу, она занималась исключительно организацией командировок наркомов. Из декрета, опубликованного в 1927 г., явствовало, что зарубежные поездки официальных лиц распределялись среди правительственных учреждений по системе квот.

Ж. А. Медведев, рассматривая ограничения паспортного режима, высказывает мнение, что в 20-е годы существовала довольно либеральная система выдачи зарубежных паспортов, и изменения к худшему произошли лишь в 1929 году[28]. Думается, однако, что строгость правил получения паспортов даже в период нэпа говорит не в пользу этой точки зрения.

Персональные пенсии и награды. Большевики придавали большое значение социальному страхованию, эффективной защите интересов трудящихся. Первые послереволюционные законодательные акты имели целью оказать финансовую помощь на случай болезни, потери трудоспособности или безработицы, сокращения продолжительности рабочего дня для молодежи и женщин, особенно беременных[29]. Вопрос о пенсиях по возрасту — один из центральных в системе социального страхования — поначалу был включен в законодательство о нетрудоспособности, и только в декабре 1921 г. людям, проработавшим не менее 8 лет, дали возможность получать эти пенсии.

Для проведения в жизнь ранее принятых социальных программ в марте 1918 г. были созданы специальные органы. Однако тяжелые времена затрудняли проведе-

ние в жизнь этих законов. Вплоть до наступившей в конце 20-х годов стабилизации советское социальное страхование сводилось в основном к случайным акциям и обязательствам, сильно различавшимся по охвату, а часто, в зависимости от складывавшихся обстоятельств, вообще не имевших реальной силы. Направлены они были на оказание помощи беднейшим рабочим в городах. Крестьянам государственная защита в сфере социального страхования не оказывалась вплоть до июля 1964 года.

Из всех форм социального страхования лишь пенсии по возрасту были социально дифференцированы. Свою деятельность в этой области большевики начали с внесения коренных изменений в установления, действовавшие при царском режиме. Декрет от 19 декабря 1917 г. отменил все пенсии свыше 300 руб. в месяц (весьма скромная сумма по тем временам, учитывая инфляцию) и уполномочил Наркомфин пересмотреть соответствующие пенсионные дела. Пенсии менее 300 руб. стали выплачиваться лишь тем, кто их «заслужил». 20 декабря была прекращена выплата пенсий бывшим членам Государственного совета, Временного правительства, а заинтересованным лицам предоставлялось право обращаться за дальнейшей помощью в Народный комиссариат государственного призрения.

В то же время декрет от 16 июля 1920 г. предусматривал выплату пенсий лицам, «имеющим особые заслуги перед рабоче-крестьянской революцией в борьбе с мировым империализмом, с контрреволюцией буржуазии и помещиков, а также в деле социалистического строительства и партийной работе»[30]. Пенсия по болезни или в связи со смертью кормильца устанавливалась в зависимости от состава семьи. Через три месяца были добавлены новые правила. Теперь в случае смерти пенсионера его семья могла получать не только «повышенную» пенсию, но сверх того и единовременное вспомоществование в сумме не более чем в 15 раз превышающей среднемесячную зарплату.

Видимо, эти выплаты стали предметом злоупотреблений, поскольку 5 декабря 1921 г. было разъяснено, что «повышенные» пенсии следует назначать лишь в случае полной потери трудоспособности, что в какой-то мере меняло характер пенсий. Отныне были установлены две степени заслуг. Одна, более высокая, определялась особой значимостью революционной, государственной и профсоюзной деятельности или выдающимся служением науке, искусству, литературе и технике. Вторая — участием в революционной, государственной и профсоюзной деятельности на местном уровне, проявленной при этом самоотверженностью или исключительной преданностью своему служебному долгу. После смерти пенсионера пользоваться ими могли его дети вплоть до достижения совершеннолетия, а также нетрудоспособные члены семьи.

Более высокую пенсию назначал только Народный комиссариат социального обеспечения по ходатайству центральных органов власти, низшую — местные органы социального обеспечения по просьбе местных советских, партийных и профсоюзных организаций. Существенно, что размер пенсий значительно снизился. Республиканские пенсии не могли превышать максимальный уровень зарплаты, а местные — средней зарплаты.

Судя по всему, 16 февраля 1923 г. в пенсионном вопросе произошел еще один поворот. Теперь разрешалось устанавливать персональные, как их теперь стали именовать, пенсии на уровне, в 2 раза превышающем наивысший размер зарплаты ответственных советских и профсоюзных работников с автоматическим их повышением в случае инфляции. В Москве применительно к высокооплачиваемой категории служащих единовременная выплата денег пенсионеру «на лечение» достигала размера тройной пенсии или тройной зарплаты. Каким бы ни было в то время реальное содержание всех этих выплат, они, несомненно, являлись весьма щедрыми. К тому же времени относится и создание постоянной комиссии по назначению пенсий в рамках Народного комиссариата социального обеспечения.

В течение 20-х годов система назначения персональных пенсий не претерпела существенных изменений, хотя кое-что было уточнено. С образованием СССР союзные республики получили право назначать свои персональные пенсии и был установлен порядок их выплаты за пределами отдельных республик по месту проживания пенсионера.

Персональные пенсии были необычайно престижны. Неудивительно поэтому, что власти стремились широко публиковать в печати указы о назначении персо-

нальных пенсий наиболее именитым людям. Первым таким актом, на который я обратил внимание, было постановление СНК от 6 марта 1923 г. о назначении пожизненных пенсий (на уровне самой высокой зарплаты) 14 «активным участникам Морозовской стачки, людям, которые были зачинателями Революции». К концу 20-х годов такого рода публикации стали обычным явлением. Фактически это отражало суть правительственной политики постепенного возврата к присуждению государственных наград и почетных званий.

Подобно многим прежним властителям, большевики посчитали целесообразным учреждение своих собственных орденов и знаков отличия для награждения тех, кто успешно решал социальные задачи. Отмена царских званий и титулов 11 ноября 1917 г. имела целью продемонстрировать отказ от всех прежних знаков социального отличия. Вплоть до середины 20-х годов режим присуждал всего лишь один знак различия, а именно орден Красного Знамени, учрежденный 16 сентября 1918 г. для награждения любого гражданина республики, проявившего особую храбрость и доблесть непосредственно на поле боя. Несколькими месяцами позднее им стали награждать целые воинские подразделения. 7 сентября 1928 г. был учрежден орден Трудового Красного Знамени для тех, кто имел выдающиеся трудовые заслуги перед государством.

Судя по всему, награждение этими орденами не давало в то время каких-либо правовых или финансовых преимуществ, однако вполне вероятно, что обладание столь престижной наградой облегчало ее владельцу повседневную жизнь. В то же время учрежденная в июне 1925 г., спустя 17 месяцев после смерти Ленина, в высшей степени престижная Ленинская премия предусматривала вручение финансового вознаграждения. 25 августа 1926 г. было введено звание «Заслуженный работник (деятель)», которое присваивалось за ценный вклад в развитие науки и техники, выдающуюся деятельность в области искусства, плодотворную научную работу и особенно за важные открытия и изобретения. Эти звания получили в дальнейшем чрезвычайно широкое распространение.

Рассмотренные выше привилегии существенно различались как по своему характеру, так и по сфере их применения. На одном полюсе находились многочисленные и не столь существенные привилегии, которые на бумаге могли получать «в равной степени» все без исключения члены общества. На другом — заграничные поездки, которые вскоре превратились в привилегию, предоставление которой целиком зависело от властей. Можно привести немало примеров того, как престижные права, пенсии и т. д. создавались специально для того, чтобы дифференцировать и поставить в особое положение по сравнению с остальной массой населения наиболее активных сторонников большевиков.

Большевики после непродолжительных уравнительских экспериментов установили, как это принято и в капиталистическом обществе, огромную разницу в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных, что соответствует давно укоренившимся социальным нормам. Эти же принципы постепенно распространились и на различные формы натурального вознаграждения.

Большевики получили в наследство от старого режима слишком малое количество необходимых людям товаров, которые можно было бы разделить между всеми. Ярчайший пример этого — парк автомашин. Эгалитарный подход мог бы привести к какой-то системе поочередного пользования, ограниченного или временного, но и это было невыполнимо. В результате автомашины были отданы в единоличное пользование ответственных работников, что является наиболее ярким примером элитарного решения проблемы. Как ни странно, но то же самое можно, до некоторой степени, сказать и о распределении мест в вузах. Именно в этой области официальная политика на первых порах наиболее приблизилась к идеалу эгалитаризма. Однако вскоре стало очевидным, что академический потенциал невозможно поровну поделить между всеми социальными классами, а если заполнить все институты рабочими и крестьянами, наиболее способные люди лишатся возможности получить образование. Власти, с одной стороны, поощряли эгалитарную политику, с другой — развивали систему привилегий для определенных избранных групп.

Труднее всего применять принципы эгалитаризма к тем средствам общественного существования, которые уже подверглись глубокой дифференциации. Наиболее яркий пример — жилищный фонд (проблемы железнодорожного транспорта

весьма схожи). Здесь большевики применили уравниловку, забирая жилплощадь у буржуазии для нужд рабочих. Однако это лишь одна сторона дела. Мы также видим, как новое руководство проводит линию умеренной дифференциации при распределении жилплощади в соответствии со своими собственными стандартами. Более того, политика установления низкой квартплаты в сочетании с очень высокой дифференциацией доходов сама по себе несет печать неравенства, ибо дает преимущества высокооплачиваемым. Налицо явный пример того, как дореволюционная модель распределения жилья была приспособлена к новой, отличной от старой, социальной иерархической системе.

Наиболее привилегированные социальные группы сравнительно легко выделить по тем благам, которыми они пользовались. Специалисты, занятые на государственных предприятиях, получали основное вознаграждение в виде высокой зарплаты. Партийные и государственные чиновники были связаны более жесткими пределами зарплаты, но зато в периоды острого дефицита продовольствия и товаров их включали в те категории работников, которые пользовались преимущественным снабжением, а также теми благами, которых лишены были другие. Командный и начальствующий состав в армии занимал заметно обособленное положение, и размеры благ, которыми он пользовался, постоянно увеличивались. Представители творческой интеллигенции (которые могли работать на общих основаниях и в государственном секторе) также получили некоторые существенные, хотя и второстепенные привилегии.

Для полной картины следовало бы принять во внимание и незаконные привилегии. Многие из отступлений большевиков от эгалитаристских принципов можно документально засвидетельствовать, но объяснить их нелегко, поскольку каждый частный случай можно связать со стечением разных конкретных обстоятельств. Наиболее очевидные факторы — идеологическая склонность большевиков к централизованному политическому контролю; их желание как крайне узкой и непопулярной группы привлечь на свою сторону колеблющихся и бывших врагов; косность их социальных взглядов и поведения; наличие дифференцированной материальной базы, и, конечно же, несходство самих людей. Экономисты могут добавить к этому перечню «рыночные силы», но они уже обозначены по крайней мере в двух приведенных выше факторах. Можно в какой-то мере спорить о том, до какой степени влияли обстоятельства на создание и воссоздание привилегий. Однако ни один объективный наблюдатель не затруднится назвать те многочисленные примеры, когда ради достижения какой-либо цели большевиками нарушалась этика эгалитаризма.

Примечания

1. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 33, с. 93.
2. Там же. Т. 35, с. 105.
3. Декретирование уровня зарплаты — логическое следствие проведенной национализации и государственного контроля. Пройдут годы, и этот процесс приобретет множество форм — от простого установления максимума и минимума при заключении трудового договора до введения в конце 20-х годов детализированных расценок, распространявшихся практически на всех рабочих и служащих.
4. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 310.
5. Там же. Т. 35, с. 63—64.
6. Там же. Т. 44, с. 198—199.
7. Декреты Советской власти. Т. II. М. 1959, с. 488—489.
8. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР (СУ). М. 1923, с. 90.
9. См. PROCOPOVICZ S. N. Histoire Economique de l'URSS. P. 1952, p. 386.
10. KAPLAN F. I. Bolshevik Ideology and the Ethics of Soviet Labour. Lnd. 1969, p. 344.
11. СУ, 1919, с. 206, 490; 1920, с. 231.
12. ДАНИЛОВА Е. Н. Действующее законодательство о труде. М. 1927. Т. 1, с. 358.
13. Wollenberg E. The Red Army. Lnd. 1938, p. 183.
14. Декреты. Т. III, с. 552.
15. Декреты. Т. I, с. 26.

16. PROCOPOVICZ S. N. *Op. cit.*, p. 387.
17. MATTHEWS M. Soviet Government. Lnd. 1974, p. 28.
18. СУ, 1924, с. 818.
19. СУ, 1922, с. 349.
20. Справочник Народного Комиссариата по делам нацменьшинств. М. 1921.
21. СУ, 1923, с. 741.
22. ШИШКИН С. Н. Права учащихся и учащих. М. 1925, с. 55.
23. Там же, с. 45.
24. Правда, 30.XII.1935.
25. ШИШКИН С. Н. Ук. соч., с. 53.
26. Государственные университеты. М. 1934, с. 12, 77.
27. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. М. 1926, с. 39, 137, 332; 1927, с. 587.
28. МЕДВЕДЕВ Ж. А. Международное сотрудничество ученых и национальные границы. Лондон. 1972, с. 224.
29. DEWAR M. Labour Policy in the USSR, 1917—1928. Lnd. 1956, p. 165.
30. СУ, 1920, с. 300.

Фейсал ас-Сауд

А. И. Яковлев

Согласно обычаям ваххабитов, на его могиле нет ни мавзолея, ни надписи. Да и ни в каком ином месте Аравии нет ему памятника. Тем не менее память об этом государственном деятеле жива. В частности, его имя носят в Саудовской Аравии ультрасовременная медицинская клиника и военно-воздушная академия. Он прожил без малого 70 лет. За эти годы Саудовское королевство совершило рывок из средневековья в XX век: когда Фейсал (1906—1975) родился, пустыни Аравии были населены кочевниками-верблюдоводами, а оседлые племена занимались в оазисах примитивным земледелием и разведением коз. К концу же его жизни Аравия неслась по пути индустриализации, а на нефтедоллары ею закупались инженеры и компьютеры, французские духи и американские истребители, телевизоры, автомобили, драгоценности, спутниковая связь, мясные и молочные консервы из Голландии, учителя из Египта, рабочие из Южной Кореи, Тайваня, Индии, Пакистана, Бангладеш и других афро-азиатских стран. На каждом новом этапе развития Фейсал участвовал в принятии важных решений, а потом, будучи уже королем, выступал в роли реформатора.

История семьи Аль Сауд типична для бедуинской знати. Своему возрождению угасавший клан Саудидов обязан Абдель Азизу ибн Абдель Рахману, более известному как Ибн Сауд. В 1902 г. этот 20-летний эмир, нарушив запрет отца, собрал отряд, чтобы захватить прежнюю столицу Саудидов — городок Эр-Рияд в центре Аравии. Внезапным нападением воины Ибн Сауда изгнали гарнизон враждебного им рода Шаммаров, потеряв убитыми всего двоих. Покоренные удалью эмира, горожане поклялись ему в верности. Способности сына оценил и отец и принес ему присягу как главе рода, а себе оставил звание советника.

Вскоре Ибн Сауд был провозглашен правителем государства Неджд. В 1913 г. он присоединил земли Эль-Хасы, в 1921 г. — горные районы Джебель-Шаммара, в 1925 г. завоевал Хиджаз со священными для мусульман городами Меккой и Мединой. С ним заключили соглашения основные западные державы. Лондонские политики поддерживали и одновременно сдерживали новое государственное образование в песках Аравии: одной рукой предоставляли финансовые субсидии, другой — давали деньги и оружие противникам Ибн Сауда, чтобы сохранить контроль над регионом.

Советский генеральный консул вручил верительные грамоты в Хиджазе в

Яковлев Александр Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской АН.

августе 1924 г., а в феврале 1926 г. СССР признал государство Ибн Сауда как короля Неджда, Хиджаза и присоединенных территорий, в 1932 г. получившее название Саудовская Аравия. В начале 30-х годов СССР ввозил туда не только сахар, спички, лес и самовары, но и нефтепродукты[1].

Объединительное движение, начатое Ибн Саудом, приняло религиозную оболочку, ибо ислам был и остается единственной массовой идеологией в стране. Подчинив под ваххабитскими лозунгами возвращения к нормам «истинного ислама» и единства арабов племена бедуинов, король создал при содействии улемов новую форму организации (по сути дела — подчинения) бедуинов, переведя их на оседлый образ жизни и объединив в ихваны (братства). Отказываясь от междоусобиц и кровной мести, ихваны приносили клятву верности эмиру, чью власть ставили выше кровных уз и племенных обязанностей. При создании первых их поселений Ибн Сауд выдавал ссуды на строительство мечетей, школ и жилых домов, обеспечивал семенами, оружием и амуницией[2].

Позднее о добровольности уже не было речи: племена переводились в ихваны под угрозой расселения, объявления врагами Неджда и лишения пастбищ. Насаждался дух нетерпимости к «неверным», к которым причисляли христиан, иудеев и мусульман, отвергающих учение ваххабитов. Энтузиазм ихванов перерождался в фанатизм. Ибн Сауд создал слепое, хотя и не всегда покорное, орудие объединения Аравии. Ихваны долго оставались ударной силой армии, а когда в конце 20-х годов восстали против короля, то подверглись жестокой расправе, и ихванское движение было ликвидировано[3]. Такой была обстановка в Саудовской Аравии, когда на ее исторической сцене появился Фейсал.

Фейсал ибн Абд аль-Азиз ас-Сауд был четвертым сыном Ибн Сауда. Основатель Саудовского государства вступил в несколько десятков династических или обычных браков и оставил после себя 35 сыновей, а всего свыше 300 детей и внуков. Мать Фейсала была его второй женой, умерла рано, и ее смерть стала вторым, после кончины старшего брата Турки (в 17-летнем возрасте), потрясением для впечатлительного Фейсала. Как было принято, первые годы жизни Фейсал воспитывался на женской половине, потом его стали обучать чтению, письму и знанию Корана. Он декламировал Коран наизусть раньше, чем научился хорошо читать; изучал древнюю арабскую литературу, писал стихи. Дед Фейсала по матери — потомок основателя ваххабитского учения — привил мальчику глубокую религиозность. Светских школ в Аравии тогда не существовало, и Фейсал постепенно восполнил недостатки традиционного образования: хорошо знал английский и турецкий языки, стал европейски просвещенным человеком. «Я не получил формального образования в школе, — рассказывал он позднее, — все, что я приобрел, — это благодаря прямому влиянию и руководству моего отца, которому я пытался во всем следовать»[4].

Впервые он пересек границу своей страны 13-ти лет, в сопровождении опытного дипломата Ибн Сунайяна, посетил Англию как представитель короля и глава делегации на переговорах по урегулированию пограничных споров с королем Хиджаза Хусейном. Уже тогда Ибн Сауд разглядел в сыне ум и самообладание. Лондон, встречи с лордом Керзоном, ход переговоров произвели на мальчика сильное впечатление. Наследником престола был в ту пору старший брат Фейсала, Сауд, которому отец отвел военные дела, предназначив Фейсалу дипломатическое поприще, но не исключая его и из военной сферы: в 1922 г. он возглавил поход на Хиджаз. Серьезным испытанием для него стало назначение в 1926 г. вице-королем Хиджаза, только что присоединенного к владениям Ибн Сауда.

Веками Хиджаз жил в ореоле родины ислама, Джидда был одним из крупных портов и торговых центров региона. Эта обретенная провинция была сравнительно более развитой: в пустынном Неджде бедуины и улемы еще считали телефон, радио, автомобили и самолеты изобретением дьявола. Первый увиденный ими автомобиль был сожжен, а с телефоном и радио они примирились после того, как услышали из эфира строчки Корана[5]. Жители Неджда были исполнены религиозного рвения в борьбе с кяфирами — отступниками от ортодоксального ислама, которых они видели и в хиджазцах, и в тысячах паломников, «развращенных» чуждой исламу культурой. А Хиджаз уже имел административную структуру управления, газету и зачатки регулярной армии. Правда, понятия «законность» и «государственность» были там неизвестны. Паломников грабили, доходы торговцев и

владельцев верблюдов нередко изымались в пользу правителя, горные племена не подчинялись властям, а источником существования считали ограбление караванов.

Главной задачей Ибн Сауда и Фейсала стало проведение компромиссной политики для постепенного слияния обеих провинций — Неджда и Хиджаза. Фейсал получил тогда от отца ряд уроков государственного управления и сформировался как дальновидный, осторожный и гибкий, но твердый и решительный политик. Путь уступок и соглашений был сохранен и в сфере духовной жизни, и в сфере государственности. В Хиджазе осталась прежняя структура власти, но под контролем вице-короля. В августе 1926 г. была опубликована «конституция» и создан консультативный совет. Это был жест Ибн Сауда в сторону аристократии и богатых торговцев, претендовавших на самостоятельную роль. Эти демократические акты имели декларативный характер. Ибн Сауд не хотел делиться властью и, как только укрепил свое положение, свел «конституцию» на нет.

Открытой силой король укреплял государственность, наводил порядок. В Хид-

жазе это означало обеспечение паломничества как основного источника пополнения казны, способствовавшего признанию Ибн Сауда хранителем святых мест. В Неджде оставалась задача подчинения всех племен. Король продолжал выплату субсидий ряду племен при условии прекращения ими грабежей караванов, но размер субсидий он уменьшил, а меры наказания ужесточил. Были созданы летучие отряды ихванов для борьбы с нарушителями порядка. Суд вершился по законам шариата[6]. Вору отрубали руку, которую вешали ему на шею. Рецидивисту отрубали ступню левой ноги. За убийство отсекали голову. Ихваны не знали снисхождения, и через несколько месяцев после завоевания Хиджаза в каждом населенном пункте можно было видеть людей, понесших наказание. Характерным для нравов страны был случай, происшедший спустя два десятилетия. Подвыпивший в гостях у английского консула в Джидде один из младших сыновей Ибн Сауда застрелил своего гостеприимного хозяина. Отец предложил вдове на выбор — голову своего сына или пожизненную пенсию. Практичная женщина выбрала второе.

Поощрялось развитие автомобильного транспорта. Автомобили, оснащенные пулеметами, стали в руках Ибн Сауда оружием против непокорных племен или роптавших ихванов. Социальной опорой Ибн Сауду служила верхушка общества. Шейхам была дана свобода действий внутри племени, но на них возлагалась ответственность за поведение соплеменников. Подчиненные королю и получающие субсидии, они постепенно превратились в высших администраторов. Ради успокоения улемов и ихванских фанатиков была создана религиозная полиция — Лига поощрения добродетели и осуждения греха — для наблюдения за исполнением норм шариата. Был введен единый государственный налог, «закят», что для населения означало усиление гнета, но было выгодно купечеству, для которого устанавливалась норма налога в размере 2,5% капитала или стоимости товаров. Данный акт наряду со снижением таможенных пошлин, наведением порядка на дорогах и автомобильным бумом способствовал поддержке короля хиджазским купечеством.

В 20-е годы Ибн Сауд создал в Аравии единое государство и расчистил путь к абсолютной монархии. А Фейсал в начале 30-х годов уже выполнял обязанности вице-короля и председателя Совета министров Хиджаза, стал первым министром иностранных дел королевства. После наследника престола Сауда он был третьим человеком в государстве. В Джидде у него имелся свой двор с административным аппаратом. В те же годы зародилось соперничество двух братьев. В 1926, 1932 и 1939 гг. Фейсал совершает поездки по Европе, изучает чуждые нравы, знакомится с политическими системами и учениями, постигает законы международных отношений. В 1926 г. он посетил и СССР.

Запад все больше нуждался в жидком топливе для автомобилей, самолетов, судов. Господствовавшие на Ближнем Востоке британские нефтяные компании успешно добывали нефть в Иране, а в начале 20-х годов обратились и к Аравии. Поиски там нефти оказались для Англо-Иранской нефтяной компании (АИНК) неудачными, и она отказалась от концессии. После этого мало кто верил в нефтяное будущее Аравии. Но зимой 1931 г. в стране появились американские геологи. Они посоветовали королю решить финансовые затруднения предоставлением компаниям США концессии на добычу нефти. В переговорах с американской «Стандард Ойл Компани оф Калифорниа» («Сокал») в составе саудовской делегации участвовал Фейсал. Позднее льстецы называли его «отцом Арамко», хотя вернее отнести это определение к главе делегации, министру финансов Абдалле Сулейману.

Эти переговоры в конечном счете определили будущее страны. Соглашение с «Сокал» было подписано в мае 1933 г., и ей отдали на откуп обширные территории на побережье Персидского залива. Первая нефть была там найдена в августе 1935 г., в марте 1938 г. — уже в коммерческих количествах, а в 1939 г. началась промышленная разработка месторождений, богатейших в мире и весьма рентабельных. Добыча саудовской нефти принесла немалую прибыль: себестоимость продукции в 1948 г. составляла 0,4 долл. за баррель (нефтяной баррель — около 159 л), тогда как на мировом рынке цена барреля аравийской нефти равнялась 2,22 долл. и выше. В первые два десятилетия доходы «Арамко» (куда кроме «Сокал» вошли еще три американские компании) составляли в среднем 57,6% на вложенный капитал, в 196[1] г. — 81,5%. В нефтяной же промышленности США чистый доход составлял в те годы 10—12% на вложенный капитал[7].

Правительство США не сразу оценило важность Аравии как экспортера нефти

и в начале 40-х годов отказало «Арамко» в предоставлении помощи Саудовской Аравии по ленд-лизу. С началом второй мировой войны компания сократила добычу, а Ибн Сауд требовал увеличения отчислений. Между тем правительство У. Черчилля предоставило королевству займы на 17 млн. долларов. Активность англичан обеспокоила деловых людей в Вашингтоне. В феврале 1943 г. президент Ф. Рузвельт направил в конгресс США письмо, где отмечал, что «защита Саудовской Аравии жизненно важна для обороны Соединенных Штатов». При встрече с Ибн Саудом весной 1945 г. он сказал, что «президент США является прежде всего бизнесменом... и как бизнесмен проявляет интерес к Аравийскому полуострову»[8]. Это способствовало налаживанию «особых отношений» между двумя странами.

События 30—40-х годов завершили формирование Фейсала как дипломата и политика. Уроки, которые он извлек из взаимоотношений с западными державами, состояли в том, что в международных отношениях следует учитывать и силу, и слабость королевства. Единственный фактор силы его страны в те годы — нефтяные месторождения, хотя саудовская сторона была лишь юридическим их владельцем. Слабость же королевства вынуждала его правителей лавировать между США и Англией. Тогда Фейсал и сделал свой выбор в пользу США как основной внешней опоры, чему способствовали и объективные, и субъективные обстоятельства.

Первым следствием деятельности американских нефтяных компаний стал строительный бум, повлекший за собой отток бедноты из пустыни и городов: бывшие ремесленники, торговцы, ловцы жемчуга, водоносы, разорившиеся земледельцы и часть кочевников составили ядро аравийского пролетариата. С того времени развитие страны пошло по двум направлениям. В районах нефтепромыслов создавалось современное промышленное производство и развивалась новая инфраструктура. На остальной территории развитие шло по-прежнему ни шатко, ни валко: кочевники пасли стада верблюдов, торговцы перепродавали товары Египта и Ирана и часть их быстро богатела благодаря посредническим операциям с западными компаниями. Сохранялись те же пыльные, узкие и темные по ночам улочки средневековых городов, построенные из камня крепости, шумные рынки, бесправие женщин и рабов, всесильность шейхов и улемов. Страна развивалась как бы в двух измерениях.

Королевство и королевская семья быстро богатели. За счет отчислений от доходов американских компаний правительство получило в 1938 г. около 500 тыс. долл., в 1940 г. — 2,5 млн., в 1945 г. — 5 млн., в 1948 г. — 50,8 млн., в 1952 г. — 212,2 млн. долларов[9]. Но общие проблемы, стоявшие перед страной, не решались, а усложнялись. Деньги сами по себе — еще не решение проблем, богатство — еще не процветание. Ибн Сауд продолжал править страной как шейх племени. Возраставший поток доходов шел на нужды королевской семьи и использовался ею так, как делали это дети пустыни из арабских сказок. «Нефтяной джин» строил мраморные дворцы с роскошной мебелью, плавательными бассейнами и прохладными зимними садами, установками для кондиционирования воздуха. Появились сотни американских автомобилей, груды золота тратились на жен, наложниц, содержание собственных дворов. Ни о каком производительном использовании доходов не было речи. Саудиды жили по меркам феодального общества. Они восприняли нефтяные доходы как дар Аллаха и соответственно расходовали их.

Но Ибн Сауд дряхлел, и перед ним стал вопрос о преемнике. Пробыв абсолютным властителем более полувека, король за два месяца до смерти передал пост главы правительства Сауду, хотя были известны его слова: «Я хотел бы иметь несколько Фейсалов». Опасаясь соперничества старших сыновей, Ибн Сауд заставил их перед своей смертью поклясться не бороться друг с другом за власть. В ноябре 1953 г. он умер. Собравшиеся у его тела Саудиды принесли присягу Сауду как королю, Фейсалу — как наследнику престола. Новый монарх оставил себе пост премьер-министра, сохранив за братом министерство иностранных дел. Последний был оскорблен, но внешне смирился. Не все в стране одобрили такой ход событий. Один предприниматель позже сказал: «Из-за того, что Фейсал хранил верность своему слову, мы потеряли 11 лет и гору золота»[10].

Новый монарх видел свою задачу в продолжении политики отца, всемерном увеличении нефтедобычи. Тратить деньги он умел, владея 24 дворцами, из которых лишь строительство роскошного ан-Насранийя обошлось в 120 млн. долл.; его

автопарк насчитывал 250 «кадиллаков», личные доходы составляли около 48 млн. долл. в год. На содержание королевской семьи шла пятая часть нефтяных доходов, по 30 тыс. долл. и более в год на каждого принца. Монархия погрязла в долгах иностранным и местным банкам. Государственные чиновники месяцами не получали жалованья. К середине 50-х годов риал обесценился наполовину. Дефицит госбюджета составил 300 млн. риалов. Взяточничество расцвело махровым цветом. Правитель одной из провинций за 30 тыс. риалов избавил от годичного тюремного заключения и ежемесячной порки нескольких подрядчиков, арестованных за пьянство. Он заставлял местные банки продавать ему иностранную валюту по официальному курсу, а затем перепродавал ее на черном рынке. В стране сохранялось рабство. Нефтяные доходы тратились Саудидами и родоплеменной аристократией на приобретение рабов из Нигерии, Дагомеи, Эфиопии, Сирии, Ирака. Работорговля была прибыльным делом. У короля имелось около 10 тыс. рабов. Центрами работорговли служили Мекка и Эр-Рияд, где существовали невольничьи рынки.

Непроизводительные траты Сауда, финансовый кризис, поведение короля, представлявшее разительный контраст с пуританскими ваххабитскими нормами, вызывали массовое недовольство. Нарождающаяся саудовская буржуазия желала большей стабильности, а бедствующие народные массы хотели хотя бы не голодать: «Тому, кто украл лепешку, отрубают руку, а тому, кто украл миллион, целуют руку».

Сауд предпринимал, правда, шаги, направленные на развитие экономики, однако этого было недостаточно. Последней каплей для взрыва открытого недовольства стало сообщение об участии короля в заговоре с целью убийства президента Объединенной Арабской республики Г. А. Насера. Утром 24 марта 1958 г. во время праздничного завтрака перед королем предстали 12 принцев во главе с десятым сыном Ибн Сауда Фахдом: «Мы решили потребовать вашего отказа от своих полномочий, но ваш брат Фейсал возражал и просил сохранить вас на троне. Мы принимаем это с условием передачи ему всей королевской власти». Сауд отверг ультиматум и пригрозил принцам, потом остыл. Большая часть населения, армия, американские нефтяные компании и посольство США были за Фейсала. Сауд был вынужден назначить Фейсала премьер-министром и существенно расширил права Совета министров в вопросах экономики.

В июне 1958 г. новое правительство с помощью экспертов из Международного валютного фонда разработало программу упорядочения финансов. Были введены жесткие ограничения на импорт, прекращен ввоз предметов роскоши и легковых автомобилей, введено валютное регулирование, уменьшены расходы королевской семьи, сокращены другие ассигнования, национализирован порт Джидда, ограничена свобода торговли для выходцев из других стран, которых обязали передать саудовским партнерам не менее 51% капитала. В январе 1960 г. Совет министров объявил о завершении программы стабилизации экономики.

Эти полтора года новой деятельности Фейсала вызвали и удовлетворение, но и сильное недовольство верхов и низов. Эмиры и шейхи возмущались запретом на импорт, мелкая буржуазия и городские жители стали жить еще хуже. Даже бедуины были недовольны: им сократили выплаты из королевской казны. Внутри королевской семьи была группа современно мысливших молодых эмиров, желавших проведения демократических реформ и модернизации страны, но даже они осуждали Фейсала за жесткие методы. Король Сауд использовал выгодную ситуацию и улучшение экономического положения как главный козырь в борьбе за укрепление своей власти. Шейхам он разрешил импорт автомобилей, племенам восстановил субсидии, эмирам-модернизаторам обещал реформы. В декабре 1960 г. было объявлено об отстранении Фейсала от власти и сформировании нового правительства.

Казалось, что это — поражение Фейсала. Но кризис монархии не ограничивался рамками экономики. Сауд, вернув себе полноту власти, вновь столкнулся с трудностями, которые разрешить не мог, ибо не понимал, что речь шла о кризисе феодального общества, втянутого в мировое капиталистическое хозяйство, что надо менять основы. Различные социальные группы выражали недовольство отсталостью страны, колониальной структурой экономики, проамериканским курсом внешней политики. Шла ожесточенная борьба в саудовском обществе. На одном полюсе находились могущественные традиционные силы, выступавшие с позиций

ислама за использование нефтяных богатств, «посланных Аллахом», при сохранении существующего положения и усилении изоляции страны от внешнего мира. На другом полюсе находились антиимпериалистические и антимонархические силы. Одно время к ним примыкали либералы-министры и некоторые принцы королевской семьи. Ядром этих сил стал Фронт национального освобождения (ФНО). В число его основных требований входили освобождение страны от господства «Арамко», развитие национальной промышленности, введение конституции, ликвидация рабства, борьба с неграмотностью, политика нейтралитета и мирного сосуществования. Обе группировки опирались на поддержку народных масс, но не были в состоянии самостоятельно решить ни одного из основных вопросов.

Между крайними группировками существовал спектр других, отличавшихся оттенками и составлявших большинство, которое отвергало крайности, но было готово к переменам. Во главе его стояла единственная реальная политическая сила в стране — большинство королевской семьи. Сауд лавировал. В 1961 г. он призвал мусульман объединиться в «Исламский союз». Тогда же, вопреки давлению американцев, закрыл базу ВВС США в Дахране. Его сын заявил, что Саудовская Аравия не будет воздерживаться от использования своей нефти как политического оружия, если арабские права в Палестине и дальше будут игнорироваться[11]. В правительстве впервые большинство постов заняли лица не из клана Саудидов. Был создан национальный совет по доработке проекта конституции, в котором более трети составили представители местной буржуазии. Во главе Высшего комитета планирования был поставлен лидер левых радикалов среди Саудидов принц Талал. Отменили цензуру.

Однако Сауд не смог изменить политику в целом. Его действия были лишь маневром с целью разобщить противников и выиграть время, укрепив личные позиции. В марте 1961 г. был принят закон, по которому виновных в преступлениях против королевской семьи или государства и в попытке изменить существующий режим приговаривали к смертной казни или 25 годам заключения. В сентябре 1961 г. Талал и его сторонники были выведены из правительства. Талал вместе с четырьмя братьями уехал в Бейрут и там объявил о начале борьбы против режима Сауда, заявив, что он и его последователи хотят установления демократического и конституционного правления в рамках монархии[12]. Либеральный национализм не мог напугать Саудидов, и их объединяло против пяти принцев-бунтарей намерение отодвинуть соперников в тень, дабы освободить места у вершины власти для «своих».

Начало 60-х годов явилось порой выбора между двумя лагерями на земном шаре. И Фейсал выбирал, на кого сделать ставку. Главным доводом в пользу американцев стало уважение ими духовных традиций и веротерпимость. Но и американцы делали выбор. Задача казалась им простейшей: увеличить помощь надежному союзнику Сауду. Однако так не случилось. С приходом в Белый дом Дж. Кеннеди начались перемены в азиатской политике США. Его линия «новых рубежей» была переоценкой характера американских возможностей. Основой новой тактики послужила доктрина «перехвата революции», которая во многом оправдала себя. В области политической она допускала демократические преобразования, в социально-экономической — расширение сотрудничества Запада с национальным капиталом и поддержку реформ, чтобы устранить пережитки феодализма и освоить новые рынки сбыта. Радикальное течение, угрожающее геополитическим целям США, считалось враждебным.

Саудовский режим не препятствовал очень осторожному сближению с Западом[13]. А тот стремился к другому: поддерживать те режимы в развивающихся странах, которые заняты экономической модернизацией и постепенным приобщением масс к политической власти[14]. Интересам США соответствовал такой правитель Аравии, который был бы способен осуществлять реформы в рамках существующей политической системы, сохраняя верность отношениям с Западом. Именно таким человеком был Фейсал. 4 октября 1962 г. он встретился с Дж. Кеннеди, 17 октября был снова назначен премьер-министром, а 27 октября сформировал новое правительство.

Между тем в сентябре 1962 г. в соседнем, нищем и отсталом Северном Йемене произошла антимонархическая революция. Там были конфискованы земли и дворцы свергнутой династии Хамидаддинов, объявлено об уравнении в правах всех

граждан и установлены тесные связи с Египтом. Революция в Йемене прозвучала как последнее предупреждение Саудидам, в армии которых тоже имелось немало и патриотов, и честолюбивых офицеров, хотя в целом саудовское общество еще не поднялось выше феодально-племенного уровня, а массы населения не хотели знать никакой другой идеологии, кроме ислама в его средневековой форме[15]. Инертность аравийского общества облегчала режиму достижение самосохранения, хотя и затрудняла преобразования. Опасность таилась в другом: в «Коммюнике № 1», подписанном президентом Йеменской Арабской республики, говорилось о необходимости свержения власти всех королей и эмиров и образовании единой Республики Аравийского полуострова. Таковы были внешние и внутренние условия возвращения Фейсала к власти.

Первые месяцы его правления были наполнены разнообразными действиями: 6 ноября 1962 г. разорваны дипломатические отношения с насеровским режимом, 7 ноября отменено рабство, 22 ноября создана национальная нефтяная компания «Петромин». Программа социально-экономических преобразований, предложенная Фейсалом на заседании Совета министров 6 ноября, открывала путь к решению насущных проблем с позиций дальновидных представителей правящего класса. Для достижения этих целей в распоряжении Фейсала оказалось чуть более 10 лет.

Иногда кажется, что короли вольны выбирать, когда и как проводить преобразования. Но на деле существуют факторы, которые невозможно обойти. Фейсал совершил то, чего не мог сделать Сауд: перехватил прогрессивную инициативу национально-патриотических сил и в то же время продемонстрировал традиционалистам верность исламу и обычаям. Если Ибн Сауд был занят прежде всего собиранием государства, то его сын рьяно укреплял свою власть, созидая в условиях капитализирующегося общества абсолютную монархию и с ее помощью обеспечивая успех реформ. Роль государства возросла и в сфере экономики, и в политике за счет прекращения монополии религиозных институтов. В то же время Фейсал вовсе не отказывался от ислама как идеологической основы и использовал идеи исламских реформаторов. Такой дуализм сдерживал развитие страны, пока общество не синтезировало оба разнородных начала. В 1966 г. Фейсал сказал: «Мы намереваемся двигаться вперед благодаря широкому планированию, ведомые нашими исламскими законами и верой... Мы избрали экономическую систему, основанную на свободном предпринимательстве, так как мы убеждены, что она абсолютно подходит к нашим исламским законам и соответствует условиям нашей страны, предоставляя возможность людям, обладающим инициативой, и любым группам работать для общего блага»[16].

В условиях Аравии такая программа Фейсала имела положительное значение, и буржуазные преобразования стали значительным рывком вперед, хотя встретили неоднозначное отношение со стороны и традиционалистов, и левых радикалов. В 1967 г. ведущая оппозиционная организация — нелегальный марксистский Фронт национального освобождения Саудовской Аравии — призвала народ к вооруженной борьбе; реформы расценивались как попытка «хоть как-то ослабить в стране недовольство режимом». Фронт звал к освобождению от «реакционных элементов и империалистов», к установлению «справедливого, демократического правления»[17]. Фейсал отмечал, что более высокий уровень процветания и стабильности достигается в странах, идущих по пути медленного прогресса, а не кровавых революций. Впрочем, с противниками режима король боролся и делом: их арестовывали, сажали в тюрьмы, высылали. В 1969 г. было казнено 30 участников попытки вооруженного переворота. Особенно большое внимание стало уделяться армии после ливийской революции 1969 г.: в противовес регулярным войскам была реорганизована Национальная гвардия.

Умеренная оппозиция, олицетворением которой служил эмир Талал, сошла на нет. В 1964 г. «свободным эмирам» разрешили вернуться на родину. Талал выступил с заявлением о признании своей деятельности вне Саудовской Аравии ошибочной. К середине 60-х годов либералы начали сознавать, что прочный политический режим Фейсала предлагает им больше, чем революция[18]. Так среди трех политических сил в Саудовской Аравии, олицетворявшихся Саудом, Фейсалом и Талалом, стала доминировать одна: модернизаторы, усиленные за счет и традиционалистов, и либералов.

Тем не менее, решительный, волевой и жестокий политик Фейсал не сразу при-

нял высшую власть. С весны 1963 г. полномочия короля стали призрачными, он подолгу путешествовал за границей. В марте 1964 г. Фейсал получил королевские полномочия при сохранении Сауда на троне, а в октябре улемы выпустили фетву, провозглашавшую Фейсала королем, но он не пожелал нарушить слово, данное отцу, и отнять власть у брата, опиравшегося на королевскую гвардию. Лишь после отречения Сауда 1 ноября 1964 г. на следующий день новым королем был официально провозглашен Фейсал ибн Абдель Азиз. Ожесточеннейшая борьба за власть закончилась бескровной победой.

И сразу же основное внимание Фейсал обратил на экономику. Вокруг него сложилась группа способных высококвалифицированных специалистов. Компетентными были Совет министров, королевские советники, помощники. Однако он старался сам входить во все дела и принимать окончательные решения. Главными направлениями его политики стали создание национальной нефтяной промышленности, широкое развитие транспорта и связи, увеличение притока валюты.

Арабские страны долгие годы боролись против диктата Запада в нефтяных делах, но успехи были невелики. Единственное, на что пошла «Арамко», — повысила жалованье саудовским рабочим, перевела штаб-квартиру компании из Нью-Йорка в Дахран и ввела двух саудовцев в совет директоров. В целом же она продолжала оставаться «государством в государстве», имела свои флот, авиацию, охрану, систему магазинов, радио, телестанцию. Фейсал вознамерился изменить такое положение. Еще в конце 50-х годов саудовский министр по делам нефти А. Турайки выдвинул лозунг «Арабскую нефть — арабам!» и был горячо поддержан на Арабском Востоке. Позднее он же предложил, не откладывая, национализировать американскую нефтяную промышленность, даже при временной утрате прибылей[19]. Фейсал в 1962 г. выслал Турайки из страны и два года спустя лишил его подданства.

Если линия Турайки носила ярко выраженную антиимпериалистическую окраску, то Фейсал предпринимал лишь отдельные акции такого рода, а как только дело касалось сути прежних отношений с Западом, менял позицию. Кроме того, Аравия пока не располагала возможностями самостоятельного обслуживания нефтяного хозяйства, не имела специалистов, опыта, связей на рынке, транспорта, многого другого. Яркая политическая акция обернулась бы ухудшением экономического положения. В условиях конфликта с Западом это привело бы к необходимости контактов с СССР, что породило бы новый комплекс проблем, и Фейсал предпочел начать с малого.

Основным орудием он сделал государственную нефтяную компанию «Петромин», созданную в ноябре 1962 г. независимо от могущественной «Арамко». На «Петромин» возлагалась задача реализовать государственные проекты по линии ресурсов, импорта, разведки полезных ископаемых и создания компаний для добычи, транспортировки и сбыта нефти и ее производных. «Петромин» стала главным агентом саудовского государства в нефтяных делах, начала самостоятельно осуществлять новые проекты и на равных участвовать с западными компаниями в уже реализуемых. В сентябре 1960 г. Саудовская Аравия стала одним из основателей Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), в рамках которой участвовала в борьбе за равноправные отношения с нефтяными монополиями, в 1972 г. подписала с «Арамко» соглашение о передаче к 1982 г. 51% участия в нефтяной концессии.

В других отраслях также происходили перемены. Первым металлургическим предприятием в стране стал в 1966 г. Хиджазский комбинат. При Сауде в год строилось 132 км дорог с твердым покрытием, при Фейсале — до 850 км; были реконструированы старые порты, построены новые, улучшился воздушный флот; почтовые отправления возросли с 6,5 млн. единиц в 1955 г. до 92,4 млн. в 1972 году. Были приняты закон, поощряющий развитие национального капитала, и закон об иностранных инвестициях, дававший им те же привилегии, что и национальным. К середине 60-х годов в Саудовской Аравии имелось три частных банка, спустя десять лет — более дюжины национальных и иностранных. Развитие банковского дела сдерживал запрет на взимание процентов, связанный с осуждением в Коране ростовщичества. Поэтому саудовские банки, не выплачивая и не взимая ссудных процентов, получали лишь «комиссионные». Создавались государственные фонды для оказания помощи сельскому хозяйству, обрабатывающей промышленности, жилищному и промышленному строительству. Превратив «Петромин» в много-

отраслевой концерн, государство в 80-е годы начало его приватизацию путем продажи акций. Та же судьба предназначена авиакомпании «Саудия», промышленной компании «Сабик» и некоторым другим. Так режим растит свою массовую опору — средний класс. Правда, наибольшие выгоды от такой политики получили крупная буржуазия, предприниматели и банкиры из королевской семьи.

Фейсал не проявил желания заняться бизнесом (в отличие от нынешнего короля Фахда, который по размерам личного состояния входит в мировой клуб миллиардеров), но своих детей готовил к такой деятельности и ежегодно переводил десятки миллионов долларов в западные банки. Из его сыновей крупнейшим предпринимателем стал эмир Абдаллах. Он занимал посты вице-губернатора Хиджаза, министра здравоохранения и внутренних дел, затем обратился к бизнесу и ныне возглавляет более 10 компаний и агентств по сбыту американских автомобилей, японской электроники, морским перевозкам, производству стройматериалов. Совместно с англичанами он создал крупнейший сахарный завод. Из внуков короля очень активны в бизнесе сыновья Абдаллаха: известный поэт эмир Мухаммед стал монополистом в производстве хлебобулочных изделий, эмир Халед — одним из основателей национальной цементной промышленности. Создавая тепличные условия для частного сектора, Фейсал улучшал и положение широких масс, гарантировал право на труд и положил начало новой социальной политике в отношении аравийских рабочих, принесшей монархии успех. Введение прогрессивного трудового законодательства, защита от безработицы, строительство дешевых домов для рабочих, высокая заработная плата были дарованы сверху. Так была сужена база социальных конфликтов, а Саудиды обрели славу благодетелей.

С 60-х годов в бюджете увеличиваются расходы на здравоохранение и образование. Полностью реализован программный пункт о бесплатном медицинском обслуживании и снабжении лекарствами подданных с оплатой их лечения за границей, хотя кочевники еще долгие годы предпочитали амбулаториям и врачам сурьму и верблюжью мочу. В 120 км от столицы построена клиника имени Фейсала как показательный центр медицины. Ее здания возведены по проекту английских архитекторов, самое современное оборудование было привезено из США, Италии, Японии и ФРГ. Первая очередь клиники обошлась почти в 100 млн. фунтов стерлингов. Клиника рассчитана на 500 коек, палаты одноместные, имеются собственная электростанция, система мощных кондиционеров, студия цветного телевидения, вычислительный центр, бассейн. Для 1200 врачей, медсестер и служащих выстроен отдельный поселок.

В 1956 г. в стране были грамотными лишь 5% населения, спустя 20 лет — более 30%. Так как бедуины не сразу поняли важность учения, им стали выплачивать компенсацию за сыновей-учеников как за «потерянных работников». Пятерых собственных сыновей Фейсал послал учиться в Англию, двоих — в США, дочерей — в Швейцарию. Третья его жена Иффат, с которой он прожил 40 лет (с первыми двумя он разошелся), открыла в летней королевской столице Эт-Таиф светскую школу для мальчиков, потом первую в стране школу для девочек, позднее помогла становлению женского педагогического колледжа. Согласно саудовскому законодательству, при выдаче лицензии на предприятие предпочтение отдается той компании, которая сама готовит для себя кадры из местного населения. В пять раз выросло число студентов, обучающихся за счет государства за границей, причем практически все они после получения дипломов возвращаются на родину.

Фейсал уделял также большое внимание исламу. К концу его правления в стране с 8 млн. жителей насчитывалось более 20 тыс. мечетей, 40 тыс. священнослужителей, десятки духовных училищ, три духовных университета. Ежегодно строилось до 20 новых мечетей, в проектах которых сочетаются аравийские традиции и архитектурный модерн. Фейсал, как и его отец, не любил обращения «Ваше Величество», не терпел называться королем, именуя себя „первым среди других шейхов". Раз в неделю двери его дворца были открыты для всех. К нему шли обедневшие кочевники, паломники, иностранные журналисты и многие другие. Фейсал, старея, оставался таким же худым, с сухим лицом, на котором выделялись ввалившиеся щеки и глубоко запавшие глаза. На Западе в 70-е годы широко распространялись слухи о его болезнях, пресса стала обсуждать грядущую смену власти. Между тем ему предстояло еще одно крупное деяние.

Широкие круги мировой общественности по-настоящему узнали о Саудовской

Аравии в октябре 1973 г., когда слова «нефтяное эмбарго», «арабы», «король Фейсал» и «ближневосточный конфликт» сплелись в один узел. Фотографии Фейсала в традиционном головном уборе — «укале», перевитом четырьмя шнурами, замелькали в газетах. В отношении ближневосточного урегулирования его политика была противоречивой. Он не признал территориального расширения Израиля, но и не отрицал его права на существование[20]. Еще в 50-е годы он, тогда министр иностранных дел, поддерживал Египет в требовании национализации Суэцкого канала и во время тройственной агрессии Англии, Франции и Израиля против Египта. Охлаждение саудовско-египетских отношений в конце 50-х годов перешло в начале 60-х в открытый конфликт, и нормализовались они спустя 10 лет.

Фейсал решил «оторвать» Египет от СССР и действительно преуспел в этом. Особенность его политики состояла в том, что он всегда ставил лишь реальные задачи, потом неспешно брался за дело и доводил его до конца. Один из примеров его успеха — создание организованного движения исламской солидарности вопреки сопротивлению некоторых арабских стран. Наибольшие трудности у Фейсала имелись в отношениях с США, причем его проамериканская политика объяснялась не только субъективными причинами. Саудовская Аравия не испытала прямого колониального гнета, а прежнее господство Великобритании в арабском мире питало антианглийские настроения. Экспансия США, не связанная с политической зависимостью, рассматривалась как нечто отличное от традиционной колониальной линии. Хотя Фейсал выступил против доктрины Эйзенхауэра (укрепление позиций США на Ближнем Востоке), он сохранил хорошие отношения с «Арамко».

Признавая империализм основной угрозой арабскому и исламскому миру, он не испытывал к Западу личной вражды. С одной стороны, он относился к США как к защитнику арабо-мусульманского мира от коммунизма, а с другой — как к покровителю сионизма[21]. В 1966 г. во время его визита в США между ним и президентом Л. Джонсоном был согласован вопрос о содействии экономическому подъему развивающихся стран, с тем «чтобы они были в состоянии сами противостоять коммунизму». После 1973 г. Фейсал увеличил помощь слаборазвитым странам Азии и Африки, ассигнуя на эти цели до 10% расходов бюджета. Условие было одно: отход от СССР, снятие социалистических лозунгов и переход к капиталистическому развитию. До сих пор королевство оказывает такую финансовую помощь бедным странам, помимо выделения десятков миллиардов долларов Египту, Сирии и Иордании как участницам ближневосточного конфликта. Фейсал вложил немало и во Всемирную антикоммунистическую лигу.

Только открытая поддержка США политики Израиля и нежелание американских монополий установить равноправные отношения с арабскими странами вызвали кризис, переросший в открытый конфликт. В мае 1973 г. в Женеве состоялась закрытая встреча Фейсала с руководителями «Арамко». Его положение было затруднительным: как «хранитель святых мест» он приложил немало стараний для политического объединения мусульманских государств. Но его следование американскому курсу вызывало недовольство в арабском мире. Фейсалу пришлось выбирать между общеарабским делом и союзом с Западом. Он выбрал первое и в Швейцарии разъяснил лидерам «Арамко», что выступает за расширение дружбы с США, однако не хочет оказаться в изоляции в арабском мире[22]. Тогда же министр по делам нефти А. Заки Ямани открыто заявил об использовании Саудовской Аравией нефти как политического оружия. Вместе с тем саудовские министры напомнили, что их королевство является единственным верным защитником американских интересов в регионе, который подрывается сионизмом и коммунизмом.

«Арамко» развернула в США пропагандистскую кампанию, пытаясь оказать влияние на Белый дом и конгресс, но она вызвала негативную реакцию, и нефтяным магнатам пришлось публично оправдываться. Президент Р. Никсон не счел серьезными угрозы слабых арабских стран, ибо помнил неудачу первого нефтяного бойкота в 1956 году. 6 октября 1973 г. вспыхнула четвертая арабо-израильская война. 19 октября, узнав о распоряжении Никсона предоставить Израилю военную помощь, Фейсал принял решение о сокращении добычи нефти на 10% и спустя месяц — о взятии под контроль всех операций «Арамко», не дожидаясь 1999 г. (время окончания срока концессии). Такой поворот в политике Фейсала изменил ситуацию в нефтяном мире, хотя эйфория, охватившая советские средства массовой информации по поводу «радикальных антиимпериалистических действий» араб-

ских нефтедобывающих стран, быстро утихла. Стало ясно, что и эмбарго, и национализация нефтяных компаний Запада в арабском мире есть не противоборство двух лагерей, а конфликт двух неравноправных сторон внутри одного лагеря.

Эмбарго было отменено через пять месяцев и не оказало существенного влияния на экономику стран Запада[23]. Более важным оказалось повышение арабскими странами цен на нефть. Это вызвало трудности для нефтеимпортирующих стран. Однако действия Фейсала предстали в новом свете после появления в 1974 г. серии сенсационных статей: нефтяные монополии обвинялись в сговоре с Саудовской Аравией по вопросам сокращения добычи и повышения цен на нефть[24]. Действительно, чистая валовая прибыль «Арамко» к концу 1973 г. составила 3,2 млрд. долл., увеличившись по сравнению с 1969 г. на 350%[25]. Наконец, национализация тоже оказалась не слишком революционной. К началу 70-х годов для акционеров «Арамко» доходы от добычи нефти снижались и они готовы были уступить эти позиции саудовцам, сохраняя в своих руках обслуживание предприятий, транспортировку и сбыт нефти и нефтепродуктов. Получив компенсацию за свое имущество, нефтяные компании обратили взор к другим видам энергетического сырья, постепенно становясь энергетическими монополиями.

Фейсал знал, что делал: меняя характер отношений с Западом, он не хотел менять их суть. Предложения Ирака осенью 1973 г. о национализации в арабских странах всего имущества американских компаний и изъятии арабских капиталов из западных банков были им отвергнуты. А без Саудовской Аравии нефтяные санкции арабов не могли иметь серьезных последствий для Запада.

Между тем в США пресса нагнетала вражду к королевству, публиковались «планы» разделения его на три части, появились сообщения о подготовке десанта американской морской пехоты для захвата нефтепромыслов. Фейсал еще в августе 1969 г. призвал мусульман к священной войне за освобождение мусульманских святынь в восточной части Иерусалима от иноверцев. Осенью 1973 г. он часто повторял: «Ни при каких обстоятельствах мы не согласимся отказаться от арабского Иерусалима», поддерживал требование создания государства, возглавляемого Организацией Освобождения Палестины, и приложил немало усилий для переориентации Египта на сотрудничество с США, чтобы упрочить противостояние Израилю.

И все-таки он «перемудрил», не учтя того, что инициативу могут у него перехватить. Президент Египта А. Садат перешел на рельсы, проложенные для него госсекретарем США Г. Киссинджером. Фейсал нечаянно способствовал будущему сближению Египта и Израиля и ослаблению единого фронта арабских стран. Он пытался предотвратить сепаратные сделки с Израилем и в начале 1975 г. выступил за возобновление прерванной работы Женевской мирной конференции. 24 марта 1975 г. сессия совета Лиги арабских стран занялась выработкой общей позиции, но на следующий день Фейсал был убит.

Утром он принимал родственников, шейхов племен и богословов, пришедших с поздравлениями по случаю празднования дня рождения пророка Мухаммеда. К королю приблизился его племянник эмир Фейсал ибн Мусаед и несколько раз выстрелил в него из пистолета. Фейсал упал, истекая кровью, и вскоре скончался. В первом сообщении радио Эр-Рияда говорилось, что молодой эмир сошел с ума. Потом следствие утверждало, что убийца руководствовался личными мотивами: он был помолвлен с дочерью бывшего короля Сауда, которого Фейсал принудил отречься от престола; в 1966 г. его старший брат Халед был застрелен полицией, когда шел во главе толпы фанатиков громить телевизионную станцию; наконец, он считал, что получал от королевской казны недостаточно денег на свое содержание. Возникали и другие версии, хотя все они и звучали правдоподобно, заметим, что 29-летний принц имел и прежде немало возможностей для сведения счетов с королем. Однако саудовская сторона не показала заинтересованности углубляться в них. По решению суда 18 июня 1975 г. палач в присутствии многотысячной толпы отрубил убийце голову.

Сегодня роль Фейсала можно оценивать уже в достаточно широком историческом контексте. Как правило, революции сметают правителей, мешающих переменам. Но отчего гибнут потом реформаторы? Что касается Фейсала, то заслуживает внимания идея западного ученого арабского происхождения М. Абира, писавшего еще при жизни короля: «Эволюционные реформы Фейсала были приемлемыми и

полезными для Саудовской Аравии в 50-е — начале 60-х годов. Но в 70-е годы, после фундаментальных перемен в экономике и обществе, такая политика стала анахронизмом»[26].

Почему же так сравнительно мирно развивался этот капитализм, пришедший без революции?

Социальная революция — это наиболее острое проявление классовой борьбы. В Саудовской Аравии ее проведение сверху и наличие нефтяного фактора сняли ожесточение классовых столкновений. Политическая власть там сохранилась в монархической форме, и Фейсал сделал все, что мог, для ее укрепления. Однако, говоря его же словами, «важно не то, как называется тот или иной режим, а как он действует. Существуют коррумпированные республиканские режимы и прочные монархические. Единственно верный критерий — степень взаимодействия между правителем и управляемыми, уровень процветания, прогресса и здоровой инициативы»[27].

С самого начала преобразований в саудовском обществе, несмотря на различия в уровне материального потребления, образ жизни и склад мышления остались одинаковыми у рабочего второго поколения и у предпринимателя, у кочевника и у принца. Фейсал осуществлял охранительные реформы, а не преобразующие (как шах Ирана): при поощрении национальной промышленности кочевники сознательно поддерживались материально; новая система образования была за короткий срок создана на пустом месте, но отдана под контроль духовенства; обрели право на жизнь радио и телевидение, но в передачах основное место занимала религиозная тематика; получило развитие женское образование, однако женщины не могут там пользоваться равными правами с мужчинами. Полностью оправдались слова Фейсала, сказанные им в начале правления: «Мы достигнем уровня жизни, который остается мечтой во многих странах мира», однако новейшие события показывают, что новых коллизий в саудовском обществе не избежать.

Примечания

1. Страны Востока. Экономический справочник. Т. 1. М.-Л. 1934, с. 531.
2. DISKCON H. R. P. Kuwait and Her Neighbours. Lnd. 1956, pp. 282—284.
3. ПРОШИН Н. И. Саудовская Аравия. М. 1964, с. 63—81.
4. KHADDURI M. Arab Contemporaries. Lnd. 1973, p. 91.
5. ВАСИЛЬЕВ А. М. *История* Саудовской Аравии. М. 1982, гл. XII.
6. КЕРИМОВ Г. М. Шариат и его социальная сущность. М. 1978.
7. АНДРЕАСЯН Р. Н., ЭЛЬЯНОВ А. Я. Ближний Восток: нефть и независимость. М. 1960, с. 38.
8. ЗИНН Г. США после второй мировой войны. М. 1977, с. 43.
9. MICDASHI Z. A. A Financial Analysis of Middle Eastern Oil Consessions: 1901—1965, N. Y. 1965.
10. AL-MANA M. Arabia Unified. Lnd. 1982.
11. Arab World. Political and Diplomatic History of the Arab World, 1900—1967. Washington. 1972.
12. GAURY de G. Faisal, King of Saudi Arabia. Lnd. 1966, p. 105.
13. PARTNER P. A Short Political Guide to the Arab World. N. Y. 1960, p. 76.
14. Зарубежный Восток и современность. Т. 3. М. 1981, с. 505.
15. ВАСИЛЬЕВ А. М. Ук. соч., с. 414.
16. King Faical and the Modernization of Saudi Arabia. Lnd. 1980, p. 60.
17. Проблемы мира и социализма, 1968, № 4, с. 94.
18. STOCKING G. Middle East Oil. Lnd. 1971, p. 457.
19. STORK J. Middle East Oil and the Energy Crisis. N. Y.—Lnd. 1975, p. 179.
20. ВАЛЬКОВА Л. В. Саудовская Аравия в международных отношения. М. 1979, с. 105.
21. King Faisal and the Modernization of Saudi Arabia, p. 181.
22. Hearings before the Subcommittee on Multinational Corporations of the Committee on Foreign Relations, United States Senat, February 20, 21, March 27, 28, 1974. Washihgton. 1974, p. 504.
23. ТЬЮГЕНДХЭТ К., ГАМИЛЬТОН А. Нефть: самый большой бизнес. М. 1978, с. 281.
24. Washington Post, 28.I.1974.
25. Hearings, p. 187.
26. ABIR M. Power and Politics. Lnd. 1974, p. 61.
27. KHADDURI M. Op. cit., p. 88.

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Мои размышления о Сталине

Часто знакомые, товарищи или случайно встреченные мною люди, заводя беседу, спрашивают, пишу ли я мемуары. Я обычно отвечаю: «Нет». Они выражают сожаление и упрекают меня: мол, такие воспоминания будут очень нужны в будущем, чтобы лучше и глубже разобраться в жизни страны, партии, народа в тот период, когда я жил, работал, многие годы был близок к руководству, а потом входил в это руководство. Раньше, может быть, я этого не понимал и не брался за это дело. Но, видимо, люди все-таки правы, и я кое-что хочу записать дополнительно к рассказанному мною выше. Здесь я поставлю вопрос о Сталине в общей форме.

Многие спрашивают о Сталине как о человеке: и о его привычках, и о его стиле руководства. В головах ряда граждан царит путаница в вопросе о Сталине, потому что о нем говорят и доброе, и дурное. Так было и так будет, вероятно, со многими историческими личностями. Тем более, что и в самой жизни у Сталина переплелось и то, и другое. Требуется разделение! И вот я хочу высказать свое мнение об общей роли Сталина во второй мировой войне и о значении его руководства страною в тот период, а также ответить на трудный вопрос, что произошло бы, если бы Сталина вовсе не было. Этот вопрос самый тяжелый, и не только потому, что случившееся не переделаешь, но и потому, что не найдется судьи, который определил бы на точных весах, кто прав и кто неправ. Мои выводы основываются на длительном и тесном общении со Сталиным и перед началом войны, и во время войны, и после нее. Я мог наблюдать, как менялись с течением времени поведение Сталина, его оценка различных событий и своих действий, своей роли в войне. Я видел и слышал, как он поступал, что говорил в период поражений и в период побед.

Некоторые люди реагируют, в первую очередь, на то обстоятельство, что Сталин сделал много злого для партии и для народа, уничтожил много честных людей, даже героических, преданных делу партии, активных участников строительства социализма. А некоторые люди утверждают, что хотя это верно, но все-таки в той большой войне мы одержали победу главным образом потому, что нами руководил именно Сталин, а если бы не Сталин, то неизвестно, смогли бы мы справиться с врагом и победить его. С последней точкой зрения я никак не могу согласиться, независимо даже от моего взгляда на Сталина, независимо от того, каков Сталин и какую он сыграл роль в организации отпора врагу, в разгроме гитлеровских полчищ. Независимо ни от чего не смогу согласиться с таким истолкованием событий потому, что это — рабская точка зрения.

Только рабам, которые не могут подняться с колен и взглянуть дальше головы господина, обязательно нужен кто-то, кто думал бы за них, все организовывал за

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—12; 1991, №№ 1—12; 1992, № 1.

них, на кого можно свалить в случае несчастья вину и кому можно приписать при удаче успехи. Это рабская психология. Она не только абсолютно несостоятельна, но и очень опасна. Это вообще не марксистская и не научная, а обывательская философия. Достаточно напомнить, что Сталин умер, а жизнь, борьба не прекратились, продолжаются, общество меняется, развивается, не стоит на месте.

Если начнется новая мировая война, то она будет еще более кровопролитной и потребует большего количества жертв, такого, которое трудно даже вообразить, потому что война требует жертв в геометрической прогрессии в соответствии с периодом, когда она ведется, и с вооружением, которым обладают армии. Сейчас вооружение атомное, ракетное. Одни потери имели место, когда люди сходились врукопашную и били один другого дубинками, позднее — копьями и секирами. Когда появились винтовки и пулемет, вообще скорострельное оружие, война потребовала гораздо бóльших жертв, потому что средства истребления стали более совершенными. Когда появились самолеты и авиабомбы, многие считали, что теперь война стала немыслимой, столько она потребует человеческих жизней! Но нет, разразилась очередная война, и в ней погибли десятки миллионов людей. Один Советский Союз потерял свыше 20 миллионов человек.

Если же начнется ракетно-ядерная война, то трудно даже сейчас себе представить, во что она выльется. Это будет не фронтовая война, то есть армии не будут стоять одна против другой. Война будет вестись и в глубоком тылу, на всей территории стран, охваченных ею, потому что сейчас доставка средств истребления уже не ограничена пространством, и можно обстреливать и уничтожить буквально весь земной шар.

Как же нам быть без Сталина? Кто теперь будет думать о нас? Кто станет организовывать армию, страну, промышленность? Ясно, что это — глупые рассуждения. Народ был и остается главной силой. Конечно, роль личностей в истории человечества, включая организацию обороны, велика. Но обожествлять кого бы то ни было нельзя. И не только потому, что это извращает верную оценку, но и потому, что это размагничивает массы, притупляет их волю к победе, сковывает инициативу. Нет героя, он исчез, и что же, мы погибли? Конечно, это неправильно. Недаром поется: «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой». Если загородиться, как щитом, каким-то героем, а потом, лишившись этого героя, вроде как обречь себя на гибель, то это будет просто вредно.

И все же, какой была роль Сталина, положительной или нет? При всей субъективной направленности его действий она была положительной в том смысле, что он оставался марксистом в основных подходах к истории, был человеком, преданным марксистской идее, все делал, что было в его силах, для победы дела рабочего класса, в данном случае — для разгрома гитлеровских орд. Таково было его субъективное желание. Иной вопрос, как он для этого поступал практически. Чем обернулись для страны его реальные поступки, я уже говорил. Тут и истребление командного состава, и истребление ядра большевистской партии. Уничтожены были, прежде всего, старые большевики ленинского поколения. Это ослабило или усилило нашу страну? Безусловно, ослабило.

После уничтожения того передового ядра людей, которое выковалось в царском подполье под руководством Ленина, развернулось далее повальное истребление руководящих партийных, советских, государственных, научных и военных кадров, а также миллионов рядовых людей, чей образ жизни и чьи мысли Сталину не нравились. Кто их истреблял? Сталин. Почему? Он считал, что это делается во имя идей партии, во имя нового общества. Он не доверял всем этим людям. Некоторые из них, конечно, перестали поддерживать его, когда увидели, куда он нас тащит. Сталин понял, что есть большая группа лиц, настроенных к нему оппозиционно.

Оппозиционные настроения — это еще не значит антисоветские, антимарксистские, антипартийные настроения. Нет, просто эти люди хотели замены Сталина в руководстве. Но этого хотел еще Ленин. Следовательно, это не антиленинцы, а люди, которые стояли на позициях Ленина, считая, что Сталин по своему характеру не может долее пребывать на прежнем посту и его следует заменить. Коммунисты, которые на XVII съезде партии проголосовали против Сталина, хотели выполнить именно то, что Ленин рекомендовал в своем завещании.

И Сталин уничтожил их. Почему? Потому что он себя считал незаменимым, тем единственным человеком, который действительно является марксистом и

имеет право на руководство страной. Добавлялась также его неуемная жажда власти. Но это как раз и есть те черты характера, о которых говорил Ленин в предсмертном завещании: способность злоупотреблять самой властью. И Сталин злоупотребил властью во вред Советскому Союзу и коммунистам во всем мире. Он нанес удар по марксистско-ленинским кадрам не только внутри своей страны, но и по братским партиям, по Коминтерну, по всем, кого он подозревал, что они могут сочувствовать несогласным с ним. И они тотчас стали антимарксистами, контрреволюционерами и «врагами народа».

Он выдумал и продвинул в жизнь такое пугало, и оно сыграло свою роль. Враги народа! Вредители! Он запугал и запутал людей, которые беспредельно верили ему, верили, что он делает все на благо партии и народа. Конечно, трудно было разобраться. Ведь раньше действительно существовали и враги революции, и враги трудового народа, и вредители. Но это были не те люди, против которых он направил меч и тем самым ослабил страну, партию и армию, дав возможность врагу нанести огромный урон Советскому Союзу. Если бы Сталин так не поступил, то (я абсолютно убежден) наша армия имела бы достаточно сил и средств, чтобы разгромить врага еще на границе, коль скоро он осмелился бы напасть на нашу страну. О таком исходе усиленно шла болтовня во времена наркома Ворошилова и «ворошиловских стрелков»: «Ни пяди земли врагу! Ни шагу назад! Если война будет навязана, то она будет вестись на территории противника!» А что потом получилось, все знают.

Конечно, Сталин хотел победы. Но когда он увидел результаты своего «труда» по уничтожению кадров, увидел, что армия обескровлена и ослаблена, а люди, которые пришли к ее руководству, недостаточно опытны, недостаточно подготовлены и не умеют командовать; и даже ранее того, когда он увидел, что наша армия получила достойный отпор от маленькой Финляндии, что ее замечательный, героический народ мужественно защищал свою страну и нанес нам большой урон; когда Сталин все это увидел, у него появился какой-то физический, животный страх перед Гитлером. И он все делал, чтобы ублажить Гитлера. Но у Гитлера имелись свои планы. Гитлер поставил целью жизни уничтожить большевизм. И поэтому умаслить его, уговорить отказаться от войны было невозможно. Тут воля Сталина была парализована волей врага.

Я часто вспоминаю рассказ Берии о поведении Сталина 22 июня 1941 г., когда ему доложили о начале войны. Сначала он не хотел в это поверить и цеплялся за надежду, что это провокация, приказывал даже не открывать огня, надеялся на чудо, пытался спрятаться за собственные иллюзии. Затем военные доказали ему, что прятаться поздно, и ему пришлось поверить, что действительно началась война с Германией. Ему стали докладывать о победоносном продвижении гитлеровских войск. Тут-то открыто проявилось то, что он скрывал от всех, — его панический страх перед Гитлером. Сталин выглядел старым, пришибленным, растерянным. Членам Политбюро, собравшимся у него в кабинете, он сказал: «Все, чего добился Ленин и что он нам оставил, мы про... Все погибло». И, ничего не добавив, вышел из кабинета, уехал к себе на дачу, а потом некоторое время никого не принимал.

Берия рассказывал, что все остались в растерянности. Но потом решили наметить некоторые практические мероприятия. Ведь шла война, надо было действовать. Обсудив дела, они решили сами поехать к Сталину. Сейчас не помню, кто туда поехал кроме Берии, но он был не один. Сталин принял их, и они начали убеждать его, что еще не все потеряно, что у нас большая страна, мы можем собраться с силами и дать отпор врагу, убеждали его вернуться к руководству и возглавить оборону страны. Сталин согласился, вернулся в Кремль и опять приступил к работе, потом выступил по радио. Это было его знаменитое выступление 3 июля 1941 года. Но еще долгое время он не подписывал сам никаких директив. На всех верховных документах стояла подпись: «Ставка». А он начал подписываться как Верховный Главнокомандующий только тогда, когда наши войска стали оказывать серьезное сопротивление фашистам. Вот рассказ Берии о состоянии Сталина в начале войны.

Конечно, с таким настроением трудно было решительно предпринять что-либо, чтобы сдержать агрессивность Гитлера. Если бы Сталин умер к началу второй мировой войны, то есть в 1939 г., то и Великая Отечественная война могла пойти по другому руслу. Страна лучше подготовилась бы к ней. А так он все взял

на себя и ошибся. Трудно даже приблизительно оценить то зло, которое он принес стране. Он подчистую уничтожал все, что, как он считал, ему сопротивлялось. Смотрел, бывало, на близкого человека и говорил ему: «Что это у вас глаза бегают?» Имелись случаи, когда после этого люди кончали свою жизнь. Все зависело от его настроения. Не существовало никакого суда, никакого следствия, никакого настоящего разбирательства. С людьми расправлялись подготовленные им опричники, которые бросались на любого, достаточно было Сталину шевельнуть в ту сторону мизинцем. И он так привык к этому, что после войны говорил, когда решил расправиться с Тито: «Пальцем пошевелю, и не будет Тито». С Тито у него не вышло. Но внутри страны он загубил, уничтожил миллионы людей.

Так что, если все суммировать и подвести итоги, убежден: если бы Сталина не было, то война развивалась бы для нас удачнее. Ведь в истории много было войн. Наполеон тоже напал на Россию, подготовив огромную армию, и тоже напал вероломно. Не раз случались войны, начинавшиеся вероломным нападением. В 1812 г. Александр I (нужно отдать ему должное), сам ли он пришел к разумному решению или ему посоветовали, оставил фронт и уехал в Петербург, назначив позднее командовать Кутузова. Кутузов был уже старик, который засыпáл на заседаниях Военного совета. Но ему верил народ, и он знал общую верную линию. Народ все сделал для того, чтобы изгнать французов, и добился этого под руководством Кутузова. К счастью для страны и для Кутузова как главнокомандующего, тогда средства связи были слишком ограничены, и Александр I, приехав в Петербург, был физически лишен возможности вмешиваться непосредственно в дела командования. Но в наше время Сталин, находясь в Москве, имел возможность напрямую вмешиваться во все, и подчас его вмешательство стоило многих жизней на фронте. А в конце концов мы под руководством Сталина одержали победу, но с чересчур большими жертвами, неимоверными потерями. Без Сталина враг явно был бы разгромлен с меньшими потерями.

Если случится воевать в будущем, то при правильном использовании ресурсов страны, при правильной организации работы по подготовке к войне и новая война окажется для нас победной. Возможно также, что наша мощь заранее поможет избежать войны. Каждая страна имеет разведку и информирована более или менее о вооружении и общем состоянии своего противника. Перспектива столкновения с хорошо подготовленной армией охлаждает любые горячие головы. Я не могу сказать, что можно исключить войну вообще. Это вопрос классовый. Пока существуют классы, существует и возможность войны. Поэтому готовиться к войне нужно. Но если партия правильно понимает свою задачу, связана с массами, умеет организовать массы, промышленность и сельское хозяйство, то она может и должна добиться того, чтобы любая война была гибельной для той стороны, которая нападет на Советский Союз.

Тут я еще раз повторяю, что нам неприемлема рабская психология: вот родился Сталин, и мы вручаем ему свою судьбу. Тогда получается, что если он умер и страна обезглавлена, то она лишилась какого-то корня, на котором все держалось. Это глупо! Был Маркс, и был Ленин, а он не ровня Сталину. То был действительно вождь, который предвидел все на много лет вперед. Он, вместе с Плехановым заложив основы партии, организовал борьбу рабочего класса в России. Да, так и получилось, что он гениально все предопределил. А жил он совсем мало, но успел провести страну через гражданскую войну, во время которой выросли герои. Это были люди энтузиазма, они жили идеями Ленина, сами порою не разбираясь глубоко в сути дела. Но они хотели победы народа и верили, что Ленин стоит за народ, против буржуев и помещиков. И народ под руководством Ленина одержал победу над врагами революции.

Потом Ленин определил дальнейшее развитие нашей страны, ее промышленности и культуры. К сожалению, он очень рано умер. Народ его оплакивал, но страна-то выжила и двигалась вперед. Мы перестроили хозяйство, образование, культуру, добились многого. Если бы Сталин не нанес вреда СССР, когда начал истреблять кадры, наше продвижение вперед было бы еще успешнее. Начало такой войне с народом было положено в 1934 г., когда был убит Киров. Он был убит, я в этом убежден, по заданию Сталина, для того чтобы встряхнуть народ, запугать его: вот, дескать, враг протянул свои щупальцы и убил Кирова, теперь угрожает всему руководству страны и партии.

Народ поверил во «врагов» и поддерживал тирана, который по собственному выбору, как в стаде баранов, выбирал и резал людей, кого — открыто, а кто просто исчезал без следа. Разве это действия настоящего марксиста? Это поступки деспота или больного человека. Получилось, что во имя революции, во имя народа он истреблял цвет народного руководства и партии, и даже сами народные массы. Подобным действиям не может быть оправдания. Произошло страшное дело, а сейчас некоторые доказывают, что только такой человек привел нас к победе, а если бы его не было, то мы могли бы погибнуть. Нет, нет и нет! Я не согласен, это рабское понимание вещей противоречит марксистско-ленинскому учению. И очень жаль, что некоторые наши крупные политические, научные и военные деятели впадают в такую ошибку.

С другой стороны, Сталин оставался в принципе (а не в конкретных поступках) марксистом. И, если исключить его болезненную подозрительность, жестокость и вероломство, оценивал ситуацию правильно и трезво. Он сам не раз в моем присутствии клеймил раболепство, говорил: «Философия противопоставления героических личностей толпе — это эсеровская философия. Люди, которые стоят на таких позициях, — не марксисты. А мы верим в массы, в народ, который сам всегда выделяет в нужное время своих вождей». Только слова у него расходились с делами. Поэтому, говоря о ходе истории, надо придерживаться фактов, сопоставлять их, ничего не замалчивая, и тогда роль каждой личности на том или ином этапе будет ясна. Я хочу придерживаться именно этого принципа, хотя подчас это трудно, потому что восприятие событий каждым человеком поневоле субъективно.

Когда умер Сталин и мы остались без него, мы вначале оплакивали свое положение, находясь в состоянии психологического шока. Не все знали, что нам делать, как у нас все пойдет без Сталина. Зато ликовал Берия. Большинство в составе руководства оценивало его как зловещую фигуру. Все знали о его скверном влиянии на Сталина. И все же не Берия выдумал Сталина, а Сталин выдумал Берию. До Берии был в НКВД Ягода. Из него Сталин сделал преступника, руками его людей убив Кирова. После Ягоды был Ежов, Сталин сделал и из него убийцу. После Ежова пришел Берия и потом вместе с ним Абакумов, человек нисколько не лучше Берии, только глупее. Берия же был из них всех наиболее опасен, потому что он был умен и обладал большими способностями организатора. Однако тут я заговорил уже о послевоенных делах.

Возвращаясь к предвоенному времени, вновь напомню, что мы начали войну при недостатке вооружения и с неотмобилизованной, не полностью подготовленной армией, хотя именно Сталин лучше всех знал, что война неизбежна. Но он был парализован Гитлером, как кролик — удавом, боялся всякого внешне заметного решительного шага по укреплению границы, считая, что Гитлер может это расценить как нашу подготовку к нападению на него. Он так и сказал нам, когда мы с Кирпоносом предложили мобилизовать колхозников для рытья вдоль границы противотанковых рвов и прочих укреплений. Сталин заявил, что это будет провокацией, это делать нельзя. Значит, хотя Сталин был убежден, что Гитлер нападет на нас, он понадеялся, что ему, может быть, удастся отвести удар от страны. Чем это кончилось, всем известно. И удар не отвел, и страну подставил.

Точка зрения, что только личность Сталина вывела страну из кризиса, созданного войной, и что армия победила в результате гениального руководства Сталина, полностью несостоятельна. Армия победила бы и без Сталина, и даже с меньшими потерями. Ведь наша армия боролась за свою землю, за свой народ, за свою жизнь, за свое будущее, а вовсе не за Сталина. Лозунг «За Сталина!» — это результат неправильного восприятия вещей, настойчиво продвигавшийся в жизнь по политическим соображениям.

Сталин сам преувеличивал свою роль и воспитывал людей в подхалимском духе, осуждая при этом в узком кругу идею возвеличивания своей личности. Хотя тут же не особенно мешал Кагановичу, который за сталинским столом всегда твердил: «Вот Сталин! Сталин то, Сталин это, без Сталина мы ничто». Тут обычно Сталин поднимал голос и говорил, что это эсеровская точка зрения, и сам же побуждал Кагановича на еще большую «активность».

Я искренне сожалею о тех, кто по своему недопониманию верит, что без Сталина мы не добились бы никаких хороших результатов. Такая незрелость обще-

ственного сознания может в будущем привести к вредным рецидивам. Никто не должен рассчитывать, что народ все забывает, когда думает о руководителях в прошлом. Много было написано разного о Чингисхане. Мао Цзэдун, например, называл его героем. Много написано положительного о Наполеоне несмотря на то, что он загубил сотни тысяч людей. Все они государственные убийцы. Они организовывали на войну народ, организовывали свои армии и вели их на смерть ради своих интересов. Это не те убийцы, которые ночью с кинжалом и револьвером убьют одного-двух людей, чтобы ограбить их. Нет, такие люди грабили целые народы, наносили вред всему человечеству. Надо вести верную воспитательную работу в осуждение этого, правильно ориентировать молодежь, воспитывать народ в духе правильного понимания роли личностей в истории, их ответственности перед историей и славить не убийц и тиранов, а созидателей в условиях мирной жизни.

Хочу теперь рассказать о тех людях, которые жили идеями марксизма-ленинизма и отдавали все свои силы для утверждения этих идей. Как могло случиться, что наши лучшие люди, которые прошли вместе с Лениным великий путь от создания партии большевиков до свершения Октябрьской революции, погибли как «враги народа», как враги партии, как враги идей социализма и коммунизма? Неужели Ленин не смог разобраться, когда подбирал этих людей и работал с ними? Неужели это была ошибка Ленина? Конечно, и великие люди могут ошибаться. Был у нас в партии провокатор от охранки Роман Малиновский, человек, который тоже пользовался доверием Ленина. Существовали и другие провокаторы. Но их подсылали жандармы. Люди же, о которых я говорю, прошли путь настоящей борьбы вместе с Лениным и показали себя и до, и после революции преданными делу Коммунистической партии. И именно они были замучены, погибли, были уничтожены без суда и следствия в сталинское время. Некоторых из них вроде бы судили, но это был шемякин суд, который все делал так, как ему было приказано. Это был суд, творивший расправу в угоду одной личности.

Постараюсь объективно осветить этот сложный вопрос, рассказав, как я понимал происходящее и что мне стало известно уже после смерти Сталина. После XX съезда КПСС была создана комиссия, которая специально занималась изучением этого вопроса. О результатах расследования она докладывала мне как первому секретарю ЦК партии. Что же выяснилось? Почему Сталин, который тоже был близок к Ленину и тоже вместе с Лениным и под руководством Ленина занимался подготовкой торжества марксистско-ленинских идей, оказался таким несостоятельным в своих поступках? Как связать одно с другим? Может быть, Сталин переродился и вообще выступил против идей социализма, а потому и губил его сторонников? Вовсе нет. Сталин оставался в принципе верен идеям социализма. Но по своему характеру он был диктатором, был человеком, который не слушал и не хотел слушать никого, кроме самого себя. Тут — особенность его личности. Если такая особенность присуща маленькому человеку, страдают семья и соседи. Если же она свойственна лицу, занимающему высокое положение, страдают массы.

Люди хотели мыслить, обсуждать, советоваться. Это нормально. Но если оказывалось, что их рассуждения не совпадали с пониманием дела Сталиным, то начиналась естественная борьба идей. При обычном состоянии общественных отношений идет спор. Но в результате особенностей характера Сталина такие люди становились личными врагами Сталина, а своих врагов он называл врагами социализма. Врагов же надо уничтожать. И он их уничтожал. Некоторые люди говорят: «Ведь Сталин выступал за революцию, за коммунизм, как же он мог такое проделать?» Другие сомневаются, что злоупотребления были санкционированы Сталиным. Дескать, в них виновны Ягода, Ежов, Берия, Абакумов и их присные.

Подобные рассуждения несостоятельны, потому что ни Ежов, ни Берия не толкали сами Сталина на такой путь. Не они подбирали себе шефа, а шеф подбирал подручных по своему вкусу. Если бы Сталину не были угодны Ежов или Берия, он легко мог их заменить, это для него не составляло никаких затруднений. Сталину же нужны были и Ягода, и Ежов, и Берия, и Абакумов, чтобы спрятать концы в воду; он выдвинул Ежова и уничтожил Ягоду, выдвинул Берию и его руками уничтожил Ежова. Тем самым он считал, что теперь все его личное участие в том, что творили эти Малюты Скуратовы, навсегда спрятано. Сначала все было свалено на «ежовщину». Потом настала «бериевщина», потому что Берия продолжал то же

дело и с такой же свирепостью и зверством, как Ежов. Берию Сталин убрать не успел. Сам помер.

С чего же все началось? Почему Сталин вообще встал на этот путь? Ведь в первые годы после смерти Ленина Сталин пользовался в своей борьбе еще партийными методами. Да, шла борьба, существовала оппозиция, проводились дискуссии, велись диспуты. Они проходили жестко, но укладывались в нормы партийной жизни. Членам партии давалась возможность разобраться в разных точках зрения, выслушать ту и другую сторону, того или другого вождя, и каждый член партии мог определить свое отношение к ним. В этих спорах побеждал Сталин, и партия его поддерживала. Конечно, люди, которые терпели поражение, озлоблялись и были недовольны Сталиным.

И вот мы дожили до созыва XVII партийного съезда. Я помню его. Я участвовал во всех партийных конференциях и партийных съездах, начиная с XIV партконференции (за исключением XVI съезда, на котором я не присутствовал как делегат, ибо учился в Промышленной академии, но присутствовал на его заседаниях). Перед XVII съездом развернулась дискуссия, в ходе которой, как всегда, внутри партии обсуждались тезисы отчетного доклада, чтобы подготовить членов партии к правильному пониманию решений, которые должны быть приняты на съезде. Тот съезд был особым съездом в том смысле, что к 1934 г. уже не было никаких оппозиционных течений в партии. Вопросы индустриализации и коллективизации сельского хозяйства уже были не темой дискуссии, а основой практической деятельности партии и народа. Поэтому сам съезд протекал очень хорошо.

Когда выдвигались кандидаты в члены ЦК, моя кандидатура тоже была предложена. Я переживал особое чувство, когда шло голосование, и я тоже наряду с другими получил бюллетень выборщика. Помню, как Каганович сказал мне, что следует проголосовать против некоторых кандидатов, выставленных в состав ЦК. Он объяснил это тем, что какие-то делегаты могут проголосовать против Сталина, поэтому надо, чтобы не получилось, будто другие люди соберут больше голосов, чем Сталин. Чтобы всех в какой-то степени уравнять, надо проголосовать и против них. Мне трудно сказать, поручил ли Сталин такое Кагановичу, или же Каганович действовал по собственному разумению.

Когда я получше узнал Кагановича, то потом думал, что тот мог сделать это и из собственных интересов: если другие не получат больше голосов, чем Сталин, это во всех отношениях полезно Кагановичу, так как они не получат больше голосов, чем сам Каганович. Были розданы бюллетени, все разошлись по уголкам зала, просматривали списки и вычеркивали, кого хотели. Но некоторые шли прямо к урнам для голосования и сразу опускали бюллетени. Я видел, Сталин демонстративно подошел к урне и сходу опустил туда бюллетень. Он на него даже не посмотрел. Удивительного тут ничего нет, потому что списки еще раньше были не только просмотрены Сталиным, но и одобрены им. Зачем ему тратить время и еще раз просматривать их? Ведь имелись люди, которые следили за тем, чтобы, кроме намеченных, никто не попал в списки.

Кончился перерыв. Счетная комиссия завершила свое дело. Собралось заседание, чтобы заслушать ее отчет о результатах выборов. Это была торжественная и напряженная минута. Я даже не знаю, чего там было больше: торжественности или волнения, особенно для тех, кто был выдвинут в состав руководящих органов. Может быть, я передаю лишь собственное настроение, но думаю, что другие тоже волновались. Председатель счетной комиссии попросил убрать карандаши и блокноты и ничего не записывать, а только слушать. Он объявил, что на съезде присутствует столько-то делегатов и что столько-то из них приняло участие в голосовании. После этого начал перечислять по алфавиту, кто и сколько получил голосов «за». Дошли до Сталина. Я прикинул: он недополучил шесть голосов. Подошла очередь моей фамилии. Объявили. Вышло, что я тоже недополучил шесть голосов. То есть шесть делегатов вычеркнули мою фамилию. Я шутил сам с собой: тебе дали шесть и Сталину — тоже шесть червяков (как говорили тогда).

Я впервые выдвигался в состав ЦК. По возрасту и по партийному положению я даже не претендовал на это. Такое выдвижение казалось мне слишком высоким. И я был очень доволен, что избран в состав ЦК, а шесть контрголосов меня нисколько не беспокоили, тем более на фоне того, что Сталин тоже получил шесть против. Я возмущался лишь тем, что кто-то голосовал против Сталина. Вот как

проходили те выборы. А почему я подробно на них остановился, станет яснее из дальнейшего.

Кончился съезд. Все разъехались по местам и принялись за работу. Работали мы тогда с огромным энтузиазмом. Каждый (я сужу по себе) жил не личной жизнью, а жизнью партии, интересами народа. На деньги мы не обращали внимания. Мы смотрели на это так: лишь бы не подохнуть с голоду. Все остальное было подчинено интересам дела, а себе мы отказывали в самом необходимом. Сейчас это для некоторых бюрократов, наверное, звучит странно. Но это правда. Когда до революции я работал слесарем и зарабатывал свои 40 — 45 рублей в месяц, то был материально лучше обеспечен, чем когда работал секретарем Московского областного и городского комитетов партии. Я не жалуюсь, а просто иллюстрирую, как мы тогда жили. Мы жили для дела революции, ради будущего коммунизма, всё и вся было у нас подчинено этому. Нам было трудно. Но мы помнили, что первыми в мире строим социализм и поэтому должны затянуть ремешки потуже, с тем чтобы выделить больше средств на индустриализацию страны. Иначе главная идея революции погибнет, и враги нас задушат. Какое же это было прекрасное время! Никакие материальные трудности не шли ни в какое сравнение с великой идеей, которой мы честно служили!

Мне было особенно приятно работать в условиях Москвы, большого столичного города. С городским хозяйством я раньше не соприкасался. Для меня было столько нового и столько интересного и в хозяйстве, и в людях, с которыми приходилось общаться, обсуждать и решать различные вопросы жизни и перестройки города Москвы. Это была увлекательная работа, и я отдавался ей целиком. Домой приходил ночевать довольно поздно, а уходил очень рано. Но в те дни, о которых я рассказываю, обычное их течение было внезапно нарушено в начале декабря 1934 г., когда раздался телефонный звонок и я услышал голос Кагановича: «Немедленно приезжайте в Кремль и заходите в приемную Сталина». Там мне сообщили, что убит Киров. Его убийцами были названы троцкисты, завербованные иностранной разведкой. Нам было ясно, что Кирова убили враги революции, враги Советского Союза. Поэтому прозвучавший из уст Сталина призыв к бдительности был для нас естественным.

А массовые репрессии развернулись спустя несколько лет. Сталин всех людей, с ним не согласных, назвал «врагами народа», которые-де хотели вернуть старые порядки, в чем «враги народа» сомкнулись с международной реакцией. После чего и погибли несколько сот тысяч честных людей. Тогда каждый жил в страхе. Каждый ожидал, что вот-вот к нему постучат ночью, и этот стук окажется роковым. Не случайно Гамарник, когда к нему постучались ночью, застрелился. Потом его самоубийство послужило для Сталина основанием утверждать, что это был неразоблаченный враг, который понял, что до него добрались, и, не желая отдаться в руки правосудия, застрелился. А если бы он отдался? Его бы все равно пристрелили. Гамарник был умный человек, понимал, что его ждет. Его реабилитировали после XX съезда партии, как и многих других.

Но перед тем, как на XX съезде был поставлен вопрос о реабилитации невинных и о культе личности Сталина, в Президиуме ЦК прошла большая борьба. Категорически против постановки такого вопроса были Молотов, Ворошилов и Каганович. Это меня не удивляло, потому что эти люди, особенно Молотов и Ворошилов, вместе со Сталиным отвечали за все беззакония. Я убежден, что Сталин советовался с ними, и они вместе принимали решения. Безусловно, не по всем кандидатурам, обреченным на уничтожение, у них имелось единое мнение. Но они были едины в направленности самого мероприятия — варварского уничтожения членов партии. Они же были авторами лозунгов о пресловутой борьбе с «врагами народа».

Когда мы создали комиссию, которая стала подробно изучать документы, связанные с репрессиями, обнаружилась среди прочих записка Ежова Молотову. В ней перечислялись фамилии жен ряда врагов народа, предлагалось выслать их из Москвы. Молотов наложил резолюцию: «Расстрелять». И они были расстреляны. Это же ужасная вещь: даже НКВД пишет, что их надо только выслать; следовательно, за ними нет никакого преступления. Этот документ, как и ряд иных, подтверждал, что Молотов наравне со Сталиным полностью отвечал за произвол, за допущенные убийства. Так уничтожались неугодные Сталину люди, честные

члены партии, безупречные труженики, прошедшие школу революционной борьбы под руководством Ленина. И это все надо теперь простить и забыть? Никогда!

Еще раз о Берии

Раньше я уже неоднократно говорил о Берии, но преимущественно в связи с какими-то не полностью касавшимися его событиями или в связи с другими людьми. А сейчас хочу рассказать специально о Берии, его роли и влиянии на жизнь советского общества. В процессе нашего знакомства и частых встреч с ним постепенно выявлялась и становилась для меня более понятной и его политическая физиономия. В первое время нашего знакомства он производил на меня очень хорошее впечатление. Мы с ним на Пленумах ЦК всегда сидели рядом, обменивались мнениями, иной раз шутили, как бывает между людьми, которые имеют хорошие отношения.

А потом началось! Но тоже не сразу. Когда Сталин высказал мысль, что надо заменить наркома внутренних дел Ягоду, поскольку тот не справляется, он назвал взамен Ежова. Ежов был начальником по линии кадров в ЦК партии. Я его хорошо знал. С 1929 г., когда я поступил учиться в Промышленную академию, и особенно после того, как меня избрали там секретарем партийной организации, Ежов стал в какой-то степени моим руководителем, потому что Промышленная академия находилась в ведомстве Отдела кадров ЦК и подчинялась напрямую ЦК через Ежова. Ему я как парторг и докладывал о положении дел в Промышленной академии. Если проходили мобилизации слушателей академии для посылки на места, сбора материалов или проведения какой-нибудь политической кампании, то это делалось ЦК тоже напрямую через меня, и никто (имеются в виду ведомство по делам высшей школы или Московский партийный комитет) не обладал правом распоряжаться у нас, брать людей для проведения той или иной политической кампании и пр. Все делалось только с разрешения ЦК. Так создались условия, когда я более или менее часто стал встречаться с Ежовым. Он производил на меня хорошее впечатление, был внимательным человеком. Я знал, что Ежов — питерский рабочий и с 1917 г. являлся членом партии. Это считалось высокой маркой — питерский рабочий!

Когда Ежов был выдвинут в НКВД, я еще не знал глубоких мотивов этой акции и внутренней аргументации Сталина. Я-то лично неплохо относился к Ягоде и не видел, не чувствовал прежде какой-то антипартийности в его действиях. Но был назначен Ежов, и репрессии еще больше усилились. Началось буквальное избиение и военных, и гражданских, и партийных, и хозяйственных работников. Наркомат тяжелой промышленности возглавлял Орджоникидзе, Наркомат путей сообщения — Каганович. Там тоже шли повальные аресты людей. Между прочим, Ежов был в дружеских отношениях с Маленковым и вместе с ним работал. Так что последний не стоял в стороне от «ежовщины».

Начало 1938 года... Сталин вызвал меня и предложил поработать на Украине: сказал, что Косиор там не справляется. Я к Косиору относился с большим уважением. Знал его, когда еще впервые работал на Украине: он стал генеральным секретарем ЦК КП(б)У после Кагановича, в 1928 году. Каганович ушел в ЦК ВКП(б), а Косиор пришел на его место. Когда в 1929 г. я подал заявление с просьбой откомандировать меня на учебу в Промышленную академию, то меня принимал по этому вопросу уже Косиор. А когда Сталин сказал мне, чтобы я заменил Косиора, на меня это подействовало плохо. Я высоко ценил Косиора и считал, что мне заменить его никак невозможно, что я еще не дорос до такого уровня. Да и национальный вопрос тоже играл роль. Я, конечно, работал раньше на Украине и даже в Киеве. Правда, правительство УССР находилось еще в Харькове. Но все равно: как русский человек я испытывал некоторую неловкость. Ко мне по-доброму относились украинцы и коммунисты, и беспартийные, однако я постоянно чувствовал тот свой недостаток, что не мог выступать на украинском языке. И я ответил Сталину: «Вряд ли целесообразно посылать туда русского человека». Однако Сталин доказывал, что русский ничем не хуже поляка. Есть же на Украине поляк Косиор, почему должен быть хуже русский?

Я очень волновался, что не справлюсь. Но не отрицаю, это предложение льстило мне: такой высокий пост мне доверяет Центральный Комитет партии! И я

поехал. Косиор сдал мне дела, я принял. Он уехал и был назначен к Молотову заместителем Председателя Совнаркома СССР. Прошло какое-то время, и в конце 1938 или в начале 1939 г. вдруг возник вопрос о назначении меня тоже заместителем у Молотова. Сначала мне об этом позвонил Молотов, а потом сказал и Сталин, когда я приехал в Москву: «Вот, Молотов настаивает, чтобы взять вас к нему заместителем. Видимо, надо уступить Молотову. Как вы смотрите?» Я просил не делать этого: только что прижился в Киеве, украинцы меня вроде бы признали, отношения сложились хорошие. Самый главный довод состоял в том, что мы идем к войне, а я более или менее знал Украину; если сейчас туда придет новый человек, ему будет сложнее все организовывать, коль скоро разразится война. Поэтому мой уход вряд ли будет в интересах дела; а в Москву легче подобрать другого человека. Сталин согласился на заседании Политбюро: «Давайте прекратим этот разговор, пускай Хрущев остается на Украине».

В 1938 г. Сталин поднял вопрос, что надо было бы «подкрепить» Ежова, дав ему первого заместителя, и спросил его об этом. Тот ответил: «Было бы хорошо». «Кого вы думаете?» «Я бы просил дать мне первым заместителем Маленкова». Такой разговор возникал несколько раз, но вопрос не решался. Наконец Сталин сказал Ежову: «Нет, Маленкова вам не стоит брать, потому что он сейчас заведует кадрами ЦК и тут нужнее». Когда Маленков возглавил кадры ЦК, Ежов сохранил шефство над ним. Таким образом, кадры оставались в то время фактически под контролем Ежова. Это было время, когда партия начинала утрачивать прежнее лицо и стала подчиняться Наркомату внутренних дел. Рубежом явилась середина 30-х годов.

Проводил я Московскую партийную конференцию в 1937 году. Все кандидатуры, которые выдвигались в члены Московских городского и областного комитетов, заранее просматривались и «освящались» Наркоматом внутренних дел. Не ЦК, тем более не члены партии решали, а именно НКВД! Это он высказывал последнее слово о достоинствах того или другого избранника, о его возможности работать в руководящем партийном органе. Честно говоря, мы тогда считали, что это помогает партийным органам лучше изучать кадры и разоблачать врагов, которые проникли даже в состав руководства. Так нас тогда уже воспитали!

Вот один из случаев. В какой-то военной академии был комиссаром коммунист с заметной бородой, человек лет 40. С точки зрения Московского партийного комитета он был вполне на своем месте. И его прекрасно приняла конференция, когда обсуждался вопрос о внесении его кандидатуры в список для голосования. Но вдруг перед самым голосованием позвонил мне Ежов и говорит: «Надо все сделать, чтобы провалить этого человека. Он не заслуживает доверия, он связан с врагами народа и будет вскоре арестован». Мы так и поступили, как нам рекомендовали. Но произошла такая ломка психики и так скверно повлияло это на делегатов конференции! Выбирали, аплодировали (а он прошел буквально под бурю аплодисментов), и тут же нам надо было этим людям потом доказывать, чтобы они не голосовали за него... Его провалили. Он смутился: в чем дело? На следующую ночь он был арестован, вопрос для всех прояснился.

Другой случай. Емельян Ярославский — старый большевик, уважаемый в партии человек. Его кандидатура выдвигалась там же в состав Московского обкома ВКП(б). В те времена в состав Московских комитетов избиралось много членов Политбюро и других партийных руководителей. Само собою, Сталин и другие тоже туда попадали, но не все. Выдвинули и Ярославского, а он был тогда секретарем партийной коллегии в Комиссии партийного контроля и считался лицом, безупречным в партийном отношении. Вдруг звонят мне Ежов не то Маленков и говорят, что надо Ярославского провалить. Это было чрезвычайно тяжело для меня лично, однако я должен был выполнить задание и стал говорить секретарям партячеек, чтобы они провели по делегациям соответствующую агитацию, но так, чтобы это не стало достоянием самого Ярославского, который был уже внесен в избирательный список. Когда потом подсчитали голоса, то оказалось, что Емельян все-таки был избран, вопреки нашей деятельности, кажется, лишь одним «лишним» голосом. Помню, как после той конференции Землячка, к которой я тоже питал исключительное уважение, послала письмо в ЦК, где обвиняла меня как секретаря Московского горкома ВКП(б) в том, что на конференции велась агитация против

Ярославского. Я-то не мог объяснить ей сразу, что выполнял волю ЦК. Она поняла это позднее. Конечно, ее заявление осталось без последствий.

Вот какая уже складывалась обстановка. Органы НКВД имели решающее слово при любых выдвижениях или передвижках партийных, государственных и хозяйственных кадров, и они всегда согласовывались с НКВД. Конечно, это позорнейшее явление, утрата руководящей роли партии! Что до Ежова, то Сталин в конце концов предложил назначить к нему первым заместителем Берию. К той поре на демонстрации обычно все выходили с плакатами, где была нарисована колючая рукавица. Такой обычай сложился после того, как Сталин сказал: «Ежов — это ежовая рукавица, это ежевика», — и хорошо отозвался о деятельности Ежова. Но в том, что Сталин назвал Берию, проявился тот факт, что намечалась уже замена Ежова. Ежов-то все правильно понял. Понял, что приходит конец его деятельности и его звезда закатывается. А может быть, он, сам действовавший в той же манере, почувствовал, что кончается и его существование? Однако он сказал: «Конечно, товарищ Берия достойный человек, тут нет вопроса. Он может быть не только заместителем, но и наркомом». Сталин возразил: «Наркомом, я считаю, он не может быть, а заместителем у вас будет хорошим». И тут же Берию утвердили заместителем Ежова.

Так как у меня были хорошие отношения с Берией, я подошел к нему после заседания и полусерьезно, полушутя поздравил его. Он ответил: «Я не принимаю твоих поздравлений». «Почему?» «Ты же не согласился, когда шел вопрос о тебе и тебя прочили заместителем к Молотову. Так почему же я должен радоваться, что меня назначили заместителем к Ежову? Мне лучше было бы остаться в Грузии». Не знаю, насколько искренне он это говорил. А когда Берия перешел в НКВД, то первое время он не раз адресовался ко мне: «Что такое? Арестовываем всех людей подряд, уже многих видных деятелей пересажали, скоро сажать будет некого, надо кончать с этим».

Появилось решение о «перегибах». Оно приписывалось влиянию Берии. В народе считали, что Берия пришел в НКВД, разобрался, доложил Сталину и Сталин послушал его. Соответствующий Пленум ЦК ВКП(б) был резко критичным. Каждый выступающий кого-то критиковал. Среди других помню выступление Маленкова. Он тогда критиковал одного из секретарей Средазбюро партии (тот потом был арестован). Критика была нацелена против самовосхваления. Маленков говорил, что альпинисты совершили восхождение на самую высокую точку в горах Средней Азии и назвали этот пик именем того секретаря Средазбюро.

Единственным человеком, занимавшим сравнительно высокое положение в партийном руководстве и почему-то избежавшим критики, пока оказался Хрущев. Но тут выступил Яков Аркадьевич Яковлев, который заведовал сельхозотделом ЦК партии, и раскритиковал меня. Впрочем, его критика была довольно оригинальной: он ругал меня за то, что меня в Московской парторганизации все называют Никитой Сергеевичем. Я тоже выступил и в ответ разъяснил, что это мои имя и отчество, так что называют правильно. Тем самым как бы намекнул, что сам-то он ведь не Яковлев, а Эпштейн. А после заседания ко мне подошел Мехлис, в ту пору еще редактор газеты «Правда», и с возмущением заговорил о выступлении Яковлева. Мехлис был еврей, знал старинные традиции своего народа и сообщил мне: «Яковлев — еврей, потому и не понимает, что у русских людей принято даже официально называть друг друга по имени и отчеству».

Выступление там Каминского было таким. В те дни Григорий Наумович трудился наркомом здравоохранения СССР. Это был очень уважаемый товарищ с дореволюционным партийным стажем, не раз встречавшийся с Лениным. Я с ним познакомился, когда только начинал работать в Московской парторганизации. Он в ту пору являлся одним из секретарей МК ВКП(б), потом был председателем Мособлисполкома, а затем его выдвинули в Наркомздрав России и далее всего Союза. То был прямой, искренний человек со святым чувством партийности и неумолимой правдивости. Он сказал: «Тут все, выступая, говорят обо всем, что они знают о других. Я тоже хотел бы сказать, чтобы партии это было известно. Когда в 1920 г. я был направлен в Баку и работал там секретарем ЦК Компартии Азербайджана и председателем Бакинского Совета, ходили упорные слухи, что присутствующий тут товарищ Берия во время оккупации Баку сотрудничал в органах контрразведки мусаватистов не то, несколько ранее, английской контрразведки». Никто

не выступил с опровержением. Даже Берия не выступил ни с какой справкой по этому поводу. Молчание, и все тут... А вскоре Каминский был арестован и бесследно исчез. Меня потом долго мучил этот вопрос, потому что я абсолютно верил Григорию и знал, что он никогда ничего сам не выдумает и от других зря не повторит. Но кто же мог вступить в конкуренцию с НКВД и ее лидерами?

Как-то в те же примерно месяцы после одного дневного заседания ЦК партии все расходились на обед. Я несколько задержался и не успел уйти. Тут меня окликнул Сталин: «Хрущев, вы куда идете?» «Иду обедать». «Пойдемте ко мне, вместе пообедаем». «Спасибо». Когда мы выходили, около Сталина вертелся Яковлев. Он вроде бы без приглашения последовал за ним и тоже оказался у него на квартире. Мы пообедали втроем. Сталин вел беседу, а Яковлев очень при этом волновался. Чувствовалось, что он переживает глубокое внутреннее чувство. Вероятно, боялся, что его арестуют, и хотел искать защиты у Сталина. Я знал Яковлева еще по работе на Украине, а познакомился с ним при оригинальных обстоятельствах. Тогда, в середине 20-х годов, назревала зиновьевско-каменевская оппозиция. Когда мы приехали на партийный съезд, то в нашу делегацию пришел Яковлев и проинформировал нас об обстановке, которая может возникнуть на съезде. Сказал, что Зиновьев, видимо, будет содокладчиком. Это сообщалось доверительно, чтобы мы понимали, что, вот, доверенный человек по поручению Сталина информирует нас. Я упоминаю об этом к тому, что этот человек был близок к Сталину и все свои силы отдавал борьбе против оппозиции, а потом старался вовсю при коллективизации. Несмотря на это, для него сложилась теперь трудная ситуация, хотя не знаю, почему. И он в своем предчувствии не ошибся, был арестован, несмотря на любезный обмен мнениями со Сталиным во время обеда на его квартире, тут же после обеда и вскоре погиб.

Пленум же, о котором я рассказываю, как раз тогда и принял решение, осуждавшее перегибы в работе НКВД. Этот Пленум дал народу надежду, что кончится дикий произвол, царивший в стране и создававший у всех неуверенность: то ли будет человек жить, то ли может быть уничтожен либо просто бесследно пропасть. Я, да и многие другие, беззаветно верил Сталину, и мы себя обвиняли, что мы слепцы, не видим и не чувствуем врагов, нет у нас политического нюха, нет глубокого понимания классовой борьбы, не умеем разоблачать врагов так, как это делает товарищ Сталин. Только постепенно я начинал соображать, что далеко не все так просто. Сошлюсь на следующий эпизод.

Однажды приехал я с Украины в Москву. Мы сидели у Сталина в кремлевском кабинете. Зазвонил телефон. Сталин подошел к нему, поговорил с кем-то, потом положил трубку и, подойдя к нам, сказал, что ему звонил Чубарь: плачет, волнуется, доказывает, что он честный человек; а тон у Сталина был сочувствующий Чубарю. Казалось, с пониманием он отнесся к переживаниям Власа Яковлевича. И я был сильно удивлен, когда буквально на следующий день Чубарь был арестован, а потом погиб. Чубаря я знал по работе на Украине, где он был председателем Совнаркома. Приходилось встречаться с ним и на съездах Компартии Украины, на совещаниях угольщиков (одно время он руководил угольной промышленностью Донбасса). Чубарь пользовался общим уважением. Когда и он, и я работали рядом в Москве, то при личных встречах он тоже производил всегда очень хорошее впечатление, особенно в смысле его партийности. И вдруг?

После упомянутого Пленума наметилось какое-то торможение в арестах, но малозаметное. Люди продолжали неожиданно исчезать, вроде как на льду: проваливаются бесследно, и никто не возвращается. Я-то не имел привычки с переходом из одной партийной организации в другую перетаскивать с собою людей, работавших со мной прежде: тащить хвосты, как говорили тогда. Я осуждал такие методы. Однако, когда приехал на Украину, там было в смысле кадров, что называется, чисто: ни одного секретаря обкома партии, ни одного председателя облисполкома нет, нет ни председателя Совета Народных Комиссаров, ни его заместителей. Налицо полный разгром партийного, советского и хозяйственного руководства. Пришлось мне поневоле попросить Сталина разрешить взять кое-кого из Москвы.

Среди таких людей был и Лукашов. Я его знал по московской рабочей кооперации, которая возглавлялась Бадаевым: он там заведовал отделом овощей и фруктов и нравился мне за свою оперативность, деловитость и расторопность. Я сказал Сталину, что хотел бы видеть Лукашова наркомом торговли на Украине. Сталин

разрешил. Потом Лукашова тоже арестовали. Для меня это было очень неприятно. Во-первых, я его хорошо знал; потом я просил за него у Сталина. Раз его арестовали, это могло бы быть плохо истолковано: я просил за врага народа. Прошло какое-то время, и (редкое тогда явление) Лукашов был освобожден. Приехал он на Украину, весь избитый, и физически, и морально. Он рассказывал мне, что подвергался истязаниям и что от него требовали показаний на меня: что я, дескать, состою в каком-то заговоре. Оказывается, еще в Москве я ходатайствовал, чтобы Лукашова послали в Польшу и Литву для закупки овощных семян. И вот теперь от него потребовали показаний, что посылка его за границу служила установлению связей с антисоветскими организациями. Он все выдержал, не дал таких показаний и сам был освобожден. Я рассказал Сталину об этом. Сталин же мне: «Да, бывают такие извращения. И на меня тоже собирают материалы. Ежов собирает».

Прошло какое-то время, и встал вопрос уже о Ежове. Его позиции пошатнулись. Окончательному же его падению предшествовал такой эпизод. Звонит мне Сталин: «Есть показания на наркома внутренних дел Украины Успенского, и они у нас не вызывают сомнений». По телефону мне послышалось, что тот говорит об Усенко, комсомольском работнике. Сталин: «Можете арестовать его сами?» «Можем, если будет поручено». «Арестуйте!» Но когда он начал уточнять детали, я понял, что речь идет об Успенском. Не успел я положить трубку, Сталин опять звонит: «Насчет Успенского ничего не нужно делать. Мы это сами сделаем. Отзовем его в Москву и в пути арестуем». А я собирался ехать в Днепропетровск. Уехал, Успенского же отозвали в Москву. У меня имелось предчувствие, что он не поедет туда, потому что догадывается, что может быть арестован. И, уезжая, я сказал Коротченко, председателю Совнаркома Украины: «Ты позванивай, якобы по делам, к Успенскому, понаблюдай за ним, ведь ты остаешься тут за меня». Утром приехал я в Днепропетровск, а мне туда звонит Берия. Именно Берия, а не Ежов: «Вот, ты там разъезжаешь, а твой Успенский сбежал». «Как?» «А вот так, сбежал, и все». Я срочно вернулся в Киев. Действительно, Успенского нет нигде. Потом, когда я опять был в Москве, Сталин сказал мне, что, видимо, Ежов его предупредил: «Ежов подслушал нас, когда я с вами разговаривал, и предупредил Успенского по телефону».

К тому времени Сталин уже неоднократно высказывал недовольство деятельностью Ежова, перестал ему доверять и хотел спихнуть на него все беззакония. Позднее Ежов был арестован. И все его заместители тоже. Вообще любых людей, которые были с ним связаны, арестовали. Тогда же туча нависла и над Маленковым, который был большим приятелем Ежова. Сталин знал об этом. Да и я тоже, потому что дружил с Маленковым в течение многих лет. Мы работали вместе еще в Московском комитете партии. О наметившихся подозрениях в адрес Маленкова я для себя лично сделал вывод после такого случая. Когда я однажды приехал в Москву с Украины, Берия пригласил меня к себе на дачу: «Поедем, я один, никого нет. Погуляем, ты у меня заночуешь». «Мне все равно, я тоже один». Поехали, погуляли в парке. И тут он говорит мне: «Слушай, ты ничего не думал о Маленкове?» «А что я должен думать?» «Ну, Ежова ведь арестовали». «Верно, они дружили, — говорю. — Но и ты тоже с ним дружил, и я тоже. Думаю, что Маленков — честный, безупречный человек». «Нет, нет, послушай, ты все-таки еще подумай, ты и сейчас близок с Маленковым, подумай!» Ну, подумал я, но вывода никакого особого не сделал и продолжал с ним дружить. Когда приезжал в Москву, то в выходной день всегда бывал у Маленкова на даче. От себя полагаю, что это Сталин сказал, чтобы Берия предупредил меня о Маленкове. Позднее Маленков сблизился и подружился с Вознесенским, а потом стал неразлучным другом с Берией.

После ареста Ежова Берия быстро набрал силу. Он занялся прежде всего перестановкой кадров. У нас на Украине не было тогда наркома НКВД, и он прислал исполнять обязанности наркома Кобулова, младшего брата того Кобулова, который был заместителем Берии в союзном Наркомате внутренних дел, а прежде работал с Берией в Грузии. Украинский Кобулов был еще мальчишкой, и довольно неподготовленным. Об этом можно судить хотя бы по такому эпизоду. Пришел он как-то в ЦК КП(б)У и сообщил, что выявлена группа украинских националистов, которая ведет антисоветскую работу. Я ему: «Возможно в принципе, что есть такая. Но кого конкретно имеете в виду? Назовите фамилии». «Такие-то и такие-то фамилии». И он назвал нескольких писателей и других лиц интеллигентного труда.

Я хорошо знал их. И среди прочих он упомянул Рыльского. Отвечаю: «Эти люди никак не могут вести антисоветской работы. Они могут проявлять какое-то недовольство чем-то, высказывать критику, но это вовсе не антисоветчики. А в чем их конкретно обвиняют? Что вам сообщил агент?» «Они собираются, выпивают, поют песни». «Ну, и что же тут такого?» «А они поют такую песню: Дэ ты ходышь, мия доля, не доклычусь я тэбэ». Я рассмеялся: «Вы армянин и не знаете украинской культуры. Ваш агент издевается над вами, если пишет про такие вещи. Эту песню поют тут все. Если мы с вами когда-нибудь окажемся в одной компании, то я не даю гарантии, что не присоединюсь к тем, кто ее поет. Это очень хорошая народная песня». Вот вам уровень человека, исполнявшего обязанности наркома!

В те же недели другой человек Берии поехал с тем же назначением в Белоруссию. Берия повсюду рассылал свои кадры. К той поре сложилась такая ситуация, что все кадры при выдвижении их на партийную, советскую, хозяйственную или военную работу проходили через «чистилище» в НКВД. Последний становился главным органом страны. А любые ведущие кадры вообще выдвигались только с предварительного согласия Берии. Постепенно мы с Берией все чаще встречались у Сталина, и я начинал лучше узнавать его. Я тогда относился к Берии хорошо и только позднее был поражен его двуличием. Вот лишь один из примеров. Он мог (а я поражался, как это допустимо?) у Сталина за обедом поставить какой-то вопрос; и если Сталин отвергал его, он сейчас же смотрел на кого-нибудь из присутствовавших и говорил: «Я же говорил тебе, что этот вопрос не надо выдвигать». Я просто глаза и рот раскрывал: как это можно ляпать такое при Сталине? Ведь Сталин, хотя и молчит, но видит и слышит, что Берия только что сам поставил этот вопрос. И ничего! Такое вот вероломство. По мере того, как Берия «укреплялся», его наглость и низость тоже проявлялись все отчетливее.

Раньше я слышал, что некогда заместителем наркома внутренних дел в Грузии был у Берии Реденс. Реденса хорошо знали старые кадры. Я неоднократно с ним встречался, когда он работал уполномоченным НКВД по Московской области. Кроме того, часто встречался с ним в домашней обстановке, на семейных обедах у Сталина, поскольку Реденс был женат на Анне Сергеевне, сестре Надежды Сергеевны Аллилуевой. Так что же Берия предпринял, чтобы выдворить Реденса из сталинской семьи? Сначала он задался целью вышибить Реденса из Грузии, потому что не хотел, чтобы у Сталина имелись оттуда информаторы помимо него, Берии. И он поручил своим людям заманить Реденса в какой-то кабачок. Они использовали его слабость в смысле вредной привычки, напоили, потом вывели и бросили на улице в сточную канаву. Мимо ехала милиция и увидела, что Реденс валяется в таком виде, доложила по инстанции. И дело поехало! Поставили вопрос перед Сталиным, что Реденс дискредитирует себя. Так Реденс, отозванный из Грузии, попал в Московскую область. Потом Реденса убрали и из Кремля, где он бывал, и вообще устранили.

В 1953 г., когда устранили самого Берию, ЦК КПСС получил письмо от бывшего заключенного, грузина. Он в большом письме перечислял, сколько людей в Грузии стали жертвами Берии в результате различных провокаций. Но это, конечно, стало возможным лишь после падения Берии. А раньше такое письмо наверняка перехватили бы. Резко усилила влияние Берии Великая Отечественная война. Он тогда возымел огромную силу. Сталин утрачивал над ним контроль, особенно в тяжелые месяцы нашего отступления на фронте. Берия постепенно стал грозою партийных кадров. Влиял он и на окружение Сталина. Там менялся обслуживающий персонал. Прежде лично у Сталина работали в основном русские. Подавальщицы и в войну остались русские, но появлялись и грузины. Шашлычник там какой-то жарил шашлыки, так он стал даже генералом, и с каждым моим приездом в Ставку я видел, как у него росли орденские колодки с лентами — свидетельство постоянных награждений за умение здорово жарить шашлык. Как-то Сталин заметил, что я присматриваюсь к колодкам на груди новоявленного генерала, но ничего не сказал, и я тоже промолчал.

А после войны — и говорить нечего! Берия стал теперь членом Политбюро. Да и Маленков набрал силу, хотя у него периодически менялось занимаемое им положение и во время войны, и после войны. Однажды Сталин даже загнал его в Среднюю Азию. Тут-то Берия и подал ему руку помощи, а затем они стали неразлучны. Сталин у себя за обедом нередко называл их, как бы в шутку, двумя жуликами, но

не в оскорбительном тоне, а вроде дружески: где, мол, пропадают эти два жулика? Тут без Берии буквально ничего уже нельзя было решить. Даже Сталину почти ничего нельзя было доложить, не заручившись поддержкой Берии. Все равно Берия, если станешь докладывать при нем, обязательно любое твое дело обставит всяческими вопросами и контрвопросами, дискредитирует в глазах Сталина и провалит.

В то же время Берия не уважал и не ценил Маленкова, а преследовал в дружбе с ним личные цели. Он мне как-то сам сказал: «Слушай, Маленков — безвольный человек. Вообще козел, может внезапно прыгнуть, если его не придерживать. Поэтому я его и держу, хожу с ним. Зато он русский и культурный человек, может пригодиться при случае». «Пригодиться» было главным у Берии. Я-то с Маленковым и Булганиным дружил с той поры еще, когда работал в Московской парторганизации. Мы часто проводили тогда вместе выходные дни, вместе жили на даче. Поэтому, несмотря на то, что Маленков выказывал некоторую холуйскую наглость относительно меня во время войны, особенно когда Сталин проявлял недовольство мною, я с ним не порывал отношений.

Это недовольство Сталина мною проявлялось в период отступления: что же, мол, Украину оставляете? Он искал виновных, кто будет отвечать за поражения. Конечно, я первым должен был отвечать, раз являлся секретарем ЦК Компартии Украины. Хотя главнокомандующим-то был Сталин, но он вроде ни за что не отвечал, а только подчиненные. Избегал ответственности и Маленков. Впрочем, я его не винил. А уже после войны, когда все мы приехали как-то в Сочи к Сталину по вызову (я с Украины, Маленков и другие — из Москвы) и разбирали какие-то вопросы, а потом вышли погулять, я ходил с Маленковым и сказал ему: «Удивляюсь, неужели ты не видишь и не понимаешь, как Берия относится к тебе?» Он молчит. «Ты думаешь, — продолжаю, — что он тебя уважает? По-моему, он издевается над тобой». В конце концов Маленков ответил: «Да, я вижу, но что я могу поделать?» «Я просто хотел бы, чтобы ты видел и понимал. А это верно, что сейчас ты не можешь ничего поделать». Дальше — больше. У меня созревали определенные опасения. Годы жизни Сталина шли такие, что в любой момент страна могла оказаться в тяжелом положении без вождя. Я боялся его смерти. И еще больше боялся за последствия: что потом будет в СССР?

В те годы, несмотря на то, что я давно сомневался в справедливости обвинений в адрес многих «врагов народа», в целом у меня не возникало недоверия к Сталину. Я считал, что имели место перегибы, однако в основном все было сделано правильно. Я даже возвеличивал Сталина за то, что он не побоялся осложнений, провел чистку и тем самым объединил, сплотил честных людей. Тем не менее, к рубежу 50-х годов у меня уже сложилось мнение, что, когда умрет Сталин, нужно сделать все, чтобы не допустить Берию занять ведущее положение в партии. Иначе — конец партии! Я считал, что могла произойти утрата всех завоеваний революции, так как Берия повернет развитие с социалистического на капиталистический путь. Такое у меня сложилось мнение.

Однажды, когда я был во Львове, Сталин позвонил мне и срочно вызвал в Москву. Шли последние месяцы 1949 года. Я ехал и не знал, что меня ждет. Могло возникнуть много неожиданных сюрпризов. Такая тогда была ситуация. Ехал я и не знал, зачем еду, куда и в каком положении буду возвращаться. Сходные переживания как-то выразил Булганин после обеда у Сталина, сказав мне: «Вот едешь к нему на обед вроде бы как другом, а не знаешь, сам ли ты поедешь домой или тебя повезут кое-куда». Он это произнес, будучи под крепким градусом. Но ведь что у трезвого в голове, то... Булганин отразил мысли многих, если не всех нас. Сложилась общая обстановка неуверенности в завтрашнем дне. Итак, выехал я в Москву. Сталин говорит: «Довольно вам на Украине сидеть. Вы там проработали много лет». «Да, 13 лет. Время мне уходить оттуда, хотя отношение ко мне там очень хорошее, и я благодарен всем людям, которые меня окружали и помогали мне в руководстве на Украине». «Мы хотим перевести вас в Москву. У нас неблагополучно в Ленинграде, выявлены заговоры. Неблагополучно и в Москве, и мы хотим, чтобы вы опять возглавили Московскую парторганизацию. Пусть Московская парторганизация будет опорой Центрального Комитета». Я ему: «Если Вы доверяете, то я сделаю все, что в моих силах, и охотно вернусь в Москву в качестве секретаря Московского комитета партии». «Нет, не только, вы будете здесь еще и секретарем ЦК».

Этот разговор состоялся как раз перед 70-летием Сталина. И он добавил: «Вы приезжайте ко дню моего рождения». Я и приехал к этому декабрьскому дню. Сдал дела на Украине, перебрался в Москву. Тут меня избрали секретарем МК, я начал работать по-новой. Быстро увидел, что мой приезд в Москву противоречил предположениям Берии и Маленкова. У меня сложилось тогда впечатление, что Сталин (он этого не сказал мне), вызывая меня в Москву, хотел как-то повлиять на расстановку сил в столице и понизить роль Берии и Маленкова. Мне даже иногда казалось, что Сталин сам боится Берии, рад был бы от него избавиться, но не знает, как это получше сделать. Перевод же меня в Москву как бы противопоставлял нас, связывая Берии руки. Сталин, как мне казалось, хорошо ко мне относился и доверял мне. Хотя он часто критиковал меня, но зато и поддерживал, и я это ценил.

Смерть Сталина

В феврале 1953 г. Сталин внезапно заболел. Как это случилось? Мы все были у него в субботу. А происходило это после XIX съезда партии, когда Сталин уже «подвесил» судьбу Микояна и Молотова. На первом же Пленуме после съезда он предложил создать вместо Политбюро Президиум ЦК партии в составе 25 человек и назвал поименно многих новых людей. Я и другие прежние члены Политбюро были удивлены, как и кем составлялся этот список? Ведь Сталин не знал этих людей, кто же ему помогал? Я и сейчас толком не знаю. Спрашивал Маленкова, но он ответил, что сам не знает. По своему положению Маленков должен был принимать участие в формировании Президиума, подборе людей и составлении списка, но не был к тому допущен. Может быть, это сделал сам Сталин? Сейчас я по некоторым признакам предполагаю, что он при подборе новых кадров воспользовался помощью Кагановича. Внутри Президиума действовало более узкое Бюро. Президиум фактически и не собирался, все вопросы решало Бюро. Это Сталин выдумал такую, совершенно неуставную форму: никакое Бюро не было предусмотрено в Уставе партии.

Для чего Сталин создал Бюро Президиума? Ему было, видимо, неудобно сразу вышибать Молотова и Микояна, и он сделал расширенный Президиум, а потом выбрал Бюро узкого характера. Как он сказал, для оперативного руководства. И туда ни Молотова, ни Микояна не ввел, то есть «подвесил» их. Я убежден, что если бы Сталин прожил еще какое-то время, то катастрофой кончилась бы жизнь и Молотова, и Микояна. Вообще же сразу после XIX съезда партии Сталин повел политику изоляции Молотова и Микояна, не приглашал их никуда, ни на дачу, ни на квартиру, ни в кино, куда мы прежде ходили вместе.

Но Ворошилов был избран в Бюро Президиума. Характерно для Сталина, что как-то, когда мы сидели у него за затянувшейся трапезой, он вдруг говорит: «Как пролез Ворошилов в Бюро?» Мы не смотрим на него, опустили глаза. Во-первых, что за выражение «пролез»? Как это он может «пролезть»? Потом мы сказали: «Вы сами его назвали, и он был избран». Больше Сталин эту тему не развивал. Однако его заявление понятно, потому что Ворошилова еще до XIX съезда он не привлекал к работе как члена Политбюро: никакого участия тот в заседаниях не принимал, документов не получал. Сталин же говорил нам, в узком кругу, что подозревает Ворошилова как английского агента. Невероятные, конечно, глупости. А Молотова он как-то «заподозрил» в моем присутствии. Я находился на даче у Сталина, кажется, в Новом Афоне. И вдруг ему взбрело в голову, что Молотов является агентом американского империализма, продался американцам, потому что ездил, будучи по делам в США, в железнодорожном вагоне. Значит, имеет свой вагон, продался! Мы разъясняли, что у Молотова никаких своих вагонов не могло быть, там все принадлежит частной железнодорожной компании. Вот какие затмения находили уже на Сталина в последние месяцы его жизни.

И вот как-то в субботу от него позвонили, чтобы мы пришли в Кремль. Он пригласил туда персонально меня, Маленкова, Берию и Булганина. Приехали. Он говорит: «Давайте посмотрим кино». Посмотрели. Потом говорит снова: «Поедемте, покушаем на ближней даче». Поехали, поужинали. Ужин затянулся. Сталин называл такой вечерний, очень поздний ужин обедом. Мы кончили его, наверное, в пять или шесть утра. Обычное время, когда кончались его «обеды». Сталин был

навеселе, в очень хорошем расположении духа. Ничто не свидетельствовало, что может случиться какая-то неожиданность. Распрощались мы и разъехались.

Когда выходили в вестибюль, Сталин, как обычно, пошел проводить нас. Он много шутил, замахнулся, вроде бы пальцем, и ткнул меня в живот, назвав Микитой. Когда он бывал в хорошем расположении духа, то всегда называл меня по-украински Микитой. Мы тоже уехали в хорошем настроении, потому что ничего плохого за обедом не случилось, а не всегда обеды кончались в таком добром тоне. Разъехались по домам. Я ожидал, что, поскольку завтра выходной день, Сталин обязательно нас вызовет, поэтому целый день не обедал, думал, может быть он позовет пораньше? Потом все же поел. Нет и нет звонка! Я не верил, что выходной день может быть пожертвован им в нашу пользу, такого почти не происходило. Но нет! Уже было поздно, я разделся, лег в постель.

Вдруг звонит мне Маленков: «Сейчас позвонили от Сталина ребята (он назвал фамилии), чекисты, и они тревожно сообщили, что будто бы что-то произошло со Сталиным. Надо будет срочно выехать туда. Я звоню тебе и известил Берию и Булганина. Отправляйся прямо туда». Я сейчас же вызвал машину. Она была у меня на даче. Быстро оделся, приехал, все это заняло минут 15. Мы условились, что войдем не к Сталину, а к дежурным. Зашли туда, спросили: «В чем дело?» Они: «Обычно товарищ Сталин в такое время, часов в 11 вечера, обязательно звонит, вызывает и просит чаю. Иной раз он и кушает. Сейчас этого не было». Послали мы на разведку Матрену Петровну, подавальщицу, немолодую женщину, много лет проработавшую у Сталина, ограниченную, но честную и преданную ему женщину.

Чекисты сказали нам, что они уже посылали ее посмотреть, что там такое. Она сказала, что товарищ Сталин лежит на полу, спит, а под ним подмочено. Чекисты подняли его, положили на кушетку в малой столовой. Там были малая столовая и большая. Сталин лежал на полу в большой столовой. Следовательно, поднялся с постели, вышел в столовую, там упал и подмочился. Когда нам сказали, что произошел такой случай и теперь он как будто спит, мы посчитали, что неудобно нам появляться у него и фиксировать свое присутствие, раз он находится в столь неблаговидном положении. Мы разъехались по домам.

Прошло небольшое время, опять слышу звонок. Вновь Маленков: «Опять звонили ребята от товарища Сталина. Говорят, что все-таки что-то с ним не так. Хотя Матрена Петровна и сказала, что он спокойно спит, но это необычный сон. Надо еще раз съездить». Мы условились, что Маленков позвонит всем другим членам Бюро, включая Ворошилова и Кагановича, которые отсутствовали на обеде и в первый раз на дачу не приезжали. Условились также, что вызовем и врачей. Опять приехали мы в дежурку. Прибыли Каганович, Ворошилов, врачи. Из врачей помню известного кардиолога профессора Лукомского. А с ним появился еще кто-то из медиков, но кто, сейчас не помню. Зашли мы в комнату. Сталин лежал на кушетке. Мы сказали врачам, чтобы они приступили к своему делу и обследовали, в каком состоянии находится товарищ Сталин. Первым подошел Лукомский, очень осторожно, и я его понимал. Он прикасался к руке Сталина, как к горячему железу, подергиваясь даже. Берия же грубовато сказал: «Вы врач, так берите, как следует».

Лукомский заявил, что правая рука у Сталина не действует. Парализована также левая нога, и он не в состоянии говорить. Состояние тяжелое. Тут ему сразу разрезали костюм, переодели и перенесли в большую столовую, положили на кушетку, где он спал и где побольше воздуха. Тогда же решили установить рядом с ним дежурство врачей. Мы, члены бюро Президиума, тоже установили свое постоянное дежурство. Распределились так: Берия и Маленков вдвоем дежурят, Каганович и Ворошилов, я и Булганин. Главными «определяющими» были Маленков и Берия. Они взяли для себя дневное время, нам с Булганиным выпало ночное. Я очень волновался и, признаюсь, жалел, что можем потерять Сталина, который оставался в крайне тяжелом положении. Врачи сказали, что при таком заболевании почти никто не возвращался к труду. Человек мог еще жить, но что он останется трудоспособным, маловероятно: чаще всего такие заболевания непродолжительны, а кончаются катастрофой.

Мы видели, что Сталин лежит без сознания и не сознает, в каком он состоянии. Стали кормить его с ложечки, давали бульон и сладкий чай. Распоряжались там врачи. Они откачивали у него мочу, он же оставался без движения. Я заметил, что

при откачке он старался как бы прикрыться, чувствуя неловкость. Значит, что-то сознает. Днем (не помню, на какой именно день его заболевания) Сталин пришел в сознание. Это было видно по выражению его лица. Но говорить он не мог, а поднял левую руку и начал показывать не то на потолок, не то на стену. У него на губах появилось что-то вроде улыбки. Потом стал жать нам руки. Я ему подал свою, и он пожал ее левой рукой, правая не действовала. Пожатием руки он передавал свои чувства. Тогда я сказал: «Знаете, почему он показывает нам рукой? На стене висит картина, вырезанная из «Огонька» репродукция с картины какого-то художника. Там девочка кормит из рожка ягненка. А мы поим товарища Сталина с ложечки, и он, видимо, показывая нам пальцем на картину, улыбается: мол, посмотрите, я в таком же состоянии, как этот ягненок».

Как только Сталин свалился, Берия в открытую стал пылать злобой против него. И ругал его, и издевался над ним. Просто невозможно было его слушать! Интересно впрочем, что как только Сталин пришел в чувство и дал понять, что может выздороветь, Берия бросился к нему, встал на колени, схватил его руку и начал ее целовать. Когда же Сталин опять потерял сознание и закрыл глаза, Берия поднялся на ноги и плюнул на пол. Вот истинный Берия! Коварный даже в отношении Сталина, которого он вроде бы возносил и боготворил.

Наступило наше дежурство с Булганиным. Мы и днем с ним подходили к Сталину, когда появлялись профессора, и ночью дежурили. Я с Булганиным тогда был больше откровенен, чем с другими, доверял ему самые сокровенные мысли и сказал: «Николай Александрович, видимо, сейчас мы находимся в таком положении, что Сталин вскоре умрет. Он явно не выживет. Да и врачи говорят, что не выживет. Ты знаешь, какой пост наметил себе Берия?» «Какой?» «Он возьмет пост министра госбезопасности (в ту пору Министерства государственной безопасности и внутренних дел были разделены). Нам никак нельзя допустить это. Если Берия получит Госбезопасность — это будет начало нашего конца. Он возьмет этот пост для того, чтобы уничтожить всех нас. И он это сделает!»

Булганин сказал, что согласен со мной. И мы стали обсуждать, как будем действовать. Я ему: «Поговорю с Маленковым. Думаю, что Маленков такого же мнения, он ведь должен все понимать. Надо что-то сделать, иначе для партии будет катастрофа». Этот вопрос касался не только нас, а всей страны, хотя и нам, конечно, не хотелось попасть под нож Берии. Получится возврат к 1937 — 1938 годам, а может быть, даже похуже. У меня имелись сомнения: я не считал Берию коммунистом и полагал, что он просто пролез в партию. У меня маячили в сознании слова Каминского, что он был чужим агентом, что это волк в овечьей шкуре, влезший в доверие к Сталину и занявший высокое положение. Сам Сталин тяготился им. Мне казалось, что были дни, когда Сталин боялся Берии.

На подобные мысли наталкивал меня и такой инцидент, хочу о нем рассказать. Как-то сидели мы у Сталина. Вдруг он смотрит на Берию и говорит: «Почему сейчас у меня окружение целиком грузинское? Откуда оно взялось?» Берия: «Это верные Вам, преданные люди». «Но отчего это грузины верны и преданы? А русские, что, не преданы и не верны, что ли? Убрать!» И моментально как рукой сняло этих людей. Берия был способен через своих людей сделать со Сталиным то, что проделывал с другими людьми по поручению того же Сталина: уничтожать, травить и прочее. Поэтому Сталин, видимо (если рассуждать за него), считал, что Берия способен сделать то же самое и с ним. Значит, надо убрать окружение, через которое Берия имеет доступ и в покои, и к кухне.

Но Сталин не понимал по старости, что тогдашний нарком госбезопасности Абакумов докладывает ему обо всем уже после того, как доложит Берии и получит указания, как сообщить Сталину. Сталин думал, что он выдвинул свежего человека и тот делает только то, что велит Сталин. В ту же сторону раскрутилось «мингрельское дело». Сталин продиктовал тогда решение (и оно было опубликовано), что мингрелы связаны с турками, что среди них есть лица, которые ориентируются на Турцию. Конечно, чепуха! Я считаю, что тут имела место акция, направленная Сталиным против Берии, потому что Берия — мингрел. Таким образом, он готовил удар против Берии. Тогда много было произведено арестов, но Берия ловко вывернулся: влез в это дело как «нож Сталина» и сам начал расправу с мингрелами. Бедные люди. Тащили их тогда на плаху, как баранов.

Существовали и другие факты, которые свидетельствовали о вероломстве

Берии, о недоверии Сталина к Берии. Итак, поговорили мы обо всем с Булганиным, кончилось наше дежурство, и я уехал домой. Хотел поспать, потому что долго не спал на дежурстве. Принял снотворное, лег. Только лег, но еще не уснул, услышал звонок. Маленков: «Срочно приезжай, у Сталина произошло ухудшение. Выезжай срочно!» Я сейчас же вызвал машину. Действительно, Сталин был в очень плохом состоянии. Приехали и другие. Все видели, что Сталин умирает. Медики сказали нам, что началась агония. Он перестал дышать. Стали делать ему искусственное дыхание. Появился какой-то огромный мужчина, начал его тискать, совершать манипуляции, чтобы вернуть дыхание. Мне, признаться, было очень жалко Сталина, так тот его терзал. И я сказал: «Послушайте, бросьте это, пожалуйста. Умер же человек. Чего вы хотите? К жизни его не вернуть». Он был мертв, но ведь больно смотреть, как его треплют. Ненужные манипуляции прекратили.

Как только Сталин умер, Берия тотчас сел в свою машину и умчался в Москву с «ближней дачи». Мы решили вызвать туда всех членов Бюро или, если получится, всех членов Президиума ЦК партии. Точно не помню. Пока они ехали, Маленков расхаживал по комнате, волновался. Я решил поговорить с ним: «Егор, — говорю, — мне надо с тобой побеседовать». «О чем?» — холодно спросил он. «Сталин умер. Как мы дальше будем жить?» «А что сейчас говорить? Съедутся все, и будем говорить. Для этого и собираемся». Казалось бы, демократический ответ. Но я-то понял по-другому, понял так, что давно уже все вопросы оговорены им с Берией, все давно обсуждено. «Ну, ладно, — отвечаю, — поговорим потом».

Вот собрались все. Тоже увидели, что Сталин умер. Приехала и Светлана. Я ее встретил. Когда встречал, сильно разволновался, заплакал, не смог сдержаться. Мне было искренне жаль Сталина, его детей, я душою оплакивал его смерть, волновался за будущее партии, всей страны. Чувствовал, что сейчас Берия начнет заправлять всем. Последует начало конца, подготовленного этим мясником, этим убийцей. И вот пошло распределение «портфелей». Берия предложил назначить Маленкова Председателем Совета Министров СССР с освобождением его от обязанностей секретаря ЦК партии. Маленков предложил утвердить своим первым заместителем Берию и слить два министерства, госбезопасности и внутренних дел, в одно Министерство внутренних дел, а Берию назначить министром. Я молчал. Молчал и Булганин. Тут я волновался, как бы Булганин не выскочил не вовремя, потому что было бы неправильно выдать себя заранее. Ведь я видел настроение остальных. Если бы мы с Булганиным сказали, что мы против, нас бы обвинили большинством голосов, что мы склочники, дезорганизаторы, еще при неостывшем трупе начинаем в партии драку за посты. Да, все шло в том самом направлении, как я и предполагал.

Молотова тоже назначили первым замом Предсовмина. Кагановича — замом. Ворошилова предложили избрать Председателем Президиума Верховного Совета СССР, освободив от этой должности Шверника. Очень неуважительно выразился в адрес Шверника Берия: сказал, что его вообще никто в стране не знает. Я видел, что тут налицо детали плана Берии, который хочет сделать Ворошилова человеком, оформляющим в указах то, что станет делать Берия, когда начнет работать его мясорубка. Меня Берия предложил освободить от обязанностей секретаря Московского комитета партии с тем, чтобы я сосредоточил свою деятельность на работе в ЦК партии. Провели мы и другие назначения. Приняли порядок похорон и порядок извещения народа о смерти Сталина. Так мы, его наследники, приступили к самостоятельной деятельности по управлению СССР.

После смерти Сталина

Во время похорон Сталина и после них Берия проявлял ко мне большое внимание, выказывал свое уважение. Я этим был удивлен. Он вовсе не порывал демонстративно дружеских связей с Маленковым, но вдруг начал устанавливать дружеские отношения и со мной. Если, бывало, они вдвоем соберутся пройтись по Кремлю, то и меня приглашают. Одним словом, стали демонстрировать мою близость к ним. Я, конечно, не противился, хотя мое негативное мнение о Берии не изменилось, а наоборот, укрепилось еще больше.

Существовала договоренность: составлять повестку дня заседаний Президиума ЦК вдвоем — Маленкову и Хрущеву. Маленков председательствовал на заседани-

ях, а я только принимал участие в составлении повестки дня. Берия же все больше набирал силу, быстро росла его наглость. Вся его провокаторская хитроумность была пущена им тогда в ход. Тогда же произошло первое столкновение других членов Президиума ЦК с Берией и Маленковым. Президиум уже изменился по составу. Мы вернулись к более узкому кругу членов, а Бюро, которое было создано Сталиным на Пленуме сразу после XIX съезда партии, мы ликвидировали.

Берия и Маленков внесли предложение отменить принятое при Сталине решение о строительстве социализма в Германской Демократической Республике. Они зачитали соответствующий документ, но не дали его нам в руки, хотя у Берии имелся письменный текст. Он и зачитал его от себя и от имени Маленкова. Первым взял слово Молотов. Он решительно выступил против такого предложения и хорошо аргументировал свои возражения. Я радовался, что Молотов выступает так смело и обоснованно. Он говорил, что мы не можем пойти на это; что тут будет сдача позиций; что отказаться от построения социализма в ГДР — значит, дезориентировать партийные силы Восточной, да и не только Восточной, Германии, утратить перспективу; что это капитуляция перед американцами. Я полностью был согласен с Молотовым и тотчас тоже попросил слова, поддержав Молотова. После меня выступил Булганин, который сидел рядом со мной. Потом выступили остальные члены Президиума. И Первухин, и Сабуров, и Каганович высказались против предложения Берии — Маленкова относительно ГДР. Тогда Берия с Маленковым отозвали свой документ. Мы даже не голосовали и не заносили в протокол результаты обсуждения. Вроде бы вопроса такого не было. Тут была уловка.

Разошлись мы после заседания, но на душе осталась горечь. Как можно по такому важному вопросу выходить с подобным предложением? Я считал, что это — антикоммунистическая позиция. Мы понимали, конечно, что Берия использует Маленкова, а Маленков как теленок, пошел вместе с ним в этом деле. Кончилось заседание, и вышли мы из зала втроем — Маленков, Берия и я. Но ничего не обсуждали. В тот же день я увиделся с Молотовым, и он сказал мне: «Я очень доволен, что вы заняли такую позицию. Я этого, признаться, не ожидал, потому что видел вас всегда втроем и считал, что вы занимаете единую позицию с Маленковым и Берией, думал, что Хрущев уже, наверное, заавансировался по этому вопросу. Твердая, резкая позиция, которую вы заняли, мне очень понравилась». И тут же предложил мне перейти с ним на «ты». Я, в свою очередь, сказал, что тоже доволен, что Вячеслав Михайлович занял такую правильную позицию.

А спустя некоторое время звонит мне Булганин: «Тебе еще не звонили?» Я сразу все понял без дальнейших разъяснений: «Нет, не звонили. Мне и не позвонят». «А мне уже позвонили». «И что ты ответил?» «Они сказали, чтобы я подумал еще раз: хочу ли я занимать пост министра обороны?» «А кто именно тебе звонил?» «Сначала один, потом другой. Оба позвонили». «Нет, мне не позвонили, потому что знают, что их звонок может им навредить». После этого со стороны Берии отношение ко мне внешне вроде бы не изменилось. Но я понимал, что тут лишь уловка, «азиатчина». В этот термин мы вкладывали такой смысл, что человек думает одно, а говорит совсем другое. Я понимал, что Берия проводит двуличную политику, играет со мной, успокаивает меня, а сам ждет момента расправиться со мною в первую очередь, когда наступит подходящее время.

На одном из заседаний он внес такое предложение: «Поскольку у многих заключенных или сосланных кончаются сроки заключения или ссылки и они должны возвращаться по месту прежнего жительства, предлагаю принять решение, с тем чтобы никто из них не имел права возвращаться без разрешения министра внутренних дел и оставался жить в районах, предуказанных Министерством». Я возмутился и выступил против, сказав: «Категорически возражаю, это — произвол. Произвол уже был раньше допущен. Этих людей арестовывала Госбезопасность, следствие вела тоже Госбезопасность и судила Госбезопасность. «Тройки», которые были созданы в Госбезопасности, творили, что хотели. Ни следователя, ни прокурора, ни суда, ничего не было, просто тащили людей и убивали. Теперь люди, которые отбыли срок своего наказания даже по приговору «троек», опять лишаются всего, остаются преступниками, и им указывается место жительства Министерством внутренних дел. Это недопустимо». Все другие меня поддержали. Берия опять ловко отозвал свое предложение. Протокол подписывал Маленков, и вопрос вновь не был запротоколирован.

Тут прозвучал уже более серьезный сигнал со стороны Берии. Потом он же вносит, казалось бы, либеральное предложение: изменить такое-то решение (назывались время и его номер), которое предусматривало аресты и осуждение арестованных «тройками» на срок до 20 лет тюрьмы или ссылки. Берия предложил уменьшить срок до 10 лет. Казалось, милое предложение. Но я правильно понял Берию и сказал: «Категорически против этого, потому что надо пересмотреть всю систему арестов, суда и следственной практики. Она произвольна. А вопрос, на 20 или на 10 лет осудить, особого значения не имеет, потому что можно сначала осудить на 10 лет, а потом еще на 10 лет, и еще раз на 10. Такое уже было. К нам поступают документы, гласящие, что подобные методы практикуются. Поэтому я категорически против». И Берия опять отозвал свое предложение.

Так я активно выступил против Берии по двум вопросам. По первому вопросу поддержал выступление Молотова, по второму все другие поддержали меня. Таким образом, у меня не осталось сомнений, что Берия теперь правильно понимает меня и уже намечает свои «меры», потому что он не может смириться с тем, что кто-то стоит на его пути. Такие сложились условия работы. Что же потом предложил Берия, эта бестия? Как-то мы ходили, гуляли, и он стал развивать такую мысль: «Все мы ходим под богом, как говорили в старое время, стареем, все может случиться с каждым из нас, а у нас остаются семьи. Надо подумать и о старости, и о своих семьях. Я предложил бы построить персональные дачи, которые должны быть переданы государством в собственность тем, кому они построены». Для меня был уже не удивителен такой ход мышления. Он полностью вязался с образом Берии. И, к тому же, я был убежден, что все это говорилось в провокаторских целях. А он продолжает: «Предлагаю строить дачи не под Москвой, а в Сухуми. О, какой это город!» И стал говорить, какой это чудесный город. «Но предлагаю строить в Сухуми не на окраинах. Зачем идти за город? Надо освободить в центре города большой участок, посадить там сад, развести персики». И стал хвалить, какие растут там персики, какой виноград. Потом развивал свои мысли дальше.

У него все было продумано: какой нужен обслуживающий персонал, какой штат. Все ставилось им на широкую, барскую ногу. «Проект и строительство будет вести Министерство внутренних дел. В первую голову, считаю, надо построить для Егора (то есть для Маленкова), потом тебе, Молотову, Ворошилову, а затем и другим». Я молча слушаю его, пока не противоречу. Потом говорю: «Подумать надо». Кончили разговор, и мы оба с Маленковым поехали на дачу. Ехали в машине втроем. Подъехали к повороту с Рублевского шоссе. Там мы с Маленковым должны ехать дальше налево, а Берия — прямо. И я сел с Маленковым в одну машину. Говорю ему: «Как ты на это смотришь? Это же чистейшая провокация». «Ну, почему ты так относишься к его словам?» «Я его вижу насквозь, это провокатор. Разве можно так делать? Давай сейчас не противоречить, пусть он этим занимается и думает, что его замысел никто не понимает».

И Берия начал развивать свою идею. Поручил составить проекты. Когда их закончили, пригласил нас, показал проекты и предложил начать строительство. Докладывал нам по этим вопросам известный строитель. Сейчас этот товарищ работает начальником строительства предприятий атомной энергии. Я его знал еще до войны и по событиям в войне. Берия считал его близким себе лицом, ибо он работал у Берии и выполнял то, что тот ему говорил. После новой встречи я сказал Маленкову: «Пойми, у Берии есть дача. Он нам говорит, что себе тоже там выстроит, но он не будет себе строить. А вот тебе построит, и это будет сделано для твоей дискредитации». «Нет, нет, ну что ты!» А для меня существенным был факт, что Берия предлагал построить собственные дачи обязательно в Сухуми. В проекте уже было намечено место, где будет возведена дача Маленкова. По плану предвиделось выселение большого количества людей, проживавших там. Министр, который нам докладывал, говорил, что надо выселить огромное их количество и что такая стройка — сущее бедствие. Шутка ли сказать, там их собственность, сколько поколений там прожило, и вдруг их выселяют?

Берия же объяснял, что место выбрано таким образом, чтобы Маленков из своей дачи мог видеть Черное море и за Турцией наблюдать. Он даже шутил: «Турецкий берег будет на горизонте, очень красиво». А когда все разошлись и мы опять остались наедине с Маленковым, я говорю ему: «Ты разве не понимаешь, чего хочет Берия? Он хочет сделать погром, выбросить людей, разломать их очаги и

выстроить там тебе дворец. Все это будет обнесено забором. Начнется клокотание негодования в городе. Всех будет интересовать, для кого это строят? И когда все будет закончено, ты приезжаешь, и люди видят, что в машине сидит Председатель Совета Министров СССР; весь погром, все выселение людей сделаны для тебя. Возмущение проявится не только в Сухуми, оно перебросится в другие места. А это и нужно Берии. Ты сам тогда попросишь об отставке». Маленков призадумался.

Поговорил Берия о дачах и с Молотовым. Я не ожидал такого от Молотова, но Молотов вдруг согласился. Он сказал только, что ему пусть построят не на Кавказе, а под Москвой. Я был удивлен. Я-то думал, что Молотов вспыхнет и начнет возражать. Не знаю, как это получилось. И так как никто пока не высказался активно против, машина заработала. Подготовили проекты, Берия просмотрел их. После работы мы заезжали к Берии, и он показывал мне проект моей дачи. «Эй, слушай, какой хороший дом, смотри, какой». Я ему: «Да, мне очень нравится». «Возьми проект домой». Привез я проект домой и, признаться, не знал, куда его деть. Нина Петровна, жена, говорит мне: «Что это у тебя?» Я признался ей. Жена возмутилась: «Это безобразие!» Я не смог ничего объяснить Нине Петровне и сказал только: «Давай, уберем его, потом поговорим».

Итак, дело завертелось. Берия форсировал строительство, но до его ареста так ничего и не было сделано по существу. Когда же его арестовали, мы тотчас все отменили. А проект дачи долгое время валялся где-то у меня. Тогда же Берия развил бешеную деятельность по вмешательству в жизнь партийных организаций. Он сфабриковал документ о положении дел в украинском руководстве. Первый удар из числа им задуманных он решил нанести по украинской парторганизации. Я полагал, что он развивал это дело с тем, чтобы втянуть туда и мою персону. Он собирал нужные ему материалы через Министерство внутренних дел УССР и начал втягивать в подготовку дéла начальников областных управлений МВД. Начальником УВД во Львове был Строкач. Ныне он уже умер. Это был честный коммунист и хороший военный. До войны он был полковником, командовал погранвойсками. Во время войны работал начальником штаба украинских партизан и всегда докладывал мне о положении вещей на оккупированной врагом территории. Я видел, что это честный и порядочный человек. После войны он был назначен уполномоченным МВД по Львовской области, где действовали бандеровцы.

Позднее мы узнали, что когда к нему обратился министр внутренних дел Украины и потребовал от него компрометирующих материалов о партийных работниках, то Строкач сказал, что это не его дело, а секретаря обкома партии, пусть обращаются туда. Тогда Строкачу позвонил Берия и сказал, что если он станет умничать, то будет превращен в лагерную пыль. Но в 1953 г. мы сначала ничего не знали, хотя чувствовали, что идет наступление на партию, ее подчиняют Министерству внутренних дел. Записку Берии о руководящих кадрах Украины мы обсуждали в ЦК КПСС. В результате было принято решение освободить Мельникова от обязанностей секретаря ЦК КПУ, а на его место избрать Кириченко. Идея Берии состояла в том, что местные, национальные кадры якобы не допускаются к руководству, что их не выдвигают, и предложил ввести в состав Президиума ЦК КПУ Корнейчука. Так и было сделано на Пленуме. Но мне рассказали товарищи уже после того, как Берия был арестован, как проходил тот Пленум. Корнейчук неправильно понял, почему его кандидатура была выдвинута, и начал говорить всякие там словеса в пользу Берии. Не сообразил, ради чего Берия так высказался.

Следующая записка Берии касалась прибалтов, потом Белоруссии. И все — той же направленности. В его предложениях далеко не все было неправильным. ЦК КПСС и сам к тому времени взял курс на выдвижение национальных кадров. И мы приняли решение, что в республиках пост первого секретаря ЦК должен занимать местный человек, а не присланный из Москвы русский. Вообще же у Берии имелась антирусская направленность. Он проповедовал, что на местах царит засилье русских, что надо их осадить. Так все и поняли и начали громить не только русские, но и те национальные кадры, которые не боролись с русским «засильем». Это произошло во многих партийных организациях национальных республик.

Я не раз говорил Маленкову: «Неужели ты не видишь, куда клонится дело? Мы идем к катастрофе. Берия подобрал для нас ножи». Маленков мне: «Ну, а что делать? Я вижу, но как поступить?». Я ему: «Надо сопротивляться, хотя бы в такой форме: ты видишь, что вопросы, которые ставит Берия, часто носят антипартий-

ную направленность. Надо не принимать их, а возражать». «Ты хочешь, чтобы я остался один? Но я не хочу». «Почему ты думаешь, что останешься один, если начнешь возражать? Ты и я — уже двое. Булганин, я уверен, мыслит так же, потому что я не один раз обменивался с ним мнениями. Другие тоже пойдут с нами, если мы будем возражать аргументированно, с партийных позиций. Ты же сам не даешь возможности никому слова сказать. Как только Берия внесет предложение, ты сейчас же спешишь поддержать его, заявляя: верно, правильное предложение, я за, кто против? И сразу голосуешь. А ты дай возможность высказаться другим, попридержи себя, не выскакивай, и увидишь, что не один человек думает иначе. Я убежден, что многие не согласны по ряду вопросов с Берией».

И я предложил: «Мы ведь составляем повестку дня. Давай, поставим острые вопросы, которые, с нашей точки зрения, неправильно вносятся Берией, и станем возражать ему. Я убежден, что мы тем самым мобилизуем других членов Президиума, и решения Берии не будут приняты». Маленков наконец-то согласился. Я был, честно говоря, и удивлен и обрадован. Составили мы очередную повестку дня заседания Президиума ЦК. Сейчас не помню, какие тогда вопросы стояли, прошло много лет. На заседании мы аргументированно выступили «против» по всем вопросам. Другие нас тоже поддержали, и идеи Берии не прошли. Так получилось подряд на нескольких заседаниях. Только после этого Маленков обрел надежду, что, оказывается, с Берией можно бороться сугубо партийными методами, оказывать собственное влияние на решение вопросов и отвергать те предложения, которые с нашей точки зрения не являются полезными для партии и страны.

Мы видели, что Берия стал форсировать события. Он уже чувствовал себя над членами Президиума, важничал и даже внешне демонстрировал свое превосходство. Мы переживали очень опасный момент. Я считал, что нужно срочно действовать, и сказал Маленкову, что надо поговорить с другими членами Президиума по этому поводу. Видимо, на заседании такое не получится, и надо с глазу на глаз поговорить с каждым, узнать мнение по коренному вопросу отношения к Берии. С Булганиным я по этому вопросу говорил раньше и знал его мнение. Он стоял на верных позициях и правильно понимал опасность, которая грозила партии и всем нам со стороны Берии. Маленков тоже согласился: «Да, пора действовать». Мы условились, что я прежде всего поговорю с Ворошиловым, поеду к нему. Имелась какая-то комиссия, в которую входили и Ворошилов, и я. Я решил использовать это обстоятельство, позвонил Клименту Ефремовичу и сказал, что хотел бы встретиться с ним, поговорить по такому-то вопросу. Ворошилов ответил, что он сейчас приедет ко мне в ЦК. «Нет, — говорю, — прошу меня принять, я сам приеду к тебе». Но он настаивал, что это он приедет. В конце концов я настоял на своем. Мы условились с Маленковым, что после разговора с Ворошиловым (это было перед самым обедом) я приеду домой, зайду к Маленкову, и мы отобедаем вместе. Мы жили тогда с Маленковым в одном доме и в одном подъезде, только я этажом выше.

Приехал я к Ворошилову в Верховный Совет, но у меня не получилось того, на что я рассчитывал. Как только я открыл дверь и переступил порог его кабинета, он очень громко стал восхвалять Берию: «Какой у нас, товарищ Хрущев, замечательный человек Лаврентий Павлович, какой это исключительный человек!» Я ему: «Может, ты зря так говоришь, преувеличиваешь его качества?» Но я уже не мог говорить с ним о Берии так, как было задумано. Моя-то оценка была совершенно противоположной, и я бы своим мнением поставил Ворошилова в неловкое положение. Он мог не согласиться со мной просто из самолюбия: только что, когда я вошел, он восхвалял его, а потом сразу перешел на мою позицию, которая сводилась к необходимости устранения Берии. И я перебросился с ним словами по вопросу, о котором официально договорился по телефону: чепуховый какой-то вопрос. И сейчас же вернулся обедать, как мы условились с Маленковым.

Рассказал Маленкову, что у меня ничего не получилось, что я не смог поговорить с Ворошиловым, как было задумано. Я полагал, что Ворошилов мог так говорить, рассчитывая, что его подслушивают, и говорил это для «ушей Берии». С другой стороны, он считал меня близким к Берии, потому что часто видел нас втроем: Берию, Маленкова и меня. Значит, и тут он говорил это для Берии, что тоже свидетельствует об обстановке, которая вынуждала людей идти на такие приемы поведения и брать грех на душу против своей совести.

Мы договорились с Маленковым, что далее я поговорю с Молотовым. Молотов был тогда министром иностранных дел. Раньше он мне часто звонил сам, говорил, что хотел бы со мной встретиться в ЦК и поговорить по вопросам мидовских кадров. Я воспользовался раз таким его звонком и сказал: «Ты хотел со мной встретиться? Я готов. Если можешь, приезжай, поговорим с тобой о кадрах». А когда он приехал, я ему сказал: «Давай о кадрах, только не мидовских». И начал высказывать ему свою оценку роли Берии. Говорил, какая опасность грозит сейчас партии, если не остановить начатый им процесс разгрома партийного руководства. Молотов, видимо, сам немало думал об этом. Не мог не думать, потому что он сам все знал и видел похожее еще при жизни Сталина. Когда Молотов пользовался у Сталина еще доверием, я лично слышал, как он очень резко высказывался против Берии, но не при Сталине, а когда выходил от Сталина, имея в виду провокационный метод Берии. Если Берия вносил какое-то предложение, а Сталин высказывался против, то Берия тут же обращался к кому-то из сидящих: «Ну, что ты предлагаешь? Это не годится!» Так он не раз поступал с Молотовым, и Молотов реагировал очень резко.

Поэтому, как только я заговорил с Молотовым, он полностью со мной согласился. «Да, верно, но хочу спросить, а как держится Маленков?» «Я разговариваю сейчас с тобой от имени и Маленкова, и Булганина. Маленков, Булганин и я уже обменялись мнениями по этому вопросу». «Правильно, что вы поднимаете этот вопрос. Я полностью согласен и поддерживаю вас. А что вы станете делать дальше и к чему это должно привести?» «Прежде всего нужно освободить Берию от обязанностей члена Президиума ЦК, заместителя Председателя Совета Министров СССР и от поста министра внутренних дел». Но Молотов сказал, что этого недостаточно: «Берия очень опасен, и я считаю, что надо пойти на более крайние меры». «Может быть, задержать его для следствия?»

Я говорил «задержать» потому, что у нас прямых криминальных обвинений в его адрес не было. Я-то мог думать, что он был агентом мусаватистов, но об этом говорил Каминский. Но такие факты никем не проверялись, и я не слышал, чтобы имело место хоть какое-то разбирательство этого дела. Правда ли то было или неправда, однако я верил Каминскому, потому что это был порядочный и сугубо партийный человек. Но в отношении провокационного поведения Берии все у нас было основано на интуиции. А по интуитивным мотивам человека арестовать невозможно. Поэтому я говорил, что его надо задержать «для проверки». Это как раз было возможно.

Итак, мы договорились с Молотовым, а потом я рассказал все Маленкову и Булганину. И мы решили, что следует форсировать ход дела, потому что нас могут подслушать или кто-либо нечаянно проговорится, сведения о наших шагах дойдут до Берии, и Берия нас просто арестует. Тогда же мы условились, что я должен поговорить с Сабуровым, тоже членом Президиума. Сабуров очень быстро ответил мне: «Я полностью согласен». И тоже спросил: «А что Маленков?» Об этом спрашивали все, с кем я заговаривал. Кагановича в то время в Москве не было, он находился на лесозаготовках, проверял, как идут там дела. Когда Каганович вернулся, я попросил его заехать в ЦК. Он приехал вечером, и мы сидели с ним очень долго. Он подробно мне рассказывал о Сибири, о лесозаготовках. Я его не останавливал, хотя у меня голова была занята совершенно другим. Я проявлял вежливость, тактичность, ждал, когда его тема иссякнет.

Когда я увидел, что наступил конец, то сказал: «Это все интересно, о чем ты рассказывал. Теперь я тебе хочу рассказать, что делается у нас». Каганович сразу навострил уши: «А кто за?» Он поставил так вопрос, чтобы разведать, каково соотношение сил. Я сказал, что Маленков, Булганин, Молотов и Сабуров согласны, так что, собственно говоря, и без него у нас имеется большинство. Тогда Каганович заявил: «Я тоже за, конечно, за, это я просто так спросил». Но я его правильно понял, и он меня понял. Затем спрашивает: «А как же Ворошилов?» И я ему рассказал, какая у меня получилась неловкость с Ворошиловым. «Так он тебе и сказал?» «Да, он стал хвалить Берию». Каганович выругался в адрес Ворошилова, но незлобно: «Вот старый хрыч. Он неправду тебе сказал. Он сам мне говорил, что просто невозможно жить дальше с Берией, что он очень опасен, что он может на все пойти и всех нас уничтожить». «Тогда нужно с ним побеседовать еще раз. Может быть, с ним поговорит Маленков? Мне-то лучше не возвращаться к

этому разговору, чтобы не ставить его в неловкое положение». На том и согласились.

Каганович спрашивает: «А Микоян?» «С Микояном я по этому вопросу еще не говорил, тут сложный вопрос». Мы все знали, что у кавказцев Микояна и Берии существовали наилучшие отношения, они всегда стояли один за одного. И я сказал, что с Микояном поговорить, видимо, надо попозже. О новом разговоре я поведал Маленкову, и он тоже согласился, что с Ворошиловым в данной ситуации лучше поговорить ему. Теперь оставался Первухин. Маленков: «С Первухиным я хочу потолковать сам». «Учти, что Первухин — человек сложный, я его знаю». «Но и я его знаю». «Ну, пожалуйста!» Он пригласил Первухина к себе и потом звонит мне: «Вызвал Первухина, рассказал ему все, а Первухин ответил, что подумает. Это очень опасно. Я тебе это сообщаю, чтобы вызвать его поскорее. Неизвестно, чем это может кончиться». Я позвонил Первухину. Он приехал ко мне, и я ему рассказал все в открытую. Михаил Георгиевич ответил: «Если бы мне Маленков все сказал так, как ты, так и вопросов у меня не возникло бы. Я полностью согласен и считаю, что другого выхода нет». Не знаю, как именно Маленков говорил ему, но кончилось так.

Таким образом, у нас со всеми членами Президиума дело было обговорено, кроме Ворошилова и Микояна. И мы с Маленковым решили начать действовать в день заседания Президиума Совета Министров СССР. На заседании Президиума Совмина я всегда присутствовал: в протоколе было записано, что я должен принимать участие в таких заседаниях. На этих заседаниях отсутствовал Ворошилов. Поэтому мы решили, созвав заседание Президиума Совмина, пригласить Ворошилова. Когда все соберутся, открыть вместо заседания Президиума Совмина заседание Президиума ЦК. Условились еще, что я перед самым заседанием побеседую с Микояном, а Маленков — с Ворошиловым.

Утром того дня я был на даче. Позвонил оттуда Микояну и пригласил его заехать за мной, чтобы вместе отправиться на заседание президиума Совета Министров СССР. Микоян приехал, и тут я провел беседу. Она была очень длительной. Припоминаю, что мы разговаривали часа два, подробно все обговорили, а потом еще несколько раз возвращались к обговоренному. Позиция Микояна была такой: Берия, действительно, имеет отрицательные качества, но он не безнадежен, в составе коллектива может работать. Это была совершенно особая позиция, которую никто из нас не занимал. Пора было кончать разговор, времени оставалось только на то, чтобы прибыть на заседание. Мы уселись вместе в машину и уехали в Кремль. К тому времени Маленков уже поговорил с Ворошиловым. «Ну, и как? Он по-прежнему хвалил Берию?» «Когда я ему только заикнулся о нашем намерении, Клим обнял меня, поцеловал и заплакал». Так ли это было, не знаю. Но думаю, что врать Маленкову было незачем.

Потом выявился такой вопрос: мы обсудим дело, задержим Берию. А кто именно его задержит? Наша охрана подчинена лично ему. Во время заседания охрана членов Президиума сидит в соседней комнате. Как только мы поднимем наш вопрос, Берия прикажет охране нас самих арестовать. Тогда мы договорились вызвать генералов. Условились, что я беру на себя пригласить генералов. Я так и сделал, пригласил Москаленко и других, всего человек пять. Потом Маленков с Булганиным расширили их круг и пригласили еще Жукова. В результате набралось человек 11 разных маршалов и генералов. Мы условились, что они станут ожидать вызова в отдельной комнате, а когда Маленков даст им знать, то войдут в кабинет, где проходит заседание, и арестуют Берию.

И вот открылось заседание. Ворошилов как Председатель Президиума Верховного Совета СССР, естественно, не мог присутствовать на заседаниях Президиума Совета Министров СССР. Поэтому его появление показалось вроде бы непонятным. И Маленков, открыв заседание, сразу же поставил вопрос: «Давайте обсудим партийные дела. Есть такие, которые необходимо обсудить немедленно, в составе членов Президиума ЦК». Все согласились. Я, как условились заранее, попросил слова у председательствующего Маленкова и предложил обсудить вопрос о Берии. Берия сидел от меня справа. Он встрепенулся, взял меня за руку, посмотрел на меня и говорит: «Что это ты, Никита? Что ты мелешь?» Я ему: «Вот ты и послушай, как раз об этом я и хочу рассказать».

Вот о чем я говорил: на предвоенном Пленуме ЦК, когда обсуждали положе-

ние дел в партии и всех там критиковали, попросил слова Каминский, нарком здравоохранения СССР. Он вышел на трибуну и сделал примерно такое заявление: «Хотел бы сказать, что, когда я работал в Баку, то там упорно ходили слухи среди коммунистов, что Берия работал в мусаватистской контрразведке. Хочу сказать об этом, чтобы знали в нашей партии и проверили это». Заседание тогда закончилось, и никто больше по данному вопросу не выступал, сам Берия тоже никакой справки не дал, хотя присутствовал. Был объявлен перерыв, все разошлись на обед. После обеда Пленум продолжался, но Каминский уже туда не пришел, и никто не знал, почему. Тогда это было закономерно. Многие члены ЦК, которые присутствовали на одном заседании, на второе не приходили, попадали во «враги народа» и арестовывались. Каминского постигла та же участь.

Каминского я узнал, когда стал работать секретарем Бауманского, потом Краснопресненского райкомов партии Москвы и особенно с ним сблизился, когда был избран секретарем Московского городского комитета партии в начале 1932 года. Каминский дружил с Михаилом Михайловичем, перспективным работником. Я его весьма уважал и тоже дружил с ним. Естественно, у меня складывалась дружба и с Каминским. Поэтому я верил, что Гриша — порядочный человек. Он был человеком какой-то особой чистоты и морали. Тем не менее, хотя никто на Пленуме не дал никакого объяснения насчет судьбы Каминского, он как в воду канул. Так пропал не только Каминский. Люди исчезали десятками, сотнями, тысячами. Потом уже объявляли, что они являются «врагами народа», да и то говорили не о каждом. У меня давно в голове бродила мысль, почему, когда Каминский сделал такое заявление, никто не дал объяснения? Правильно или неправильно он говорил, было ли это или этого не было, неизвестно...

Потом я рассказал о последних шагах Берии, уже после смерти Сталина, в отношении партийных организаций — украинской, белорусской и других. В своих записках Берия поставил вопросы (эти записки находятся в архиве) о взаимоотношениях в руководстве национальных республик, особенно в руководстве чекистских органов, и предлагал выдвигать национальные кадры. Это правильно, такая линия всегда была налицо в партии. Но он поставил этот вопрос под резким углом антирусской направленности в выращивании, выдвижении и подборе кадров. Он хотел сплотить националов и объединить их против русских. Всегда все враги Коммунистической партии рассчитывали на межнациональную борьбу, и Берия тоже начал с этого.

Затем я рассказал о его последнем предложении — насчет отказа от строительства социализма в ГДР, и о предложении относительно людей осужденных и отбывших наказание, когда он предложил не разрешать им возвращаться к месту жительства, а право определять их местожительство предоставить Министерству внутренних дел, то есть самому Берии. Тут уже узаконенный произвол! Сказал я и о его предложении вместо радикального решения вопроса о той недопустимой практике ареста людей и суда над ними, которая была при Сталине, снизить максимальный срок осуждения таких лиц органами МВД с 20 до 10 лет. На первый взгляд, предложение вроде бы либеральное, а по существу узаконивающее то, что существовало. Осудить на 20 лет или на 10, положения не меняет. Пройдет 10 лет и, если нужно, Берия еще добавит 10 лет, а потом снова 10, пока не дождется смерти неугодного человека. И я закончил словами: «В результате наблюдений за действиями Берии у меня сложилось впечатление, что он вообще не коммунист, а карьерист, который пролез в партию из карьеристских побуждений. Ведет же он себя вызывающе и недопустимо. Невероятно, чтобы честный человек мог так вести себя».

После меня взял слово Булганин. Мы с ним еще при жизни Сталина были единого мнения о Берии. Он тоже высказался в том же духе. И другие проявили принципиальность, но за исключением Микояна. Микоян высказывался последним. Он выступил (не помню сейчас деталей его речи) со следующим заявлением: повторив то, что сказал мне, когда я с ним беседовал перед заседанием, заявил, что Берия может учесть критику, что он не безнадежен и в коллективе сумеет быть полезным. Когда все высказались, Маленков как председатель должен был подвести итоги и сформулировать постановление. Но он растерялся, и заседание оборвалось на последнем ораторе. Возникла пауза.

Вижу я, что складывается такое дело, и попросил Маленкова, чтобы он предоставил мне слово для предложения. Как мы и условились, я предложил поставить

на Пленуме вопрос об освобождении Берии (это делает Президиум ЦК) от всех постов, которые он занимал. Маленков все еще пребывал в растерянности и даже не поставил мое предложение на голосование, а нажал сразу секретную кнопку и вызвал таким способом военных. Первым вошел Жуков, за ним Москаленко и другие. Жуков был тогда заместителем министра обороны СССР. К Жукову у нас тогда существовало хорошее отношение, хотя он на первых порах не назывался в числе тех военных, которые должны были помочь нам справиться с Берией. Почему мы привлекли военных? Высказывались такие соображения, что если мы решили задержать Берию, то не вызовет ли он чекистов, охрану, которая была подчинена ему, и не прикажет ли нас самих изолировать? Мы оказались бы бессильны, потому что в Кремле находилось большое количество вооруженных и подготовленных людей Берии. Поэтому и решено было привлечь к делу военных.

Вначале мы поручили арест Берии Москаленко с пятью генералами. Он с товарищами должны были иметь оружие, а их с оружием должен был провезти в Кремль Булганин. В то время военные, приходя в Кремль, сдавали оружие в комендатуре. Накануне заседания к группе Москаленко присоединились маршал Жуков и еще несколько человек. И в кабинет вошло человек 10 или более того. И Маленков мягко так говорит, обращаясь к Жукову: «Предлагаю вам как Председатель Совета Министров СССР задержать Берию». Жуков скомандовал Берии: «Руки вверх!». Москаленко и другие обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на какую-то провокацию. Берия рванулся к своему портфелю, который лежал на подоконнике, у него за спиной. Я схватил Берию за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием, если оно лежало в портфеле. Потом проверили: никакого оружия там не было, ни в портфеле, ни в карманах. Он просто сделал какое-то рефлекторное движение.

Берию взяли под стражу и поместили в здании Совета Министров, рядом с кабинетом Маленкова. И тут же мы решили, завтра или послезавтра, так скоро, как это будет возможно, созвать Пленум ЦК партии, где поставить вопрос о Берии. Одновременно освободить от занимаемой должности Генерального прокурора СССР, потому что он не вызывал у нас доверия, и мы сомневались, сможет ли он объективно провести следствие. Новым Генеральным прокурором утвердили Руденко и поручили ему провести следствие по делу Берии. Итак, Берию мы арестовали. А куда его девать? Министерству внутренних дел мы не могли доверить его охрану, потому что это было его ведомство, с его людьми. Тогда его заместителями были Круглов и, кажется, Серов. Я мало знал Круглова, а Серова знал лучше и доверял ему. Считал, да и сейчас считаю, что Серов — честный человек. Если что-либо за ним и имелось, как за всеми чекистами, то он стал тут жертвой той общей политики, которую проводил Сталин. Поэтому я предложил поручить охрану Берии именно Серову. Но другие товарищи высказались в том смысле, что нужно быть все-таки поосторожнее. Круглову же мы все не доверяли. И договорились, что лучше всего поручить это дело командующему войсками Московского округа противовоздушной обороны Москаленко. Москаленко взял Берию, поставил вокруг своих людей и перевез Берию к себе на командный пункт, в бомбоубежище. Я видел, что он делает это, как нужно. На этом заседание закончилось.

Как только оно закончилось, ко мне подошел Булганин: «Ты послушай, что рассказывает мой начальник охраны». Тот тоже подошел ко мне. Говорит: «Я узнал, что только что задержали Берию, и хочу сообщить вам о том, что Берия изнасиловал мою падчерицу, школьницу седьмого класса. Год или несколько больше тому назад умерла ее бабушка, а жена получила инфаркт и легла в больницу. Девочка осталась в доме одна. Однажды вечером она бежала за хлебом как раз мимо дома, где жил Берия. Там она встретилась со стариком, который пристально на нее посмотрел. Она испугалась. Потом ее вызвали чекисты и привели в дом Берии. Берия усадил ее с собой ужинать, предложил тост за Сталина. Она отказывалась, но он настоял, что за Сталина надо выпить. Она согласилась, выпила, а потом заснула, и он изнасиловал ее». Я ответил этому человеку: «Все, что вы рассказали, прокурор учтет при следствии».

Потом нам дали список, в котором имелись фамилии более чем 100 женщин. Их приводили к Берии его люди. А прием у него был для всех один: всех, кто попадал к нему в дом впервые, он угощал обедом и предлагал выпить за здоровье Сталина. В вино он подмешивал снотворное. Потом делал с ними, что хотел. Когда изо-

лировали Берию, он попросил авторучку и бумагу. Мы посоветовались и решили дать ему: может быть, в нем пробудилось какое-то стремление искренне рассказать, что он знает о том, в чем мы его обвинили. И он начал писать. Сначала — записку Маленкову: «Егор, такой-сякой, ты же меня знаешь, мы же друзья, зачем ты поверил Хрущеву? Это он тебя подбил», и прочее. Ко мне он тут же обратился с запиской, в которой писал, что он честный человек. Таким образом он послал несколько записок. Маленков очень волновался, когда читал эти записки. Потом стал говорить, что это они вместе с Берией предложили идею сворачивания строительства социализма в Восточной Германии, и он боится, что дело, направленное против Берии, обернется и против него. Но мы ему сказали, что сейчас обсуждается не этот вопрос. Вопрос же о Берии гораздо глубже, чем о Германии.

Когда Руденко стал допрашивать Берию, перед нами раскрылся ужасный человек, зверь, который не имел ничего святого. У него не было не только коммунистического, а и вообще человеческого морального облика. А уж о его преступлениях и говорить нечего, сколько он загубил честных людей!

Спустя какое-то время после ареста Берии встал вопрос о Меркулове, который в то время был министром госконтроля СССР. Я, признаюсь, раньше с уважением относился к Меркулову и считал его партийным человеком. Он был культурным человеком и вообще нравился мне. Поэтому я сказал товарищам: «Тот факт, что Меркулов являлся помощником Берии в Грузии, еще не свидетельствует о том, что он его сообщник. Может быть, все-таки, это не так? Ведь Берия занимал очень высокое положение и сам подбирал себе людей, а не наоборот. Люди верили ему, работали с ним. Поэтому нельзя рассматривать всех, кто у него работал, как его соучастников по преступлениям. Вызовем Меркулова, поговорим с ним. Возможно, он нам даже поможет лучше разобраться с Берией». И мы условились, что я его вызову в ЦК партии. Вызвал я Меркулова, сообщил, что нами задержан Берия, что ведется следствие. «Вы много лет с ним проработали, могли бы помочь ЦК». «Я с удовольствием, — говорит, — сделаю все, что смогу». И я ему предложил: «Изложите письменно все, что сочтете нужным».

Прошло сколько-то дней, и он написал большой текст, который, конечно, остался в архиве. Но эта записка ничем нам не помогла. Там были общие впечатления, умозаключения, вроде некоего сочинения. Меркулов пописывал кое-что, включая пьесы, и привык к сочинительству. Когда я послал его материал Руденко, тот прямо сказал, что Меркулова надо арестовать, потому что следствие по делу Берии без ареста Меркулова затруднится и окажется неполным. ЦК партии разрешил арестовать Меркулова. К моему огорчению, выяснилось, что зря я ему доверял. Меркулов был связан с Берией в таких преступлениях, что сам сел на скамью подсудимых и понес одинаковую с ним ответственность. В своем последнем слове, когда приговор был уже объявлен судом, Меркулов проклинал тот день и час, когда встретился с Берией. Он говорил, что это Берия довел его до суда.

(Продолжение следует)

Технология власти

А. Г. Авторханов

X. Процесс Бухарина.

Процессы тридцатых годов проводились при закрытых дверях. Советские граждане знали об этих процессах только то, что пропускала советская цензура печати. В несравненно лучшем положении находилась иностранная пресса. Хотя и для нее существовало строгое ограничение, но все-таки несколько корреспондентов иностранных агентов и по одному человеку из посольств получали разрешение присутствовать на процессах и информировать свою прессу о происходящем. Конечно, обвиняемые во всем признавались. Иной раз наговаривали на себя больше того, чего требовал от них даже Вышинский. Если раньше только за границей писали, что все эти процессы основаны на фальсификации, лжи, политическом терроре и физических пытках и что лишь этим можно объяснить фантастические «саморазоблачения» подсудимых, то теперь и сталинцы признали, что все это было именно так.

Первое признание и первое разоблачение «таинственных» методов советского следствия по политическим делам сделало само советское правительство в апреле 1953 года. Оно публично заявило тогда, что дело группы кремлевских врачей было сфабриковано путем применения «незаконных методов», то есть путем пыток и избиений, и что «признания» вины самими арестованными в своих мнимых преступлениях, о чем было сообщено при жизни Сталина в печати (13 января 1953 г.), есть результат всей этой «следственной техники» аппарата НКВД во главе с заместителем министра Рюминым. То же было объявлено потом и в отношении так называемого «Ленинградского дела» (суд над бывшим министром госбезопасности Абакумовым).

Но все это было только началом. Лишь после разоблачения Сталина на XX съезде Кремль вынужден был признать перед миром, что все политические процессы Сталина как в СССР, так и в странах-сателлитах были сфабрикованы по тем же методам, что и дело «группы врачей». Правда, в то время как в странах «народной демократии» произошла открытая реабилитация жертв чисток Сталина, жертвы московских процессов еще официально не реабилитированы. Пока что Кремль реабилитирует только тех «врагов народа» (Бубнов, Косиор, Блюхер, Егоров, Гамарник и др.), которые не прошли через официальные процессы или были осуждены через закрытый суд (группа маршала Тухачевского).

Продолжение. Вопросы истории, 1991, №№ 1—12, 1992, № 1.

Есть указание, что Хрущев заявил в своей знаменитой речи, что он был против суда над Бухариным (март 1938 г.). Надо сказать, что если такое заявление действительно было сделано, то для него имелись серьезные основания. Конечно, не в том смысле, что Хрущев был против такого суда, а в другом — процесс Бухарина был самым неудачным из всех процессов Сталина. Он совершенно не удался даже «чудотворной» технике чекистов, если его основная задача заключалась в том, чтобы представить Бухарина как «шпиона», «убийцу» и «предателя».

Интересное описание процесса Бухарина, особенно поведения самого Бухарина на этом процессе, дает очевидец, присутствовавший на всех заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР. Этот очевидец — сотрудник английского посольства в Москве — бригадир Ф. Маклин. Вот свидетельство Маклина в сокращенном изложении[1]: «Чем дальше развертывается процесс, тем яснее становится подлинная цель каждого доказательства — очернить лидеров «блока», представить их не как политических преступников, а как обычных уголовных преступников: убийц, отравителей и шпионов.

Особенно это относится к Бухарину. Ему отводится главная роль в этой страшной пантомиме. Это тот, кто планировал убить Ленина, расчленить СССР, кто вошел в заговор Тухачевского, чтобы открыть фронт в случае войны с Германией, кто вместе с Ягодой убил Кирова, Максима Горького, Куйбышева, Менжинского, кто давал инструкцию своим сторонникам установить контакт с агентами Британии, Японии, Польши, Германии, с белогвардейцами, с Троцким, со II Интернационалом, кто организовывал саботаж в промышленности и сельском хозяйстве на Украине, в Сибири, на Кавказе, в Средней Азии, кто планировал, во-первых, крестьянские восстания и гражданскую войну и, во-вторых, дворцовую революцию и государственный переворот.

Каждый подсудимый, черня себя, усердно чернил и Бухарина. Методически разрушался старый портрет революционного бойца, марксистского теоретика, друга Ленина, члена Политбюро, секретаря Коминтерна и на его месте создавался другой, новый портрет демона, предателя, шпиона... Никто не может питать симпатию к такой низкопробной твари... Становится ясно, что избранный метод обвинения дает удовлетворительные результаты... Но это казалось так только до тех пор, пока Бухарин сам не принимал участия в процессе. Однако когда Вышинский, допрашивая очередного подсудимого, начинает обращаться к Бухарину за подтверждением, дела не идут так гладко. Даже тогда, когда он признается в преступлениях, инкриминируемых ему, он дает им такую квалификацию или немедленно уходит в сторону, что его объяснения делают бессмысленными сами преступления. Он не отвечает прокурору с той определенностью, с какой отвечают другие обвиняемые. Он обращается с ним как равный с равным. В то же время действительно кажется, что он издевается над прокурором... Теперь наступает время его допроса...

Вечером 5 марта Ульрих объявляет начало допроса Бухарина. Когда Бухарин встал, в зале возникло большое возбуждение... Подсудимый полностью признается в своей вине. Объявив себя лидером «право-троцкистского блока», он берет на себя ответственность за всякие деяния «блока», независимо от того, знал ли он о них или нет. Этого, конечно, вполне достаточно, но, кажется, что это не то, чего хотят. Вышинский требует больше деталей. Но нелегко пригвоздить обвиняемого к фактам. Он скорее дает отчет об экономической программе блока... Говорит о плане государственного переворота против нынешних рулевых СССР. Вышинским и Ульрихом начинает овладевать беспокойство. Это все не то, что они хотят... Бухарин должен быть не в роли теоретика, а в роли уголовного преступника. Он же выступает, как и в былое время, развивая и обосновывая экономическую и политическую теорию, и, что хуже всего, эта теория может иметь для некоторых людей свою привлекательность. Это ведь неслыханно, чтобы обвиняемый на государственном процессе заявлял, что он был против политики Сталина, потому что пришел к заключению, что она неправильна. Бухарин фактически поступает теперь так.

Торопливый Вышинский поднимает вопрос о шпионаже. Бухарин был в Австрии перед революцией, в 1912—1913 годах. Не имел ли он какого-либо контакта с австрийской полицией, не завербовали ли его там как шпиона? Ответ последовал мгновенно: «Мой единственный контакт с австрийской полицией заключался в том, что она меня посадила в крепость как революционера!» Сейчас же Бухарин

переходит в область политической теории. Когда поздно ночью заседание кончилось, Вышинский мало преуспел в желательном направлении.

Следующий день — 6 марта — был днем отдыха: 24 часа времени, чтобы подготовить Бухарина к последующей фазе допроса и привести его в соответствующее расположение духа. Однако 7 марта, когда суд возобновил свое заседание, Бухарин был таким же, как и накануне. На предъявленное обвинение в преступлениях он отвечал, что он их не знает, но тем не менее он берет на себя ответственность за деятельность блока. Иные обвинения он отвергал, но говорил, что они могли быть логическим последствием его позиции и что он готов признать себя виновным и в них, если это доставит какое-либо удовлетворение прокурору. Другой раз, пользуясь ловкостью старого диалектика, он забавляется тем, что порицает аргументы, применяемые на суде, пользуясь такими терминами, как «чепуха», «абсурд».

Во многих пунктах он остается абсолютно твердым. Он отказывается признать, что замышлял убийство Ленина, или что он когда-либо был иностранным агентом, или что он когда-либо соглашался на расчленение СССР, или собирался открыть фронт Германии во время войны. Ни разу не согласился он плясать под судебную дудку, чтобы обвинить своих товарищей по процессу. Вышинский сердится, бушует, пользуется всякими трюками второсортного юриста-крючкотвора. Но Бухарин непоколебим. Вышинский допрашивает других обвиняемых против Бухарина. Бухарин наотрез оспаривает одних и отводит других как *агентов-провокаторов».*

12 марта Бухарин произнес последнее слово подсудимого перед судом. В отличие от практики предыдущих процессов, это последнее слово главного обвиняемого не было опубликовано в советской прессе. Были сообщены только незначительные выдержки из этой речи Бухарина, именно из той общей части, в которой Бухарин признает себя виновным политически, «контрреволюционным бандитом» и «заговорщиком» против сталинского режима. После ознакомления с речью Бухарина в изложении такого добросовестного и вдумчивого наблюдателя и свидетеля, как Маклин, становится ясным, почему Сталин не разрешил опубликовать речь Бухарина, тогда как речи Каменева, Зиновьева, Радека и других заполняли целые страницы «Правды» и «Известий».

Вот свидетельство Маклина[2]: «Вечером 12 марта Бухарин встал, чтобы говорить в последний раз. Еще раз истинной силой личности и интеллекта он приковывает к себе внимание... Он начал с формального признания вины. Более того, говорил он, он признает полную «политическую и юридическую ответственность» за все преступления, совершенные «блоком». Он полностью согласен с прокурором, который потребовал для него смертного приговора. Однако, заявляя так, он желает подвергнуть более детальной проверке одно или два обвинения. Признав в принципе справедливым обвинение против него, он приступает, не прерываемый на этот раз, к тому, чтобы разбивать это обвинение на куски, в то время, когда Вышинский, не имея возможности вмешиваться, беспокойно и в замешательстве ерзает на стуле...

На первом месте стоит предположение, что существовал «блок». В этом случае надо полагать, что члены такого блока, по крайней мере, знали друг друга. Однако, говорит Бухарин, пока он не появился перед судом, он никогда не видел и даже не слышал о Шаранговиче или о Максимове, никогда в своей жизни не говорил с Плетневым, Казаковым и Булановичем (все названные люди судились вместе с Бухариным и Рыковым как руководители «блока». — *А. А.*). Никогда не вел каких-либо контрреволюционных разговоров с Розенгольцем или с Раковским. Фактически, по закону, невозможно утверждать, что подсудимые создали «право-троцкистский блок».

«Я отрицаю, — говорит Бухарин, — принадлежность к какому-либо «право-троцкистскому блоку». Такой группы не было. Помимо этого, очевидно отсутствие связи между преступлениями, в которых члены так называемого «блока» обвиняются. Например, Ягода убил Максима Пешкова (сына Максима Горького. — *А. А.*) на личной почве. Это не имеет никакого отношения к какому-либо «блоку». Менжинский находился, как известно, при смерти, но для чего же убивать его? Слабость аргументов обвинения очевидна... Из-за того, что покойный Томский сказал однажды в беседе ему, Бухарину, что троцкисты настроены оппозиционно к ста-

линцу М. Горькому, его, Бухарина, обвиняют, что он дал приказ убить Максима Горького. Вышинский выдвигает лишь предположения, стараясь их доказать.

Он, Бухарин, на конкретных примерах иллюстрирует метод доказательств Вышинского: «Вышинский: Вы видели Ходжаева в Ташкенте? *Бухарин:* Да. *Вышинский:* Вы говорили о политике? *Бухарин:* Да. *Вышинский:* Тогда я могу предполагать, что вы инструктировали его, чтобы он связался с британскими агентами в Таджикистане». Однако на деле ничего подобного не было. Он категорически отрицает, что имел какую-либо связь с какими-либо иностранными шпионскими организациями. Он никогда не требовал открытия фронта врагу в случае войны. Не давал инструкций о саботаже... Я отрицаю, говорит он, что имел какое-либо отношение к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горькова и Пешкова. Наконец, он отрицает, что подготовлял убийство Ленина».

Свидетельство Маклина в основных своих пунктах подтверждается и теми данными, которые удивительным образом пропускала сталинская цензура о процессе. Действительно, советская пресса приводит заявление Бухарина, что он, Бухарин, признается в своей вине за контрреволюцию. Бухарин в этом заявлении буквально повторяет содержание очередной передовой статьи газеты «Правда» о процессе, которую, конечно, не читал в тюрьме, но хорошо знал, каков будет ее основной тезис. Так, на допросе 5 марта Бухарин заявляет[3]: «Мы все превратились в ожесточенных контрреволюционеров, изменников, мы превратились в шпионов, террористов, реставраторов капитализма. Мы пошли на предательство, измену, преступления. Мы превратились в повстанческий отряд, организовали террористические группы, занимались вредительством, хотели опрокинуть советскую власть пролетариата».

Кажется, все ясно. Бухарин признается во всех грехах, которые ему приписываются в «обвинительном заключении». Но это только кажется. Когда же Вышинский захотел узнать конкретно, в чем же на деле заключались эти «преступления» (в которые Вышинский так же мало верил, как и Сталин), то выяснилось, что Бухарин был «шпионом» без шпионажа, «изменником» без измены, «убийцей» без убийства, «контрреволюционером» без контрреволюции.

Вышинский спрашивает Бухарина[4]: «Скажите, подсудимый Бухарин, как практически это облекалось у вас в антисоветской деятельности?» На этот вопрос по существу (Вышинский знал хорошо, что общие декларации Бухарина без доказательства ни для кого не убедительны. — *А. А.*) Бухарин старался ответить уклончиво, но как политик и былой лидер «правой оппозиции»: «Если сформулировать практически мою программную установку, то это будет в отношении экономики — государственный капитализм, хозяйственный мужик-индивидуал, сокращение колхозов, иностранные концессии, уступки в монополии внешней торговли и результат — капитализация страны».

Но это уже не контрреволюция, не измена, не убийство. Это самая ортодоксальная ленинская политика нэпа. Не такого ответа хотели от Бухарина Вышинский и Сталин. За такую «контрреволюцию» Бухарину мысленно аплодировала вся крестьянская Россия. Это даже опасное использование судебной трибуны для антисталинской пропаганды. Надо скорее «разоблачать» шпиона и убийцу Бухарина. Поэтому Вышинский торопится и переходит к конкретным вопросам. *Вышинский:* Ваше отношение к убийству Кирова? Это убийство было совершено с ведома и по указанию «право-троцкистского блока»? *Бухарин:* Это мне не было известно.

Единственным убийством на верхах партии, совершенным в СССР, было убийство Кирова. Его приписывали всем: и белогвардейцам, и троцкистам, и зиновьевцам. И все признавались в этом убийстве. Оказывалось, что в СССР было столько охотников убить именно Кирова, что только приходилось удивляться тому, что он был убит так поздно. Теперь решили убить Кирова руками бухаринцев. Но Бухарин не согласился лишний раз убивать Кирова. Это грозило, однако, разоблачением столь уже налаженной техники «перманентного» убийства Кирова. Вышинский поспел вытащить на суд свидетелей — «соучастников», чтобы уличить Бухарина. Но Бухарин одних отводит, других прямо объявляет «агентами-провокаторами». Тогда Вышинский прибегает к казавшемуся ему более надежному трюку. Он заявляет Бухарину, что в этом случае он спросит об этом самого друга Бухарина — Рыкова, которого Бухарин не

может заподозрить в провокации и который, заметим, обычно отвечал Вышинскому в желательном духе. *Вышинский:* Подсудимый Рыков, что вам известно по поводу убийства Кирова? *Рыков:* Я ни о каком участии правых и правой части блока в убийстве Кирова не знаю[5].

С Кировым ничего не вышло. Даже Рыков подвел. Тогда, может быть, выйдет дело с «убийством», которое не состоялось, но которое, по единодушному свидетельству многих обвиняемых, планировал Бухарин[6]. *Вышинский:* В 1918 году вы не были сторонником убийства руководителей нашей партии и правительства? *Бухарин:* Нет, не был. *Вышинский:* А насчет убийства товарищей Ленина, Сталина и Свердлова? *Бухарин:* Ни в коем случае. Вышинский, конечно, вне себя. Он приглашает в суд старых лидеров лево-эсеровской партии, чтобы уличить Бухарина в заговоре против Ленина (а Сталин и Свердлов были присоединены без всякого основания), но единственная сенсация, которую они засвидетельствовали перед удивленным миром, — это то, что они сами были до сих пор в живых. И с Лениным номер не выходит.

Наконец, Вышинский обращается к самому важному обвинению — к шпионажу Бухарина. Тут уж Бухарину не оправдаться — рядом с ним сидят те, которые в фантастических подробностях рассказывают, как им Бухарин давал шпионские задания: Иванов, Шарангович, Файзулла Хаджаев. Да и сам Бухарин говорит, что он превратился в «шпиона» и «изменника»[7]. *Вышинский:* Вы в Австрии жили? *Бухарин:* Жил. *Вышинский:* Долго? Бухарин: В 1912—1913. *Вышинский:* У вас связи с австрийской полицией не было? *Бухарин:* Не было. *Вышинский:* В Америке жили? *Бухарин:* Да. *Вышинский:* Долго? *Бухарин:* Семь месяцев. *Вышинский:* В Америке с полицией связаны не были? *Бухарин:* Никак абсолютно. *Вышинский:* Из Америки в Россию выехали через... *Бухарин:* Через Японию. *Вышинский:* Долго там пробыли? *Бухарин:* Неделю. *Вышинский:* За эту неделю вас завербовали? *Бухарин:* Если вам угодно задавать такие вопросы... (это многоточие стоит в отчете «Правды». — *А. А.*). *Вышинский:* Никаких связей с полицией не завязывали? *Бухарин:* Абсолютно. *Вышинский:* Почему же тогда вы так легко пришли к блоку, который занимался шпионской работой? *Бухарин:* Относительно шпионской работы я ничего не знаю. *Вышинский:* Блок чем занимался? *Бухарин:* Здесь прошли два показания относительно шпионажа — Шаранговича и Иванова, то есть двух *провокаторов*... Связь с австрийской полицией заключалась в том, что я сидел в крепости в Австрии, я сидел в шведской тюрьме, дважды сидел в российской тюрьме, в германской тюрьме.

Отчаявшись добиться от Бухарина чего-нибудь подобного «измене» родине, пусть даже против старой «царской родины» и так как двух главных свидетелей обвинения — Иванова и Шаранговича — Бухарин публично назвал провокаторами НКВД, то Вышинский был вынужден прибегнуть к помощи третьего свидетеля — к бывшему председателю правительства Узбекистана и члену ЦК партии Файзулле Ходжаеву[8]. *Вышинский:* Вы вели переговоры с Ходжаевым пораженческого и изменнического порядка? *Бухарин:* С Ходжаевым я имел один-единственный разговор в 1936 году. *Вышинский:* Вы говорили Ходжаеву, что уже имеется соглашение с фашистской Германией? *Бухарин:* Нет, не говорил. *Вышинский* (к Ходжаеву): Говорил ли с вами Бухарин? *Ходжаев:* Да, говорил. Он говорил, что надо нашу деятельность направить так, чтобы привести к поражению Советского Союза, что имеется соглашение с фашистской Германией... *Вышинский:* Бухарин, вы были на даче Ходжаева? *Бухарин:* Да, был. *Вышинский:* Разговор вели? *Бухарин:* Не такой, а другой разговор, тоже конспиративный. *Вышинский:* Я спрашиваю не вообще о разговоре, а об этом разговоре! *Бухарин:* В «Логике» Гегеля слово «этот» считается самым трудным... (многоточие газеты «Правда». — *А. А.*). Ссылка на «Логику» Гегеля прозвучала едкой иронией над античеловеческой логикой инквизиторов.

Много раз дебатировался вопрос, почему Бухарин, отрицая и опровергая любые конкретные обвинения в шпионаже, измене, убийстве, контрреволюции, в то же самое время признавал себя виновным в общей декларативной форме? Раздвоение личности? Служба высоким идеалам партии? Желание выиграть жизнь? На все эти вопросы можно ответить категорически — ни

того, ни другого, ни третьего. Тактика Бухарина, по моему глубокому убеждению, заключалась в том, чтобы добраться до суда, а добравшись, остаться там до конца только для одной цели: выступить последний раз против сталинского режима.

Признавая себя виновным на словах, Бухарин на деле разоблачал не только сталинскую технику инквизиции, но и открыто проповедовал свою старую программу «реставрации». Он был единственным на всех сталинских процессах, как справедливо замечает г. Маклин (что видно и из газеты «Правды»), который выступал с политической программой врага Сталина. Если бы Бухарин избрал другую тактику — тактику отрицания всякой вины, то, конечно, он был бы расстрелян без суда, как были расстреляны многие другие члены ЦК и даже Политбюро. Нет никакого сомнения в том, что к Бухарину применяли те же методы физических пыток и избиений, как и к другим, но только в наиболее высоких нормах. Однако его не сломили. Ведь это было на том же процессе, на котором Крестинский в первый день заявил, что он не признает себя виновным, напугав тем самым не только суд, но и Вышинского. Но за одну ночь Крестинского привели в себя: на второй день на вопрос Вышинского, продолжает ли он настаивать на своем отказе, Крестинский ответил быстро: нет, но все признает, видите ли, ему вчера, очутившемуся в новой атмосфере суда и публики, «стыдно стало за свои преступления!» Это чисто сталинское объяснение успешно было вложено в его уста за несколько часов «физической работы» в кабинете Ежова.

Этого не удалось сделать с Бухариным. Его могли замучить до смерти, но Сталин предпочел провести его через суд хотя бы в качестве «полупризнающегося». Бухарин принял компромисс, задав людям «загадку», в которой не было ничего загадочного. 15 марта 1938 года смертный приговор не только над Бухариным и Рыковым, но и над провокаторами НКВД — Ивановым и Шарановичем — был приведен в исполнение.

XI. Итоги «Великой чистки» партии

Период восхождения Сталина к власти был периодом идейного вырождения и физической ликвидации основных кадров старой большевистской партии. Одновременно он был и периодом создания новой партии — партии Сталина, хотя она и продолжала носить старое название вплоть до 1952 года. Идейное вырождение как результат столкновения доктрины с реальной жизнью было вполне закономерно. Вполне закономерным было и то, что в непреодолимых противоречиях между теоретическими догмами и объективными условиями самой жизни в партии появлялись многочисленные группы и оппозиции, каждая из которых предлагала свои собственные рецепты, методы и приемы «для спасения того, что еще можно было спасти». Но трагедия всех оппозиций и оппозиционных групп внутри ВКП(б) заключалась в том, что они не видели, а если видели, то не хотели признать факт всемирно-исторического значения — банкротство всех основных позиций теоретического коммунизма, когда от теории надо было переходить к практике.

Сталин подошел к делу как практик. Для него было что «спасать» и за что бороться — за власть. Но чтобы эта власть была сильной, неуязвимой и монолитной, надо было партию «оппозиционеров», «романтиков» и «доктринеров» превратить в партию реалистов — послушных, исполнительных и преданных одному вождю. При сохранении преемственности былой революционной фразеологии такую партию можно было насытить любым содержанием и использовать для любой цели. Метод создания такой партии тоже был найден — это, во-первых, периодическая чистка старых членов партии и, во-вторых, массовые приемы новых членов под углом зрения новых требований.

Таких чисток при Сталине, как указывалось выше, было шесть:

1. Чистка советских и вузовских ячеек 1925 года.
2. Чистка деревенских ячеек 1926 года.
3. Генеральная чистка 1929 — 1930 годов.
4. Генеральная чистка 1933 года.
5. Генеральная чистка 1935 — 1936 годов («проверка партдокументов»).
6. «Великая чистка» 1936 — 1939 годов (ежовщина).

Каковы были результаты этих чисток? Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим динамику роста партии[9].

Годы	Всего членов и кандидатов	Из них, в %		
		Рабочих	Крестьян	Служащих
Янв. 1905	8 400	61,7	4,7	33,6
Янв. 1917	23 600	60,2	7,6	32,2
Окт. 1917	70 000	—	—	—
Март 1921	732 521	—	—	—
Март 1922	401 000	44,4	26,7	28,9
Март 1924	446 080	44,0	28,8	27,2
Март 1925	741 117	57,9	25,3	16,8
Март 1926	1 002 490	58,1	24,6	17,3
Март 1927	1 131 254	56,1	26,3	17,6
Март 1928	1 220 836	57,8	22,3	19,9
Март 1929	1 439 082	62,1	21,0	16,9[10]
Март 1930	1 572 164	65,8	19,7	14,5
Март 1931	2 066 400	66,6	22,3	11,1
Март 1932	3 172 215	64,5	27,8	7,7
Февр. 1934	2 809 786	—	—	—
Март 1939	1 588 852 — членов 888 814 — кандидатов			

При анализе социальных групп в партии надо иметь в виду следующее:

1. Под «рабочими» и «крестьянами» партийная статистика понимала не только рабочих и крестьян, занятых физическим трудом, но и тех, кто является «рабочим» и «крестьянином» по своему происхождению. Поэтому процент «служащих» совершенно не отражал действительного удельного веса «служащих» в партии.

2. С 1934 года ЦК вообще перестал опубликовывать данные о социальном составе КПСС даже по происхождению, так что установить социальное лицо нынешнего состава невозможно.

3. Начиная с 1939 года, по уставу, принятому на XVIII съезде и вновь пересмотренному на XIX съезде, вообще отменены существовавшие ранее классовые ограничения для интеллигенции и специальные привилегии при приеме в партию для рабочих с производства. Таким образом, «партия рабочего класса» постепенно стала партией служилой интеллигенции.

4. До 1933 года наряду с чистками партии происходят и приемы новых членов, что затрудняет выведение общего баланса вычищенных и вновь принятых членов партии до генеральной чистки 1933 года.

Но общие данные для всех предыдущих чисток до этого времени мы находим в статье такого авторитетного мастера чисток, как Ем. Ярославский, в БСЭ. Подводя итоги чисткам к 1933 году (исключительно), Ярославский пишет[11]: «В результате этой систематической чистки и периодических чисток исключено было и добровольно выбыло с 1917 года по 1933 почти один миллион членов и кандидатов». Обобщающая ссылка Ярославского на длительный период (с 1917 г. по 1933 г.) имеет «умысел» — скрыть масштаб чистки сталинского периода. Но «умысел» легко расшифровывается. До прихода Сталина к власти была лишь одна, так сказать, «добровольная» чистка — всеобщая перерегистрация членов ВКП(б) в 1921 году. Исключенными из партии или, по выражению Ярославского, «добровольно выбывшими» считались те, кто не являлся на перерегистрацию. Правда, были и такие, которых исключали по признакам прошлым, — это бывшие меньшевики. Тут Ленин был жесток: он предложил из сотни бывших меньшевиков оставлять в партии не более одного, и того сотни раз проверить (таким, например, проверенным «меньшевистским» большевиком остался в партии Вышинский.)

Но тех и других, по данным того же Ярославского, оказалось 218 650 человек. Стало быть, около 800 000 коммунистов было исключено из партии в период первых сталинских чисток — в 1925, 1926, 1930 годах. Итоги «генеральной чистки 1933

года» можно прямо вывести из самой таблицы. Она показывает, что за один лишь 1933 год было исключено из партии 362 429 коммунистов, то есть почти столько коммунистов, сколько составляла вся партия, когда Сталин сделался ее генеральным секретарем (1922 г. — 401 000 коммунистов).

Перейдем к «Великой чистке» Ежова. Обычно принято связывать начало этой чистки с датой убийства С. Кирова (1934 г.). Не было бы убийства Кирова, не было бы и ежовщины, — думают многие. Это, конечно, недоразумение. Новая генеральная чистка была назначена до убийства Кирова и при его руководящем участии. Постановление о новой «генеральной чистке» было вынесено объединенным пленумом ЦК и ЦКК от 12 января 1933 года[12]. Эта чистка не прекращалась до марта 1939 года. Правда, она прошла через несколько этапов подъема, падения и даже временного «затишья», во время которых менялись лишь формы и методы чистки, но сама чистка не прекращалась. Убийство Кирова, независимо от того, кто его убил — сталинцы или антисталинцы, явилось весьма удобным предлогом, чтобы придать чистке не только новый размах, но и террористическое содержание.

Если раньше партию чистили на открытых собраниях комиссиями ЦКК, то после убийства Кирова партию чистил сам партаппарат в кабинетах секретарей райкомов, обкомов и ЦК (постановление от 13 мая 1935 года «об обмене партдокументов»). На последнем этапе и этого оказалось недостаточно. Секретарь ЦК партии и председатель Комиссии партийного контроля Н. Ежов был одновременно назначен и народным комиссаром внутренних дел СССР в ранге «генерального комиссара государственной безопасности СССР». Вот теперь дело чистки партии было передано аппарату НКВД. Так началась ежовщина. Каковы были ее итоги? Тщетно искать прямые данные на этот счет в официальных партийных документах.

Даже Сталин — этот классический мастер жонглировать не только понятиями, но и цифрами — постарался обойти этот вопрос в своем отчетном докладе на XVIII съезде. Он признался, что чистка 1933 года продолжалась и после этого, но, по его утверждению, лишь до сентября 1936 года. Вот соответствующее место из его названного доклада[13]: «Было решено продолжать чистку членов партии и кандидатов, начатую еще в 1933 году, и она действительно была продолжена до мая 1935 г. Было решено, далее, прекратить прием в партию новых членов и он действительно был прекращен вплоть до сентября 1936 г... Далее в связи с злодейским убийством тов. Кирова, свидетельствовавшим о том, что в партии имеется немало подозрительных элементов, было решено провести проверку и обмен партийных документов, причем то и другое было закончено лишь в сентябре 1936 года».

И Сталин подвел итоги чистки партии до сентября 1936 года в следующих словах: «Чистка 1933 — 1936 гг. была все же неизбежна и она в основном дала положительные результаты. На настоящем XVIII съезде представлено около 1 600 000 членов, то есть на 270 тысяч членов партии меньше, чем на XVII съезде партии». Таким образом, по Сталину, выходило, что: 1) «Великая чистка» кончилась в сентябре 1936 года; 2) в результате ее из партии было вычищено лишь 270 тысяч коммунистов.

Это была беспримерная, даже в устах Сталина, фальсификация исторических фактов. Если бы даже мы сами не были живыми свидетелями всего этого, то достаточно беглого просмотра источника документального, свидетельства самих сталинцев — комплектов местных и центральных газет того времени, чтобы убедиться, что ежовский этап «Великой чистки» только и начался в 1936 году (процесс Зиновьева — Каменева), а настоящий универсальный размах она приняла в 1937 году (процесс Пятакова и др., процесс Тухачевского и др.), достигнув своей высшей точки в 1938 году (процесс Бухарина и др.). Причем процессы эти были процессами «привилегированных» вельмож, а сотни тысяч и миллионы советских граждан подводились под ликвидацию без всяких процессов через «чрезвычайные тройки» НКВД на местах и «особое совещание» НКВД в центре. Сколько таким образом было репрессировано беспартийных, конечно, не поддается никакому учету. Сколько же было репрессировано коммунистов, установить весьма легко, при этом не путем гадания, а путем сличения официальных данных самого ЦК партии.

Результат «Великой чистки» Сталин вывел из простой разницы сравнения количества членов партии, представленных на XVIII съезде партии (1 588 852), с их количеством на XVII съезде (1 874 488), но Сталин сознательно скинул со счета то, что нельзя скидывать: 1. На XVII съезде партии были представлены, кроме

членов (1 874 488), еще 935 298 кандидатов[14], которые после восстановления приема в члены партии со второй половины 1934 года механически оказались членами партии[15]. Таким образом, в партии должно было быть к маю 1935 года, то есть до нового прекращения приема, 2 809 786 членов, не говоря уже о тех, которые были приняты в партию из числа новых кандидатов за то же время[16]. 2. Члены партии, представленные на XVIII съезде, в подавляющем большинстве вступили в партию после возобновления приема с ноября 1936 года, то есть не принадлежали к тем коммунистам, которые были представлены на XVII съезде партии (косвенное подтверждение этого факта мы увидим при анализе мандатных данных XIX съезда партии).

Таким образом, чтобы скрыть подлинный размах «Великой чистки» Ежова, Сталин перенес окончание чистки на более ранний срок и сравнил величины несравнимые и фальсифицированные. Для этого он имел веское основание, так как правильное сравнение дало бы следующий результат: 2 809 786 членов партии к маю 1935 года минус 1 588 852 к марту 1939 года даст 1 220 934 вычищенных и репрессированных коммуниста (быть вычищенным тогда механически означало быть репрессированным). 1 220 934 репрессированных коммуниста — таков был итог ежовщины. Если даже многие из кандидатов 1934 года и не были приняты в члены партии, то это нисколько не меняет общей картины. До 1939 года они, во всяком случае, в кандидатах не сидели, а кандидаты, представленные на XVIII съезде, были кандидатами набора конца тридцатых годов.

Таким образом, общий итог партийных чисток с 1917 года по 1939 год на основании сравнения официальных данных был следующим:

Годы	Вычищено коммунистов из партии
1917—1922	219 650
1925—1933	800 000
1933—1934	362 429
1934—1939	1 220 934
	Итого 2 603 013

Итак, в 1939 году в СССР бывших коммунистов было на один миллион больше, чем коммунистов, состоящих в партии. Этот полный разгром старой ленинской партии и создание новой сталинской соответственно нашел свое отражение и в разгроме руководящих партийных кадров. Более или менее точные цифры на этот счет дал Сталин, хотя и несколько косвенно. На том же XVIII съезде партии Сталин заявил[17]: «В Центральном Комитете партии имеются данные, из которых видно, что за отчетный период партия сумела выдвинуть на руководящие посты по государственной и партийной линии более 500 000 молодых большевиков». Совершенно очевидно, что для этих «молодых большевиков» Сталин не создавал новых постов — они заняли места уже репрессированных коммунистов (секретарей райкомов и райисполкомов, обкомов и облисполкомов, членов правительства и ЦК национальных республик, директоров предприятий, руководителей органов управления и частей Красной армии и т. д.).

Сам Центральный Комитет партии, избранный на предыдущем XVII съезде (февраль 1934 г.), тоже подвергся уничтожающему разгрому. Вот данные, подсчитанные мною[18]:

Состав членов ЦК, избранного на XVII съезде партии (1934 г.)

Фамилия	Возраст (год рожд.)	Год вступл. в партию	Судьба
1. Алексеев П. А.		1914	расстрелян
2. Андреев А. А.	1895	1914	
3. Антипов Н. К.	1894	1914	расстрелян
4. Бадаев А. Е.	1883	1904	

Фамилия	Возраст (год рожд.)	Год вступл. в партию	Судьба
5. Балицкий В. А.	1892	1915	расстрелян
6. Бауман К. Я.	1892	1907	расстрелян
7. Берия Л. П.	1899	1917	
8. Бубнов А. С.	1883	1903	расстрелян
9. Варейкис И. М.	1894	1913	расстрелян
10. Ворошилов К. Е.	1881	1903	
11. Гамарник Я. Б.	1894	1916	самоубийство
12. Евдокимов Е. Г.		1918	расстрелян
13. Ежов Н. И.	1895	1917	расстрелян
14. Енукидзе А. С.	1877	1898	расстрелян
15. Жданов А. А.	1896	1915	
16. Жуков И. П.	1889	1909	расстрелян
17. Зеленский И. А.	1890	1906	расстрелян
18. Иванов В. И.	1893	1915	расстрелян
19. Икрамов Акмаль	1898	1918	расстрелян
20. Кабаков И. Д.	1891	1914	расстрелян
21. Каганович Л. М.	1893	1911	
22. Каганович М. М.	1888	1905	расстрелян (?)
23. Кадацкий И. Ф.	1893	1914	расстрелян
24. Калинин М. И.	1875	1898	
25. Киров С. М.	1886	1904	убит
26. Кнорин В. Г.	1890	1910	расстрелян
27. Косарев А. В.	1903	1919	расстрелян
28. Косиор И. В.	1893	1908	расстрелян
29. Косиор С. В.	1889	1907	расстрелян
30. Кржижановский Г. М.	1872	1893	
31. Криницкий А. И.	1894	1915	расстрелян
32. Крупская Н. К.	1869	1898	умерла
33. Куйбышев В. В.	1888	1904	умер
34. Лаврентьев Л. И. (Картвелишвили)	1891	1910	расстрелян
35. Лебедь Д. З.	1893	1909	расстрелян
36. Литвинов М. М.	1876	1898	снят
37. Лобов С. С.	1888	1913	расстрелян
38. Любимов И. Е.	1882	1902	расстрелян
39. Мануильский Д. З.	1883	1903	
40. Межлаук В. И.	1893	1917	расстрелян
41. Микоян А. И.	1895	1915	
42. Мирзоян Л. И.	1897	1917	расстрелян
43. Молотов В. М.	1890	1906	
44. Николаева К. И.	1893	1909	
45. Носов И. П.		1905	расстрелян
46. Орджоникидзе Г. К.	1896	1903	самоубийство
47. Петровский Г. И.	1878	1897	снят
48. Постышев П. П.	1887	1904	расстрелян
49. Пятаков Ю. Л.	1890	1910	расстрелян
50. Пятницкий И. А.	1882	1898	расстрелян
51. Разумов М. О.		1913	расстрелян
52. Рудзутак Я. Э.	1887	1905	расстрелян
53. Румянцев И. П.		1905	расстрелян
54. Рухимович М. Л.	1889	1913	расстрелян
55. Рындин К. В.		1915	расстрелян
56. Сталин И. В.	1879	1898	
57. Стецкий А. И.	1896	1815	расстрелян
58. Сулимов Д. Е.	1890	1905	расстрелян
59. Уханов К. В.	1891	1907	расстрелян

Фамилия	Возраст (год рожд.)	Год вступл. в партию	Судьба
60. Хатаевич М. М.	1893	1913	расстрелян
61. Хрущев Н. С.	1894	1918	
62. Чернов М. А.	1891	1920	расстрелян
63. Чубарь В. Я.	1891	1907	расстрелян
64. Чувырин М. Е.	1883	1903	расстрелян
65. Чудов М. С.	1893	1913	расстрелян
66. Шверник Н. М.	1888	1905	
67. Шеболдаев Б. П.	1895	1914	расстрелян
68. Эйхе Р. И.	1890	1905	расстрелян
69. Ягода Г. Г.	1891	1907	расстрелян
70. Якир И. Э.	1896	1917	расстрелян
71. Яковлев Я. А.	1896	1917	расстрелян

Таким образом судьба членов и кандидатов ЦК XVII съезда была такова:

Состав ЦК, избранного на XVII съезде (1934 г.)	Количество	Умерло	Расстреляно	Дожило до XVIII съезда (1939 г.)
Членов	71	4	51	16
Кандидатов	68	—	47	21

Из членов ЦК до XVIII съезда дожили — Андреев, Бадаев, Берия, Ворошилов, Жданов, Каганович, Калинин, Кржижановский, Литвинов, Мануильский, Микоян, Молотов, Кл. Николаева, Сталин, Хрущев, Шверник. Из кандидатов — Лозовский, Багиров, Буденный, Поскребышев, Булганин остались на политической сцене, а другие исчезли навсегда. Расстрелянные члены ЦК почти все, а кандидаты в абсолютном большинстве — были членами ВКП(б) до революции.

Так завершился длительный процесс не только создания новой партии, но и коренного пересмотра ее былых организационных принципов («демократический централизм», «внутрипартийная демократия», «выборность секретарей» и т. д.). Партия отныне строилась по вождистскому принципу, совершенно так, как национал-социалистическая партия Гитлера по фюрерскому принципу («культ личности»). Если раньше по уставу партии, а до Сталина и на практике, высшими органами партии последовательно считались: съезд партии, пленум ЦК, Политбюро ЦК, Оргбюро ЦК, Секретариат ЦК, генеральный секретарь ЦК — то уже после XVIII съезда та же пирамида была действительна, но только в обратном порядке — генеральный секретарь приобрел значение законодателя, органы ЦК — исполнительного аппарата, а съезд — значение совещательного собрания.

XII. Социальное лицо партии Сталина

Вся эта «реконструкция партии» происходила под лозунгом — «поднять» организационное руководство до уровня политического руководства»[19]. Соответственно были выработаны нормы подбора руководящих кадров партии и государства. В основу этих норм легли два признака, о которых Сталин говорил на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года[20]: «Что значит правильно подбирать работников и правильно их расставить на работе? Это значит подбирать работников, во-первых, по политическому признаку, то есть заслуживают ли они политического доверия, и, во-вторых, по деловому признаку, то есть пригодны ли они для такой-то работы».

С точки зрения этих признаков и был подобран весь аппарат партии и государства накануне второй мировой войны. В этом и главное объяснение, почему этот аппарат оказался до конца верным своему вождю даже в дни тягчайшей опасности

для самого существования советского государства и столь же тягчайших ошибок и просчетов самого Сталина. Главная черта морально-политического облика новых кадров заключалась в том, что они были не только вымуштрованы по-солдатски, но и обладали самым ценным при существующем режиме качеством — иммунитетом против самостоятельного мышления. При одинаковой политической благонадежности предпочтение при выборах кадров давалось людям дела и знаний. При этом давно перестали интересоваться как прошлыми заслугами, так и социальным происхождением. Такой подход значительно повысил уровень подбора руководящих партийных органов, в первую очередь, в важнейшем звене партийного аппарата — в райкомах и обкомах партии.

Вот официальные данные послевоенного времени о секретарях райкомов и председателях райисполкомов[21].

	С высшим образованием		С незаконченным высшим и средним образованием		С незаконченным средним и начальным образованием	
	1946 г. в%	1954 г. в%	1946 г. в%	1954 г. в%	1946 г. в%	1954 г. в%
Первые секретари райкомов	12,2	24,3	40,3	70,4	47,5	5,3
Секретари райкомов	9,9	14,7	40,4	79,1	49,7	6,2
Председатели райисполкомов	7,5	14,6	31,2	69,6	61,3	15,8

Как видно из таблицы, с 1946 по 1954 год удельный вес секретарей райкомов с высшим, незаконченным высшим и средним образованием вырос с 50 — 52 до 93 — 95%, а удельный вес секретарей с начальным образованием понизился с 47,5 — 49,7 до 5,3 — 6,2%. Секретари и председатели с высшим образованием — это уже в большей части специалисты-хозяйственники (инженеры, агрономы и т. д.). У нас нет данных о секретарях обкомов и ЦК союзных партий, так же как и советских кадров того уровня. Данные отрывочного характера показывают, что и здесь происходит тот же процесс. Уже нет обкомов, где бы в аппарате не сидело несколько партийных работников-специалистов (инженеров, экономистов, агрономов).

Данные мандатной комиссии на XIX съезде партии о делегатах самого съезда, то есть ведущих кадрах партии, свидетельствуют о следующем: на съезде присутствовало 1192 делегата с решающим голосом. По образовательному цензу и специальности они делятся на следующие категории: с высшим образованием — 709 чел., с незаконченным высшим образованием — 84 чел., со средним образованием — 223 чел., с незаконченным средним образованием — 176 человек. Из них: 282 инженера, 68 агрономов и зоотехников, 98 преподавателей (т. е. профессоров), 18 экономистов, 11 врачей, 7 юристов.

Выводы из этих данных весьма интересны: почти на 60% верховные кадры партии состоят из инженеров, агрономов, врачей, юристов, профессоров. Анализ мандатных данных XX и XXI съездов показывает ту же картину «технократизации» партии. Таким образом, КПСС из партии, которая хвалилась тем, что она партия рабочих, превратилась при Сталине и его наследниках в партию инженеров, профессоров и чиновников — в партию профессионально-служилого сословия.

Такое превращение было достигнуто двумя методами: 1) политехнизацией партийных кадров; 2) политизацией хозяйственных кадров. Это не значит, конечно, что в партии нет рабочих и крестьян и что она не растет за счет этих групп. Наоборот, партия росла, без сомнения, и за их счет. Но как указывалось в самом начале, ЦК тщательно засекретил, начиная с середины тридцатых годов, социальный и служебный состав всей партии в целом. Поэтому трудно судить, за счет кого она больше всего растет. Но рост самой партии, особенно во время войны (это делалось искусственно, в целях пропаганды), был стремительным. Вот данные[22]:

1941 год — 3 600 000 членов и кандидатов, 1947 год — 6 300 000 членов и кандидатов, 1952 год — 6 888 145 членов и кандидатов.

Вот данные о росте числа коммунистов в Красной армии во время войны: 1) конец 1941 года — 1 300 000 коммунистов (42,4% всего состава партии), 2) 1942 год — 2 000 000, 3) 1945 год (к концу воны) — 3 500 000 (или 60% всех членов и кандидатов КПСС)[23]. В первый же год войны партия потеряла убитыми 400 000 коммунистов.

Но так как во время войны в целях пропаганды в партию вербовали людей, особенно солдат, целыми группами, то[24] «создалось известное несоответствие между количественным ростом рядов партии и уровнем политического просвещения членов и кандидатов ВКП(б). Ввиду этого партия берет сейчас ставку на то, чтобы не форсировать дальнейший рост своих рядов». Этот рост партии за счет «политически неподготовленных» людей уже сам говорит о его искусственности. После победы в таком росте и не было надобности, поэтому в партию стали принимать только «активистов», то есть представителей бюрократии и интеллигенции.

На XIX съезде ЦК заявил, что «партия сильна не количеством, а качеством»[25]. Другими словами, вернулись к старой установке — к усилению партии за счет служилого и «просвещенного» сословия. На этом пути ЦК, вероятно, и делает успехи. Если даже предположить, что КПСС растет за счет рабочих и крестьян, а не чиновников, то нельзя забывать основной «внутренний» мотив вступления в партию в СССР: желание делать карьеру. Рабочие и крестьяне вступают в партию, чтобы перестать быть таковыми. При прочих равных условиях партийный билет есть «путевка в жизнь» — на верхний этаж советского социального общежития. Партия была и есть резервуар, откуда ЦК черпает бюрократию — партийную, хозяйственную, советскую, культурную и военную.

Эта бюрократия собственно и есть партия. Она — «партия в партии». Ее состав и физически должен быть ограниченным. Он ограничен и может быть почти с точностью высчитан. Доступ туда тоже ограничен. Кроме партийных билетов, требуются еще и дипломы, как они всегда требовались и требуются у всякой классической бюрократии. Теперь «каждая кухарка» не может управлять государством, как о том мечтал Ленин. Кухарки, конечно, все еще могут голосовать в верховных советах, но не могут находиться во главе даже местных управлений. «Кухаркины дети» тоже не в лучшем положении. Если сыновьям и дочерям бюрократии широко открыты двери университетов, то кухаркины сыновья должны идти в ФЗО, а если они умудрились окончить среднюю школу, то после нее прямо идут на производство — на фабрики, заводы, рудники, в колхозы. Трудно себе даже представить сыновей членов ЦК, министров, секретарей партии и директоров предприятий за партами ФЗО, за станком на заводе, за плугом в колхозах.

Недостаточно быть членом КПСС, чтобы пользоваться правами и вытекающими из них привилегиями — надо принадлежать к самой бюрократии. Эти права и привилегии, разумеется, не наследственны, но дети партработников идут в высшие школы по своему выбору, директоров — в технические вузы, генералов — в суворовские училища. Юридически — все члены КПСС равноправны, фактически — права членов КПСС вытекают из занимаемого ими положения в социальной иерархии системы.

Само понятие «КПСС как ведущая и направляющая сила» есть чистейшая фикция. На самом деле ведущей силой является внутри партии — «секретарский корпус», в масштабе государства — «комитетский корпус» под руководством того же «секретарского корпуса». В параграфе 50 устава КПСС сказано: «Секретари городского и районного комитетов *утверждаются* обкомом, крайкомом и ЦК компартии союзной республики» (курсив мой. — *А. А.*). То же относится и к секретарям обкомов и даже к секретарям ЦК союзных партий. В параграфе 42 того же устава сказано[26]: «Областные, краевые комитеты, ЦК компартий союзных республик выбирают соответствующие исполнительные органы в составе не более 11 человек, в том числе 3 секретарей[27], *утверждаемых* ЦК партии» (курсив мой. — *А. А.*).

Таким образом, судьба секретарского корпуса партии от первичных организаций и вплоть до секретарей ЦК союзных компартий, зависит не от многомиллионной членской массы КПСС, а от партийного аппарата каждого вышестоящего партийного комитета. Это «секретарский корпус», собственно, и есть «направля-

ющая и ведущая сила» партии и государства, от которого, в свою очередь, зависит судьба и рядовых коммунистов и руководящих чиновников государства вне аппарата партии. Чем выше поднимаешься по партийной лестнице, тем уже его состав, но тем полновластнее его представители.

И в количественном отношении «секретарский корпус» представляет довольно внушительную силу. Численность его можно вывести из количества самих территориальных организаций, оглашенного председателем мандатной комиссии XIX съезда партии т. Пеговым. По его данным, в СССР имелось по 1952 г.[28] 15 ЦК союзных компартий, 8 крайкомов, 167 обкомов, 36 окружкомов, 544 горкома, 4886 райкомов. Кроме того, по официальным данным Аристова на XX съезде, в КПСС по 1956 год имелось 350 000 первичных партийных организаций со своими парткомами или секретарями[29].

Исходя из этих данных и основываясь на нормах секретарского состава партийных комитетов по уставу партии и считаясь с увеличением состава секретариата ЦК республик, обкомов, крайкомов и горкомов до пяти человек и сельских райкомов по решению сентябрьского пленума ЦК 1953 года (для обслуживания «зон МТС») в среднем тоже до пяти человек[30], мы можем подсчитать и численный состав «секретарского корпуса». Таким образом получается — *Секретарский корпус КПСС:* ЦК КПСС — 9 секретарей, ЦК союзных компартий — 75 секретарей, обкомы, крайкомы — 875 секретарей, окружкомы — 180 секретарей, горкомы — 2770 секретарей, райкомы — 23 658 секретарей, секретари первичных организаций — 350 000 секретарей (итого — 377 567 человек).

Таков секретарский корпус партии, в котором ведущее ядро, конечно, составляет относительно малое количество — 27 566 секретарей от райкомов до ЦК включительно. Члены этого корпуса друг друга назначают и друг друга снимают вне зависимости от «избирательных прав» членской массы КПСС, хотя все они проходят через формальные выборы. Устав партии лишь юридически закрепил этот порядок, когда он говорит «об утверждении» нижестоящих секретарей вышестоящим партийным аппаратом, как мы это видели выше.

Но устав идет дальше. Он ограждает права и привилегии на только «секретарского корпуса», но и всех членов комитетов, начиная от районного комитета партии. Сколько таких членов? Точное исчисление дать здесь невозможно. Устав не устанавливает количественного состава комитета каждого уровня. Количество членов самого ЦК КПСС тоже не является определенным. Оно оглашается каждый раз на очередном съезде партии. При установлении состава нижестоящих комитетов исходят из ряда соображений — количественный состав партийной организации, степень экономической важности данного района или области, «автономный» статус партийной организации (ЦК союзных компартий, обкомы автономных республик, национальные округа), территориально-административное положение. Но основываясь на данных во время выборов 1955 — 1956 годов, можно взять за основу более или менее стабильный минимум: райком — 40 членов, горком и окружком — 60 членов, обком — 80 членов, ЦК союзных компартий — 100 членов, ЦК КПСС — 133 члена и 122 кандидата.

Приняв за основу этот минимум, мы получим *членский состав комитетов от райкомов до ЦК КПСС[31]:* ЦК союзных компартий — 15×100=1500 членов, обкомы, крайкомы — 175×80=14 000 членов, горкомы, окружкомы — 580×60=34 800 членов, райкомы — 4886×40=195 440 членов (итого, 244 940 членов комитетов).

Вот этот «комитетский корпус» в 244 940 человек и составляет высшую элиту партии, или, как говорилось выше, он, собственно, и есть сама партия, которая имеет и свое название — «актив партии». Каков его социально-профессиальный состав? На этот счет, конечно, тоже нет точных данных. Но одно можно считать почти бесспорным — в его составе нет ни рабочих, ни колхозников. Журнал ЦК КПСС накануне XX съезда даже о составе местных партийных органов писал[32]: «В руководящие партийные органы мало или совсем не избирались рядовые рабочие». Для партии, которая называет себя партией рабочего класса и авангардом «диктатуры пролетариата», такое положение надо признать ненормальным.

Устав предусматривает и особые права и особые привилегии «комитетского корпуса», делающие его членов независимыми от рядовых коммунистов и первичных партийных организаций вообще. Этому вопросу посвящен специальный параграф[33]: «11. Первичная парторганизация не может принимать решения об исключе-

нии из партии или о переводе в кандидаты коммуниста, если он является членом ЦК компартии Советского Союза, ЦК компартии союзной республики, крайкома, обкома, окружкома, горкома, райкома партии. Вопрос об исключении члена ЦК компартии союзной республики, крайкома, обкома, окружкома, горкома, райкома партии из состава партийного комитета, а также исключении из членов партии или переводе в кандидаты решается на пленуме соответствующего комитета, если пленум двумя третями голосов признает это необходимым».

XIII. Сталин на войне и после нее.

XVIII съезд происходил сейчас же после окончания «Великой чистки», в марте 1939 года. Это — первый и последний съезд партии, на котором Сталин был абсолютным диктатором. Как ЦК, так и его исполнительные органы (Политбюро, Оргбюро и Секретариат), избранные на этом съезде, имели лишь значение совещательных и исполнительных органов при генеральном секретаре ЦК — лично при Сталине. С этих пор, по признанию самих же учеников Сталина, генеральный секретарь перестал считаться не только с Политбюро и пленумом ЦК, но и со съездом партии. Тринадцать лет Сталин не созывал съезда. За время войны и после войны произошли существенные изменения и в составе самих «совещательных органов».

1. Пленум ЦК, избранный на XVIII съезде, состоял из 71 члена. Из них 9 человек умерло (Калинин, Щербаков, Жданов, Щаденко, Землячка, Вахрушев, Ярославский, Вавилов, Бадаев), 23 человека было вычищено (Анцелович, Бурмистенко, Вознесенский, Донской, Жемчужина (Молотова), М. Каганович, Кулик, Кузнецов, Литвинов, Лихачев, Любавин, Лозовский, Мануильский, Николаевич, Попков, Попов, Потемкин, Рогов, Родионов, Задионченко, Седин, Шахурин, Штерн). Таким образом, из «законно» избранного ЦК около половины его членов выбыло или было вычищено.

2. То же самое происходит и в руководящих органах ЦК. Секретариат ЦК — аппарат партийной власти, избранный на XVIII партсъезде в 1939 году, состоял из генерального секретаря — Сталина, второго секретаря — А. А. Жданова, третьего секретаря — А. А. Андреева, четвертого секретаря — Г. М. Маленкова. Старый конкурент Маленкова по аппарату ЦК, первый секретарь МК — А. Щербаков, который сильно выдвинулся накануне и во время войны, сделавшись и кандидатом в члены Политбюро, становится и секретарем ЦК. После войны происходят загадочные события. Щербаков «умирает» сейчас же после окончания войны с Германией. Андреева выводят из состава Секретариата ЦК в 1946 году. Через два года «умирает» Жданов. В Секретариате фактически остаются Сталин и Маленков.

3. Происходит чистка и в Оргбюро. Оргбюро, избранное после XVIII съезда партии, состояло из Андреева, Жданова, Кагановича, Маленкова, Мехлиса, Михайлова Н. А., Сталина, Шверника, Щербакова А. С. Из этих девяти членов в Оргбюро остаются фактически опять-таки Сталин и Маленков. Андреева оттуда выводят после снятия его с должности секретаря ЦК. Кагановича и Мехлиса выводят в связи с «уходом» с партийной работы, Жданов и Щербаков «умирают», Шверник как «президент» переводится в кандидаты членов Политбюро и выводится из Оргбюро.

4. В Политбюро, избранное после XVIII съезда, входили: 1) Андреев, 2) Ворошилов, 3) Жданов, 4) Каганович, 5) Калинин, 6) Микоян, 7) Молотов, 8) Сталин, 9) Хрущев. После войны в него вводятся Маленков, Берия, Булганин, Вознесенский и Косыгин. После смерти Калинина и Жданова в Политбюро уже не преобладают «старые испытанные большевики и соратники» Сталина. Теперь старики-«соратники» Сталина представлены на равных началах с его учениками — молодыми сталинцами: шесть старых большевиков (Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Андреев, Микоян), шесть молодых большевиков (Хрущев, Маленков, Берия, Вознесенский, Булганин, Косыгин). В Секретариат вводят четверых молодых сталинцев — Суслова, Кузнецова, Патоличева и Пономаренко. Все эти передвижения и назначения делаются от имени давно незаконного пленума ЦК. В этом смысле они тоже представляют собой акты произвола Сталина.

Но даже для узаконения хотя бы этих своих незаконных перетасовок в ЦК и в его руководящих органах Сталин не созывает очередного съезда партии. Теперь, после разоблачения Сталина сталинцами, причина этого ясна. Прежде чем созвать новый съезд Сталин хотел: 1. «Узаконить» свою личную диктатуру в партии и государстве с официальным признанием его «культа» как в программе, так и в уставе партии (решение XIX съезда положить в основу новой программы партии «Экономические проблемы» Сталина). 2. Провести новую «Великую чистку» в партии и государстве против потенциальных «врагов народа», как и во время ежовщины, на основе старой теории классовой борьбы (см. «дело врачей»). Сталин почти преуспел в отношении первой цели, но сорвался на второй. Но об этом будет речь потом. Пока обратимся к «военной карьере» Сталина.

После того как Сталин уже был признан, наряду с Марксом, Энгельсом, Лениным, «классиком марксизма», он придавал особенно важное значение всенародному признанию своего полководческого «гения». Это должно было быть обосновано и доказано на примерах истории второй мировой войны. Сталин сам первым подал мысль советской пропаганде по этому вопросу сейчас же после окончания войны — в известном письме к полковнику Разину в 1946 году. В этом письме Сталин безо всякой «ложной скромности» заявил своим удивленным «ученикам и соратникам»: «Ленин не разбирался в военных делах и говорил нам, членам ЦК, что ему поздно учиться военной науке, но что, мы, молодые члены ЦК, должны учиться ей». Сталин, конечно, имел в виду только одного «молодого» — самого себя. Вывод был ясен: Сталин не профан, а профессионал в военной науке и искусстве, более того — он основоположник новой военной тактики и стратегии. Он — новый Наполеон. Доказательство — триумф сталинского стратегического «гения» во время второй мировой войны.

Отсюда центральным тезисом послевоенного «культа Сталина» становится утверждение, что вторую мировую войну выиграл не народ, не армия и даже не партия, а исключительно «стратегический гений» одного Сталина. Может быть, сам Сталин не был такого безапелляционного мнения о своей собственной роли и о своем военном гении. Еще до войны Сталин, вопреки своему субъективному убеждению, заявлял, что прошло время, когда одни вожди делали историю, теперь историю делает масса, народ. Это было вполне в духе исторического материализма, ортодоксальным представителем которого Сталин считал себя одного.

На вечере участников Парада победы над Германией в мае 1945 года Сталин приписал (и это было в полном согласии с историческими фактами) победу в войне «великому русскому народу — мудрому, терпеливому и героическому». Конечно, Сталин не был искренним и в этом случае. В глубине души он был уверен, что победил не столько русский народ, сколько его система власти. Об этом он прямо говорил в одной из речей, посвященных итогам войны[34]: «Уроки войны говорят о том, что советский строй оказался... лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагам в военное время». Или[35]: «Социалистический строй, порожденный Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреоборимую силу».

Но своей пропаганде Сталин дал другое задание — приписать победу в войне лично ему, Сталину. Наиболее выпукло и последовательно об «исключительной роли» Сталина как единственного «спасителя» России писал член Политбюро Л. Каганович в связи с 70-летием Сталина[36]: «Как в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции т. Сталин, вместе с Лениным, спас молодую советскую республику, отстоял ее, организуя победы Красной Армии, так во время второй мировой войны Сталин спас нашу Родину... свободу и независимость народов СССР от фашистских захватчиков». Короче[37]: «Сталин привел советский народ к победе». Буквально в тех же словах и в том же стиле писали и все другие члены Политбюро в связи с 70-летием Сталина. Два военных члена Политбюро — Ворошилов и Булганин, — а вслед за ними и ведущие Маршалы Советского Союза пишут специально о «сталинском военном искусстве», о «сталинской военной стратегии» и даже о «сталинском оперативном искусстве». Все разработки и планы советского ведения войны от смелых стратегических замыслов до тончайших оперативных деталей приписываются лично Сталину.

Все банальные истины в военном искусстве, вроде «правильного взаимодействия родов войск», «взаимоотношения между тылом и фронтом», «активной обо-

роны и законов контрнаступления» и т. д., провозглашаются «открытиями» сталинского военного гения. Чтобы пропаганда «военного гения» «генералиссимуса» была правдоподобной, заставляют генералов и маршалов приписывать самому «гениальному» свои же собственные планы, замыслы, успехи. Для той же цели предаются забвению заслуги самих военных и действительных полководцев Красной армии, а самого выдающегося из них — маршала Жукова — вообще уводят со сцены. Вся художественная литература, изобразительное искусство, кино, театр, публицистика получают «социальный заказ»: «Сталин как военный гений». Но ни раболепствующим художникам, ни покорным военным не удается историческая фальшь.

В самом деле, обратимся к одной из исполинских битв в истории человечества, где героическая жертвенность русского солдата может быть сравнена только с величайшим упорством обреченных немцев, — к Сталинградской битве[38]. «Сталинградский фронт был организован 13 июля 1942 года во главе с командующим Еременко. В директиве ему от Сталина говорилось: «Оборона Сталинграда имеет решающее значение для всего советского фронта. Верховное Главнокомандование обязывает вас *не щадить сил и не останавливаться ни перед какими жертвами* для того, чтобы отстоять Сталинград и разбить врага». В Сталинград был командирован Сталиным его партийный помощник и член Государственного Комитета Обороны Г. Маленков, там же находился как член Военного Совета другой член Политбюро — Н. Хрущев. Но успех сталинградской битвы сталинская пропаганда приписала лично Сталину, его «военно-стратегическому гению». В чем же заключается этот «военный гений» Сталина?

Генерал-майор В. Московский «свидетельствует»: «В те дни, когда гитлеровская пропаганда объявила, что со Сталинградом уже покончено, в Ставке Верховного Главнокомандования Советской Армии разрабатывался гениально задуманный товарищем Сталиным план грандиозного контрнаступления под Сталинградом. Великий полководец начертал план разгрома врага, построенный на глубоком анализе изменившегося соотношения сил на фронте».

На страницах сценария Н. Вирты «Сталинградская битва» запечатлен «яркий эпизод, раскрывающий глубокую мудрость сталинского замысла». В Москве, в Ставке Верховного Главнокомандующего, идет разговор между Сталиным и генерал-полковником Василевским[39]. «*Сталин:* ...Успех нашего стратегического наступления мы должны заложить и закладывать теперь же, в ходе оборонительного сражения. *Василевский:* Сложные задачи ставите вы перед нами, товарищ Сталин... *Сталин:* Да, сложные. Понимаю. Но их надо выполнить. *Василевский:* Трудно повернуть сознание людей, привыкших отступать или обороняться, — повернуть к идее наступительной, товарищ Сталин. *Сталин:* И это надо преодолеть. (Показывает на карте). Шестая армия Паулюса, четвертая танковая Гота... На флангах и на юго-востоке и на северо-западе итальянцы и румыны... (Он вынимает из стола карту, кладет ее поверх остальных. Нам знакома и эта карта и эти две стрелы, соединяющиеся у Калача. Василевский долго стоит над ней.) *Сталин:* Как бы вы отнеслись к идее, выраженной вот так? *Василевский:* Получается для немцев огромный мешок. *Сталин:* Куда должны попасть две их армии. *Василевский:* Самое главное — выбрать момент удара. *Сталин* (оживленно): Совершенно верно, товарищ Василевский. Если поспешим, можем втянуться в малоуспешную, затяжную борьбу. Но нельзя и опоздать с ударом. *Василевский:* Смело, товарищ Сталин! Смело, дерзко! *Сталин* (ходит, курит): Я много думал, товарищ Василевский... Враг у Волги и на Кавказе. Мы сражаемся в одиночку. Наши контратаки не дают нужных результатов. Гибнут дивизии. Люди гибнут, товарищ Василевский... Тяжело... Трудно. Один говорит одно. Другой — другое. Иной настаивает — ограничимся тем, чтобы отогнать немцев от Сталинграда. Другой уговаривает — подождем помощи союзников. (С улыбкой). И все требуют резервов. *Василевский:* Нет, товарищ Сталин, положение таково, что мы не можем ограничиться полумерами. *Сталин:* Да, мы должны поставить противника перед лицом катастрофы». При всем напряжении умственных способностей трудно постичь не «военному», в чем заключается «военно-стратегический гений» Сталина в этих плоских рассуждениях.

Сделаем еще одно существенное замечание относительно роли ЦК в войне. (Следующие 5 абзацев текста добавлены автором в настоящее, 2-е издание. — *Ред.).* Под термином «ЦК» при Ленине понимали выбираемую съездом руководя-

щую коллегию деятелей партии и государства, периодически заседающую (пленумы ЦК) как высший орган партии между съездами и только этому съезду подотчетную. Политбюро и Оргбюро представляли исполнительные органы этой коллегии, а Секретариат — исполнительно-технический аппарат ЦК в целом. При Сталине под термином «ЦК» начали понимать не только и даже не столько коллегию ЦК (пленум ЦК) или Политбюро, сколько исполнительно-технический аппарат, выдаваемый за ЦК. После уничтожения ЦК 1934 года сводится на нет не только роль пленума ЦК, но и роль Политбюро, а Оргбюро просто исчезает. «Диктатура пролетариата» вырождается в «диктатуру секретариата» или, как говорил Радек, в истории человечества «сначала был матриархат, потом патриархат, а теперь секретариат».

Секретариат ЦК с его отделами заменяет собою не только Политбюро, но и пленум. Об этом у нас есть документы и свидетельства из первых рук. Теперь все важнейшие вопросы внутренней и внешней политики СССР предрешает сначала «Секретариат т. Сталина», потом, для проформы, Секретариат ЦК под предводительством Сталина, а дальше их легализуют через Политбюро, иногда через его разные комиссии как решения всего ЦК. Даже такие важнейшие, судьбоносные вопросы жизни или смерти советского государства, как подготовка СССР к войне, заключение пакта Молотова — Риббентропа, мобилизации сил и организации тыла, взаимоотношения и целей СССР внутри военной коалиции, объявления войны Японии и вооружения Красной армии Мао Цзэдуна, наконец, организации послевоенного мира и участия СССР в ООН, — никогда не обсуждались на пленумах ЦК.

Через неделю после начала войны, 30 июня 1941 года, Политбюро заставило Сталина (после «Великой чистки» тогда впервые Политбюро встало выше Сталина) явиться на объединенное заседание Политбюро, Президиума Верховного Совета СССР и Совнаркома. На этом заседании был создан Государственный Комитет Обороны как чрезвычайный орган высшей государственной, военной, чекистской и хозяйственной власти в стране. В его состав вошли: Сталин (председатель), Молотов (заместитель), Ворошилов (армия), Маленков (партия), Берия (полиция). В течение войны в его состав были введены Булганин, Вознесенский, Каганович, Микоян. А что же делает высшая власть партии и над Политбюро, и над государственным Комитетом Обороны — пленум ЦК? Хрущев ответил на этот вопрос так: «Была попытка созвать пленум ЦК в октябре 1941 года, когда члены ЦК были созваны со всей страны в Москву. Они ждали два дня открытия пленума ЦК, но напрасно. Сталин не пожелал даже встретиться и поговорить с членами ЦК» (Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 16). Хрущев комментирует: «Этот факт показывает, насколько Сталин был деморализован в первые месяцы войны и с какими надменностью и пренебрежением он относился к членам ЦК» (там же).

В шестом томе «Отечественной войны», вышедшем после свержения Хрущева, делается попытка доказать, что ЦК как выборная коллегия сыграл высшую руководящую роль. Авторы пишут: «На протяжении всей войны высшим руководящим органом Коммунистической партии был ее ЦК, избранный XVIII съездом» (История Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 6, стр. 364). Авторов совсем не смущает, что продолжение этой фразы как раз опровергает то, что утверждается в начале фразы. Вот продолжение: «В октябре 1941 года члены ЦК были вызваны на пленум. Однако пленум не состоялся, так как генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Сталин не захотел его проводить, ссылаясь на занятость руководством армии (Хрущев говорит, что не явился, так как все еще пребывал в панике. — *А. А.*). Только в 1944 году собрался первый и единственный за всю войну пленум. Но вопросы, непосредственно связанные с войной, и экономические задачи, стоящие перед страной, на нем не обсуждались» (там же, стр. 364). Между тем, по уставу должно было быть не менее одного пленарного заседания ЦК в четыре месяца. Повестка дня этого пленума показывает, каким никчемным политическим рудиментом ему казался теперь ЦК. Это пишут те же самые советские историки в другом томе: «Январский пленум ЦК (1944 г.) был единственный пленум с начала войны (и за всю войну!). И даже на нем не обсуждался ни один коренной вопрос хода войны, ни одна из крупнейших ее проблем» (История Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг., т. 4, стр. 9). Сталин демонстрировал свое абсолютное пре-

небрежение к пленуму ЦК тем, что включил в его повестку дня такой «важный вопрос» во время войны, о котором в официальном коммюнике сказано следующее: «Пленум признал правильным решение соответствующих органов — заменить старый государственный гимн «Интернационал» новым Государственным Гимном...» (КПСС в резолюциях, ч.II, 1953 г., стр. 1018). Даже роспуск Коминтерна в 1943 году произошел без решения пленума ЦК.

Партийные историки, чтобы доказать, что все-таки не Сталин, а ЦК как высший коллективный орган партии, руководил войной, сочинили не очень логичную теорию: хотя членам ЦК и не разрешали собираться на совместные заседания, но они руководили войной индивидуально, от имени ЦК как коллегии. Однако, говорят они, Сталин был виноват, если такая работа не была достаточно эффективной. «Работа партии в период войны была бы еще плодотворнее, если бы не культ личности Сталина. Хотя во время войны единоличные действия Сталина резко (!) ограничивались самостоятельными (?) решениями членов ЦК, возглавлявших отдельные участки государственной, политической, хозяйственной и военной работы, все же ленинские принципы коллективности партийного, государственного руководства нарушались как и в предвоенные годы» (История Великой Отечественной войны..., т. 6, стр. 335). Заметим, что все это написано после свержения Хрущева. Таким образом, ЦК в лице своего Политбюро приобрел полновластие в первые два года войны, приблизительно до разгрома немцев под Сталинградом, но потом не только ЦК, но и Политбюро фактически перестают существовать.

Как я уже указывал, по заказу сталинской пропаганды герои-полководцы войны вынуждены были приписывать собственные военно-стратегические замыслы, оперативные разработки и их мастерское осуществление опять-таки лично Сталину. Да, Сталин выезжал на фронт (но ни один советский писатель или генерал не описал Сталина на линии фронта, он близко к фронту не подъезжал. Да и сам штаб Сталина был скорее штабом НКВД, чем ставкой Верховного Главнокомандования).

Лучше всего характеризует работу и стиль «гениального генералиссимуса» генерал армии Еременко, который после Сталинграда командовал Калининским фронтом. Вот его свидетельство[40]: «Направляясь из Москвы на Западный и Калининский фронты, Иосиф Виссарионович 4 августа 1943 года остановился в прифронтовом селе Хорошеве, Ржевского района, Калининской области. Сюда я и был вызван со своего командного пункта. В 9 часов утра 5 августа 1943 года в двух километрах от села Хорошева меня встретил генерал из Ставки Верховного Главнокомандующего. В доме, что стоял во дворе, и находился товарищ Сталин. У входа меня встретил Лаврентий Павлович Берия. «Вас приглашает Верховный Главнокомандующий», — приветливо сказал он мне, уступая дорогу.

До этого я несколько раз встречался с товарищем Сталиным, но все же как-то невольно заволновался. Едва я перешагнул порог комнаты, как сразу же увидел товарища Сталина. Он ходит по комнате ровным, размеренным шагом, по-видимому, что-то обдумывая. Я остановился, отдал рапорт: «Товарищ Верховный Главнокомандующий, войска Калининского фронта ведут бои на прежних позициях и согласно вашему приказу готовятся к новым наступательным операциям». Товарищ Сталин остановился посередине комнаты, принял от меня рапорт, затем поздоровался со мной. Он улыбнулся как-то просто и тепло, приветливо пожал мне руку. После этого Иосиф Виссарионович задал мне несколько вопросов: «Как ведет себя противник? Какие есть новые данные о противнике? Нет ли у него чего нового? Как обстоит дело со снабжением и, в частности, как обстоит дело с питанием?»

Во время доклада об операции я стоял у карты, а товарищ Сталин — у стола, на котором был телефонный аппарат. Иногда Иосиф Виссарионович делал несколько шагов по комнате и закуривал трубку. Товарищ Сталин внимательно выслушал мой доклад о плане предстоящего наступления и сделал много указаний, конкретизировавших и уточнявших отдельные вопросы, связанные с подготовкой и проведением предстоящей операции. Мой доклад уже близился к концу, когда в комнату вошел Лаврентий Павлович Берия. По выражению его лица мы поняли, что он сейчас сообщит важную и радостную новость. Лаврентий Павлович подошел к Иосифу Виссарионовичу и доложил: «Нашими войсками взят Белгород». «Очень хорошо, замечательно», — сказал товарищ Сталин. Это была действительно радостная, долгожданная весть...

Товарищ Берия вышел из комнаты. Иосиф Виссарионович продолжал ходить и, видимо, что-то обдумывал. Я, не отрываясь, смотрел на великого полководца, чей гениальный стратегический замысел с успехом воплощался в жизнь. Так прошло минуты три-четыре, затем Иосиф Виссарионович спросил меня: «Как думаете, товарищ Еременко, если в честь победы над Белгородом будет дан салют в Москве?..» Я не нашелся сразу, что ответить. Затем Иосиф Виссарионович взял телефонную трубку и попросил соединить его с товарищем Молотовым. «Вы знаете, что наши войска взяли Белгород?» — спросил он у Вячеслава Михайловича. «Сейчас мне доложили об этом из Генштаба», — ответил Молотов. «Я решил, — сказал товарищ Сталин, — отметить взятие Белгорода салютом. Салют произвести в Москве. Поэтому отдайте все распоряжения, чтобы приготовили салют из ста пушек...» Товарищ Сталин положил трубку полевого телефона и молча ходил по комнате».

Таков военный «гений» Сталина в изображении советских полководцев. Сталинская пропаганда шла еще дальше. Лейб-биографы Сталина Поспелов, Митин, Александров и другие дали такую научно-популярную расшифровку этого «гения»[41]: «Товарищ Сталин развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки.

Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. По указанию товарища Сталина активная оборона советских войск сочеталась с подготовкой контрнаступления. Наступление сочеталось с прочной обороной. Товарищ Сталин мастерски разработал и применил новую тактику маневрирования, тактику одновременного прорыва фронта противника на нескольких участках, рассчитанную на то, чтобы не дать противнику собрать свои резервы в ударный кулак, тактику разновременного прорыва фронта противника на нескольких участках, когда один прорыв идет вслед за другим, рассчитанную на то, чтобы заставить противника терять время и силы на перегруппировку своих войск, тактику прорыва флангов противника, захода в тыл, окружение и уничтожение крупных вражеских группировок войск. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства».

Особенно велико было тщеславие Сталина именно в этой военной области после того, когда он уже успел стать и вождем государства, и «отцом народов», и «корифеем всех наук». Он хотел и верил, что призван затмить военную славу Александра Македонского, Чингисхана, Наполеона, Суворова... Вот почему он пошел и на то, на что не шел даже Гитлер: после победы над Паулюсом в Сталинграде он производит себя в «маршалы» Советского Союза (6 марта 1943 г.), а после победы над Германией — в «генералиссимусы» (27 июня 1946 г.), хотя никогда не был на военной службе даже простым солдатом.

Я далек от мысли утверждать, что у Сталина произошло «головокружение от успехов» под влиянием собственной пропаганды. Для этого он оставался все еще реалистом. Я утверждаю другое — Сталин сам поверил под влиянием гигантских побед Красной армии, руководимой настоящими полководцами, подгоняемой хорошо организованной полицейской системой, широко поддерживаемой союзниками, что он уже переходит в следующий класс своей славы — в генералиссимуса народов и государств. Военному тщеславию соответствовали и завоевательные планы Сталина.

Что же касается роли западных союзников в победе над Германией, то Политбюро устами Ворошилова заявило во всеуслышание[42]: «И только после того, когда стало очевидным, что сокрушающие удары Советской армии неотвратимо смертельны, и Советский Союз самостоятельно, один покончит с нацистской Германией и ее сателлитами, гг. черчилли и маршаллы были вынуждены поторопиться с открытием второго фронта с опозданием... на два года». Это было мнение не одного Ворошилова.

В связи с 70-летием Сталина 21 декабря 1949 декабря года газета «Правда» вышла со статьями всех членов и кандидатов Политбюро, посвященных Сталину. Все эти статьи были составлены по одному шаблону и не содержали ни одной детали из жизни и деятельности Сталина как государственного деятеля и человека. Члены Политбюро, как бы стараясь перекричать друг друга, утверждали всем уже набившие оскомину истины: «Они — ничто, Сталин — все!» Но в них была с пропагандной точки зрения одна новая нотка: члены Политбюро намекали на приоритет Сталина перед Лениным в октябрьском перевороте и гражданской войне, а Л. Каганович, как уже указывалось, даже прямо писал[43]: «Сталин спас, вместе с Лениным, советскую власть в гражданской войне», не Ленин вместе со Сталиным, а Сталин вместе с Лениным!

Сейчас в своей критике Сталина сталинцы особенно подчеркивают, что «культ Сталина» принял наиболее «уродливые формы» в последние годы его жизни. Сталинцы доказывают, что Сталин одного себя считал безгрешным, поддерживал и даже сам создавал свой культ, умаляя роль Ленина[44]. Сегодня уже не интересно, кто и что говорил о Сталине в «первые годы», но интересно сравнить, кто и как «умалял роль Ленина» и доводил «культ Сталина» «до уродливых форм» именно в последние годы его жизни.

Приведем маленькие выдержки из «социалистического соревнования» членов Политбюро по поднятию культа Сталина на «новую, более высокую ступень», выражаясь словами Хрущева. Это соревнование происходило 21 декабря 1949 года. Вот его результаты[45]: *Хрущев:* «Самые глубокие чувства любви и преданности миллионы людей обращают к Сталину, который вместе с Лениным создал великую партию большевиков, наше социалистическое государство, обогатил марксистско-ленинскую теорию и поднял ее на новую, более высокую ступень. Вот почему все народы нашей страны с необыкновенной теплотой и сыновней любовью называют великого Сталина своим родным отцом, великим вождем и гениальным учителем... Товарищ Сталин, как заботливый садовник, растит и воспитывает эти кадры». *Каганович*: «Слава гениальному полководцу, вождю народов — товарищу Сталину». *Маленков:* «Сталин вместе с Лениным руководил социалистической революцией. Вместе с великим Лениным товарищ Сталин создал первое в мире социалистическое государство». *Молотов:* «Так безгранично доверие трудящихся нашей страны к мудрому сталинскому руководству, так сильна их вера в гений Сталина, так велика любовь советского народа и трудящихся всего мира к товарищу Сталину». *Ворошилов:* «Сталин — величайший человек нашей планеты, мудрый вождь, учитель и гениальный полководец... Слава мудрому, гениальному вождю и учителю трудящегося и прогрессивного человечества». *Микоян:* «Товарищ Сталин — великий продолжатель дела Ленина. Товарищ Сталин — это Ленин сегодня. Товарищ Сталин — это гений социализма. Товарищ Сталин — великий зодчий коммунизма». *Булганин:* «Имя товарища Сталина самое дорогое и близкое для трудящегося человечества. Сталин — это символ всего прогрессивного и передового. Сталин — гениальный продолжатель бессмертного дела Ленина. Сталин — создатель советских вооруженных сил, великий полководец современности. Сталин — создатель передовой советской военной науки. Сталин — знамя, гордость и надежда всего прогрессивного человечества».

Читатель легко подведет итоги «соревнования»: первое место занял Хрущев, второе — Булганин, третье — Микоян. В том же порядке они занимают эти места и в сегодняшнем «антисталинском соревновании».

Однако претензии Сталина были куда шире, чем то, что приписывали ему ученики. Маркса считали экономистом, Энгельса скорее социологом, а Ленина просто политиком-практиком. Сталин разрешил объявить себя «корифеем всех наук», и не только гуманитарных наук. Вот что говорит на этот счет бывший личный секретарь Сталина А. Н. Поскребышев[46]: «Но товарищ Сталин должен быть отмечен и как ученый-новатор в специальных отраслях науки. Здесь уместно будет привести один пример. Среди старых специалистов сельского хозяйства считалось твердо установленным, что, например, цитрусовые культуры не могут найти широкого распространения в районе Черноморского побережья СССР ввиду того, что они, эти культуры, не выдерживают заморозков и что имеющиеся в этом районе незначительные цитрусовые насаждения следует рассматривать как опытно-показательные. И в этой узкоспециальной области науки товарищ Сталин показал себя уче-

ным-новатором, ломающим предрассудки, традиции и «незыблемые» шаблонные нормы старых специалистов.

Товарищ Сталин, занимаясь в течение многих лет разведением и изучением цитрусовых культур в районе Черноморского побережья, доказывал на практике, что можно вывести морозоустойчивые сорта цитрусовых, приспособленные к климатическим условиям Черноморского побережья, и что цитрусовые культуры могут и должны найти широкое распространение не только в южных районах Черноморского побережья, но и в районе Сочи и севернее. Благодаря инициативе и настойчивости товарища Сталина, цитрусовые культуры получили широкое развитие, и сбор цитрусовых плодов на Черноморском побережье исчисляется в настоящее время сотнями миллионами штук.

Но возможности разведения цитрусовых культур не исчерпываются районом Черноморского побережья Кавказа. По инициативе товарища Сталина уже начата работа по разведению цитрусовых культур в районах Крыма и Средней Азии. Нет сомнения, что и в этих районах цитрусовые культуры получат в ближайшие годы самое широкое распространение. Можно привести и другие примеры новаторской деятельности товарища Сталина в области сельского хозяйства. Известна, например, решающая роль товарища Сталина в деле насаждения эвкалиптовых культур в Подмосковье и в распространении культуры ветвистой пшеницы. На этих примерах ярко вырисовывается облик товарища Сталина как ученого-новатора, прокладывающего новые пути передовой советской науки».

Вместе с тем этот человек, которого враги считают тираном и палачом, по мнению Поскребышева, величайший гуманист, только и живущий заботами о людях[47]: «Разумеется, нет возможности даже приблизительно перечислить факты, свидетельствующие о внимательном и заботливом отношении товарища Сталина к людям. Но очень показательно огромное разнообразие вопросов, по которым обращаются к товарищу Сталину за советами и помощью.

Авторы киносценариев просят товарища Сталина дать заключение об их работе. Он внимательно знакомится с киносценариями и делает свои замечания. Вот обращаются к товарищу Сталину старые его товарищи по совместной революционной работе на Кавказе. Им оказывается необходимая помощь. Автор большого труда по военной истории присылает на отзыв товарищу Сталину свой труд. Тщательно изучив работу, товарищ Сталин сообщает автору свои замечания и дает развернутую критику его ошибок. Поступает письмо из Туруханского района. Пишет человек, с которым товарищ Сталин познакомился в туруханской ссылке. Товарищ Сталин немедленно откликается на это письмо и одновременно оказывает денежную помощь из своего депутатского жалованья.

Общеизвестна любовь товарища Сталина к детям. Вот один характерный штрих. Находясь после войны в отпуску, товарищ Сталин, проезжая мимо санатория «Кавказская Ривьера», встречает группу детей, останавливается, долго и ласково беседует с ними, ведет к ларьку, угощает конфетами».

Сталин — универсал и сверхчеловек, он поистине большевистский «супермен», без которого сами большевики не мыслили бы «действительного размаха» своего существования. Вот весьма характерное утверждение Молотова об этом[48]: «Нельзя забывать, что ни в каком самом полном собрании сочинений не может найти достаточное отражение тот огромный труд, который товарищ Сталин повседневно вкладывает в постановку новых проблем и в разработку новых грандиозных планов, в формулировку важнейших указаний партии и правительства, включая и основные дипломатические документы и т. д., без чего нельзя представить действительный размах и идейное значение сталинского руководства».

Но более того. Сталин не просто универсал и сверхчеловек. Он чудодейственная сверхсила, сказочный волшебник, даже полубог, одна мысль о котором превращает пессимистов в оптимистов, усталых в бодрых, колеблющихся в «правоверных»... Вот прочитайте, пожалуйста, авторитетное свидетельство советского писателя и члена редакционной коллегии «Литературной газеты» Геория Гулия на странице газеты «Правда»[49]: «Если ты, встретив трудности в борьбе или работе, вдруг усомнился в своих силах, — подумай о нем, о Сталине, и ты обретешь нужную уверенность. Если ты почувствовал усталость в час, когда ее не должно быть, — подумай о нем, о Сталине, — и усталость уйдет от тебя. Если ты замыслил нечто большое, нужное народу дело, — подумай о нем, о Сталине, — и работа пойдет споро.

Если ты ищешь верное решение, — подумай о нем, о Сталине, — и найдешь это решение ... Сказал Сталин — значит так думает народ. Сказал народ — значит так подумал Сталин».

Это было мнение не одного Георгия Гулиа. Другой советский писатель уже высокого калибра и по таланту и по беспринципности — Шолохов — распространил «святость» Сталина и на его мать. 20 декабря 1949 года он писал[50]: «21 декабря мы обратим наши взоры к Кремлю, — но в этот день не забудем и про другое: мысленно перенесемся в окрестности Тбилиси, подымемся на гору Давида и с благоговейной скорбью и горячей благодарностью в сердцах склоним в молчании головы над святым для нас прахом маленькой, скромной грузинской женщины, 70 лет тому назад подарившей миру того, кто стал величайшим мужем человечества, нашим вождем и отцом».

Таков был Сталин до XX съезда партии. На XX съезде вчерашние верные ученики и соратники объявили его деспотом, преступником, фальсификатором и маньяком. Когда с лица Сталина руками его бывших верноподданных была снята казенная маска величия, весь мир увидел, что на троне в Кремле тридцать лет сидел самый обыкновенный преступник в форме «генералиссимуса», с репутацией «корифея» и с бездонным резервуаром уголовных возможностей.

Только через три года после смерти Сталина «коллективное руководство» рассказало в «закрытом докладе» Хрущева на XX съезде партии, в чем выразились военный «гений» и «сталинское военно-оперативное искусство». Прежде всего, как сообщает Хрущев, Сталин настолько уверовал в Гитлера, что не хотел допустить и мысли, что Гитлер может объявить ему войну. Хрущев говорит, что в своих телеграммах в апреле 1941 года и через английского посла в Москве Криппса английский премьер-министр Черчилль неоднократно предупреждал Сталина, что немцы готовят наступление на СССР. 6 и 22 мая 1941 года советский военный атташе в Берлине и его заместитель писали, что Гитлер готовит наступление в мае или в июне. Более того. Накануне немецкого наступления, рассказывает Хрущев, один немец перешел советскую границу и заявил, что «немецкая армия получила приказ начать военные действия против СССР в ночь на 22 июня, в 3 часа ночи». «Несмотря на эти исключительно серьезные предупреждения, — говорит Хрущев, — необходимые шаги не были предприняты для соответствующей подготовки нашей страны к обороне и для предотвращения неожиданного нападения на нее»[51]. Но и этого мало.

Хрущев, который в то время был секретарем ЦК партии Украины, свидетельствует, что даже после начала немецкого наступления Сталин не разрешил открывать ответный огонь. Вот слова Хрущева[52]: «Когда фашистские армии действительно вторглись на советскую территорию и военные действия начались, Москва отдала приказ не открывать ответного огня. Почему? Потому, что Сталин, несмотря на очевидные факты, думал, что война еще не началась... Результат был таков, что уже в первые же часы и дни войны враг уничтожил в наших пограничных областях большую часть наших военно-воздушных сил, артиллерии и другого военного снаряжения; он ликвидировал значительное количество наших воинских кадров и дезорганизовал наше военное руководство. В результате всего этого мы не смогли предотвратить продвижение противника в глубь страны».

Измена его вчерашнего друга Гитлера настолько изумила Сталина, перспектива погибнуть в результате поражения СССР настолько запугала его, затаенный страх, свойственный всем тиранам, настолько оказался глубоким, что Сталин просто потерял и голову и самообладание. Вот свидетельство Хрущева[53]: «Было бы неправильным забывать, что после первых серьезных неудач и поражений на фронте Сталин думал, что наступил *конец*. В одной из своих речей, произнесенных в те дни, он сказал: «Все, что создал Ленин, мы потеряли *навсегда*». После этого, в течение долгого времени Сталин фактически не руководил военными действиями, *прекратив делать что-либо вообще*. Он вернулся к активному руководству только после того, как несколько членов Политбюро посетили его и сказали, что необходимо немедленно предпринять определенные шаги, чтобы улучшить положение на фронте» (весь курсив в цитате мой. — *А. А.)*.

Но что же это было за «активное руководство», как оно выглядело, когда Сталин пришел в себя или, по Хрущеву, когда у него вызвали чувство ответственности «несколько членов Политбюро»? Может быть, тогда-то и открылся внезапно в

Сталине «военный гений»? В чем выразились так широко рекламированные храбрость и мудрость Сталина в военных делах? Характеристика дана Хрущевым Сталину и в этой области убийственная[54]: «Даже после начала войны нервность и истеричность, проявленные Сталиным, вмешательство в руководство военными действиями причинили нашей армии серьезный ущерб. Сталин был далек от понимания развивавшихся на фронте действительных событий. И это понятно, если учесть, что в течение всей Отечественной войны он ни разу не посетил ни одного участка фронта, ни один освобожденный город, за исключением краткой поездки по Можайскому шоссе, когда на фронте создалось устойчивое положение... Одновременно Сталин вмешивался в проведение операций и издавал приказы, которые не учитывали действительного положения на данном участке фронта и которые не могли привести ни к чему иному, как к огромным людским потерям».

Хрущев приводит пример, как и почему удалось знаменитое немецкое окружение у Харькова в 1942 году. Сталин предложил окружить Харьков, сосредоточив там большие силы советской армии, но командование Юго-Западного фронта (маршалы Тимошенко и Баграмян, член Военного Совета — сам Хрущев) попросило Сталина отменить неправильный приказ по этой операции, так как окруженными окажутся не немцы, а сами советские войска. Хрущев говорит, что Сталин даже не захотел, «находясь в нескольких шагах от телефона», поднять трубку, а ответил через Маленкова, что надо операцию по окружению Харькова провести так, как он ранее приказал. Хрущев продолжает[55]: «И что же произошло в результате этого? Чего мы и ожидали. Немцы окружили скопление наших войск и в результате мы потеряли *сотни тысяч* (курсив мой. — *А. А.*) наших солдат. Вот пример военного «гения» Сталина; вот чего он нам стоил».

Этот военный «гений», которого так возносили ранее и партийная пропаганда и сами хрущевы, оказывается, не умел даже читать карты Генерального штаба. Невероятно, но факт, Хрущев свидетельствует[56]: «Следует заметить, что Сталин разрабатывал операции на глобусе. *(Оживление в зале)*. Да, товарищи, он обычно брал глобус и прослеживал на нем линию фронта». Таков был на деле прославленный военный «гений» Сталина. Вся трагикомедия заключалась в том, что настоящие полководцы Советской армии свои же собственные успехи, удачные планы и триумфы приписывали Сталину, а все поражения и провалы Сталина брали на себя. Даже в этих случаях неблагодарный Сталин поступал по-сталински. Вот слова Хрущева[57]: «Тем более постыден тот факт, что после нашей великой победы над врагом, которая стоила нам так много жертв, Сталин начал снижать многих командиров, способствовавших победе над врагом, так как он исключал всякую возможность того, что заслуги на фронте могли бы быть приписаны кому-либо другому, кроме как ему самому».

Хрущев от имени «коллективного руководства» страшно возмущается, что в кинокартинах, театрах, живописи, литературе и «научных» исторических трудах люди безответственно создавали «культ военного гения Сталина». И это верно, как мы это видели выше, но надо только добавить: создавали по приказу тех же хрущевых!

(Продолжение следует)

Примечания

1. «Eastern approches» by Fitzroy Maclean, Yonathan Cape, London, pp. 94—97.
2. Там же, стр. 109—111.
3. «Правда», 7.3.1938, № 65.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. «Правда», 7.3.1938, № 65.
8. «Правда», 8.3.1938 г., №66.
9. МСЭ, II изд., 1934 г., Огиз, Москва, статья Арк. Абрамова «ВКП(б)», а также «КПСС в резолюциях», чч. I и II, 1953 г. и доклады Г. М. Маленкова — на XIX съезде партии и на «Совещании некоторых компартий в Варшаве в конце сентября 1947 г.», Москва, 1948.

10. Ошибка в МСЭ.
11. БСЭ 1-е издание, т. LXI, столбец 655.
12. ВКП(б) в резолюциях, часть II, 1933, стр. 782—783.
13. И. Сталин. Вопросы ленинизма. 2-е изд., 1947 г., стр. 593, 594.
14. КПСС в резолюциях, ч. II, 1953, стр. 742.
15. Там же, стр. 769.
16. Кандидатский стаж существовал тогда от одного года до двух лет — КПСС в резолюциях, ч. II, 1953, стр. 778.
17. И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 597.
18. Данные эти были целиком подтверждены в докладе Хрущева «О культе личности и его последствиях» на закрытом заседании XX съезда, о чем будет речь дальше.
19. Доклад Сталина на XVII съезде.
20. И. Сталин. О ликвидации троцкистских и иных двурушников.
21. «Партийная жизнь», № 9, 1954, стр. 10.
22. Г. М. Маленков. О деятельности ЦК ВКП(б). «Информационное совещание некоторых компартий», 1948, стр. 144; Г. М. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду ВКП(б). — «Правда», 6.X.1952: № 280.
23. «Вопросы истории КПСС», № 2, 1958, стр. 55—56.
24. Г. М. Маленков. О деятельности ЦК ВКП(б).., стр. 145.
25. «Правда», 6.X1952, № 280.
26. Устав КПСС, Москва, 1952.
27. После XX съезда — пять секретарей.
28. «Правда», 9.X.1952.
29. «Правда», 17.II.1959.
30. КПСС в резолюциях, ч. II, стр. 1195.
31. На выборах 1957 года состав комитетов был несколько расширен за счет «статистов» («рабочих», «колхозников»).
32. Официальные данные самого ЦК за 1957 год таковы: членов райкомов и горкомов — 250 000 чел., членов обкомов, крайкомов и ЦК союзных компартий — 20 000 чел. («Партийная жизнь», № 20, 1957, стр 92).
33. Устав КПСС, § 11, Москва, 1952.
34. О Великой Отечественной войне СССР, стр. 120.
35. Там же, стр. 158—159.
36. «Правда», 21.12.1949, № 355.
37. И. В. Сталин. Краткая биография. Москва, 1951, стр. 225.
38. «Знамя», № 2, 1953, стр. 208.
39. «Звезда», № 2, 1953, стр. 111—112; цитата из: Н. Вирта. Сталинградская битва. Огиз, 1948, стр. 33—34.
40. «Огонек», № 8, 1952, стр. 3.
41. И. В. Сталин. Краткая биография, стр. 231—232.
42. «Правда», 21.12.1949, № 355.
43. Там же.
44. «Правда», 28.3.1956; «Партийная жизнь», № 5, 1956; «Вопросы истории», № 3, 1956; «Коммунист», № 5, 1956, а также доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда.
45. «Правда», 21.12.1949, № 355.
46. Там же.
47. Там же.
48. Там же.
49. «Правда», 17.2.1950, № 48.
50. «Правда», 20.12.1949, № 354.
51. Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 33.
52. Там же, стр. 34—35.
53. Там же, стр. 35—36.
54. Там же, стр. 35.
55. Там же, стр. 37.
56. Там же, стр. 37.
57. Там же, стр. 38.

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том третий. Белое движение и борьба Добровольческой армии./ Май — октябрь 1918 года/

Глава IV. *Бессарабия*

Бессарабия была порабощена румынами[1]. Если в русской политике Центральных держав преобладало право силы, политическая беспринципность и полное отсутствие исторического предвидения, то Румыния углубила все эти элементы до... пошлости, набросившей густой покров на трон, правителей и генералов, и вызвав на долгие, долгие годы чувство острой вражды в русском народе.

Земледельческий край по преимуществу, богатый и плодородный, имевший в составе своего населения весьма незначительный контингент пролетариата — Бессарабия в течение первых месяцев революции не была вовлечена в анархию. Только к концу 17 года, после падения Румынского фронта, когда волна солдатских масс прокатилась по губернии, оставляя за собой следы разрушения, начались повсюду аграрные беспорядки. Они подогревались намеренно румынским правительством, заинтересованным в создании обстановки, оправдывающей оккупацию... Проводниками его политики были тайные агенты, наводнившие край[2], «группа сознательных молдаван», пользовавшаяся широкой материальной помощью из Ясс, и Сфатул цэрий — молдавский «краевой совет», фактически зависимый от румынской власти. Наконец, даже делегаты Временного правительства, по роковому недоразумению... «имевшие в то же время особую тайную миссию от румынских представителей в Петрограде»...

Организация краевой власти создавалась в порядке, совершенно исключительном. В конце октября местный революционный комитет, именовавший себя «военно-молдавским исполнительным комитетом Совета солдатских, офицерских и матросских депутатов», созвал в Кишиневе «Первый Всероссийский Молдавский Военный конгресс» из депутатов — в совершенно произвольном числе и пропорции — от войсковых и тыловых частей русской армии и местных дезертиров. Этот «конгресс», совершенно не интеллигентный по составу и большевистский по настроению, избрал «парламент» — Сфатул цэрий, в котором 44 места предоставил своим членам, 30 крестьянам-молдаванам, 10 — представителям молдавских партий и 36 «национальным меньшинствам», в том числе и... русскому[3]. Позднее было при-

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12, 1991, №№ 1—12. 1992, № 1.

бавлено еще 42 места образовавшимся явочным порядком молдавским организациям. С ноября началась борьба за власть между Сфатул цэрием и сохранившими еще свое бытие прежними органами — Временного правительства, земскими и городскими. Деятельность Сфатул цэрия, направляемая немногочисленной «группой сознательных молдаван», во всех своих проявлениях, даже в радикальных, большевистского характера мероприятиях, имела основною своею целью подготовку румынской оккупации.

Этот факт был настолько очевидным, что вызвал резкое негодование против Сфатул цэрия в бессарабском населении. Выражалось оно, однако, как и везде в России по отношению к случайным захватчикам власти, в формах далеко не активных: демократические городские думы и земские собрания составляли резолюцию протеста; политические партии «воздерживались» от участия в Сфатул цэрии; отдельные представители их, вошедшие в состав «парламента» от «национальных меньшинств», говорили там горячие, патриотические, но безрезультатные речи; города игнорировали новую власть; деревня признавала ее лишь в части, относящейся к санкционированию захватов и разгрома помещичьих усадеб.

Здесь, в Бессарабии, приобщенной всецело к русской культуре, шовинистическо-национальное движение имело еще менее почвы, чем на Украине. И хотя Сфатул цэрий и говорил устами поставленного им молдавского премьера, Чегуряна, что «империалистическое правительство сделало все, чтобы задушить национальное самосознание»,.. что «в течение прошедших 106 лет рабства нам было запрещено все. Нам было запрещено обнимать своих зарубежных братьев и слушать призыв нашей общей матери — Румынии»,.. но народ и общественность были глухи к этим жалобам. Даже в недрах Сфатул цэрия они звучали фальшиво, вызывая чувство неловкости, и предназначались. главным образом, для экспорта за Прут и оплаты проявленных чувств и усердия.

Составленный с вопиющим нарушением каких-либо норм, даже «революционного права», малокультурный по своему составу и не отражавший ни в малейшей степени воли бессарабского населения, Сфатул цэрий держался, однако, 13 месяцев — пассивностью бессарабской общественности, апатией народа, румынским золотом, потом румынским оружием.

В начале 18 года Сфатул цэрий, сам поддерживавший в крае беспорядки своими демагогическими выступлениями, обратился уже официально к румынскому правительству с просьбой о присылке войск для их подавления. И 13 января корпуса ген. Броштиану вступили в Кишинев, без труда отбросив затем за Днестр малочисленные молдавские отряды, оказавшие сопротивление. Цель появления румынских войск в Бессарабии в приказе начальника Генерального штаба ген. Презана объяснялась исключительно поддержанием в крае порядка.

Достойно удивления то единодушие, с которым отнеслись к факту оккупации края и к интересам России ее представители, враги и союзники: штаб Людендорфа, в числе оснований будущего мирного договора, еще в конце декабря 17 года предлагал румынскому правительству занятие Бессарабии, а позднее для ее оккупации предоставил Румынии право сохранить в боевом составе несколько дивизий. Французский посланник гр. Сент-Олер, от имени представителей всех союзных держав, оправдывал румынскую интервенцию и особым воззванием успокаивал население Бессарабии, что приход румынских войск не может иметь никакого влияния на ее судьбу. Бывший главнокомандующий Румынским фронтом ген. Щербачев давал моральное оправдание интервенции, продолжая дружественное сотрудничество с ген. Презаном по подготовке мобилизации румынских дивизий. Считая, по-видимому, что события в Бессарабии являются лишь следствием политики Маргеломана[4], он принял участие в тайной подготовке политического переворота совместно с представителями союзников, остававшимися в Яссах, и с румынским королем.

Предполагалось, что после образования Восточного фронта, Румыния сменит свое германофильское правительство Маргеломана, порвет договор с Центральными державами и ударит в тыл украинской группе ген. Кирхбаха. В дальнейшем ген. Щербачеву рисовались перспективы русско-румынского альянса и движение вновь соединенных армий[5] против общего врага. Кишиневский плацдарм был, очевидно, очень удобным для этой цели, а дислокация вражеских сил как нельзя более благоприятствовала успеху: в Валахии было всего лишь 3 нем. и 3 австр. дивизии, а в Бессарабии и Молдавии — только немецкие реквизиционные комиссии.

Ген. Щербачев сообщал нам, что примет командование объединенной армией лишь «при условии, что ген. Алексеев выразит на это свое принципиальное согласие, причем в этом случае (он) будет считать себя подчиненным ген. Алексееву как Верховному главнокомандующему»[6]...

Тщетные надежды! Пройдет несколько месяцев, политические карты перетасуются вновь. Согласие победит, место Маргеломана займет Братиано, румынская политика в третий раз переменит свое лицо, но судьбы Бессарабии останутся неизменными. Тяжкий гнет румынизации будет тем сильнее, чем явственнее станет надвигающаяся из-за Днестра опасность. И теперь уже она нервирует румынских государственных людей и не дает им мечтать спокойно о великодержавности своей страны... Тревога их не напрасна.

События в Бессарабии шли между тем быстро и планомерно. Прежде всего военные власти расстреляли ряд лиц из состава Сфатул цэрия и вне его — «красных» и «белых», но одинаково отрицательно относившихся к румынам. «Парламент» сбросил с себя немедленно всякий налет радикализма и уже открыто стал послушным орудием румынской власти. Затем состав его был пополнен членами от крестьянского съезда, избранными при подобающей обстановке: «ввода войск в здание заседаний съезда, арестов его членов, а затем и расстрела некоторых из них без суда, в том числе председателя и двух товарищей председателя». После принятия этих решительных мер съезд разбежался, а Сфатул цэрий, актом от 24 января, объявил о независимости Молдавской народной республики.

«Республика» просуществовала два месяца и три дня. За это время практика румынского командования после новых казней, арестов и бегства преследуемых за Днестр увенчалась еще большими достижениями. В Сфатул цэрии, в присутствии г. Маргеломана и румынских властей, в здании, окруженном войсками, был поставлен на открытое поименное голосование вопрос о присоединении Бессарабии к «Родине-матери». Только 3 человека имели мужество голосовать против и 36 воздержались. И актом 27 марта Бессарабия была присоединена к Румынскому королевству на автономных правах.

Началось приобщение края к чуждой ему государственности, вопреки подтвержденной королевским манифестом автономии — приемами, соответствовавшими низкой культуре страны-поработительницы и нравам народа, не вышедшего еще духовно из традиций, относящихся ко времени турецкого владычества. Бессарабская церковь отторгнута от Всероссийской, иерархи изгнаны, в чин богослужения повсюду введен румынский язык. В учреждениях государственных все служащие заменены румынами и выброшены на улицу. Земско-городские учреждения упразднены. Русское право и русский суд заменены румынским правом и судом, на который возложено «кроме отправления правосудия еще и пробуждение национального чувства, которое должно воодушевлять впредь новых румынских граждан по левую сторону Прута»[7]... Низшая школа и два класса средней подверглись немедленной и полной румынизациии[8], прочие — последовательной.

Но наиболее тягостным был тот моральный гнет, которому подвергали население Бессарабии продажная администрация и темная, грубая как нигде, военная сила, явившаяся всевластным распорядителем жизни и имущества бессарабцев, в особенности в глухих местечках и деревнях. Осадное положение — как право; непомерные реквизиции и беспощадное обложение — как экономическая система; грабеж — как обычай; публичная порка мужчин и женщин — как возмездие за протест. «Записка комитета освобождения Бессарабии» приводит ряд документально подтвержденных эпизодов самодурства старших румынских офицеров — эпизодов, переносящих нас к началу XVI века.

Мы узнаем из нее о коменданте м. Единцы, который сгонял народ и заставлял кланяться своей шапке, повешенной на шест... О ген. Штербеско, начальнике Измаильского гарнизона, требовавшем, «чтобы все должностные лица частных и общественных учреждений (русских) не выходили из дому, чтобы жители, гуляя по улице в числе не более трех, нигде не останавливались, чтобы в гостиницах не находились в одном помещении более двух лиц одновременно, чтобы богослужения в церквах не начинались до прибытия туда жандармских чинов» и т. д. и т. д.

Деятельность румынской власти и ее передаточной инстанции «Сфатул цэрия» вызвала возмущение решительно во всех слоях населения, независимо от национальности и «ориентации». Оно проявлялось резкими протестами организованной

общественности, городов, земств, волнениями в деревне, бойкотом румынского суда и школы. Более активные проявления народного неудовольствия смолкали, однако, перед аргументацией румынских штыков и пулеметов. Единственной организацией, обращавшейся добровольно с почтительнейшими уверениями в своей лояльности к румынскому правительству, был... «Союз земельных собственников». Эта «интернациональная» организация выражала одинаковую готовность служить немцам на Украине, австрийцам в Новороссии и румынам в Бессарабии; американскому[9] и английскому[10] капиталам — лишь бы сохранить свои земли.

Создавшееся тогда в Бессарабии положение можно охарактеризовать словами видного члена Сфатул цэрия, румынофила Александри: «По всей стране стон стоит от края и до края: беззакония, издевательства, глумление такое, каких не было, быть может, от века. Времена царского абсолютизма кажутся чуть ли не раем».

Подготовляя такими путями почву, румынское правительство в конце ноября спешно созвало на очередную сессию Сфатул цэрий и в заседании его 27-го числа, в присутствии 46 депутатов (из 162), без прений и голосования, криками одобрения провело постановление «от имени бессарабского населения» об отказе Бессарабии от своих автономных прав... На другой же день после принятия постановления королевским указом Сфатул цэрий был упразднен.

Изданный вслед за тем специально для Бессарабии радикальный аграрный закон, имевший главною целью отобрание земель в общерумынский государственный фонд, устанавливал, между прочим, полное отчуждение земли у «иностранноподданных», т. е. у тех русских и молдаван, которые отказались бы принести присягу на верность новому отечеству...

По поводу финального заседания бессарабского «парламента» «Записка» приводит один небезынтересный эпизод: генеральный комиссар Бессарабии ген. Войтояну во время беседы с крестьянской фракцией Сфатул цэрия, почти в полном составе протестовавшей против акта 27 ноября, дал поразительно беззастенчивое объяснение своим действиям[11]: «Румынскому правительству было необходимо получить этот акт, по совету дружественной Франции, как доказательство расположения к Румынии всего населения»... Против насильственного захвата румынами Бессарабии из всех государств мира протестовала только... Украинская держава.

Глава V. *Украйна.*

Украйна была порабощена немцами. Ген. Гофман, начальник штаба Восточного фронта и участник мирной конференции, впоследствии, в 19 г. говорил[12]: «В действительности Украйна — это дело моих рук, а вовсе не плод сознательной воли русского народа. Я создал Украйну для того, чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с частью России»... Эта самоуверенность немецкого генерала, не углублявшегося в сложную сущность украинской проблемы, находилась, однако, внешне в полном соответствии с военно-политическим положением. Германское правительство поспешно признало самостоятельность Украйны и полномочность Рады, правительства Голубовича и посольства на конференции никому неведомых гг. Севрюка, Любинского и Левицкого, имевших, по существу, такой же легальный титул, как Совет комиссаров и его делегаты гг. Иоффе, Бронштейн и Бриллиант.

Вспомним, что и правительства союзников до «Брест-Литовска» готовы были признать фактически советскую власть, и Нуланс от имени союзников предлагал Троцкому материальную помощь... для борьбы против немцев. По тем же соображениям признали «украинскую республику» Франция[13] 5 декабря 17 г., и Англия в начале 18 г. «Представитель Великобритании на Украйне» Пиктон Багге заявил, что его правительство «будет поддерживать всеми силами Украинское правительство в стремлениях к творческой работе, к поддержанию порядка и войне с Центральными державами — врагами демократии и человечества»...

Правительства Центральных держав подписали мирный договор с Украйной 26 января — в то время, когда почти вся Украйна и стольный город Киев были во власти большевиков. По просьбе бежавшего в Житомир правительства Голубовича немцы двинули корпуса ген. Эйхгорна на Украйну и почти без всякого сопротивления (дрались только чехо-словаки) совместно с австрийскими войсками ген. Бельца

в течение двух месяцев заняли весь наш Юго-Запад и Новороссию[14]. «Надо было подавить большевизм на Украйне, — пишет Людендорф, — проникнуть глубоко в страну и создать там положение, которое доставляло бы нам военные преимущества и позволило бы черпать оттуда хлеб и сырье».

Границы новообразования были определены в договоре лишь на западе — линией Белгорай — Красностав — Межиречье — Сарнаки. Но бурный протест поляков и давление австрийцев заставили мирную конференцию «разъяснить» и этот пункт, предоставив разграничительной комиссии право «провести границу, принимая во внимание этнографические отношения и пожелания населения... на восток от этой линии». На востоке границы устанавливались впоследствии теоретически-бесконечными, подчас весьма курьезными переговорами Шелухина с Раковским и соглашением гетмана с Донским атаманом. Фактически — линией расположения германских аванпостов, не считавшейся ни с этнографическими, ни с историческими признаками, а захватывавшей важнейшие железнодорожные узлы. Эта линия проходила через Клинцы — Стародуб — Рыльск — Белгород — Валуйки — Миллерово.

Мирный договор и дополнительные соглашения накладывали тяжкое экономическое бремя на Украйну. До 31 июня Рада обязалась доставить австро-германцам огромные количества хлеба и других продовольственных припасов, сырья, леса и проч.[15]. Взамен за эти предметы вывоза, оцениваемые по низким ставкам и низкому валютному курсу, германцы обязались доставить на Украйну «предположительно», «по мере возможности», по очень высоким тарифам фабрикаты своей промышленности. В основу всей своей экономической политики Германия поставила: для настоящего — извлечение из Украйны возможно большего количества сырья, для чего был затруднен или вовсе запрещен товарообмен ее с соседями, даже с оккупированной немцами Белоруссией; для будущего — захват украинского рынка и торговли, овладение или подрыв украинской промышленности и искусственное создание сильной задолженности Украйны.

Осуществление этих целей требовало установления хотя бы элементарного порядка в крае и законопослушности населения. Между тем, Рада и правительство Голубовича с этой задачей справиться не могли. Непопулярность и неподготовленность украинского правительства, его полная зависимость от немцев, дикие и обидные формы украинизации, отталкивавшие одних и не удовлетворявшие других, — восстанавливали против власти большевистское и противобольшевистское население городов, настроение которых сдерживалось присутствием австро-германских гарнизонов. Полубольшевистские лозунги универсалов и провозглашение социализации земли подняли анархию в деревне, до тех пор сравнительно спокойной. Требование разоружения и приемы, употреблявшиеся для выкачивания хлеба из деревни, усиливали волнения. Вмешательство фельдмаршала Эйхгорна, объявившего в приказе, что урожай принадлежит тому — помещику или крестьянину — кто засеет поля, вызвало только озлобление и в Раде и в крестьянстве. Все это грозило прервать сообщения в крае и возможность его эксплуатации немцами. И поэтому немецкая власть решила устранить Раду.

5 апреля был заключен договор между фельдмаршалом Эйхгорном и бар. Муммом, с одной стороны, и ген. Скоропадским, с другой — о направлении будущей украинской политики[16]. 10 апреля австро-германцы спешно закончили и подписали «хозяйственное соглашение с Украинской народной республикой», чтобы одиум его лег на Раду, не на гетмана. 13-го фельдмаршал Эйхгорн ввел военное положение, с применением германской полевой юстиции, а 16-го при обстановке почти анекдотической немцы разогнали Раду и поставили гетманом всея Украйны генерала Скоропадского. «Народ безмолвствовал».

Осведомленная в киевских делах организация Шульгина сообщала нам на Юг текст телеграммы императора Вильгельма от 13 апреля к фельдмаршалу Эйхгорну: «Передайте генералу Скоропадскому, что я согласен на избрание гетмана, если гетман даст обязательство неуклонно исполнять наши советы»[17]... Знакомые мотивы. В 1708 году один из предшественников гетмана Иван Мазепа писал Стародубскому полковнику Скоропадскому: «С согласия всей старшины мы решили отдаться в протекцию шведского короля в надежде, что он оборонит нас от московского тиранского ига и не только возвратит нам права нашей вольности, но еще умножит и расширит; в этом его величество уверил нас своим неотменным словом

и данной на письме ассекурацией». Полковник Скоропадский не послушался тогда «прелестных увещаний» Мазепы, поехал в стан московского боярина Долгорукова и сам получил гетманскую булаву.

Положение изменилось лишь внешне: водворился известный порядок, по крайней мере в городах, безопасность передвижения и даже видимый экономический подъем, в сущности лишь прикрывший спекулятивную горячку. Впрочем, ненадолго — основа этого благополучия имела нездоровые предпосылки.

Зависимость Украйны и полная подчиненность ее германской общей и экономической политике при гетмане не только не ослабли, но даже возросли. Национальный шовинизм и украинизация легли в основу программы и гетманского правительства. Сам гетман в официальных выступлениях торжественно провозглашал самостийность Украйны на вечные времена и поносил Россию, «под игом которой Украйна стонала в течение двух веков»... Кадетское министерство не отставало в шовинистических заявлениях и в прямых действиях: министр внутр. дел Кистяковский вводил закон об украинском подданстве и присяге; министр нар. просвещения Василенко приступил к массовому закрытию и насильственной украинизации учебных заведений; министр исповеданий Зеньковский готовил автокефалию украинской церкви... Все вместе в формах нелепых и оскорбительных рвали связь с русской культурой и государственностью.

Только социальные мероприятия гетмана резко разошлись с политикой Рады: руль ее круто повернули вправо. Вскоре вышел гетманский указ о возвращении земли помещикам и о вознаграждении их за все понесенные в процессе революции убытки. Практика реквизиций (для экспорта), кровавых усмирений и взыскания убытков при участии австро-германских отрядов была жестока и безжалостна. Она вызвала по всей Украйне и Новороссии стихийные восстания, подчас многотысячными отрядами. Повстанцы истребляли мелкие части австрийцев, немцев, убивали помещиков, чинов державной варты, повитовых старост и других агентов гетманской власти. В повстанческой психологии не было и тени украинского сепаратизма: они видели своих врагов не в «русских», а в помещике и в немце. Вмешательство пришельцев вносило в общую сумму социальных и экономических причин возбуждения крестьянских масс еще и элемент ярко национальный — не украинский, быть может, и не российский, но во всяком случае в негативном его отражении противонемецкий; им увлекалась и часть офицерства, поступавшего в отряды повстанцев и вносившего в них некоторую огранизованность.

«Жовто-блэкитный прапор», покрывавший собою политическое и социальное движение, служил национальным символом разве только в глазах украинской, преимущественно социалистической интеллигенции, но отнюдь не народной массы. Гетманская власть покоилась только на германских штыках, а германские войска, занимавшие города и железнодорожные станции взбаламученного края, рыли окопы, оплетались колючей проволокой, чувствуя себя там, как в осажденной крепости. Отношение к гетманскому режиму, хотя и по разным побуждениям, почти у всей русской и украинской общественности было отрицательным.

«Украинский национальный союз», объединивший в июле все украинские партии, поддерживал близкие отношения с вершителем судеб Украйны ген. Гренером[18], с его политическим противником — австрийским представителем гр. Форгачем и одновременно находил поддержку в левых парламентских кругах Германии. Союз вел конспиративную работу, стараясь направить волну народных восстаний демагогическими посулами в русло самостийной и социалистической политики прежней Рады. Видные русские социалисты, примыкавшие к Союзу Возрождения России, составляли заговоры против «реакционной и ненациональной» власти и пытались организовать террористические акты, которые, однако, не приводились в исполнение, ввиду глубоко мирного направления руководителей союза. Национальный Центр писал 2 июля В. Шульгину: «Мы с негодованием следим за развитием физического (?) процесса у вас в Киеве и считаем, что это бред, одержимый всякого рода манией»...

Конференция кадетской партии 13—15 мая приняла как бесспорные начала — «воссоединение России, областную автономию и национальное равноправие» и воспретила членам партии «участие в правительстве, образованном при германской коалиции». От прямого осуждения своих киевских членов конференция, однако, отказалась: «Исполнительный Комитет, не высказывая в настоящее время своего

окончательного суждения», поручал одному из членов своих выяснить... создавшееся положение и меры «для согласования положения членов на Украйне с... директивами Ц. К.». Только 27-го июня центральный комитет партии выразил им неодобрение «за принятие участия в организации власти, опирающейся на немецкую поддержку». В частной переписке отношение московских кадет[ов] к киевским высказывалось гораздо резче и лапидарнее. Так, В. Степанов писал: «Здесь нет никого, кто бы не считал (как) их поведение, так и не исключившего их из партии (Обл. ком.) возмутительным и марающим партию. Меня ободряет, что гонение на партию в Москве отчасти смывает ту грязь, которою облили нас киевляне, бросившись головой вниз в помойную яму германофильства»...

Киевские националисты, группировавшиеся вокруг В. Шульгина, сурово осуждали гетманскую власть по мотивам национальным и политическим. На стороне ее оставались, притом лишь до падения Германии, только Союз хлеборобов-собственников в лице крупных землевладельцев, возглавлявших эту бутафорскую организацию, весь сектор крайних правых и «Протофис»[19]. Словом — земельная и финансовая знать — максималисты в области классовых целей и интернационалисты в способах их достижения.

Я приведу характеристику этой среды, исходящую из источника, который нельзя заподозрить в некомпетентности и в предвзятости. Кн. Гр. Трубецкой писал: «Аристократический квартал Липки был... жутким привидением минувшего. Там собрались Петербург и Москва; почти все друг друга знали. На каждом шагу встречались знакомые типичные лица бюрократов, банкиров, помещиков с их семьями. Чувствовалось, в буквальном смысле слова, что на их улице праздник. Отсюда доносились рассказы о какой-то вакханалии в области спекуляции и наживы. Все, кто имел вход в правительственные учреждения, промышляли всевозможными разрешениями на вывоз, на продажу и на перепродажу всякого рода товаров. Помещики торопились возместить себя за то, что претерпели, и взыскивали, когда могли, с крестьян втрое за награбленное. Правые и аристократы заискивали перед немцами. Находились и такие, которые открыто ругали немцев и в то же время забегали к ним с заднего крыльца, чтобы выхлопотать себе то или другое. Все эти русские круги, должен сказать, были гораздо противнее, чем немцы, которые, против ожидания, держали себя отнюдь не вызывающим образом».

Наконец, на стороне гетманской власти стояли еще довольно широкие бездейственные обывательские слои, не углублявшие смысла происходящих событий и жаждавшие покоя, безопасности и примитивного порядка — какой угодно ценой.

Извне гетманскую власть поддерживал московский «Правый Центр» и примкнувший к нему персонально Милюков. Последний своим влиянием на кадет[ов] — членов правительства старался, сколько мог, умерить буйный характер их самостийной практики, но в самом факте украинского и донского переворотов видел «явление одного порядка и явление положительное.., начало возрождения российской государственности»... «Государственная самостоятельность областей, освободившихся от большевиков раньше Москвы, — писал он, — является неизбежной переходной стадией и неизбежным последствием бессилия Москвы освободиться... собственными силами... Участие в перевороте германцев является печальною неизбежностью, но все же второстепенною чертой»[20]. В. Шульгин, отражая взгляды националистов, писал на Юг: «Я не смог произвести над собою ломки, т. е. работать над восстановлением России с немцами... Вопреки мнению Милюкова утверждаю, что киевские кадеты всенародно продали единство России, что было совершенно непростительным шагом».

Эти два вопроса (единая государственность и «ориентация») поглощали всецело внимание русских политических кругов и вызвали среди них ожесточенную полемику. Все другие стороны жизни Украйны в их глазах отходили на задний план. В частности, весьма характерно, что в том огромном калейдоскопе личных, письменных и печатных ориентировок, которые сосредоточивались в руках командования Добровольческой армии, они отражения почти не находили.

Как смотрел гетман на свои взаимоотношения с Германией? За несколько дней до захвата власти он приехал к одному из известных киевских генералов и предложил ему принять участие в образовании нового правительства, «которое должно заменить Центральную раду и явиться посредником между германским командованием и украинским народом». Упомянул, что в этом деле заинтересованы немцы...

Когда собеседник его ответил отказом, мотивируя «неприемлемостью для него работы с немцами и на них», Скоропадский возразил, что «немцы здесь ни при чем, что он будет вести вполне самостоятельную политику, и закончил даже наивным заявлением, что надеется обойти немцев и заставить их работать на пользу Украйны». «Обойти» оказалось невозможным.

В среде оккупантов шли серьезные внутренние трения: германское парламентское большинство и правительство, австрийское посольство в лице гр. Форгача — требовали самостоятельности Украйны; немецкая военная партия, исходя из практических расчетов — обеспеченности снабжения и ликвидации нарождавшегося Восточного фронта — временно склонялась к единству России. В зависимости от того, какая педаль нажимала сильнее на Эйхгорна и Мумма, определялся и политический курс гетманской политики.

28 мая генерал Гренер говорил делегации от свергнутой Рады: «Германия искренно желает самостоятельности Украйны и будьте уверены, что она — единственный могущественный защитник этой самостоятельности в Европе. Мы хотели вас поддержать. Но анархию и социалистические беспорядки по соседству с нашей империей терпеть не хотим, не можем и не будем...» И гетман клал руль вправо и насильственно украинизировал страну руками кадетов и «умеренных» украинских националистов...

К этому времени относится разговор гетмана с одним видным русским генералом, которого прочили на должность военного министра. На вопрос его, правда ли, что гетман принял свой пост исключительно с целью воссоединения Малороссии с Россией, генерал Скоропадский ответил отрицательно: «Может быть, в отдаленном будущем это и случится; но сейчас я буду стоять на почве самостийности Украйны»[21]... Чрезмерно ревнивое отношение гетмана в то время к «русским влияниям» приводило иногда к курьезам. Так, когда архиепископ Антоний был назначен киевским митрополитом, Скоропадский, предполагая встретить в нем врага гетманской власти и немцефильской политики, отказался вначале признать патриаршее назначение и убедительно просил Эйхгорна воспрепятствовать торжественной встрече архипастыря православными киевлянами. Гетман уверял, что митрополит Антоний «большой реакционер» и что «из встречи его хотят сделать большую москвофильскую демонстрацию»[22]...

В октябре ген. Гренер заявил[23]: «Положение момента выдвигает сейчас перед Украйной задачи укрепления здоровых национальных устоев и привлечения народных кругов к участию в строительстве страны, как и в ее управлении. И здесь, как и в Германии, в состав правительства будут привлечены представители левых и демократических течений...» Практиковавшаяся немцами ранее скрытая поддержка этих кругов теперь становится явной. И гетман привлекает в состав правительства украинских социалистов и нажимает еще сильнее пресс украинизации. «Новый состав совета министров, — говорит премьер Лизогуб представителям печати 17 октября, — в области внешней и внутренней политики будет стремиться к более резкому выявлению национального лица украинской державы, отстаивая всеми силами самостоятельность и суверенность Украйны».

А в то же время (9 октября) представителю Добровольческой армии, полковнику Неймирку, при «случайной встрече», устроенной самим гетманом в квартире его адъютанта гр. Олсуфьева, он говорил: «Я русский человек и русский офицер; и мне очень неприятно, что, несмотря на ряд попыток с моей стороны завязать какие-либо отношения с ген. Алексеевым.., кроме ничего не значащих писем.., я ничего не получаю... Силою обстановки мне приходится говорить и делать совершенно не то, что чувствую и хочу — это надо понимать. Даю вам слово, что до сего времени я буквально ничем не связан, никаким договором с Берлином[24] и твердо отгородился от Австрии... Я определенно смотрел и смотрю — и это знают мои близкие, настоящие русские люди — что будущее Украйны в России. Но Украйна должна войти как равная с равной на условиях федерации. Прошло время командования из Петербурга — это мое глубокое убеждение. Самостийность была необходима как единственная оппозиция большевизму: надо было поднять национальное чувство. И переворот, который был сделан пришедшими немцами, я ранее еще предлагал союзникам, лично говорил об этом с ген. Табуи...»[25].

В ноябре ген. Гренер, сменив Людендорфа, сдавал уже германские армии на волю победителей... В Киеве говорил авторитетно только... немецкий совет сол-

датских депутатов. И гетман распускал правительство, приглашал на пост премьера «царского» министра Гербеля и издавал грамоту о Всероссийской федерации со включением в нее Украйны. Одновременно ген. Скоропадский не прекращал весьма оживленных тайных переговоров с Украинским национальным комитетом, а на Юг сообщал, что «украинские силы... возглавляемые гетманом... в согласии с Доном и параллельно с Добровольческой армией направляются на борьбу с большевиками и на восстановление единства России»[26].

Такой же двойственностью отличалась политика украинского правительства. Наиболее влиятельная кадетская часть его, в замкнутом кругу киевского Главного комитета, под сильным давлением Милюкова, стремившегося обуздать размах украинизации, выносила постановления следовать «по линии превращения местного национального движения в общегосударственное путем объединения всего Юга России»[27]. А вне стен комитета «согласованные действия» киевлян проявлялись проповедью на тему: «единая Россия — это нелепость... Насильственное соединение в одном государстве столь больших и столь разнородных частей недопустимо»... Вдохновитель и правая рука гетмана, Игорь Кистяковский, в конце 1917 года был приверженцем Корнилова и Добровольческой армии, весною 18 года — самостийником и германофилом, в октябре, когда немцы потребовали его удаления с поста, — федералистом и германофобом; а в ноябре... централистом и антантофилом...

В свою очередь — само двуличное — германское правительство находило также некоторые странности в украинской политике... Украинский посол в Берлине, бар. Штейнгель, 7-го июля доносил министру иностранных дел: «Императорское правительство находит, что наше правительство не достаточно твердо в своей политике, почему в Киеве происходит двойная политическая игра, вредящая упрочению дружбы между Германией и Украйной. Императорское правительство желает, чтобы политика Украинского правительства соответствовала во всех отношениях условию, заключенному 18 апреля (нов. стиля) 1918 г. между генерал-фельдмаршалом Эйхгорном и бар. Муммом, с одной стороны, и Украинским правительством Гетмана, в то время находившимся в процессе формирования, с другой стороны... Ввиду этого Императорское правительство желает расширить границы своих прав в целях организации порядка и правосудия»...

Впрочем, к концу сентября, после поездки гетмана в Берлин, взгляд германского правительства изменился, и министр ф. Гинце в рейхстаге заявил, что на Украйне «продолжается в утешительном направлении процесс консолидации. Гетман с министрами вошел в Берлине в соприкосновение с нашим правительством. Констатируем, что намерения гетмана лояльны, планы его нам откровенно ясны».

Внешние сношения Украйны также всецело зависели от немцев. Все спорные территориальные вопросы о западной границе, о подчинении Украйне Крыма, о Ростовском, Таганрогском округах и части Бессарабии, на которые претендовала Украйна, разрешались односторонней волей немцев и притом не в ее пользу.

Наиболее характерной была длившаяся бесконечно долго украино-большевистская конференция, заседавшая в Киеве, с Шелухиным и Раковским во главе. Поскольку вопросы, касавшиеся интересов Германии, как, например, передача оккупированной Украйне в большом числе подвижного железнодорожного состава и урегулирование железнодорожного сообщения, проходили быстро, постольку все остальные, в особенности вопросы о границах, затягивались неимоверно. Участники конференции играли положительно непристойную роль, будучи пешками в руках закулисного дирижера. Приводимый документ характеризует в достаточной мере эти взаимоотношения: Секретно. Г. Председателю мирной делегации Украйны С. Шелухину. Ввиду того, что в частном разговоре с министром иностранных дел председатель мирной делегации Раковский выразил желание разрешить возможно скорее вопросы, относящиеся к соглашению между Российской республикой и Украинским государством, считаем необходимым поставить вас в известность, что ускорение украйно-русских отношений возможно лишь после того, как по этому вопросу выскажется германское правительство[28]...

Но если дела конференции не подвигались вперед, то многочисленная советская делегация с большим успехом вела пропаганду и организацию тайных большевистских очагов. В октябре министерство внутренних дел обнаружило две большевистских крупных организации в Киеве и Одессе, находившихся в деятельных сно-

шениях с делегацией Раковского. После произведенных арестов и выемок, как в организациях, так и у самих делегатов, обнаружилось, что работа большевиков велась совместно с Украинским национальным комитетом и что посредниками между ними были... представители немецкой власти... Результаты этого скандального разоблачения были совершенно неожиданные: удаление по требованию немцев с поста министра внутренних дел Кистяковского и освобождение арестованных большевиков. Нужно было обладать поистине огромным самопожертвованием, неограниченным честолюбием или полной беспринципностью, чтобы при таких условиях стремиться к власти на Украйне.

Ведение самостоятельной внешней политики было тем более невозможно для Украйны, что, невзирая на наличность огромных военных запасов и людского материала, она не имела вовсе армии. Вооруженные силы гетмана состояли: 1) Из дивизии ген. Натиева, сформированной из добровольцев, стоявшей в Харькове, находившейся в подчинении у немецкого командования, совершенно разложившейся и впоследствии разоруженной немцами. 2) Сердюцкой дивизии (гвардейской), составленной по набору исключительно из сыновей средних и крупных крестьян-собственников и вскоре разбежавшейся. 3) Из охранных и пограничных сотен, несших службу первые — полицейскую в уездах, вторые — пограничную на западе. 4) Наконец, в августе, из Владимир-Волынска прибыла сформированная там австрийцами из военнопленных украинцев «1-я Украинская пех. див.», которая вслед за тем, ввиду непригодности, была расформирована.

Немцы всемерно противились организации украинской армии, считая ее опасной для себя, и допускали только существование ее кадров. Подготовка этих кадров — штабов без войск — шла планомерно и основательно. Предположено было создать 8 корпусов двухдивизионного состава и 4 конных дивизии. С условного согласия немцев готовился к обнародованию указ о мобилизации, и набор предположен был на 15 ноября. Точно так же готовились кадры «украинского флота», в состав которого должны были войти впоследствии разоруженные и охраняемые немцами русские суда Черного моря. Как известно, к этому времени наступили события, потрясшие Германию и поставившие Украйну безоружной перед лицом большевистского нашествия. Поэтому вопрос об украинской армии интересен лишь с бытовой стороны.

Офицерский состав ее был почти исключительно русский. Генералитет и офицерство шли в армию тысячами[29], невзирая на официальное поношение России, на необходимость ломать русский язык на галицийскую мову[30], наконец, на психологическую трудность присяги в «верности гетману и Украинской державе». Побудительными причинами поступления на гетманскую службу были: беспринципность одних — «все равно кому служить, лишь бы содержание платили», — и идейность других, считавших, что украинская армия станет готовым кадром армии русской. Так как истинные мотивы тех и других не поддавались определению, то в добровольчестве создалось резко отрицательное отношение ко всем офицерам, состоявшим на украинской службе.

Каковы же были истинные стремления гетмана и его правительства в центральном вопросе — об отношении к России? Было ли официальное исповедание разрыва с русской культурой и государственностью только личиной или искренним их убеждением?

Прежде всего в состав украинского правительства входили люди различных толков. Для одних самостоятельность Украйны была целью, для других — средством. Где — в средствах и целях — проходила грань побуждений личных, классовый, партийных, может быть, своеобразно понимаемых национально-государственных, для нас было и осталось неясным. Но вся совокупность фактов украинской действительности приводила нас к неизменному убеждению в беспринципности украинской политики.

Сохранение русской государственности являлось символом веры ген. Алексеева, моим и всей Добровольческой армии. Символом ортодоксальным, не допускавшим ни сомнений, ни колебаний, ни компромиссов. Идея невозможности связать свою судьбу с насадителями большевизма и творцами Брест-Литовского мира была бесспорна в наших глазах не только по моральным побуждениям, но и по мотивам государственной целесообразности. Идея эта не находила, однако, такого безусловного признания в глазах всей армии, как первая.

Эти положения легли в основу наших отношений к гетману. Ни ген. Алексеев, ни я не вступали с ним в сношения. Был только один случай, совершенно частный, когда я обратился к гетману как к русскому генералу с протестом против заключения немцами в киевскую тюрьму офицера штаба армии, подполковника Ряснянского. Ответа не последовало. Только с осени 18 года, когда обнаружилась близость катастрофы, висевшей над Центральными державами и, следовательно, над Украйной, гетман делал попытки через третьих лиц вступить в сношение с командованием Добровольческой армии...

Но вместе с тем командование не прибегало ни к каким конкретным мерам, враждебным гетманскому правительству. Наше участие в украинских делах ограничилось гласным осуждением гетманской политики, извлечением из Украйны русских офицеров, попытками приобресть там оружие и патроны, разведкой австро-германских сил и расположения и подготовкой мер для противодействия предполагавшемуся германскому наступлению против Восточного фронта и Добровольческой армии. Такими мерами признавались, в случае возникновения надобности, партизанская война в тылу немцев, разрушение мостов и железнодорожные забастовки[31]. Киевский железнодорожный комитет и ряд видных путейских инженеров обещали нам содействие в этом отношении. Много видных гетманских сановников и представителей генералитета присылали «с оказией» в Добровольческую армию уверения в своей верности русской идее. А более экспансивные, не раз, быть может, авантюристы, неоднократно «испрашивали разрешение» устроить в Киеве «дворцовый переворот». Приезжал в штаб армии делегат даже от гетманского конвоя... Всем им ген. Романовский категорически запрещал какие-либо выступления против гетманской власти.

Штаб Добровольческой армии не умел и не хотел вести политической интриги. Да и самый факт гетманства не казался угрожающим для национальной русской идеи. В годы, когда рушились вековые троны и сходили со сцены исторические династии, основание новых представлялось весьма проблематичным... В этом убеждении укрепляли нас и исторические прецеденты. «Малорусский народ, — говорит историк, — решительно не пристал к замыслу гетмана и нимало не сочувствовал ему. За Мазепою перешли к неприятелям только старшины, но и из них многие бежали от него, лишь узнали, что надежда на шведского короля плоха и что Карл, если бы даже и хотел, не мог доставить Малороссии независимости».

Для многих политических деятелей теперь, как и двести лет тому назад, хотя обстановка стала неизмеримо сложнее, решение украинской проблемы сводилось только к предвидению: Кто победит? Карл — или Петр. Гинденбург — или Фош.

Глава VI. *Крым*

Жизнь Крыма до конца 1917 года текла довольно мирно. В крае уживались рядом власти — правительственные, земско-городские и революционные (совдепы) — почти однородные по своему составу (с.-р. и с.-д. меньш.) и все одинаково бессильные. После октябрьского переворота собрание уездных и волостных земств и городов Таврической губернии создало центральную власть в лице Крымского краевого правительства — также из умеренных социалистов, во главе с кадетом Богдановым. Но собранный 26 ноября национальный совет татарского населения Крыма избрал татарский парламент (Курултай) и татарское правительство, которое также «взяло на себя защиту и управление татарами, так и другими народностями, населяющими Крым». Совместное существование двух «правительств», порождая трения в их взаимоотношениях, очень мало, однако, отражалось на жизни края, обособившейся резко в замкнутых рамках городов и сел. Одинаково шаткою была опора обоих правительств: у первого — полубольшевистские солдатские гарнизоны, у второго — немногочисленное «татарское национальное войско» — Крымский полк (конный) и пешие части, силою 2—3 тыс. чел. Оба правительства одинаково трепетали перед перспективой большевистского нашествия и заключили соглашение о взаимной поддержке против большевиков.

Гроза на этот раз шла не с севера, не изнутри, где настроение совдепов, профессиональных союзов, рабочей массы и даже солдатских гарнизонов было довольно умеренное... Судьба Крыма оказалась в руках Черноморского флота.

Уже в ноябре, под влиянием агитаторов, присланных из центра, матросы Черноморского флота свергли умеренный совдеп в Севастополе, поставили новый, большевистский и организовали в городе советскую власть. Номинально она находилась в руках сложной комбинации из совдепа, комиссариата и революционного комитета, фактически — всецело в руках буйной матросской черни.

С начала декабря в Севастополе начались повальные грабежи и убийства. А в январе Черноморский флот приступил к захвату власти и на всем Крымском полуострове. Описание падения крымских городов носит характер совершенно однообразный: «К городу подходили военные суда... пушки наводились на центральную часть города. Матросы сходили отрядами на берег; в большинстве случаев легко преодолевали сопротивление небольших частей войск, еще верных порядку и краевому правительству (правительствам?), а затем, пополнив свои кадры темными, преступными элементами из местных жителей, организовывали большевистскую власть»[32]. Так пали Евпатория, Ялта, Феодосия, Керчь и др. А 13 января пала и резиденция правительств — Симферополь.

За спиною матросской черни стояли ее вдохновители — элемент пришлый, часто уголовный и в огромном большинстве своем инородный. Состав агентов власти, говорит описание, «пестрит именами инородцев — латышей, эстонцев, евреев»... Большевистская власть за четыре месяца своего существования не умела насадить советский строй. Она только упразднила буржуазные учреждения, «социализировала», преимущественно в свою пользу, буржуазное имущество и уничтожала буржуазию. Страницы крымской жизни того времени полны ужаса и крови. Я избегаю вообще распространяться о «злодействах большевиков» — понятии, ставшем в наше время банальным и не возбуждающим уже острого чувства возмущения в опустошенных душах и зачерствелых сердцах. Но приводимое ниже описание[33] судьбы евпаторийской буржуазии и преимущественно офицерства весьма характерно для «методов социальной борьбы» и психологии матросской черни, заполнившей своим садизмом самые страшные страницы русской революции.

«После краткого опроса в заседании комитета, арестованных перевозили в трюм транспорта «Трувор». За три дня их было доставлено свыше 800 человек. Пищи арестованные не получали, издевательства словесные чередовались с оскорблением действием, которое переходило в жестокие, до потери жертвами сознания, побои. На смертную казнь ушло более 300 лиц, виновных лишь в том, что одни носили офицерские погоны, другие — не изорванное платье. Обреченных перевозили в трюм гидрокрейсера «Румыния»... Смертника вызывали к люку. Вызванный выходил наверх и должен был идти через всю палубу на лобное место мимо матросов, которые наперерыв стаскивали с несчастного одежду, сопровождая раздевание остротами, ругательствами и побоями. На лобном месте матросы, подбодряемые Антониною Немич[34], опрокидывали приведенного на пол, связывали ноги, скручивали руки и медленно отрезывали уши, нос, губы, половой орган, отрубали руки... И только тогда истекавшего кровью, испускавшего от нечеловеческих страданий далеко разносившиеся, душу надрывающие крики — русского офицера отдавали красные палачи волнам Черного моря»...

Властвовала только красная опричнина. Против них были и крестьянская, и рабочая среда, которая здесь, в Крыму, не переживала медового месяца большевистской власти, как это было в центральной России. Крестьяне охотно восприняли практику социализации, но не могли примириться с захватом пришельцами добра своего и помещичьего, которое также считали своим. Рабочие, невзирая на ряд специальных мероприятий новой власти — сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы и т. д., были, за редкими исключениями, ярко враждебны ей. Они видели, что наплыв в среду их массы безработных, по преимуществу городской черни, дезорганизует предприятия, что не они стали хозяевами, а пришлая власть, захватывающая бессистемно и орудия производства, и материалы, и фабрикаты — для собственного прокормления. Рабочие организации, не сочувствовавшие большевизму, преследовались; практика реквизиций и изъятий не миновала и домов рабочих. В перспективе ясно рисовался развал промышленных предприятий, дезорганизация рабочего класса и голод.

Татарское население Крыма, совершенно не принявшее большевизма, подвергалось таким же расправам, как и буржуазия; беспощадные к татарам сами, большевики разжигали, кроме того, национальную ненависть к ним среди русского

населения. К весне 1918 года царило уже всеобщее возбуждение против большевистской власти, как везде пассивное или выражавшееся в местных волнениях и в подготовке, совершенно, впрочем, не серьезной, активного выступления в среде заводских комитетов, профессиональных союзов, татарских и русских конспиративных кружков. Вопрос разрешился приходом германцев[35].

Если украинская политика немцев имела в своем основании создание длительной, на многие годы, политической и экономической зависимости Украйны от Германии, то в Крыму их интересы ограничивались временными военно-политическими и стратегическими условиями. По крайней мере так смотрела на дело главная квартира. Людендорф уверяет, что он «считал фантастическими идеи создания колониального немецкого государства на берегах Черного моря».... Еще менее германское правительство склонно было поощрять в этом отношении притязания Турции. Германской ставке необходимо было обеспечить себе безопасность сообщений в Черном море, которым угрожала Севастопольская крепость и непокорный центральной власти Черноморский флот. Крепость и порт были заняты поэтому германскими войсками 1 мая, а большая часть русских военных судов ушла в Новороссийск.

Немцы предъявили советской власти требование выдать им весь Черноморский флот «для использования во время войны в мере, требуемой военной обстановкой». Повеление совета комиссаров последовало, но было исполнено только частично: матросы, не имея желания поступить в распоряжение немцев, и еще менее — драться с ними, пустили ко дну часть судов. До сих пор на новороссийском рейде зловеще торчат из воды верхушки мачт — символ «патриотизма» черноморцев, столь же фальшивого, сколько и бессмысленного.

Иначе отнеслись немцы и к государственному устройству Крыма. Об отторжении его от Российского государства объявлено не было. Русский генерал Сулькевич, по происхождению литовский татарин, избранный немцами, вместо ханского титула принужден был удовлетвориться званием премьер-министра Крымского краевого правительства. В декларации, одобренной немецким командованием, Сулькевич определял целью образованной им власти «сохранение самостоятельности полуострова до выяснения международного положения его и восстановление законности и порядка».

По условию с советским правительством Германия обязалась очистить Черноморский район после ратификации договора между Россией и Украйной. Поэтому переговоры между Шелухиным и Раковским в Киеве умышленно затягивались немцами. Гетман предъявил требование о полном слиянии Крыма с Украйной, посягая на три северных хлебородных уезда Таврии, и устанавливал экономическую блокаду полуострова. Сулькевич через одного из своих министров, командированного в Берлин гр. В. Татищева, добивался признания независимости Крыма и защиты его от Украйны. Сбитая с толку крымская общественность[36] видела выход «в объединении Крыма с Украйной на условиях широкой автономии», полагая, что «путь объединения с Россией лежит только через Украйну». Германское правительство встретило холодно миссию Татищева и «в связи с настоящим международным положением» не сочло для себя возможным «объявить о признании государственной независимости Крыма»; а в отношении столкновения с Украйной советовало уладить вопрос личными переговорами гр. Татищева с украинским премьером Лизогубом[37].

Политика крымского правительства была такого же правого направления, как и гетманская, встречая оппозицию в социалистических и либеральных кругах земских и городских собраний; весьма, впрочем, лояльную, благодаря наличию всесильных немецких штыков. Правительственная политика не носила официальных признаков национального шовинизма. За кулисами шла, однако, нелепая политическая игра объединенных в своих стремлениях Сулькевича, «Курултая» и татарской группы правительства. Айвазов, уполномоченный представитель Сулькевича в Константинополе, вел переговоры с Блестящей Портой об отторжении Крыма от России и присоединении его в той или другой форме к Турции... Д. Сейдамет, крымский министр иностранных дел, представлял германскому правительству в Берлине шовинистическое обращение «Курултая» от 21 июля. Это обращение, подписанное А. Хильми[38] и Хасаном Сабри[39], заключало в себе следующие положения:

«Крымско-татарский народ, который 135 лет тому назад подпал под русское иго», надеялся на помощь Германии, «опираясь на сулящие мусульманским странам счастие исторические высокие цели Его Величества Высокого Государя Вильгельма». «Несмотря на то, что Русские в течение 135 лет грабили имущество татар и оскверняли их святыни... численный состав крымских татар все-таки не мог быть поколеблен; равным образом никакие притеснения не могли заставить их забыть то уважение, которым пользовалось господство их предков, пред коим некогда склонялась Москва»... Далее идет описание национальных подвигов: «Во время революции, когда ни у одного из населяющих Россию народов не было заметно национального движения, крымские татары заявили 25 марта на конгрессе о своей национально-гражданской автономии и реквизировали вакуфные земли... 8700 десятин и 1 миллион рублей»...

Скромное описание своего «международного» положения: «Несмотря на поражение в борьбе с большевиками, «крымско-татарский народ, опираясь на свое великое национальное самопожертвование и чувство владычества, стал играть в судьбах страны решающую роль»... Исходя из этих соображений, «крымские татары желают восстановить в Крыму татарское владычество... преобразовав Крым в независимое нейтральное ханство, опираясь на германскую и турецкую политику». И, наконец, апофеоз: «В то время, как Россия, великий исторический враг (турецкого и мусульманского мира) погибла, и дорога в Индию, свободная для Германии, поколебала твердыню Англии, мусульманский мир находил силу в твердой решимости тех магометан, которые в Крыму и на Кавказе в течение столетий были лишены чести иметь право умереть за свои стремления и надежды»...

Я не стал бы приводить таких пространных выдержек из откровения людей, лишенных элементарного такта и грубо невежественных, если бы оно не было карикатурным отражением тех приемов и стремлений, которые присущи представителям многочисленных новообразований, возникших на развалинах России. Не народные массы, а именно люди, вынесенные волною революции на мутную поверхность вскипевшей до дна народной жизни, принесли с собою такую ненависть к России. Искажая перспективу и причинную связь исторических событий, порывая родственные связи, игнорируя тесные экономические взаимоотношения, мешая прошлое с настоящим и отождествляя русскую власть с русским народом, они приняли на себя роль суровых и пристрастных судей России, ее истории и народа. Их голоса раздавались громко в парламентах, радах, кругах, меджилисах, сфатул-цэриях, курултаях, в приемных иностранных политических деятелей всех стран, в отечественной и мировой печати. Они с большим упорством и старанием углубляли могилу, вырытую советскою властью для погребения русской государственности — могилу, в которой часто хоронились и их непрочные новообразования.

Поддержка «Великого Государя» и «Высокочтимого халифа» оказалась непрочной. Осенью 18 года Центральные державы пали, увлекая в своем стремительном падении кесарей и троны, погребая под обломками много безумных надежд и фантастических планов. Изменилась и судьба Крыма.

Немецкий генерал Кош письмом на имя Сулькевича от 3 ноября заявил, что он от дальнейшей поддержки его отказывается. И Сулькевич 4 ноября телеграфировал мне в Екатеринодар: «Развал среди германских войск идет полным ходом... Ввиду отсутствия вооруженной силы, формировать которую немцы категорически запрещали в Крыму, нет никакой опоры для борьбы... Возможны вспышки и повторение неистовств большевиков... Обстановка ясно говорит за необходимость быстрой помощи союзного флота и добровольцев... Ввиду борьбы и сильной агитации левых партий, кабинет мой слагает свои полномочия, уступая место коалиционному министерству из кадет, социалистов и татар»...

Генерал Сулькевич отбыл в Азербайджан, чтобы там продолжать в роли «военного министра» свою русофобскую работу, а новое правительство г. Соломона Крыма, вышедшее из недр Таврического губернского земского собрания, обязалось «всеми силами содействовать объединению расколовшейся России»[40].

(Продолжение следует)

Примечания

1. События в Бессарабии описаны главным образом по материалам «Одесского комитета спасения Бессарабии».
2. Например, Катареу, русский дезертир, член румынской охранки, назначенный «Сфатул цэрием» (см. ниже) начальником Кишиневского гарнизона.
3. По статистическим данным, молдаване составляют 47,58% населения губернии.
4. Румынский премьер.
5. *Румынской и русской нового формирования.*
6. Доклад командированного в Яссы полк. Крейтера от 18 сент. и письмо ген. Щербачева от 4 ноября 18 года.
7. Рапорт королю министра юстиции Мителенеу.
8. Любопытно, что анкета, произведенная в конце 17 года среди родителей учащихся в Кишиневе, дала 91,9% за русский язык.
9. Проект Бискупского о массовой закупке американскими банками земель Украйны и Новороссии, затем парцеляция и перепродажа землевладельцам (Одесса).
10. Аналогичный проект южно-русск. земельных собственников (Екатеринодар).
11. Разговор был тогда же запротоколен.
12. «Daily Meil».
13. «Генеральный комиссар французской республ.», ген. Табуи.
14. Киев занят немцами 16 февр., Харьков — 23 марта, Ростов — 25 апр., Одесса занята австрийцами 27 февр.
15. 60 милл. пудов хлеба, $2^{3}/_{4}$ милл. пуд. живого веса скота, $37^{1}/_{2}$ милл. пуд жел. руды, 400 милл. яиц и т. д.
16. Донесение украинского посла бар. Штейнгеля от 7(20) июня из Берлина министру иностр. дел Украйны. См. ниже.
17. Сообщение от 25 апреля.
18. Начальник штаба фельдмаршала Эйхгорна.
19. Союз промышленности, торговли и финансов.
20. Письмо из Ростова в Москву от 25 мая.
21. Беседа ген. Х. с Шульгиным.
22. Доклад Шульгинской организации от 5 июня и свидетельство А. В. Стороженко.
23. Киевские «Последние Новости» 11 октября.
24. Договор от 5 апреля?
25. Доклад киевского представителя 14 окт. № 6.
26. Телеграмма на мое имя министра иностр. дел Афанасьева 16 ноября.
27. Из письма Милюкова.
28. Сношение министра иностранных дел Д. Дорошенко от 2 сентября 18 года № 2184.
29. Генеральный штаб, например, был представлен столь широко, что часть обер-офицерских должностей занимали подполковники.
30. Один из офицеров украинской службы рассказывал о порядке делопроизводства: начальник пишет бумаги на русском языке и дает ее переводить писарю. Последний берет словарь Толпыго, подыскивает украинские слова и, не зная оборотов речи, склоняет и спрягает их по-русски... Интересно, что сношения с немцами приказано было вести только на русском или немецком языках.
31. Июльская забастовка украинских дорог, состоявшаяся на экономической почве, показала наглядно, в каком тяжелом положении могут очутиться немцы, разбросанные на огромном протяжении.
32. Из трудов «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков».
33. Из трудов «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков».
34. Немичи — семья палачей.
35. Группа ген. Коша из трех пех. дивизий и бригады конницы.
36. Съезд представителей земских управ и городских голов Крыма.
37. Сношение германского министра иностранных дел 26 авг. № 35541/123046.
38. «Генеральный директор Крымско-татарского национ. совета».
39. «Президент Крымско-татарского парламента».
40. Из доклада Таврической земской управы Таврич. земск. собранию от 17 октября.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Мои заметки

Ю. В. Готье

19 марта / 1 апреля. Идет снег, на душе холодно, в квартире тоже. Сейчас было здесь несколько представителей академического мира и в том числе два последовательных ректора Московского университета за 1911—1918 гг.[1] Говорилось много интересного; мнением московского академического мира кто-то интересуется. Днем заседание факультета в воссоединенном виде; увы, по-видимому, не надолго. Мы приветствовали наших младших товарищей; они приветствовали нас, но вся эта идиллия была омрачена подтверждением известия, что историков все-таки передают на новый факультет; показывали и список тех, кто будет туда назначен. Меня в этом списке опять нет; зато есть все ихние — Нахамкес, Гольдендах и tutti quanti[2].

Во мне борются несколько чувств; мне жаль, что моя деятельность в Университете прервется, но разум мне говорит, что для меня не может быть ничего выгоднее, как, будучи избранным советом и теперь по-большевически переизбранным на основании всероссийского конкурса, не быть назначенным большевиками на их факультет-вертеп, в котором пришлось бы заседать с лицами, до которых не хочется дотрагиваться. Пока останусь профессором 2-го университета[3], а там будет видно. Если ничего не изменится летом, все равно один выход — вон отсюда. При создающемся положении вещей — еще одним якорем меньше; это очень хорошо.

20 марта / 2 апреля. Сегодня первый день оттепели, но весна подвигается лениво. Купили пуд муки за 1300 рублей, вследствие чего начинаем влезать в долги. Большевики открыли, как они пишут, новый заговор, в котором обвиняют с.-р. и с.-д. [4] La vermine s'entremange[5]. Вопрос о факультете общественных наук стоит открытым; говорят, они будут назначать прямо на кафедры; когда наш бедный Университет станет вертепом, не будет уже никакой радости быть в нем профессором. Я решил поэтому не предпринимать ничего для того, чтобы быть членом нового факультета, тоже вертепского характера.

21 марта / 3 апреля. В Москве царит какое-то беспокойство; строгости для пропуска в Кремль; вчера они написали, что открыли какой-то заговор, и, говорят, вновь идут аресты; рассказывают, что где-то кто-[то] выкрал оружие; словом, очередная волна волнений. Военная сводка очень для них неудачная[6]. С сегодняшнего дня вся Москва поплыла от оттепели.

22 марта / 4 апреля. День без больших впечатлений; каждое утро наслаждаюсь в Архиве Министерства Иностранных Дел, изучая дело Волынского, чтобы выяснить все, что можно, о его генеральном проекте; это — лучший час в течение всего дня. Общее положение все то же — большое беспокойство внутри и толчки с востока.

23 марта / 5 апреля. Натиск продолжается; говорят, занят Сарапул, тогда, значит, в опасности ружейные заводы Ижевский и Воткинский[7]. Беспокойство продолжается; однако, возможности московских выступлений, по доходящим слухам, или ликвидированы или отло-

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, №№ 6—12, 1992, № 1.

жены[8]. Сегодня А. Н. Савин сообщил мне, что мое невнесение в списки профессоров общественного факультета объясняется тем, что тов. Покровский полагает, что мои обязанности по Музею слишком сложны (sic!). Однако новейшая фаза та, что мне предлагается кафедра археологии. Я продолжаю стоять на моей прежней точке зрения и предоставляю им делать с собою, что им угодно.

26 марта / 8 апреля. Взяли Одессу, вероятно, потому, что никто не хотел ее защищать[9]; все-таки, политика союзников мне представляется совершенно непонятной; то начнут, то бросят; относительно русского юга, я, однако, не смотрю безнадежно; его завоевание обеспечивает или, точнее, укрепляет вопрос о единстве России. Вчера я должен был предпринять путешествие на Ярославский вокзал и в Машков переулок, откуда принес 23 фунта хлеба, $4^1/_2$ фунта соли и $18^1/_2$ фунтов ржи; на спине у меня был альпийский мешок, а в руках два других мешка; так профессор гуляет по Москве.

Университетский вопрос превращается все в большую и большую кашу. Большевики, т. е. Покровский и К°, упразднили обе наших исторических кафедры[10] и заменили их какими-то фантастическими; предполагается еще какое-то совещание, но все сходятся на том, что лучше простое назначение, какое они теперь замышляют, чем та фикция соглашения, которая предлагалась ранее. На улицах Москвы происходит нечто совершенно невообразимое — сплошная лужа, через которую переходят только те, кому выходить из дому необходимо.

27 марта / 9 апреля. Натиск с востока продолжается[11]; зато взята Одесса; по рассказам, идущим от немногих людей, проникающих сюда извне, большевизм — зараза для всякого солдата и для всякой усталой армии; иностранные войска на юге России разлагаются под влиянием большевизма, да еще усиливаемого пропагандой и подкупом. Вот, быть может, секрет неуспеха всяческих интервенций.

28 марта / 10 апреля. Все то же; есть беспокойство; некоторые комиссары, говорят, увозят семьи на юг. Собирались в бывшем помещении портнихи Ламановой и, совместно с юристами и экономистами, обсуждали свою судьбу под председательством ех-члена Временного правительства С. Н. Прокоповича[12], который сегодня удивительно напоминает старушку на паперти, просящую прохожих; собрание это вообще было и жалким и смешным. Я думаю, что вообще нужно предоставить им все, что возможно и что они желают; все равно при теперешнем положении нам остается только терпеть и сгибать спину. От бесконечной ходьбы ноги совершенно отказываются повиноваться; чувствуется страшная усталость, еще увеличиваемая московскими путями сообщения или, точнее, их полным отсутствием. Сегодня поданы докладные записки о заграничной командировке. Выйдет ли что-нибудь из этого начинания?

31 марта / 13 апреля. Я стал записывать менее аккуратно; причина — необычайное скопление дел, ненужных, неважных, но наплывающих в такой куче, какой мне никогда и не снилось. Вчера Нина и Володя отправились к Троице[13]; не знаю, надолго ли и будет ли это предприятие удачным. Я должен был ехать сегодня, но из-за Музейских дел придется остаться до завтра. Большевики бьют тревогу, как они давно не били — все против Колчака! Таков лозунг; удастся ли им и на этот раз вывернуться или же перевернется новая страница нашей многострадальной истории? Вчера я ездил снова в комиссариат для дела будущей командировки за закупкой книг; прием любезный, но говорят, что из РСФСР кроме как при помощи Международного Красного Креста, не выедешь[14]. Будем искать этой помощи.

Затеяли новое дело: издательство по истории совместно с российскими кооператорами; в пятницу 11-го сидели по этому поводу в Народном банке, причем я впервые видел пресловутую Кускову[15]: вздорная, но не глупая баба, привыкшая, чтобы с ней считались. Если не помешают посторонние дела, то это предприятие может пойти; придется писать и самому, чтобы иметь хлеб насущный. Вчера вечером ходил к Храму Спасителя ко всенощной; приятное чувство в этой громаде, полной народа, несомненно чуждого большевизму. По университетскому вопросу новостей нет. Было или не было назначений в факультет общественных наук — я и не знаю.

3 / 16 апреля. Сергиев Посад[16]. Экспедиция сюда, проектированная едва ли не несколько месяцев назад, состоялась. Нина и Володя приехали в субботу, 30/12, и устроились в маленьком обывательском домике, за Лаврой, на Штатной улице, в сравнительно демократическом квартале Посада. Такое предприятие в прежнее время было бы невероятным и немыслимым. Мы проводили Пасху в Крыму; раньше я проводил ее в Петербурге, Киеве, деревне и т. п.; теперь, чтобы немного отойти от ужаса московской жизни, мы спрятались в убогой, хотя и чистой комнатке посадского бывшего полотера и его жены и невестки, бывших вышивальщиц, и сына, бывшего живописца[17], а теперь милиционера; так и здесь все меняется и все приходит в упадок.

Чтобы приехать сюда, мне пришлось на себе притащить ношу около 2-х пудов, быть может, даже больше; я пронес ее с Моховой до вокзала и здесь по Посаду, ночью, спускаясь и подымаясь по здешним горам и оврагам среди ручьев и луж; я был очень доволен, что мог сравнительно легко проделать это; значит, и в этом деле мы можем не зависеть от горилл. В поезде не было чрезмерной тесноты, но произошло какое-то крушение; мы стояли 5 раз по 15—30 минут; в последний раз перед самым Сергиевом, и в конечном счете поезд, вместо 2 часов, протащился 4, так что пришлось будить и Нину и хозяев, чтобы они меня пустили.

Вчера ходил на рекогносцировки; изучение местности показало, что здесь голоднее, чем в Москве; однако можно достать много молочных продуктов, хотя и по жестоким ценам; хлеба нет; картофеля с трудом купил пуд; кое-как продовольствие все же обеспечено; боюсь только, что не хватит денег; это вечный кошмар теперь. Мы приехали сюда сейчас же после вскрытия мощей преподобного Сергия[18]; здесь ходят слухи, что хотят даже увезти мощи и закрыть Лавру; но по наружности здесь все спокойно; народ безмолвствует, хотя, конечно, недовольство, по всем данным, существует; но оно скажется, если будут перемены; тогда эти безмолвные гориллы будут пороть животы и вязать руки большевикам всякого рода, вида и происхождения. Погода дивная, насколько она может быть дивной в рахитической русской природе; солнце греет и морит; несмотря на жесткую постель, я спал 12 часов и готов спать бесконечно долго и много.

Записываю еще одно московское впечатление: я стоял полтора часа в казначействе, чтобы получить Музейский аванс в 25 000 рублей, дабы быть и казначеем библиотеки. Я получил только пять; так получили все, кому должны были выдать более десяти тысяч: власть остается даже без своих бумажных денег; заминка, говорят, не первая, но в данный момент очень сильная. Здесь московские дела и интересы несколько отошли на задний план, даже о заграничной поездке думается меньше, так же как и о новостях общего характера; впрочем, это только так, временное затишье, пользуясь которым надо набраться сколько-нибудь физических и моральных сил.

4 / 17 апреля. Оба дня я поглощал книги — стратегический очерк войны за июль — август 1914 года, составленный кем-то из нынешних военных ликвидаторов, но умно и толково, и «Мистер Бритлинг» Уэллса[19], одну из самых умных книг о войне, которые мне приходилось читать. Они навеяли во мне много мыслей: воспоминание о жгучем беспокойстве и жгучих ярких надеждах начала войны, когда казалось, что, несмотря на все недочеты, на все отрицательное, Россия нашла себя; очерк войны дал мне много объяснений и подтверждений того, что я всегда называл «кавалеризмом» в нашем ведении войны: вожди-кавалеристы заставляли пехоту воевать по-кавалерийски и истощали ее; глупость поражения Самсонова и Ренненкампфа в августе — сентябре 1914 просто поразительна; автор винит в этом главным образом Жилинского[20]; но мой разговор с Жилинским указал мне, что не один же виноват (см. выше); уж не сводит ли автор личные счеты с Жилинским? Ведь это было бы «так по-русски». И Галицийская битва — лучшая наша победа в войну — далась нам куда труднее, чем казалось в то время; столько глупости и столько нерасчетливости делают весьма понятным, почему у нас так скоро не хватило пороху.

С другой стороны, чтение книги Уэллса многое объясняет в медленности и неподготовленности союзников, в том, что они затянули войну и тем дали нам выдохнуться ранее, чем это было желательно. Интересна и психология англичан: и они склонны ругать себя и всех своих и бичевать себя за свои недочеты; наконец, очень интересны мысли о том, что расплатой за всяческую спекуляцию во время войны будет революция; не дай Бог, чтобы она была где-нибудь еще: ведь если революция и вправду сводит счеты со спекуляцией, то на место сверженных спекулянтов она возносит других, которые именно на революции строят свои спекулятивные расчеты и ловят в мутной воде рыбу еще успешнее, чем их предшественники; опыт нашей страны доказывает это лучше всего.

Были в Троицком соборе у обедни и прикладывались к обнаженному скелету преподобного Сергия; его оставляют в том виде, как он получился при вскрытии; как я сегодня узнал, это делается нарочно и, по-моему, правильно; говорят, что и врачи вскрывавшие признали скелет лежавшим 500 лет, а найденные желтые волосы — седыми, но пожелтевшими от времени; таким образом наши попы, взявшись за ум и оставляя мощи не закрытыми, правильно хотят показать: глядите, мы не скрываем того, что было и что есть, и этим они, конечно, не только не ослабят, но усилят религиозное чувство.

После церкви долго сидели на лестнице Лаврской колокольни; но нет во мне ни религиозного, ни исторического чувства; переживаемое вытравило во мне и то и другое; против Лавры горели ряды, полные реквизированного товара; говорят, загорелось в лавке, где была обувь, предназначенная для выдачи населению; вероятно, товарищи раскрали и подожгли —

иллюстрация вышеприведенной мысли о спекуляции; население равнодушно смотрело на пожар и не заботилось о его тушении — пришлось слышать много разговору на тему, что ранее, где пожар, то сейчас же тушили, потому что свое было, а теперь некому и не для кого. Завершили прогулку блинами, заплатив за 10 штук (отличных, правда, блинов) 30 рублей; это характерно для экономической оценки момента. 12 Евангелий стояли в Академической церкви; публика здесь более изысканная, нежели в Троицком соборе; отличное чтение, но убийственный холод; встретили молодое поколение академической профессуры, перекочевавшее в Москву — К[а]пт[еревых] и Гол[убцова (или -ых?)][21], которые сообщили хорошие известия.

5 / 18 апреля. Продолжаю отсыпаться — опять 12 часов подряд; вечером от 5 часов в Лавре; дивный день и такой же дивный вечер; с балкона трапезной чудесный вид в сторону Вифании[22] с теплыми весенними тонами; бодрит и внушает какую-то смутную надежду, которую в себе тут же заглушаешь. Курьезная подробность, здесь слышанная: местные большевики не устраивают куличей и пасху, но справляют праздник пирогами с вареньем, чтоб отличаться от обыкновенных людей. Мне нравится здесь обиход Страстной, особенно вчера — вынос плащаницы из одной церкви в другую; несмотря на уничиженность Лавры и академии, все это хранит свою большую и древнюю красоту.

Я ловлю себя на сравнении этой Пасхи с прошлогодней, такой же большевистской, которую мы проводили в Пестове. Тогда у меня не было никаких надежд до четверга, когда я узнал о перевороте на Украине и о провозглашении гетмана; я думал тогда, что в этом — залог спасения России; но я очень и очень обманулся; прошел год самых невозможных мытарств, страданий и разрушений, и все-таки, несмотря на то, что сейчас положение еще хуже, чем год назад, у меня есть еще какая-то надежда на то, что это может измениться вследствие внутреннего перелома, именно теперь намечающегося как результат не только преступлений, но и глупости большевиков; они упустили народ, и его глупое и тупое сочувствие к ним не вернется; вот что, как мне кажется, дал этот год. На этой почве возможна и национальная заря с востока[23], без немцев и даже без союзников; если она придет, то тем крепче и яснее она будет, но придет ли она, это я не знаю и сказать не могу.

6 / 19 апреля. День по службам; литургия Великой Субботы в Троицком соборе с его подкупающей древностью: «Воскресни, Боже» Бортнянского напомнило мне старые времена, когда мы с мамой регулярно, из года в год, выстаивали службы у Храма Спасителя. Встретил Каптерева, который сообщил мне, что через Сергиев прошел на Вятский фронт поезд Троцкого; по слухам, у Вятки растерянность и бегство[24]. Погода серая и не слишком теплая; вторую половину дня сидим дома, немного занимаемся, отдыхаем и озабочены распределением нашей скудной пищи по рационам.

7 / 20 апреля. Заутреня в Лавре; во многих местах мне приходилось встречать Пасху, но обстановка Лавры имеет свою прелесть, несмотря на уничижение, в котором теперь пребывает и Лавра и академия; мы простояли почти всю заутреню и, шлепая по грязи, вернулись домой и разговелись скромными куличом и пасхой, которые никогда мне не казались такими вкусными, как этот раз, хотя в последние годы я иронически нередко называл пасху замазкой; а кулич этого года похож на те куличи, которые ранее можно было получить в булочных готовыми за 80 копеек — с малым количеством сдобы. Сегодня после позднего и сытного завтрака (я подчеркиваю это свойство, потому что в нем выражается вся суть переживаемого момента), мы отправились в гости к Каптеревым и к Голубцовым и отлично провели время до 9 часов вечера. По Посаду ходили группами обыватели, чувствовалось праздничное настроение, что мало вязалось с нашими ощущениями (по крайней мере с моими).

Из общих известий узнано было мало; на железной дороге усиленное движение взад и вперед; слухи об эвакуации Костромы; на чем они основаны, не знаю; видели поезд, шедший к Москве с автомобилями — как будто эвакуация с севера — и другой, шедший на север, с пулеметами — вот и разбери их; вероятно, путаница, без которой ни они, ни те, кто до них был, не могут обойтись. У Каптеревых познакомился с П. А. Флоренским [25]; он, кажется, интересный человек. С молодым поколением посадским, т. е. с И. А. Голубцовым, моим учеником, и с Каптеревыми время прошло очень скоро в оживленной и приятной беседе; я многое выяснил себе в теперешнем положении Лавры и ее главной святыни, которой, по-видимому, грозят дальнейшие осложнения из-за деятельности группы евреев, вертящих русскими дураками на тех «электокурсах» [?], которыми захвачена академия. Очень курьезна беспечность высшего Лаврского начальства и московского патриаршего управления: в вопросе о мощах они уподоблялись страусам, прячущимся в собственные крылья. Кажется, более всего энергии и деятельности проявляла и проявляет та самая светская университетская молодежь Лавры, с представителями которой мы вчера проводили время.

8 / 21 апреля. Целый день дома, не выходя на воздух; здесь довольно тепло, а наруже северный ветер, холод, дождь, а под конец снег; уединение отлично действует на нервы; новостей и известий — абсолютно никаких; чтения и заботы о еде — обеде и ужине и о том, хорош ли выйдет хлеб, который Нина сама печет; таковы занятия профессорской семьи, проводящей Пасху у Троицы в 1919.

9 / 22 апреля. Сборы на железную дорогу; решаюсь ехать сегодня днем, потому что идти по слякоти на утренний поезд уж очень неприятно. В Москве сумма полученных известий в общем удовлетворительна. Движение с востока не меняет своего характера; это — самое умное и самое сильное из движений, направленных против Совдепии, но скорых результатов оно, конечно, принести не может; нигде я не чувствую так остро презрения к русскому народу, как едучи по железной дороге: гнусные физиономии, грязь, разговоры о пайке, о прелестях или о невыгодах современного режима — вот все, что слышишь.

10 / 23 апреля. Окунулся в Московскую жизнь; она так и шибанула в нос своей мерзостью. Начать с того, что я остался совсем без денег; аванса, из которого я, между прочим, должен был получить также и уплату себе, т. е., точнее, Нине, я не получил; всю наличность уплатил за припасы, добытые в архивном управлении, и теперь надо добывать денег, чтобы прожить наступающую неделю. Во-вторых, я погрузился во всю бездну противоречивых слухов о движении с востока; от пессимистов до оптимистов целая пропасть: одни ни на что не надеются, другие готовы на завтра ожидать избавления; все это создает такую неразбериху, что чувствуешь, как сам тупеешь, и не знаешь чему верить или чего ждать.

Вечером, вместе с А. А. Борзовым, потерял 4 часа в «малом совнаркоме»[26], где должны были пройти штаты библиотеки Румянцевского музея. Он помещается в бывшем кабинете товарищей прокурора палаты; рядом в комнате, выходящей на лестницу, помещается род приемной, где наставлено несколько стульев и кресел, натасканных из всех комнат здания судебных установлений, которое показалось мне сегодня таким бедным, несчастным и сиротливым. Поразительны физиономии, которые проходили в комнату малого совета и толпились в приемной — неинтеллигентность так и дышит в них; ужас берет от мысли о том, кто нами правит. Нам, однако, так и не удалось «быть впущенными» в августейшее собрание; 3 часа ушли у них на рассмотрение вопроса о какой-то сельскохозяйственной переписи, после чего нам было сообщено, что «малый совет не ужинал», и что наш вопрос сам тов. Покровский постарается провести за этим ужином.

Наше длительное ожидание прерывалось двукратной беседой с диктатором русского просвещения, весьма «милостиво» к нам настроенным; очень характерны были его со смехом сказанные слова, как в Харькове университет попал под неограниченную власть 7 студентов — «студенческую диктатуру». Что это — садизм или что-нибудь другое? Единственным результатом посещения Кремля была подкова, большая и отлично сохранившаяся, которую я поднял среди Сенатской площади, кстати сказать, пропитанной вонью и загороженной забором от ворот Арсенала до половины площади и до Никольских ворот; из-за забора видны обломки Васнецовского креста на месте убийства Сергея Александровича[27].

12 / 25 апреля. Два дня отчаянной беготни по Москве по мелким делам и для добычи денег. Наиболее интересным был мой визит в иностранный отдел Красного Креста, помещающийся в Эрмитаже[28]; как странно быть в этом капище московских обжор и вообще как противно видеть здание, приспособленное для одной цели, вдруг переделываемое для другой; запустение, грязь, чувство чего-то оставленного, забытого, брошенного, сломанного. Разговор с заведующим иностранным отделом, нашим приват-доцентом Коровиным[29]; поездка, быть может, и не безнадежна, но вопрос о ней труден и сложен и, в конце концов, зависит от финляндского сената, к которому и придется обратиться с просьбой о допущении в пределы Несовдепии чрез посредство датчан и норвежцев.

В академических делах нового мало; в пятницу должно было быть организационное собрание «факультета общественных наук», но оно отложено, потому что, по словам Покровского, «наши» еще не сговорились и не составили своего списка, и переговоры комиссариата с ними затянулись. 11-го [24-го] вечером собрание у Бахрушина, где был весь состав русских историков, а также Савин и Егоров. Бахрушин мне нравится все больше: это очень тонкий, умный и талантливый человек, которому предстоит большое будущее, если вообще у русских людей есть какое-нибудь будущее. На общем горизонте все то же: для людей нетерпеливых все кажется погибшим, потому что наступление[30] идет не достаточно скоро; для пессимистов самая медленность его возбуждает сомнения; но географическая карта должна рассеять всякие сомнения: при самых благоприятных условиях дело может подвигаться только медленно; на западе поляки взяли Вильну. Эти, наверно, постараются ее не возвращать[31].

13 / 26 апреля. Опять день в Троице; первая гроза, в промежутках между дождями прелестная весенняя погода; возникает вопрос об устройстве здесь на все лето или, по крайней мере, до того момента, когда можно будет предпринять что-нибудь новое и определенное. День отдыха без новостей и известий. Говорят, что и здешние комиссары не то разбегаются, не то сменяются.

14 / 27 апреля. Они сообщают об успехе над Колчаком; этот успех не слишком велик, даже совсем незначителен[32]; однако все же пробуждаются самые пессимистические мысли о будущем; быть может, сорвется и эта, последняя, надежда, и тогда перед нами годы разорения, смуты, анархии, из которых не будет никакого исхода. Решили провизорно летний вопрос и сняли две комнаты у А. А. Тихомирова[33] (думал ли я когда-нибудь, что буду жить под одним кровом с этим противным «маркизом»?) в доме Каптеревых; очень хороша обстановка дома и сад; это будет что-то вроде житья в Воскресенске[34]; рядом леса и поля по направлению к Вифании и Черниговке. Мне кажется, что при наличных условиях это одно из лучших разрешений вопроса.

15 / 28 апреля. Возвращение в Москву. Информация довольно удовлетворительная: сегодня состоялось первое заседание факультета общественных наук; по словам Егорова, это был сплошной кабак; они отказывались от чтения курсов, являли себя полными невеждами в деле университетского преподавания[35]. Жалею, что не был на этом гнусном, но, видимо, забавном зрелище.

16 / 29 апреля. Четыре часа стоял в очереди в Гос. банке, чтоб получить 20 000 аванса на музейские приобретения. Банк заплеван, загажен; очередь к комиссару — мальчику лет 25 — человек 70 до меня и человек 40 за мной; наслушался всяких недовольств по отношению к большевикам; недовольство назрело, готово; с востока дурные вести; под Оренбургом товарищи хвалятся победой над Колчаком. Интересно было бы выяснить соответствие между действительностью и тем, что на самом деле произошло.

18 апреля / 1 мая. Вчера ходил в датский Красный Крест — единственное официальное иностранное учреждение, существующее в Совдепии. Прием очень любезный, готовность содействовать осуществлению экспедиции за книгами; относительно данного момента — указание, что «les relations sont très tendus» между РСФСР и Финляндией, «mais peut-être que ça s'arrangera»[36]; впечатление, что дело не безнадежно, но пройдет не мало времени и хлопот, пока оно сделается. О победах на востоке больше ни слова[37]; получается впечатление, будто это какое-то раздутое известие, рассчитанное на 1-ое мая. Очередные слухи о каких-то осложнениях с Финляндией — вообще с северо-западом, который будто бы более опасен для Совдепии, чем все остальное[38]. Идя пешком от датчан из Пименовского переулка[39] на Ярославский вокзал, чтобы ехать к Троице, видел толпу несчастных, отправляемых из ВЧК в Бутырки; зрелище грустное и тяжелое. В поезде толпа людей, из коих часть, наверно, желает провести 1-ое мая вне Москвы.

19 апреля / 2 мая. Москва. Известия, в общем, удовлетворительны. 1-ое мая прошло, как будто, вяло; похвальбы победами нет. На железной дороге опять пришлось слышать ругань и только ругань. Был опять в Гос. банке, чтобы опять выстаивать свой аванс; после новых 3 часов, я получил, наконец, эти деньги. Вся функция Гос. банка, кажется, сводится теперь к выдаче бесчисленного количества керенок[40] и 250-рублевиков; все остальное замерло. Говорят, что у большевиков особенно расстроена продовольственная организация на Восточном фронте; думали питаться хлебом Заволжья, а вместо того получили шиш.

22 апреля / 5 мая. Двое суток у Троицы; отличная прогулка по лесам и полям в воскресенье, 4/21; 15 буржуев и буржуек, выбравшихся из ужасной и отвратительной Москвы, забыли на несколько часов переживаемые горя и испытания и наслаждались убогой русской природой; мне было очень жаль этих бедных буржуев и буржуек, когда им ночью пришлось идти на поезд, чтобы не опоздать на советскую службу. Удивительно кроток и покорен судьбе русский интеллигентный буржуй; среди этой компании были очень богатые люди и очень богатые женщины, и все они удивительно просто примирялись со своей судьбой; я не знаю, хвалить ли их за философское миросозерцание или же презирать за рыхлость. Жизнь все запутывается; осложнения на западе и северо-западе, несомненно, увеличиваются; а их победы на востоке оказываются блефом[41].

23 апреля / 6 мая. Положение без перемен. Был в датском Красном Кресте; отказа опять нет. Уполномоченный, Dr. Martini несомненно, очень большой и искусный дипломат; надо посылать за именными разрешениями в Финляндию и далее; мне был предложен вопрос: а если они вам дадут секретаря, который будет вести советскую пропаганду? Я ответил, что в этом случае я вовсе не поеду. Возобновил лекции в Университете.

25 апреля / 8 мая. Положение без перемен; опять везде уныние: русская проклятая и глупая интеллигенция снова в отчаянии созерцает свое бессилие и падение; сегодня слышал, что причиной успеха большевиков около Самары являются военнопленные мадьяры[42]; это возможно, хотя мадьяров суют обычно повсюду; так что это подозрительно. Очень интересна показалась мне речь Черчилля, которой отрывки большевики вчера напечатали в «Известиях»; из нее можно вывести, что совсем без внимания Совдепию все-таки не оставят, особенно, если мир все-таки будет подписан[43].

28 апреля / 11 мая. Два дня в обычных московских хлопотах; главные хлопоты по Румянцевскому Музею, ввиду того, что прошли и утверждены фантасмагорические штаты; кроме того, прибавились еще занятия в высших учебных заведениях; сейчас очень тяжело вести эти занятия; совсем нет никакого entrain[44]; аудитория окончательно рассыпается, но когда занятия остановятся сами собой, еще не видно. Сегодня в Троице перебираемся на другую квартиру. Общие известия становятся опять интереснее; надо вооружаться терпением, между тем как чувствуешь, что оно приходит к концу. Моя предполагаемая командировка будет также и от Университета. Бумаги приготовлены, и надо везти их в датскую миссию.

29 апреля / 12 мая. Во вчерашних газетах опубликованы условия мира для Германии; товарищи раздувают их тяжесть и неприемлемость для Германии. Они действительно очень тяжелы, но ведь на западе должна быть такая ненависть и злоба по отношению к Германии, что тяжесть эта понятна; вся работа Бисмарка пошла насмарку глупостью Вильгельма; любопытно упоминание о России, вероятно, искаженное товарищами: Брестский договор отменяется, и Россия (какая-то новая, другая) имеет право взыскивать убытки с Германии[45]. Очень интересен разговор с сербом Д. И. Иличем, который вместе со своей полукомпатриоткой Крюковой приезжает сюда за продуктами: он сказал мне за верное, что Франц-Фердинанд был убит действительно сербской организацией, которая группировалась около сербского Генерального штаба, что в этом пункте своих претензий Австрия была права; но что Франц-Фердинанд был убит действительно за дело, т. к. это был самый большой враг славянства. Окончательно водворились в доме Каптеревых, в квартире Тихомирова Александра Андреевича, бывшего ректора и попечителя, и пользуемся частью мебели С. М. Соловьева[46]. Я никогда не думал о такой конъюнктуре!

30 апреля / 13 мая. Известия смутны и неопределенны; кадриль на востоке и на юге; большевики не могут победить врагов, и враги не могут победить большевиков[47]. Яковлев привез известия, что и в Поволжье режим так же изжит, как здесь, и что при случае там будут также расправляться очень жестоко. Был сегодня в датской миссии и подал свои бумаги; сказали зайти наведаться через месяц; говорят, что для меня есть шансы быть впущенным в Европу. Это не значит еще, что меня выпустят отсюда и что будет удовлетворительно разрешен денежный вопрос. Очередной слух: на юге атаманы Григорьев и Махно провозгласили себя чем-то вроде самостийников, воспользовались полутора миллиардами денег, взятыми у большевиков, и объявили себя врагами советской власти[48]. Бедная Россия! Даже труп ее и то не могут перестать терзать. Сегодня видел весьма ощутительные следы отсутствия топлива в Москве. На Девичьем Поле заборы Чернявского училища и прекрасного Немчиновского сада разбираются на дрова; это только начало.

Был на заседании исторического отделения факультета общественных наук; тон задают товарищи Волгин и Удальцов[49], от своих отставшие и к чужим не приставшие: они ничего не знают, совсем ничего в академических делах не понимают, но не желают и нас слушать: получается невообразимый кабак, безысходный и непоправимый; мы сами перестаем понимать что-либо и даже на вопросы студентов, точно так же как и мы ничего не понимающих, мы должны отвечать, что нам ничего не известно и мы сами ничего не понимаем. Непроходимая русская глупость, верхоглядство и невежество приложены и к разрушению высшей школы.

1 / 14 мая. Только теперь, думая о том, что мы переживаем, я понял, почему триста лет назад Россия так легко стала добычей самозванцев: легковерие, темнота, непрочность всей социальной структуры России делали и тогда и теперь возможным такие недопустимые и немыслимые, казалось бы, метаморфозы. Посетил М. Н. Покровского, чтобы отблагодарить за расширение штатов Румянцевской библиотеки. Прием был опять милостивый, и слышал следующее по поводу вопроса о покупке иностранных книг, чем он по-прежнему интересуется: «Антанта опять хочет с нами мириться; месяц назад из этого ничего не вышло; теперь, может быть, и выйдет; они навезли в Стокгольм 900 000 пудов всяких вещей — компотов и варенья для детей — и обещают все это подвезти, если мы остановим военные действия против Колчака и Деникина. Удивительно странные люди: как только Колчаку приходится плохо, так они начинают предлагать нам мир».

3 / 16 мая. Продолжают ужасаться условиями мира, которые предъявлены Германии; а

по-моему, условия самые нормальные, если принять во внимание все, что Германия сделала за эти 5 лет. Конечно, немцы в конце концов воскреснут, но им придется пройти через тяжелые годы. Все имеет черед; после торжества Германии настает revanche[50] старой Франции. У нас все гниет без перемен.

5 / 18 мая. Какой-то новый нажим на западе, около Петербурга[51]; я, однако, теряю всякое представление о смысле этого нажима, раз он производится недостаточными силами и не сразу со всех сторон; бедная Россия действительно превращается в какие-то «живые мощи», которые лежат недвижимо и которые все раздирают. Ужасные хлопоты с расширением Музейских штатов; от хлопот единственное убежище — Сергиев.

7 / 20 мая. Провел два дня в Сергиеве за разбором писем Герцена, Грановского, жены Грановского и нескольких дам, соприкасавшихся с кружком западников; письма сохранились в семье Корш и теперь предлагаются к приобретению для Румянцевского Музея. Я люблю людей всех московских кружков 40-х годов; люблю эту маленькую ячейку культурных людей, которые светили своим светом на всю горилью Россию, несмотря на их сплетни, их вечную Gruebelei[52], которой уделил место Герцен в «Былом и думах» и о которой не раз говорит в своих письмах жена Грановского.

Из разобранных писем мне более всего интересным показалось одно письмо Грановского к М. Ф. Корш, где он говорит о постоянных припадках тоски, которые им овладевают и от которых он имеет успокоение в вине и картах; и этот талантливый русский человек был русским человеком, несмотря на свою принадлежность к западникам, и он отдавал дань всем прелестям русской жизни[53]. Есть для меня какая-то особая прелесть в чтении писем давно ушедших людей; это то же чувство, что и при архивных занятиях, но какое-то более живое и интимное. Справили новоселье; были Каптеревы, Таня и серб Илич; разговор держался вокруг больного человека, т. е. России (Турция едва ли не умерла, да и Россия близка от того же). Илич говорил, что, по его мнению, напрасно Клемансо и Ллойд Джордж не снарядили особых миссий из всех желающих, чтобы шире ознакомить Европу с большевической Россией: это способствовало бы более быстрому и успешному отрезвлению от социализма.

Сегодя нанес мне визит А. А. Тихомиров и имел со мною длинную беседу, точнее монолог, потому что, если бы я даже хотел участвовать в разговоре, я бы не мог этого сделать, т. к. он бы мне этого не дал сделать. Удивительно странный человек: сквозь непомерное чванство, преисполнение собственной гениальностью и постоянное стремление везде видеть жидокадетов и масонов, в нем виден человек с умом; очень верные отзывы о Мануйлове и Чупрове[54] — этих искусственных именах, созданных глупостью русской интеллигенции; не менее интересный отзыв о Кассо[55], которого он считал сначала умным и порядочным человеком, а потом убедился, что он был мелкий плут и авантюрист. О Николае II он отзывался как о человеке очень странном, но неглупом (с последним я, конечно, не могу согласиться), но он верно оценил Александру Федоровну как одну из самых отвратительных женщин; о Николае он верно говорит, что он как будто нарочно назначал в министры самых худших и ничтожных людей, точно боясь, что они умалят его авторитет. Разговор наш кончился обычными его выпадами против дарвинизма. Нужно отдать справедливость, он достойно несет свое тяжелое положение, когда даже и есть ему приходится чуть не впроголодь.

Конец дня посвящен был занятию на огороде; благодаря любезности Каптеревых, мы имеем небольшой огород, и наши аппетиты разгораются: хотим сеять даже картошку; таковы мечты буржуев в России в 1919 году. Кухарка Маша отправилась под Ростов менять занавески из передней на картофельную муку. И это тоже что-то современное.

8 / 21 мая. Два дня в Москве, и снова беготня и самая бестолковая потеря времени. Известия, однако, довольно веселые; Петербургу на самом деле что-то начинает грозить[56]; мир тоже приближается, а это может, в конечном счете, быть на пользу и нам. Весь вечер сегодня разбирали «тарифные ставки» музейским служащим и скандалили из-за того, что тарифная комиссия (до какой чепухи доходит теперь дело в государственных учреждениях) обидела наших сотрудников. Еще одно курьезное наблюдение: сегодня в кабацком факультете общественных наук присутствовал Покровский; меня поразило его желание, и притом, кажется, искреннее, как-то опять сблизиться со старыми товарищами. Это чувствовалось во всех его словах и поведении. Я думаю, что он очень удивился бы, если в сердцах присутствующих прочел отсутствие таких же встречных чувств.

9 / 22 мая. Много комментируется телеграмма Троцкого о том, что родоначальнику мировой революции Петрограду грозит опасность. Что это — тактический прием или реальная действительность? Увидим через несколько времени.

10 / 23 мая. Разговоры жужжат вокруг возможного взятия Петербурга. Я не отдаю себе отчета в степени серьезности этого предприятия. Надо ждать. Есть ли это отдельная часть

общего движения или что-нибудь отрывочное? В зависимости от этого определяется и возможный исход как этого дела, так и всей вообще судьбы России; сегодня тащил на спине полпуда хлеба с Новинского[57] в Мертвый; хорошенькая картина для моего профессорского звания. Вечером собрание русских историков у меня: говорили о планах преподавания на будущий год, ни минуты не веря в их осуществление.

12 / 25 мая. Сергиево. Первый летний день. Лазили с Володей на Лаврскую колокольню и любовались дивным видом: хороший летний день все-таки ободряюще действует и заставляет как-то отходить мыслью от всего происходящего и менее думать о прелестях мировой революции. Известия удовлетворительные; почти везде в кадрили — команда reculez[58], но о главных очагах опасности ничего не пишут, и о Петрограде и о Риге[59] — молчок. Сегодня удалось почитать и подготовить далее работу о Смуте для кооператоров.

13 / 26 мая. Сергиево; целый день в полном спокойствии и без всяких известий; дивная погода; в такие дни все-таки легче живется; довольно много работаю. Очередная беседа с А. А. Тихомировым, который говорил, в виде предположения, что Николай II в свое время был не без греха в масонстве и участвовал в черных мессах; он ссылался при этом на лиц, бывших близкими ко двору с заднего крыльца. Кто знает, быть может, в этом есть доля правды.

15 / 28 мая. Опять московская беготня и целые дни строительства в Румянцевском Музее, без надежды от этого строительства видеть благие результаты. Общие известия становятся все интереснее; кто-то что-то берет[60] — но когда же конец этой ужасной братоубийственной войне? Чем больше думаешь, тем все яснее становится, что общество, породившее Николая II с его Распутиным, Мясоедовых и Сухомлиновых, Арцыбашевых и Кузминых в литературе, должно было кончить тем, чем оно кончило. Интересные вещи творятся в университетском вопросе: сегодня тов. Волгин, новоявленный профессор от большевизма, говорит о необходимости выработать план занятий, обязательный для студентов, а из комиссариата приходит бумага с предложением следить за тем, как студенты посещают лекции. Как хорошо было бы, если бы комиссариат додумался до восстановления инспекций и педелей[61].

16 / 29 мая. Вознесение, каким-то чудом оставленное в числе праздников. Я не поехал в Сергиево, потому что это уж слишком утомительно. Но мне скучно. Был на кладбище и продефилировал пешком через всю Москву и еще раз убедился в той ужасающей мерзости, какую сейчас представляет Москва — вонь, грязь и полное отсутствие интеллигентных физиономий. Озверение чувствуется на каждом шагу. От усталости спал целых два часа. Известия удовлетворительные, но еще раз убеждающие, что дело нашего перерождения есть дело довольно долгое. Получил письмо от Сашки Гартунга, которое, как «человеческий документ», рисующий русского интеллигента, здесь прилагаю[62].

17 / 30 мая. Общее положение без перемен. Читал лекцию в собрании адвокатов о власти и праве в русской истории, где проводил мысль, что независимый русский суд 3 раза терпел крушение по вине правительства и общества; присутствовали Филатьев, Лидов, Коссовский и некоторые другие персоны из мира ex-адвокатуры[63]. Доклад, кажется, в общем соответствовал поставленной цели; по крайней мере, народ не расходился, и были довольно оживленные разговоры; характерно, что Филатьев и отчасти Лидов, вообще люди времени Керенского, все-таки обнаружили себя неисправимыми народниками. Русскому человеку хоть кол на голове теши, а он все-таки остается интеллигентом со всеми одному ему свойственными благоглупостями.

19 мая / 1 июня. Сергиево; отличная погода; опять что-то отошло, и пользуешься два дня свободой. Кстати, очень курьезное открытие: читая лекцию адвокатам, я узнал от Коссовского, что заместитель Мартини — Ск[...] — такой же датчанин, как я, и так же, как и мы грешные, стремился вон из Совдепии и, наконец, недавно удрал. Слух об упразднении всех факультетов общественных наук, кроме одного; это меня не удивляет, т. к. подобная мысль логически вытекает из создавшегося положения, и учебные кадры Университета, Высших Женских Курсов и Университета Шанявского почти совпадают.

22 мая / 4 июня. В Москве опять можно наблюдать курьезное, но обычное явление: упадок духа у ex-буржуев, потому что дела не так скоро подвигаются, как бы этого хотелось. Из личных дел — по-прежнему переобременение по Музею; не знаю, когда вылезу из котла, в котором киплю по случаю расширения библиотечных штатов. Из общих известий — говорят за верное, что Сибирское правительство признано; так ли это или не так, но сегодня арестованы все оставшиеся в Москве консульства, точнее, консульский персонал, т. к. все остававшиеся здесь пребывали уже в качестве частных лиц: бедные Вилькены, никогда ни к какой политике не причастные, сидят под домашним арестом; бывший норвежский консул Хольмбу [Holmby?] точно так же сидит под арестом вместе с Е. А. Готье, хозяйкой дома, в котором он живет; гонение на иностранцев отразилось сегодня в газетах тем, что опубликовано уничто-

жение всяких охранных грамот, им данных (кажется, все такие грамоты были давно уже нарушены, по крайней мере, во всех тех отдельных случаях, когда они это считали для себя нужным). Какова на самом деле причина этого удивительного поступка, пока не ясно. Декрет о разрешении ездить по железной дороге только с разрешения уже отозвался на хлебных ценах — они опять скакнули до 1200 рублей пуд.

23 мая / 5 июня. Облава на консулов и иностранцев оказывается гораздо шире, чем можно было думать сначала: все нации подверглись одной и той же участи; очевидно, происходит что-то гораздо большее, нежели мы знаем. Вечером с удовольствием занимался в Архиве Иностранных Дел; тихо и прохладно, и никого нет; провел два с половиной часа с полным удовольствием.

24 мая / 6 июня. Вот рассказ Димы Вилькена: в 1 час ночи на среду к ним явились из ЧК с ордером на обыск их квартиры, вместе с соседней квартирой Назе. Перерыли все и копались до 7 часов утра, после чего Жоржа В[илькена] увезли на Лубянку, 14. Между прочим, увезли 16 тысяч денег, принадлежавших различным лицам, и заявили, что оставляют им 200 рублей, потом передумали и оставили 1000 рублей. Наутро явились для допроса старая жидовка и ее секретарша и долго расспрашивали их о всех их связях, знакомых и, уходя, заявили, что их показания таковы, что их освободят немедленно; освобождение последовало к вечеру 2-го дня. По-видимому, то же последовало и у других иностранцев; у Вилькенов задержали еще 5 бельгийцев; хватали также швейцарцев и других членов малых народов и государств. Газеты сегодня вопят о движении на Вятку, а Нахамкис говорит о десанте в Архангельске[64]. Московские обыватели опять приободрились. Вечером приехал в Сергиево; весенний вечер, гроза, тепло, светло, уютно.

25 мая / 7 июня. Недавно, едучи по железной дороге, я видел такую сцену: два парня по 3-му десятку на замечание, сделанное им в вагоне, что он для некурящих, ответили, что они «старину не празднуют», что теперь все новое, а на старое им наплевать. Однако под дружным натиском внезапно осмелевших интеллигентов подлые и глупые гориллы быстро сдались и бросили цыгарки в окно. Сегодня, идя в Вифанию, мы встретили толпу мальчишек с пилами и топорами; мой друг Шамбинаго резко, по своему обыкновению, обратился к ним: «Что, идете грабить чужие леса? По новому декрету?» Те грубо ему отвечали: «Конечно, по новому, а не по старому. Что нам старое? Теперь все новое». Психология и тех и других одинаковая: вера первобытных людей, что все изменилось, что все прежнее исчезло и целиком заменилось чем-то новым. В этом смысл революции для народа или той его части, которая разделяет подобную веру; смысл останется без изменения, пока не будет дан властный окрик, и горилье стадо присмиреет в позе старухи при разбитом корыте. Ибо в отрицании старого права коренится отрицание всякого права, а вера в новое заключается в убеждении в свободе от всякого формального и нравственного обязательства и в господстве произвола своей собственной личности, горильство которой превосходит «Кит Китыча» во много раз.

Ошибка идеологов большевизма заключается в том, что этой психологии они не понимают, а частью не желают понять; там, где «рабоче-крестьянский» народ не есть средство для демагогии, он является идолом на пьедестале: и то и другое одинаково развращают его. Воспитания, более того, дрессировки народа нет в настоящее время, как не было при царях; еще раз оправдывается поговорка «les extremités se touchent»[65]. Отличная прогулка в Вифанию; тропический день с грозой; купание в Вифанских прудах; газеты вроде вчерашних.

26 мая / 8 июня. Троицын день у Троицы; прогулка в Лавру к обедне; масса народа, обычное гулянье в храмовые праздники, но в больших размерах. В Троицкий собор не пробраться; там служил патриарх. Вчера он проехал мимо нас — причем русский папа более чем скромно ехал на скотской одиночке; у него симпатичное и умное лицо. Вечером отличная прогулка к Черниговке. Вспомнил я еще два инцидента из Музейской жизни, рисующие русского человека. Наш «смотритель» Никитюк, глупое и упрямое быдло из Подляшья[66], теперь получил название «заведующего хозяйственной частью» и вообразил себя всемогущим; на этом основании, не спросясь никого, он начал пробивать брандмауэр в соседний архив, чем вызвал конфликт с соседним учреждением и вдобавок написал от своего имени самую дерзкую бумагу; на другой день, узнав, что кн. Голицын велел обложить дерном могилу своей жены, отменил это приказание, заявив, что он (он бывший садовник и управляющий кн. Голицына) имеет право давать распоряжения по хозяйственной части. Вот он, тип нецивилизованного русского человека, которому вино власти ударило в голову. По газетам они отступают[67], но храбрятся и хвастают. Читал австрийские условия мира; я бы ее окорнал совершенно так же.

27 мая / 9 июня. День без происшествий и без известий извне; прекрасная погода и хороший отдых; праздник не слишком давал себя чувствовать; даже народа вокруг дома было мало.

30 мая / 12 июня. Во все 3 дня, проведенные в Москве, мне не удалось записать ни слова: слишком много дел, слишком все это скучено, еле хватает времени справиться с настоятельными текущими делами. В Москве мое настроение сильно переменилось. Там все уверены в противоположном тому, что пишут большевики в «Известиях». Убеждение это основывается на множестве незаметно проникающих слухов, идущих в значительной части от самих пугающихся, озлобленных, ссорящихся между собою большевиков. Упорно из разных мест идут сведения, что информация, даже в скудных сводках, будет все глуше и глуше. О поражениях сообщать не велено. Из всех данных, которые удается собрать, видно, что наступление на РСФСР все-таки продолжается и что прифронтовая полоса вся объята восстаниями[68]; отголоском этого является объявление на военном положении всей Украйны и всей Тамбовской губернии.

Отмечаю два факта: Д. А. К. пишет из Орла: «Я приеду, а вслед за мной приедут Л. и С.». Ш. Г. получил письмо от К. Г., из которого явствует, что под М. на западе были бои, в результате которых М. кем-то занят или же накануне занятия. Стала волноваться и Москва; виною этому невыдача хлеба; хлеба нет, и взять его неоткуда. Подвоз немыслим, и, кроме того, настает самое голодное время перед новым урожаем; и в Москве волнение среди рабочих и черни. Уже в прошлое воскресенье происходили демонстрации; они повторились в понедельник и во вторник; говорят, что они вновь будут сегодня: требования — хлеба, долой гражданскую войну, свободная торговля. Конечно, это вызовет репрессии, которые еще более выдвинут ВЧК на место Совета Народных Комиссаров. Говорят также, что идет отчаянная грызня между Троцким и начальником особого отдела ВЧК Кедровым, который хочет занять место Троцкого. Слухи о том, что Троцкий с ума сошел, идут из кругов ВЧК; но он до сих пор отгрызается, хотя он болен на самом деле и страдает неврастенией.

В пятницу был в факультете общественных наук и был свидетелем как студенты коммунисты — жид Генин и армянин Рутурьян — требовали, чтоб их пустили «с решающим голосом», на основании только что опубликованного декрета о допущении студентов-коммунистов в факультеты. Им предложили предъявить мандаты; за неимением таковых, дело отложено до следующего раза, равно как и выборы в «президиум» факультета. Поразительно было их нахальство; я должен сказать, что меня этот инцидент вовсе даже не тронул — мне было искренно смешно; но многие, по старой памяти, еще считали долгом обижаться и сердиться. Ясно только одно: быть деканом теперь нельзя для человека, который желает сохранить свою физиономию.

Сегодня длинный разговор с А. А. Тихомировым; ругал Победоносцева и сообщил мне, что полоумный митрополит московский Леонтий[69] называл Победоносцева «собачьи мощи». Характерно для митрополита; необычайно удачно для самого Победоносцева. Идя с купанья, много думал о сущности моей историко-исследовательской работы: какой идеей ее объединить — и пришел к заключению, что я, в сущности, историк дворянской цивилизации в России. Замосковный край — одно звено, областное управление — другое; книга о падении империи — последнее; задуманные очерки по истории XVI века — первое; сословная политика Петра и Пушкин как венец дворянской культуры — вопросы, меня интересующие. Если бы все это разработать, то получилась бы серия, внутренне объединенная и цельная. Сегодняшняя сводка все-таки приличная: утеряны Новый Оскол, Царев[70], и регресс на западе.

1 / 14 июня. Великолепная прогулка на велосипеде с С. Н. Каптеревым; нельзя себе даже и представить, до чего очаровательны окрестности Посада; если бы здесь не была Россия, то сюда бы ездили, ходили пешком; здесь были бы рестораны, schöne Aussicht[71] и т. д. А что сегодня делается в Париже! Дорого мы бы дали, все несчастные русские цивилизованные люди, остающиеся верными заветам прошлого, чтобы хоть краем глаза посмотреть на это всемирное торжество[72]. Увы — «не для нас пришла весна»!

2 / 15 июня. Еще сутки без известий. Мы их получаем только вечером. Сегодня мне в первый раз приснилось во сне Загранье; я думаю, оттого, что кругом косят сено, и все это напоминает прошлогоднюю страду, которая, несмотря на всю утомительность, имела свою прелесть. Что-то там делается? Кто косит наше сено? Утром ходили с Ниной в Лавру; когда идешь по центральной части Посада и видишь совдепские горильи рожи, то испытываешь чувство какой-то гнилой отрыжки, точно поешь чего-нибудь недоброкачественного. Большевики в воскресенье написали, что в Харькове будто бы Н. И. Астров[73] формирует какое-то новое правительство с с.-р. и народными социалистами. Если это так, то бедная Россия, значит, ничему еще не научилась; значит, при первой возможности, надо бежать, ибо это дурачье нам не принесет исцеления.

3 / 16 июня. Известия, почерпнутые из «Известий», оставляют опять-таки смутное впе-

чатление; вечное продвижение на восток — теперь к Златоусту и Екатеринбургу. Что оно означает — только ли развал Колчаковских армий или также что-нибудь другое? На юге топтание на месте. Какой процент вранья и какой процент правды во всем, что они пишут? Прожив дня 3—4 вдали от слухов и разговоров, всегда ставишь себе эти вечные, больные вопросы. Надо думать о том, чтобы как-нибудь прожить зиму. Вот очередные и самые тяжелые заботы ближайшего будущего; пережить, освободиться от всего лишнего и, при первом удобном случае, вырваться из этого смрадного нужника: вот желания, которыми ограничиваешься в настоящее время.

5 / 18 июня. В Москве унынье; взяли Екатеринбург и Екатеринослав[74]; хотя, с другой стороны, полное убеждение в том, что действительность не соответствует тому, что пишут в «Известиях». Мне передавали даже, что «Известия» запрещены на «фронтах», и что там издается другая газета, где печатается соответственная ложь о Москве. Se non è vero... Отсюда ясно 1) что никакое движение извне, отдельно взятое, не может справиться с РСФСР, хотя последняя разваливается, и 2) что надо готовиться зимовать. Вот это последнее и есть самое трудное дело. Wir müssen durch![75] В остальном отвратительно, скучно, гадко, безысходно!

6 / 19 июня. Неожиданно для себя, вследствие необходимости на будущей неделе заменить В. Д. Голицына, я приехал в Сергиево в пятницу, вместо субботы. Удивительно: пребывание в Москве бодрит нравственно, вследствие множества самых разнообразных слухов — что хочешь, то и бери, тому и верь; сюда приезжаешь, поэтому, взбодренным, а здесь узнаешь только из газет, и потому к концу пребывания в Сергиеве настроение падает. Отдал дань трамваям — у меня вытащили портмоне с 40 рублями и золотыми запонками; хорошо еще, что часы целы. Заботы о зиме занимают меня все же больше всего; какое есть топливо, все реквизируется учреждениями, имеющими власть, но, по нерадивости или неумению, не заботящим[и]ся о заготовке дров; к таковым — увы! — относятся и железные дороги!

7 / 20 июня. Вчера вечером Нина сказала вдруг, что она бы ничего не имела против отъезда куда-нибудь на русский юг. Я сейчас же стал обдумывать какой-нибудь план в этом направлении. Мне кажется, что если вся обстановка останется без изменений, то надо устроить себе командировку на юг, чтоб закупать книги в Киеве, Харькове, Одессе и, вместе с тем, устроить где-нибудь и семью, а вместе с тем, и самого себя в более теплом месте. Известий сегодня не получалось; благодаря этому напряженное отношение к событиям несколько ослабло. Надолго ли? До следующих известий; надо отметить, что вчерашние официальные вести были довольно удовлетворительны.

8 / 21 июня. Нина уехала в Москву. Я остался с Володей в Сергиеве. С утра работал, как обычно; потом слушал воспоминания А. А. Тихомирова; он читал мне за время от 1898 по 1902, т. е. за время, главным образом, своего ректорства и за время министерства Боголепова и Ванновского[76]. Я должен сказать, что я слушал их с большим удовольствием. Очень многое в них дополняло то, что мне было известно раньше; многое мне кажется совсем не таким, каким казалось в то далекое время. Я всегда ругал его как ректора, а теперь приходится сознаться, что он был прямее и честнее других и что кое в чем он был и прав, например в том, что в студенческих беспорядках он видел явление чисто политическое. Я вполне соглашаюсь с ним и в том, что Германия тогда уже поддерживала наши нестроения и беспорядки из своей пресловутой Wille zur Macht[77]. Только близорукие русские могут говорить, что немцы лучше союзников. Немцы могли от нас иметь все; но этого им показалось мало, и они захотели нас поработить; когда это не удалось, они нас уничтожили.

9 / 22 июня. Прекрасная прогулка на велосипедах на монастырскую дачу Тарбеево, теперь, как водится, отобранную, и купанье в озере. Дорогой обдумывал, что делать к зиме. Надумал новый вариант — остаться здесь, запасти с осени побольше запасов и отсиживаться. Или же неминуемо ехать к югу; в Москве можно жить только если будет обеспечено топливо, пища и свет.

10 / 23 июня. Гроза с градом, ливень, жара и до и после того. Мрак души, усиливаемый беспокойством о здоровье Нины. Будет ли подписан мир — вот вопрос, самый важный для нас, несчастных цивилизованных русских[78].

11 / 24 июня. Сырая погода после гроз; ветер; хмуро наруже и хмуро на душе. Переношу архив Стесселя, который приобрел для Румянцевского Музея[79]; кое-что перечитываю, и от этого мое душевное расположение становится еще хуже. В Порт-Артуре держали двух генералов на одной роли — ну разве это не по-русски; да разве два русских генерала могли не поссориться? Когда вспоминаешь и переживаешь все, что пережито было 15 лет назад, так и встает во всю высоту свою русская общественная глупость, равной которой нет в мире. У носа японцев вздумали строить русский империализм голыми руками; нарвались, получили

ужасный урок и все-таки не унялись, продолжали дела вести так, что влопались в бездну еще более глубокую и зловонную. Все это так больно и стыдно! А когда взглянешь вперед — в то grad au dela des bolchéviki[80], на которое мы все так надеемся, то разве не ясно, что и теперешнего урока недостаточно и что русская глупость будет продолжать расти и развиваться; от этого будущее кажется еще более беспросветным.

14 / 27 июня. Настроение в Москве пестрое. Одни ждут, другие не ждут ничего. Мир, слава Богу, будет подписан. Возможно, что это шаг вперед к успокоению мира, но иллюзий себе делать нельзя: все это будет продолжаться очень долго. Ежедневно занимаюсь в архиве; это лучшее препровождение времени, какое я могу себе в настоящее время представить. В Москве продолжаются аресты и обыски в самых широких размерах[81]; с одной стороны, жуть берет; с другой, видишь, как все это несостоятельно и тщетно. Говорят о брожении на железных дорогах. Я думаю, что и это симптоматический признак, но и он должен взять много времени, чтобы вылиться во что-нибудь конкретное.

16 / 29 июня. Мысль все более и более делается крепкою, что ближайшее будущее по тяжести своей гораздо тяжелее всего, что мы пережили до сих пор; это вытекает не только из интуиции, но и из логики. Уходя, они будут «хлопать дверью»[82], но от хлопания у многих заболит голова. Она, например, опять заболела у Саши Рар[а], которого арестовали вчера по ордеру, который, кажется, не был даже на его имя; болит и заболит еще у многих, пока владыки или свалятся или успокоятся. Объявлено об «оставлении» Харькова[83]. Очень было бы интересно знать, какие эксцессы там были допущены и насколько крепко Деникин будет владеть Харьковом; от этого зависит многое. Не очень мне понравилось сегодня то, что писано по поводу мира; в Германии, видимо, какие-то колебания; мне говорят даже, что готовится монархическая контрреволюция. А мир все-таки необходим, иначе борьба с большевизмом будет трудной. Вчера я видел в Москве зрелище вполне современное и, быть может, имеющее стать еще более распространенным: деревянный дом, разломанный на дрова, в котором люди возились как черви или мухи в падали. Жилищный вопрос в Москве грозит в близком будущем очень и очень осложниться.

17 / 30 июня. Мир подписан в субботу в 4 часа дня. 1-ое августа 1914 — 28-ое июня 1919=4 года 11 месяцев — такова длительность одной из самых ужасных эпох в истории несчастного человечества. Я не знаю, кого суд истории сделает окончательно виновным в этом ужасе, но мне кажется, что основными виновниками были не стихийные обстоятельства, а определенные люди: немецкие военные, немецкие, т. е. германские, промышленники, германские и австрийские дипломаты, венские жиды и авантюристы; все эти люди полагали быстро нажиться посредством миллионов хорошо обученных и хорошо снаряженных немцев, нафанатизованных идеей Deutschland über alles; вместо того, они погубили Германию, Австро-Венгрию, Россию, погубили 20 монархий, которыми сами держались, и подорвали благосостояние всей остальной Европы, разорив ее финансы и отчасти промышленность.

Конечно, этот мир таков, что не будет вечным миром. Была идея французского реванша; теперь будет расти идея реванша немецкого, и когда-нибудь снова заговорят пушки, штыки, газы и т. п. ухищрения разрушительной техники. Борьба за берег Рейна, продолжавшаяся 20 веков, не кончится в 1919 году. То, что начнется теперь на западе, повлияет и на наше положение; если это будет рост империализма, то он должен уничтожить большевизм; если это будет рост рабочего движения, то большевизм этим самым получит косвенную поддержку. Во всяком случае, нам предстоят тяжелые и трудные осень и зима, если только мы не погибнем от политических взрывов и переворотов. Движение с юга разрастается[84], но я до сих пор не отдаю себе отчета ни в его силе, ни в его дальнейшей будущности. Продовольственный вопрос, как в Москве, так и в Сергиеве, затягивается и осложняется с каждым днем.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Любавский и Мензбир. С марта 1919 по июнь 1920 г. ректором (последним, избранным Советом университета) был М. М. Новиков.
2. Им подобные *(лат.)*.
3. В 1918 г. Московские высшие женские курсы были преобразованы во 2-й Московский университет, просуществовавший до 1930 г., когда он был разделен на три самостоятельных института: Москов-

ский государственный педагогический, Второй Московский медицинский и Московский институт тонкой химической технологии.

4. В конце марта ЦК РСДРП(б) принял решение о борьбе с «подрывной» деятельностью меньшевиков, эсеров и анархистов, которые обвинялись в провоцировании забастовок рабочих в Петрограде, Брянске, Туле, Астрахани, на Александровской (Белорусской) ж. д. и в других местах. Запись Готье говорит о том, как это решение отражалось в печати. О взаимоотношениях большевиков с социалистическими партиями в описываемое время см. Shapiro L. The Origin of the Communist Autocracy. Cambridge (Mass.) 1955.
5. Гады пожирают друг друга *(фр.)*.
6. 24 марта Уральская армия под командованием атамана Уральского казачьего войска генерала В. С. Толстова (1884—1956) начала наступление на Уральск (взятый Красной Армией 24 января). Продолжала наступать и Сибирская армия.
7. Слух о занятии Сибирской армией Сарапула оказался преждевременным; Сарапул был занят 12 апреля, Воткинский завод — 9-го, Ижевск — 14-го.
8. Вероятно, до Готье доходили слухи о подпольной военной организации во главе с генералом Н. Н. Стоговым. Созданная (точнее — восстановленная) в конце 1918 г. и получившая название Добровольческой армии Московского района, она имела членов и сторонников в различных воинских частях и учреждениях Красной Армии и фактически представляла собой основу будущего корпуса. В политическом отношении примыкала к Национальному центру. Как будто, должна была выступить при подходе к Москве армий Колчака или Деникина (по другим сведениям, выступить самостоятельно в сентябре 1919 г.). Была раскрыта Особым отделом ВЧК в сентябре — октябре (см. Красная книга ВЧК. Т. 2. М. 1989). *Стогов Николай Николаевич* — генерал-лейтенант, перед Октябрьским переворотом начальник штаба Юго-Западного фронта, в 1918—1919 гг. командовал бригадой в Красной Армии. Главнокомандующий Добровольческой армией Московского района. Арестован 13 апреля 1919 г., по-видимому, бежал из заключения и пробрался к Деникину, 22 марта 1920 г. участвовал в совещании старших генералов, на котором преемником Деникина был избран Врангель; затем комендант Севастополя, участвовал в разработке плана эвакуации из Крыма воинских частей и гражданских беженцев и в дни посадки на суда (30 октября — 1 ноября) обеспечил порядок в городе. С апреля 1930 по май 1934 г. — начальник канцелярии председателя Российского общевоинского союза генерала Е. К. Миллера.
9. Догадка Готье, что Одессу никто не защищал, соответствовала действительности. По решению французского правительства французские и греческие войска были 5—6 апреля эвакуированы морем, а небольшой русский добровольческий отряд, находившийся в районе Одессы, отошел в Бессарабию, где был разоружен румынскими властями. 6 апреля город был занят 1-й Заднепровской бригадой, входившей в образованную 22 марта группу войск одесского направления в составе Украинского фронта. Командовал бригадой штабс-капитан Н. А. Григорьев (1878—1919), именовавший себя атаманом Херсонщины и Таврии, перешедший со своей частью 2 февраля от петлюровцев на сторону Красной Армии, а 7 мая взбунтовавшийся.
10. Кафедры истории России и всеобщей истории.
11. 7 апреля Сибирская армия взяла Стерлитамак, 8-го — Белебей — уездные города Уфимской губернии.
12. *Прокопович Сергей Николаевич* (1871—1955) — экономист, публицист и общественно-политический деятель, внефракционный социал-демократ, последователь Э. Бернштейна (летом 1917 г. короткое время меньшевик). Во Временном правительстве был председателем Главного экономического комитета, заместителем председателя Экономического совета, 24 июля — 1 сентября министром торговли и промышленности, с 25 сентября — министром продовольствия. После Октябрьского восстания возглавлял Временное правительство в подполье; в феврале 1919 г. устроил совещание бывших министров Временного правительства, на котором было выработано заявление в связи с планировавшейся конференцией на Принцевых островах. В конце 1917 г. член Комитета спасения родины и революции; в 1918—1919 гг. на его и его жены, Е. Д. Кусковой, квартире собирались для неофициальных совещаний (иногда называвшихся контактными или клубом Кусковой и Прокоповича) лица, причастные к подпольным антикоммунистическим организациям (Союз общественных деятелей, Союз возрождения России, Национальный центр, Тактический центр) (см. Красная книга ВЧК. Т. 2, а также работы Б. Нортон, указанные ниже в прим. 15). В 1918 г. был избран профессором юридического факультета Московского университета и вскоре стал его деканом; в этом качестве, вероятно, и председательствовал на совещании, о котором пишет Готье.
13. В Троице-Сергиеву Лавру — монастырь, основанный в 1330-х годах преподобным Сергием Радонежским. Здесь помещается основанная в 1814 г. Московская духовная академия.
14. Это объяснялось тем, что большинство европейских государств, не признавая Советское правительство законным, не имело с ним дипломатических и консульских отношений.

15. *Кускова Екатерина Дмитриевна* (1869—1958) — видная общественно-политическая деятельница и журналистка реформистско-социал-демократического направления, последовательница Э. Бернштейна (иногда определяла свою позицию в политическом спектре как «левее кадет»; летом и осенью 1917 г. короткое время меньшевичка); влиятельная участница кооперативного движения. С первых дней Февральской революции — комиссар по обеспечению свободы печати в Москве. С апреля 1917 г. ближайшая сотрудница ежедневной газеты «Зласть народа» («газета демократическая и социалистическая»; издавалась основанным по инициативе Кусковой Кооперативным товариществом издательского дела; закрывалась властями в ноябре 1917, марте и, наконец, мае 1918 г.). Боролась за предоставление женщинам избирательных прав на выборах в Учредительное собрание (что и было достигнуто; ни в одной из главных европейских стран женщины тогда избирательных прав не имели). Делегат Демократического совещания от кооперативов, член Всероссийского демократического совета и Временного совета Российской республики (см. Norton B. T. Eshche raz ekonomizm: E. D. Kuskova, S. N. Prokopovich and the Challenge to Russian Social Democracy. — The Russian Review, Vol. 45, № 2, 1986; ejusd. The Making of a Female Marxist: E. D. Kuskova's Conversion to Russian Social Democracy. — International Review of Social History, Vol. 34, № 2, 1989; ejusd. Laying the Foundations of Democracy in Russia: E. D. Kuskova's Contribution, February — October, 1917. — IV World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, England, 21. 28 July, 1990). В записи Готье речь идет, вероятно, о Кооперативном товариществе издательского дела.
16. *Сергиев* (или Сергиевский) *Посад* — заштатный город (с 1782 г.) Дмитровского уезда Московской губернии около Троице-Сергиевой лавры. Образован из подмонастырских слобод в 1768 г., с 1925 г. — Сергиев, с 1930 г. — Загорск; в 1991 г. восстановлено название Сергиев Посад. После Октябрьской революции прибежище религиозно-политических деятелей и ученых: Л. А. Тихомирова (1852—1923), В. В. Розанова (1856—февраль 1919), о. Павла Флоренского (см. прим. 25).
17. *Штатная улица* (теперь ул. академика Фаворского), расположенная на холме за монастырем, была населена людьми, состоявшими в штате монастыря; хозяева Готье были в прошлом монастырскими служащими.
18. Вскрытие мощей производилось большевистскими властями по указанию Народного комиссариата юстиции от 1 марта 1919 г. в видах антирелигиозной пропаганды — в надежде, что останки святого окажутся истлевшими.
19. Wells H. G. Mr. Britling Sees It Through (1916 г.) — роман о жизни в Англии во время войны.
20. *Самсонов Александр Васильевич* (1859—1914) — генерал от кавалерии, в начале мировой войны командующий 2-й армией Северо-Западного фронта. Погиб в конце неудачной Восточно-Прусской операции 14 августа — 2 сентября 1914 г. (возможно, застрелился). *Ренненкампф Павел-Георг Карлович* фон (1854—март 1918, расстрелян по приговору ревтрибунала за несколько месяцев до официального объявления «красного террора») — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, в начале мировой войны командующий 1-й армией Северо-Западного фронта. Вопрос о его вине за поражение в Восточно-Прусской операции остается спорным. Официально основная вина была возложена на него, и он был уволен с театра войны, а в октябре 1915 г. от службы. Главнокомандующий войсками Северо-Западного фронта генерал Жилинский тоже был удален с театра военных действий и послан российским представителем в союзный военный совет в Париж.
21. Дети профессора Московской духовной академии Н. Ф. Каптерева (1847—1917), профессора всеобщей истории (с 1910 г. — член-корреспондент АН; депутат IV Государственной думы, прогрессист) и А. П. Голубцова (1860 — 1911), профессора церковной археологии и литургики: *Каптерев Павел Николаевич* (1889 —?) — философ и историк естествознания, в 20-е годы работал в Государственной академии художественных наук. В 1933 г. (?) арестован по «делу» о вымышленной «национал-фашистской» организации (см. прим. 25); находясь в заключении в Бамлаге, в 1934 г. работал на Сковородинской (теперь Амурская обл.) мерзлотной научно-исследовательской станции; после освобождения (до 1940 г.) вернулся в Москву, продолжал заниматься научной работой. *Каптерев Сергей Николаевич* — тогда же арестован по тому же «делу». Реабилитирован в 1958 году. *Голубцов Иван Александрович* — см. прим. 120 к дневнику за апрель 1918 г. (Вопросы истории, 1991, № 8—9). Возможно, Готье имеет в виду и младших детей А. П. Голубцова, Марию Александровну (филолога, автора воспоминаний о Ключевском) и Сергея Александровича (1893—1930, историка, исследователя жизни и трудов Ключевского), прямых упоминаний о которых в дневнике нет. Слова Готье, что младшие Каптеревы и Голубцов(ы?) «перекочевали в Москву», вероятно, означают, что они не служили в Духовной академии, хотя жили, кажется, в Сергиевом Посаде (возможно, не круглый год).
22. *Вифания* — здесь Спасо-Вифанский мужской монастырь, основанный в 1783 г., в 3 км к юго-востоку от Троице-Сергиевой лавры. В нем находилась духовная семинария и сохранялся гроб, в котором был первоначально похоронен преподобный Сергий Радонежский.
23. То есть успех армий адмирала Колчака.
24. На Вятском направлении с 4 марта наступала Сибирская армия генерала Гайды. Для противодействия

ей 10 апреля была образована Северная группа войск Восточного фронта (командующий полковник В. И. Шорин, 1870—1938 (?), погиб в заключении; с 28 сентября 1918 г. командовал войсками фронта полковник С. С. Каменев, 1881—1936). Как нарком по военным и морским делам (с 8 апреля 1918 г.) и председатель Реввоенсовета (с момента его образования 6 сентября 1918 г.) Л. Д. Троцкий (1879—1940) был высшим руководителем всех действий Красной Армии. В своем поезде (бывшем императорском) он часто выезжал на фронты гражданской войны, особенно туда, где создавались критические для Красной Армии ситуации.

25. *Флоренский Павел Александрович* (1882—1937, расстрелян) — выдающийся богослов, философ и ученый с широчайшим кругом интересов и исследовательской деятельности. С 1911 г. священник, 1912—1918 гг. — профессор Московской духовной академии. В описываемое время председатель комиссии по научному описанию художественных ценностей Лавры, которые он старался спасти. После ареста и кратковременной ссылки в 1928 г. был вновь арестован в 1933 г. по «делу» о вымышленной «контрреволюционной национал-фашистской Партии Возрождения России». Партия эта якобы возникла из уцелевших от разгрома остатков «монархической организации Всенародный Союз борьбы за возрождение России», возглавлявшейся акад. Платоновым и ликвидированной ОГПУ в 1930 г., той самой «организации», в принадлежности к которой обвинялся и Готье (см. Огонек, 1990, № 45).
26. *Малый Совнарком* — рабочий орган при СНК, состоявший из нескольких комиссаров или их заместителей и созданный по образцу Малого совета Временного правительства для решения менее важных вопросов или подготовки дел к рассмотрению в СНК. Председателем Малого СНК в 1919—1920 гг. был М. Ю. Козловский (1876—1927).
27. *Сергей Александрович* (1857—1905) — великий князь, сын Александра II, генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Член Государственного совета; с 1891 до начала 1905 г. московский генерал-губернатор, с 1896 г. также командующий войсками Московского военного округа. Имел репутацию реакционера. Убит Каляевым 4 февраля 1905 г. в Кремле, в северной части Сенатской площади, неподалеку от Никольских ворот. На месте убийства был установлен крест работы В. М. Васнецова.
28. *«Эрмитаж»* — известный ресторан в Каретном Ряду. Здесь студенты и профессора Московского университета обычно праздновали Татьянин день.
29. *Коровин Евгений Александрович* (1892—1964) — юрист, специалист по международному праву. Член КДП; сотрудничал в прогрессистской газете «Утро России». После Февральской революции сторонник внешней политики Временного правительства (см. Коровин Е. А. Внешняя политика обновленной России. М. 1917). В дальнейшем беспартийный национал-большевик, участник и апологет советской политики в области международного права.
30. Армий адмирала Колчака. 12 апреля они заняли Бугульму, Сарапул и Орск, 14-го — Ижевск, 18-го — Бугуруслан.
31. *Вильна* — традиционное русское написание и произношение названия города (белорусское Вільня, польское Wilno, немецко-еврейское Vilnэ, литовское Vilnius). В конце XIX — начале XX в. относительное большинство (более 40%) населения города составляли евреи, на втором месте были поляки; сельское население окрестностей до сих пор в большинстве поляки. Правительство Польши считало Виленский край не только исторической, но и этнической частью польской территории. Вильна была занята польскими войсками 19—21 апреля.
32. Вероятно, речь идет об обороне Оренбурга Южной группой армий (с 5 марта командующий М. В. Фрунзе) Восточного фронта от наступавших на него Южной армейской группы (командующий генерал-майор Г. А. Белов) и Оренбургской армии (командующий атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант А. И. Дутов). Бои за Оренбург начались 20 апреля и продолжались до середины июня.
33. *Тихомиров Александр Андреевич* (1850—1931) — зоолог, в 1899—1904 гг. ректор Московского университета, в 1911—1917 гг. попечитель Московского учебного округа. Имел репутацию консерватора; как администратор был сторонником жесткой дисциплины и противником «студенческого движения» и «прогрессивных» профессоров.
34. *Воскресенск* — заштатный город Звенигородского уезда Московской губернии. Сходство, о котором говорит Готье, усиливалось тем, что Воскресенск, как и Сергиев Посад, вырос у стен старинного монастыря (Воскресенского Новоиерусалимского, основанного патриархом Никоном).
35. *«Они»* — очевидно, назначенные профессорами коммунисты.
36. «Les relations sont très tendus» — отношения очень натянутые *(фр.)*; «mais peut-être que ça s'arrangera» — но, возможно, это уладится *(фр.)*.
37. С 29 апреля до 10 мая в боях под Оренбургом было затишье.
38. 24 апреля Олонецкая добровольческая армия (около 2 тыс. финских добровольцев) заняла Олонец (уездный город Олонецкой губ. близ Ладожского озера) и подошла к Лодейному Полю (уездный город той же губернии). Целью финских добровольцев была помощь движению среди местных карел за присоединение к Финляндии (более 70% населения Олонецкого уезда составляли карелы-ливвики,

большинство финляндских карел тоже ливвики); эта помощь дала им возможность создать недолговечное Олонецкое правительство. Большевистские власти усмотрели в этом угрозу Петрограду. Губернии Петроградская, Олонецкая и Череповецкая были объявлены на осадном положении, создан Комитет рабочей обороны Петрограда. 6 мая Красная Армия взяла Олонец.

39. *Пименовский переулок* — улица в районе Садовой-Каретной.
40. Бумажные деньги, печатавшиеся в огромном количестве (иногда до 5 млн. руб. в день) Временным правительством.
41. Красная Армия перешла в контрнаступление на южном участке Восточного фронта 28 апреля, но, до того как она добилась серьезных успехов, Сибирская армия, продолжавшая наступление на северном участке фронта, 4 мая заняла Елабугу.
42. Контрнаступление Южной группы армий Восточного фронта под командованием Фрунзе (начальник штаба подполковник В. С. Лазаревич, 1882—1938) против Западной армии (командующий генерал-лейтенант М. В. Ханжин) продолжалось успешно. 4 мая 5-я армия (с 5 апреля командующий поручик М. Н. Тухачевский) взяла Бугуруслан; 5 мая Западная армия оставила Сергиевск и начала отступление на Бугульму. В «интернациональных соединениях» Красной Армии сражались десятки тысяч бывших военнопленных венгров. Возможно, из них состоял 222-й Интернациональный стрелковый полк, сформированный перед началом контрнаступления в Самаре, вошедший в состав 25-й стрелковой дивизии (начальник — подпрапорщик В. И. Чапаев) и отличившийся в Бугурусланской операции.
43. 7 мая «Известия» перепечатали из берлинской газеты «Голос России» (близкой к правым эсерам) отрывки из выступления Черчилля (бывшего в это время военным министром и министром авиации в правительстве Ллойд Джорджа) в палате общин 25 марта, в котором он дал общий обзор военных действий на фронтах гражданской войны в России, обращая особое внимание на британскую интервенцию.
44. Увлечения *(фр.)*.
45. Речь идет об условиях будущего Версальского мирного договора; условия, касающиеся России, свидетельствовали о том, что союзники продолжали в какой-то степени заботиться о ее интересах.
46. *Соловьев Сергей Михайлович* (1820—1879) — знаменитый историк, учитель Ключевского, в 1871—1877 ректор Московского университета.
47. На востоке Сибирская армия продолжала наступать на Уржум (уездный город Вятской губ.) и Мамадыш (Казанской губ.), которые ей, однако, взять не удалось; в то же время Южная армейская группа Восточного фронта Красной Армии наступала на Бугульму (взята 13 мая) и Белебей (взят 17 мая). На юге, где Вооруженные силы Юга России занимали Северный Кавказ, в начале мая Кавказская добровольческая армия (8 января — 22 мая командующий генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель) 8 мая форсировала р. Маныч и продолжала теснить 10-ю армию (26 декабря 1918 — 25 мая 1919 г. командующий полковник А. И. Егоров) Южного фронта (24 января — 13 июля 1919 г. командующий полковник В. М. Гиттис), которая отступала на Царицын; но на р. Северский Донец три армии Южного фронта теснили Донскую армию (15 февраля 1919 г. — 27 марта 1920 г. командующий генерал В. И. Сидорин) и Донецкую группу войск генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского.
48. Григорьев поднял восстание против большевиков 7 мая. *Махно Нестор Иванович* (1889—1934) — анархист, в 1918—1921 гг. предводитель многочисленных вооруженных отрядов, главным образом в Екатеринославской губ.; трижды заключал соглашения с большевиками и разрывал их. О нем см. Palii M. The Anarchism of Nestor Makhno, 1919—1921: An Aspect of the Ukrainian Revolution. Seattle. 1976; Malet M. Nestor Makhno in the Russian Civil War. Lnd. 1982.
49. *Волгин Вячеслав Петрович* (1879—1962) — профессиональный революционер, журналист, в молодости испытал влияние Рязанова; до 1914 г. меньшевик, 1917—1920 гг. меньшевик-интернационалист, с 1920 г. большевик. В 1908 г. окончил Московский университет, ученик Р. Ю. Виппера, по рекомендации которого был оставлен при университете, но, по-видимому, магистерского экзамена не сдал и диссертации не представил. С 1914 г. преподавал в университете Шанявского, в 1918—1919 гг. — профессор Пролетарского университета при Социалистической академии. В 1919 г. был назначен членом Государственного ученого совета Наркомпроса (учрежденного декретом СНК 4 марта) и профессором Московского университета. См. его биографию в словаре Гранат. *Удальцов Александр Дмитриевич* (1883—1958) — в 1913 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета (возможно, ученик Егорова), но, по-видимому, оставлен при университете не был. Брат московского большевика (с 1905 г.) И. Д. Удальцова (1885—1958), которому помогал в его революционной деятельности, но официально вступил в партию только в 1928 году.
50. Реванш *(фр.)*.
51. 13 мая со стороны Нарвы началось наступление на Петроград русского Северного корпуса (с января до 30 мая командующий генерал-майор К. К. Дзерожинский), входившего (до 19 июня) в Эстонскую армию; тогда же началось наступление на Псков отряда полковника С. Н. Булак-Балаховича. В наступлении участвовали также две эстонские дивизии; в Финском заливе наступающим оказывали

поддержку суда британской эскадры. Им противостояли войска Западного фронта (19 февраля — 22 июля командующий генерал-лейтенант Д. Н. Надежный).

52. Тоскливые размышления *(нем.)*.
53. *Корш Мария Федоровна* (1809—1883) — сестра Е. Ф. Корша. О личности Грановского см. Гершензон М. О. История молодой России. М. 1908; М.-Пг. 1923.
54. *Чупров Александр Иванович* (1842—1908) — экономист, статистик, публицист и общественно-политический деятель; участник земского движения, долголетний сотрудник газеты «Русские ведомости». *А. А. Мануйлов,* преемник Чупрова на кафедре политической экономии и статистики Московского университета, был, как и Чупров, представителем «народничествующего» крыла русской либеральной экономической и политической мысли. Вероятно, с этим связана оценка их Готье, который относился неприязненно к любым народническим тенденциям.
55. *Кассо Лев Аристидович* (1865—1914) — тайный советник, с 26 сентября 1910 г. главноуправляющий Министерством, с 1911 г. министр народного просвещения. Распоряжениями, нарушавшими автономию университетов, восстановил против себя либеральную профессуру (наиболее яркий пример протеста — массовый уход профессоров и преподавателей из Московского университета в 1911 г.). Несомненно, многих шокировало то, что противоправные распоряжения исходили от юриста. Тихомиров имел возможность близко наблюдать поведение Кассо в 1899—1904 гг., когда Кассо был профессором гражданского права в Московском университете, а Тихомиров его ректором, и в 1911 — 1914 гг., когда как попечитель Московского учебного округа оказался подчиненным Кассо.
56. 15 мая Северный корпус занял на псковском направлении Гдов (уездный город Петроградской губернии), а 17-го на петроградском Ямбург (уездный город). В последующие дни наступление на Петроград продолжалось.
57. *Новинский бульвар* — часть Садового кольца.
58. Отступайте *(фр.)*.
59. Рига, бывшая до этого (со 2 января) в руках Латвийского советского правительства (председатель П. И. Стучка), была 22 мая взята латышскими, немецкими и русскими (Либавский добровольческий стрелковый отряд полковника князя А. П. Ливена) добровольческими частями под общим командованием генерала фон дер Гольца (см. об этом: Ливен А. П. В южной Прибалтике. В сб. Белое дело. Кн. 3. Берлин. 1927).
60. 25 мая Северный корпус занял Псков. На юге Кавказская армия Врангеля, нанеся 19—21 мая поражение 10-й армии Егорова у станицы Великокняжеской, 24-го форсировала р. Сал и продолжала наступление на Царицын. На Восточном фронте, наоборот, продолжалось контрнаступление Красной Армии на уфимском направлении.
61. Ироническое замечание автора касается университетских служащих, следивших за поведением студентов; должности инспекторов и педелей были упразднены после реформы 1905 года.
62. См. приложение № 7.
63. Все трое — видные московские адвокаты. *Филатьев Г. В.* — народный социалист, товарищ министра юстиции одного из составов Временного правительства. С осени (?) 1918 г. член московской группы Союза возрождения; участвовал в совещании бывших членов Временного правительства у Прокоповича по вопросу о предполагавшейся конференции на Принцевых островах. В августе 1920 г. — обвиняемый по делу Тактического центра (держался достойно), в 1922 г. арестован по делу ПСР. *Лидов П. П.* — в августе 1920 г. защитник на суде по делу Тактического центра. *Коссовский Максим Ильич.* Ex — бывший *(лат.)*.
64. 30 мая Сибирская армия подступила к Глазову (уездный город Вятской губ.). 27 мая в Архангельске высадился британский отряд с заданием прикрывать эвакуацию британских войск, находившихся в городе и на Северном фронте (но летом принявший участие в наступательной операции). Решение об эвакуации было, по-видимому, принято британским правительством еще в марте; американцы эвакуировались в июне.
65. *«Кит Китыч»* — искаженное Тит Титыч, персонаж в комедии А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье», олицетворение самодурства. Les extremités se touchent — крайности сходятся *(фр.)*.
66. *Подляшье* — историческое название местности по среднему течению Западного Буга, населенной преимущественно белорусами и украинцами и входившей в состав Гродненской и соседних польских губерний.
67. Под Петроградом фронт приближался к Ораниенбауму и Гатчине; на юге Добровольческая армия (22 мая — 27 ноября 1919 г. командующий генерал В. З. Май-Маевский) 4 июня заняла Славянск (заштатный город Изюмского уезда Харьковской губ.). Но на Восточном фронте Красная Армия 9 июня взяла Уфу.
68. Наступление на Петроград продолжалось до 20 июня. На юге Донская армия, прорвавшая 24 мая Южный фронт у Миллерово и продолжавшая наступление, 8 июня соединилась с крупными (до 30 тыс. человек) силами восставших в тылу Красной Армии донских казаков («Вешенское восстание»,

начавшееся еще в марте). О крестьянских восстаниях во время гражданской войны см.: Френкин М. Ук. соч.

69. *Леонтий* (в миру Лебединский Иван Алексеевич, 1822—1893) — с 1891 г. митрополит Московский.
70. *Новый Оскол* — уездный город Курской губернии. *Царев* — уездный город Астраханской губ. (быв. Сарай-Берке, столица Золотой Орды).
71. Красивый вид *(нем.)*.
72. 13 июня на мирной конференции в Париже закончилось обсуждение поправок к проекту мирного договора с Германией (союзники сделали незначительные уступки).
73. *Астров Николай Иванович* (1868—1934) — московский юрист и общественно-политический деятель, левый кадет, член ЦК КДП. Был мировым судьей, городским секретарем (главой аппарата городской управы), гласным городской думы (возглавлял прогрессивную группу). Во время мировой войны был инициатором создания Всероссийского союза городов и членом его ЦК. После Февральской революции городской голова (до июньских выборов); в июле намечался в состав Временного правительства. Затем член Совета общественных деятелей, Правого центра (твердо держался союзнической ориентации), Союза возрождения, Национального центра (один из инициаторов); летом 1918 г. был направлен на юг. 23 сентября Уфимским государственным совещанием избран в состав Временного всероссийского правительства (Уфимской директории), но фактически в него не вошел, так как находился на юге, где был членом Особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России (игравшего роль правительства) в Екатеринодаре. В 1920 г. эмигрировал, жил в Праге, где и умер. Оставил воспоминания, опубликованные в Париже в 1940 году. Харьков в описываемое время находился в руках красных.
74. Екатеринбург был взят Красной Армией значительно позже, 15 июля. Екатеринослав в течение первой половины 1919 г. несколько раз переходил из рук в руки: находившийся до этого в руках петлюровцев, он 26 января был взят Красной Армией, в марте Григорьевым, 14 мая опять красными.
75. Мы должны выжить! *(нем.)*.
76. Воспоминания А. А. Тихомирова, по-видимому, не опубликованы. *Ванновский Петр Семенович* (1822—1904) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, в 1881—1898 гг. военный министр (провел много реформ); с 1898 г. член Государственного совета. С 25 марта 1901 г. (после убийства Боголепова) по 11 апреля 1902 г. министр народного просвещения; начал реформу высшего и среднего образования (отчасти подготовленную при его предшественнике), направленную на «модернизацию» и «демократизацию» (в частности, почти полное устранение из учебных планов гимназий греческого языка, сближение учебных планов гимназий и реальных училищ); ушел в отставку после убийства министра внутренних дел Д. С. Сипягина (см. Alston P. L. Education and the State in Tsarist Russia. Stanford. 1969).
77. Воли к власти *(нем.)*.
78. Подписание Версальского мирного договора состоялось 28 июня.
79. *Стессель Анатолий Михайлович* (1848—1915) — генерал-лейтенант, в русско-японскую войну начальник Квантунского укрепленного района; решением суда был в 1908 г. признан главным виновником сдачи Порт-Артура. В архиве Стесселя (Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 289, 1.10/1,2) сохранились его воспоминания и дневник за время русско-японской войны.
80. Прекрасное будущее после большевиков *(фр.)*.
81. Поводом для арестов послужило, по-видимому, раскрытие Национального центра.
82. Выражение Троцкого.
83. Харьков был занят Добровольческой армией (генерал Май-Маевский) 25 июня.
84. 28 июня Добровольческой армией был занят Екатеринослав, а 30-го Кавказской армией (генерал Врангель) Царицын.

СООБЩЕНИЯ

Лига Наций: взгляд через полвека

Г. И. Морозов

18 апреля 1946 г. Лига Наций формально закончила свое существование, фактически же она прекратила всякую деятельность в 1939 г. с началом второй мировой войны. Прошедшие полвека внесли определенные коррективы в оценки этой международной организации. В этой связи уместно обратиться к анализу ее истории.

Не случайно уже первая мировая война дала серьезный импульс размышлениям о необходимости создания международной организации, способной избавить мир от военных катастроф. Если до этого подобные идеи были результатом мечты и утопических представлений мыслителей-гуманистов, то в ходе первой мировой войны они постепенно стали обретать реальные черты в ряде планов создания Лиги Наций. Она была учреждена в 1919 г. Парижской мирной конференцией. Таким образом, впервые в истории появилась международная организация, провозгласившая своей целью сохранение мира и обеспечение международного сотрудничества.

Лиге Наций посвящена обширная литература, причем обращает на себя внимание резкое расхождение в оценках этой организации советскими и западными исследователями. В работах западных авторов, как правило, Лига рассматривается как непосредственный прототип ООН и ей дается весьма высокая оценка. Профессор Калифорнийского университета С. Гудспид, например, назвал Лигу «революционным экспериментом» и писал об ее «исключительном вкладе в идею и процедуру работы международных организаций. Эволюционный процесс создания международной организации продолжила ООН, представляющая собой что-то вроде улучшенной Лиги Наций»[1]. «ООН является прямой наследницей Лиги», — заключает другой американский профессор, Ф. Хартман, а его английский коллега Г. Николас считает Устав ООН «копией Статута Лиги Наций»[2]. Что же касается советских ученых, то их оценки Лиги были и остаются однозначно резко негативными. Такую позицию разделял и автор этих строк[3].

Такой подход был свойствен нашей общественной науке прошлых лет. Он был обусловлен прежде всего официальными оценками Лиги, среди которых особенно выделяются высказывания В. И. Ленина. Они исходили прежде всего из его характеристики периода, начавшегося завершением первой мировой войны. Оценки Лиги Лениным были непосредственно связаны с его отношением к Версальской системе, которая «настолько пропитана вся насквозь отсутствием чего-либо похожего на реальное установление равноправия наций, на реальные шансы мирного сожительства между ними, что мне кажется, наше отрицательное отношение к Лиге Наций понятно и не требует дальнейших комментариев». И, более того, он

Морозов Григорий Иосифович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской АН.

называл Лигу «союзом хищников, из которых каждый старается урвать что-нибудь друг у друга»[4].

Советская историческая и правовая наука в известных условиях старательно следовали этим постулатам. Из многочисленных работ можно выделить лишь одну, содержавшую попытку объективно оценить причины неудачи Лиги Наций. «Корень зла, — писал А. Н. Макаров, — в том, что договор является составной частью Версальского договора. Нельзя было создать прочную международную организацию, призванную обеспечить прочный мир всему миру тем же договором, который разжег до крайних пределов вчерашних врагов»[5]. Другие авторы писали о Лиге в гораздо более сильных выражениях. Б. Борецкий утверждал: Лига Наций — «инструмент войны... служит исключительно делу порабощения одних народов другими», является «орудием грабежа... орудием войны и разбоя»[6]. По мнению Л. Иванова, Лига «достаточно выявила свою сущность в качестве вспомогательного органа мирового империализма и дипломатической биржи, через посредство которой империалистические державы осуществляют свои сделки и проводят свои махинации»[7].

Такой подход характерен почти для всех советских работ, посвященных «печальной памяти» Лиги, которая рассматривалась прежде всего как организация подготовки войны против СССР. Что касается антисоветской направленности Лиги, то особенно в первый период ее существования этот факт представляется бесспорным. Объективная констатация этой стороны дела требует учета и того, что молодое Советское государство устами своего создателя и его соратников неоднократно заявляло о непримиримой враждебности к Лиге Наций и непреклонном стремлении к мировой революции и полному уничтожению капитализма. Это важное обстоятельство придавало определенную логику позиции Лиги, объединившей с момента своего создания к 1934 г. страны капиталистической системы. Именно это обстоятельство в указанный период было определенным консолидирующим моментом, хотя оно не сняло, да и не могло снять довольно острых противоречий, существовавших между членами этой организации.

Лига с самого начала предприняла ряд и открытых и закамуфлированных антисоветских акций. Среди них признание Колчака в качестве главы правительства России. Особый интерес проявляла Лига к национальным меньшинствам в Западной и Восточной Карелии, организации ее членами вооруженных интервенций против Страны Советов в 1920—1921 гг. и др. После 1934 г., когда по приглашению 30 государств Советский Союз вступил в Лигу Наций, положение изменилось, но ненадолго, и Лига вновь заняла антисоветскую позицию после начала советско-финляндской войны, которая послужила поводом для исключения СССР 14 декабря 1939 г. из этой организации.

Количество государств и так называемых автономных колоний, вошедших в Лигу Наций к первому ее общему Собранию, достигло 40. Страны — члены Лиги занимали около 63% территории земного шара, в них проживало около 70% населения Земли. Впоследствии эти цифры несколько возросли. Бюджет Лиги на 1921 г. составлял 20 млрд. 650 млн. золотых франков[8].

Деятельность Лиги Наций в политической области была бесспорно неудачной. Лига оказалась бессильной помешать захвату Японией Маньчжурии в 1931 г., Италией Эфиопии в 1934—1935 гг., Германией Австрии в 1938 г. и Чехословакии в 1939 г., наконец, вторжению Германии в Польшу в 1939 г., явившемуся началом второй мировой войны. Только один раз, да и то в чисто символической форме, Лига попыталась применить экономические санкции (против Италии).

Главной причиной провала Лиги Наций в области сохранения мира явилась, конечно, политика господствовавших в ней держав, нежелание многих из них, прежде всего стран «оси», считаться со взятыми на себя обязательствами. Нередко в качестве важной причины неудачи Лиги в этой области называют недостатки ее Статута. Такое утверждение, безусловно, не лишено оснований, хотя в этой связи следует сделать некоторые оговорки. Нельзя игнорировать тот факт, что Статут Лиги не мог не нести на себе отпечатка многовековых традиций, а в чем-то содержал попытки позитивного развития международно-правового инструментария, которые при добросовестном отношении ее членов могли бы быть применены с пользой для дела.

Здесь целесообразно отметить, что создатели Устава ООН практически воспроизвели структуру Статута Лиги Наций. По ее схеме Устав предусмотрел главные органы, формально аналогичные органам Лиги[9]. Разумеется, их компетенция (исключая Генеральную Ассамблею ООН и Собрание Лиги) была различной, но заимствование общей схемы означало солидарность с идеей структуры Лиги, определившей основные сферы деятельности международной организации с универсальной компетенцией. Вся история ООН свидетель-

ствует, что в принципе (исключая Совет по опеке, ныне исчерпавший свои функции) такой подход был оправдан.

Статут Лиги, прежде всего его преамбула, нес на себе очевидные пацифистские черты, которые были более детально развиты создателями Устава ООН. Статут, как часть Версальского договора, содержал ссылку его участников на то, что они принимают «во внимание, что для развития сотрудничества между народами и для обеспечения их мира и безопасности важно... не прибегать к войне, поддерживать в полной гласности международные отношения, основанные на справедливости и чести, строго соблюдать предписания международного права, признаваемые отныне действительными правилами поведения правительства, установить господство справедливости и добросовестно соблюдать все налагаемые договорами обязательства во взаимных отношениях организованных народов»[10].

Конечно, нельзя переоценить тот факт, что Устав ООН впервые в истории был принят не от имени правительств, а от имени народов. Вместе с тем из приведенной выше цитаты прямо следует, что содержание преамбулы Устава ООН тождественно Статуту Лиги. Аналогичны по существу требования, предъявляемые к приему в организации (соответственно ст. 1 Статута и ст. 4 п. 1 Устава), состав, компетенция и порядок созыва Собрания Лиги и Генеральной Ассамблеи ООН (ст. 3 Статута и ст. 10, 20 Устава), наличие двух категорий членов Совета Лиги и Совета Безопасности ООН (ст. 4 Статута и ст. 23 Устава), общие положения о Секретариате (ст. 6 Статута и ст. 97 Устава), принципы международной гражданской службы, сходные в Лиге и в ООН (ст. 7 Статута и ст. 8 Устава), наделение членов и служащих организаций дипломатическими привилегиями и иммунитетом (ст. 7 Статута и ст. 5 Устава), создание вспомогательного органа по военным вопросам (ст. 9 Статута и ст. 47 п. 1 Устава), право любого члена организации доводить до сведения главных органов о любом споре и угрожающей ему ситуации (ст. 11 Статута и ст. 39 Устава), компетенция Совета Лиги и Совета Безопасности ООН рассматривать спор, переданный им сторонами в этом споре (ст. 15 Статута и ст. 37, 38 Устава).

Много схожего и в статьях, предусматривающих перечень мер, не связанных с использованием вооруженных сил, менее очевидно сходство, хотя оно и имеется, в части применения вооруженных сил (ст. 16 Статута и ст. 41, 42 Устава). Аналогичные черты имеются и в формулировках о несамоуправляющихся территориях, хотя, конечно, в Уставе ООН они гораздо радикальнее и четче составлены (ст. 22 Статута и ст. 73, 88 Устава), идентичны положения о регистрации международных договоров в Секретариате обеих организаций (ст. 18 Статута и ст. 102 Устава), а также о приоритете обязательств, принятых членами организации, перед всеми другими (ст. 20 Статута и ст. 103 Устава).

Приведенные примеры дают основания для утверждения о сходстве Статута Лиги и Устава ООН. Однако нельзя игнорировать и различия, обусловленные разными историческими условиями их создания и деятельности, различия по ряду существенных вопросов. Устав ООН, несомненно, обладает важнейшими преимуществами, которые делают его хартией современных международных отношений. В нем учтены как положительные черты, так и основные причины неудач Лиги, и это нельзя игнорировать. Следует в этой связи учитывать, что Лига явилась важным этапом в становлении и развитии института международной организации в международных отношениях. Поэтому она вполне закономерно несла на себе черты, освященные вековыми традициями, наряду с элементами, означавшими зачатки новых качеств. Это соответствует закономерностям любого нормального процесса развития и особенно наглядно проявляется в эволюции института международной организации в международных отношениях.

Указанные моменты требуют учета и при анализе недостатков Статута Лиги. Он, и это главное, не содержал безоговорочного запрещения агрессии. Статьи 12 и 15 фактически легализовали обращение к войне, предусматривая лишь в случае международного спора соблюдение определенной процедуры и трехмесячную отсрочку военных действий. Характерно, что в западной литературе встречаются попытки такого толкования сущности Лиги, которые служили бы оправданием указанного пробела ее Статута. «Лига, как считалось, была задумана как орган расследования, который должен был вторгаться в опасные споры и устанавливать виновность той или иной стороны и сторон»[11], — пишет английский исследователь Ф. Нортхедж. Прерогатива соответствующей констатации, по его мнению, принадлежала Совету, Международному суду или другому органу. Что же касается дальнейшего, он считал, что общественное мнение должно было заставить виновную сторону исправить ситуацию.

Подобное толкование Статута Лиги было по меньшей мере наивно. Более того, жизнь показала, что оно было ошибочным, государства-агрессоры открыто игнорировали Статут, становилась все более очевидной не только бесполезность Лиги в отношении стран «оси», но

и то, что ее позиция по существу оказалась потворством агрессии. «Война, как таковая, — пишет в этой связи английский исследователь Д. Боуэтт, — не была поставлена вне закона, для ее начала требовалось исчерпать все средства мирного урегулирования, содержащиеся в Статуте. В этом случае война считалась войной против всех членов Лиги Наций»[12].

В 1923 г. постоянная консультативная Комиссия Лиги предприняла разработку проекта договора о взаимной помощи. Первая его статья содержала важную констатацию о том, что «агрессивная война является международным преступлением» и что договаривающиеся стороны берут на себя торжественное обязательство его не совершать. Этот проект был представлен 29 государствами, однако принят не был. В архиве Лиги был похоронен и проект Женевского протокола 1924 г. о мирном разрешении международных споров, в котором вновь говорилось, что агрессия есть международное преступление[13]. Такая же квалификация агрессии содержалась в декларациях, принятых шестым и восьмым Собраниями Лиги в 1925 и 1927 годах.

Однако декларации Собрания не имели правообязывающего характера и поэтому не смогли оказать какого-либо влияния на ход событий. Иным образом решает вопрос Устав ООН. Он безусловно обязывает членов организации воздерживаться «в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения» (ст. 2 п. 4 Устава ООН). Такое положение, дополненное впоследствии принятием ООН определения агрессии, является международно-правовым запрещением войны и, конечно, свидетельствует о явном преимуществе ООН перед Лигой в важнейшей сфере сохранения мира.

Нередко справедливо критикуется правило единогласия всех членов Лиги для вынесения политических решений, принимавшихся Советом и Собранием. На практике это правило лишало реальности принятие эффективных мер по сохранению мира и предотвращению агрессии. Любое государство могло помешать принятию такого решения. Известно, например, что некоторые малые страны под влиянием ведущих держав сорвали возможность решения о проведении обязательных экономических санкций против агрессора. Незадолго до начала второй мировой войны было принято такое толкование ст. 16 Статута Лиги, которое поставило осуществление санкций в зависимость от решения каждого заинтересованного государства. В этой связи некоторые ее члены заранее предупредили, что они считают для себя необязательным участие в санкциях[14].

Существенно, что Статут, предусматривая наличие в Совете Лиги постоянных членов, не предоставлял им специальных прав и не возлагал на них особую ответственность за поддержание мира и безопасности. Устав ООН пошел дальше и решил эти вопросы кардинальным образом, предусмотрев правило единогласия постоянных членов Совета Безопасности и особую роль этого органа в области принятия мер по мирному разрешению споров и действий в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии. К сожалению, и эти более четкие положения далеко не всегда давали возможность кардинального положительного решения острых проблем. Практически единственным случаем было принятие в 1991 г. Советом Безопасности резолюции № 678 о применении вооруженных сил против Ирака, вторгшегося в Кувейт. Не следует, однако, в этой связи переоценивать возможности ООН, тем более что указанная резолюция предусмотрела действия не самой Организации, а антииракской коалиции во главе с США.

Что касается принципа единогласия в Лиге Наций, то надо иметь в виду, что исторически этот принцип был основополагающим и общепризнанным на всех конгрессах и конференциях, предшествовавших Лиге Наций, вплоть до того, что единогласие требовалось в его абсолютном виде и без участия кого-либо в заседании решение не могло быть принято[15]. Вероятно, едва ли можно было требовать от создателей Статута Лиги резкого отхода от многовековой практики. Справедливости ради следует, однако, отметить, что они допустили определенную подвижку. «В Лиге, — отмечает О. Г. Зайцева, — имело место относительное единогласие: не учитывались воздержавшиеся при голосовании, в Совете и Собрании при принятии доклада не учитывались голоса сторон в споре»[16]. Таким образом, в вопросе голосования и в целом в порядке принятия решений в Лиге Наций можно отметить хотя и скромный, но, тем не менее, определенный сдвиг, устранявший спорящие стороны от решения вопроса об урегулировании возникшего спора.

Статут Лиги сделал также известный шаг вперед по сравнению с международным правом прошлого («правом войны» прежде всего), ставившим в равное правовое положение воюющие стороны в любом вооруженном конфликте или войне. Он ввел различие между нападающей стороной (агрессором) и жертвой агрессии как основу для принятия решения об оказании последней помощи. Однако, к сожалению, практических результатов эта формальная констатация не дала. Выше уже отмечалось совершенно недостаточное решение Лигой

вопроса об экономических санкциях. Что касается применения военных санкций, о которых говорилось в ст. 16 Статута Лиги, то вопрос о них даже не ставился в повестку дня ее Совета.

Особо следует остановиться на отношении Лиги к проблеме разоружения. Ее создатели очевидным образом избегали закрепления в Статуте реальных мер разоружения. «Члены Лиги, — говорилось в ст. 8, — признают, что поддержание мира требует ограничения национальных вооружений до минимума, совместимого с государственной безопасностью и выполнением международных обязательств, налагаемых общим действием». Далее следовали весьма туманные, далекие от реальности предписания. Тем не менее, вопросам разоружения был посвящен ряд конференций и создан ряд специальных органов. Среди них Временная смешанная комиссия по сокращению вооружений, которая в 1925 г. была заменена Подготовительной комиссией к конференции по сокращению и ограничению вооружений.

Эта деятельность Лиги не привела к реальным практическим результатам. Вместе с тем, рассматривая ее с сегодняшних позиций, когда сделаны первые шаги на долгом и трудном пути поисков решения этой проблемы, нельзя игнорировать тот факт, что и ООН и Конференция по разоружению, принявшие немало ценных резолюций, в основном лишь способствовали созданию общей атмосферы необходимости разоружения и только косвенным образом содействовали известным сдвигам в этой области.

Положительным в деятельности Лиги Наций явилось то, что советская дипломатия получила в ней трибуну, с которой провозгласила важнейшие предложения о полном упразднении всех сухопутных, морских и воздушных сил в ноябе 1927 г., о немедленном всеобщем и полном разоружении в марте 1928 г., проект определения агрессии, одобренный в 1933 г. Комитетом по вопросам безопасности при Лиге Наций (это определение тогда же было закреплено в ряде двусторонних соглашений) и ряд других. Думается, такого рода идеи, высказанные наряду с СССР некоторыми другими государствами, внесли свою лепту в формирование представлений о необходимости разоружения, актуальность которых в наше время продолжает возрастать. Для Советского Союза возможность широкой официальной огласки своей концепции разоружения имела особое значение.

Определенные положительные стороны деятельности Лиги Наций почти не получили освещения в нашей литературе. К ним следует отнести попытки наладить международное сотрудничество в социальных и экономических сферах. В ряде таких мероприятий Советский Союз принял участие еще до вступления в Лигу. Статут ее содержал наброски программы социальной и экономической деятельности Лиги, заложившие основы будущих специализированных учреждений ООН — Всемирной организации здравоохранения, ЮНЕСКО. «Это оказались новые области деятельности международных организаций. Позднее, когда существование Лиги подошло к завершению, многие пришли к выводу, что эта работа в экономической и социальной сфере была лучшим из всего, что удалось сделать»[17].

Не преувеличивая итоги деятельности Лиги Наций в экономической и социальной областях, надо, однако, признать, что, несмотря на скромные результаты, эта сторона дела обозначила определенное продвижение идей международного сотрудничества на базе международных организаций или проводимых под их эгидой конференций. «В то время, как Лига потерпела неудачу в области предотвращения войны в 1939 г., — пишут авторы вышедшей в Англии книги, — ее усилия в области здравоохранения, международного рабочего законодательства (имеется в виду Международная организация труда. — *Г. М.*), решения проблем беженцев и попыток создания международной администрации международного сотрудничества в интеллектуальной области оказались недооцененными, они проложили дорогу интенсификации международного сотрудничества в этих областях»[18].

Лига Наций, создав Комиссию опиума, явилась инициатором противодействия распространению наркотиков, эта комиссия попыталась воздействовать на правительства государств в плане ограничения производства этого наркотика количеством, «потребным для здравоохранения, определяемым численностью населения»[19]. Вопросы торговли опиумом рассматривали ряд международных конференций под эгидой Лиги.

Впервые в истории Лигой Ниций было уделено внимание проблеме предоставления промышленно развитыми странами новой технологии развивающимся странам, сглаживанию различий между богатыми и бедными нациями, развитию отсталых районов, проблемам матери и ребенка, образованию, культуре, профессиональной подготовке и «сотням, и, возможно, тысячам других направлений деятельности, плодотворной в областях, в которых отдельные государства самостоятельно сделать ничего не могут... Большинство очевидно согласится с тем, что в нашем перенаселенном и сложном мире со все возрастающей взаимозависимостью различных наций на всех уровнях такое сотрудничество неизбежно»[20]. К этим

словам Нортхеджа можно присоединиться с той лишь существенной оговоркой, что деятельность Лиги в перечисленных областях была все же ограниченной.

Ее главным результатом было то, что именно она впервые в истории международных организаций, созданных прежде всего, как подчеркивали ее основатели, для поддержания мира, включила в сферу своей деятельности неполитические проблемы. Этот факт не может быть оставлен без внимания при формулировании общей оценки Лиги Наций. Эта оценка не может быть однозначной. Потерпев неудачу в политической сфере, Лига, тем не менее, заняла свое место в истории международных организаций, проявив инициативу в неполитических областях международного сотрудничества и достигнув здесь некоторых, хотя и ограниченных результатов, но открывших пути дальнейшего позитивного развития международного сотрудничества[21].

Международная организация отражает расстановку в ней сил, сложное компромиссное слагаемое порою противоречивых интересов ее членов, и поэтому ее реальная деятельность обусловливается в первую очередь отношением их к своим обязательствам. Об этом убедительно свидетельствует опыт Лиги Наций. Отразив особенности времени своего создания и деятельности, она не достигла провозглашенных ее учредителями целей, оказалась неэффективной в политической сфере, но добилась ряда положительных результатов в международном сотрудничестве в неполитических областях.

Примечания

1. GOODSPEED S. The Nature and Function of the International Organization. N. Y. 1959, p. 25. Аналогичной точки зрения придерживаются авторы книги «International Institutions at Work». Lnd. 1990, p. 16.
2. HARTMANN F. The Relations of Nations. N. Y. 1957, p. 201; NICOLAS H. The United Nations as Political Institution. Lnd. 1953, p. 14.
3. Р. М. Илюхина, в целом отрицательно оценивая Лигу Наций, сделала оговорку, что «с точки зрения развития международного права, Устав Лиги был известным шагом вперед» (ИЛЮХИНА Р. М. Лига Наций. 1919—1934. М. 1982, с. 85).
4. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 41, с. 350, 425; т. 45, с. 241.
5. МАКАРОВ А. Н. Лига Наций. Птгр. 1922, с. 60.
6. БОРЕЦКИЙ Б. Лига Наций — орудие войны. М. 1927, с. 4, 14, 49.
7. ИВАНОВ Л. Лига Наций. М. 1929, с. 181.
8. См. МАКАРОВ А. Н. Ук. соч., с. 35, 60.
9. Об использовании опыта Лиги при создании ООН см.: International Institutions at Work, p. 19.
10. Аналогичные идеи получили распространение в этот период. Так, в преамбуле Устава Международной организации труда, созданной в 1919 г. по решению Парижской мирной конференции в качестве автономной организации Лиги Наций, говорилось: «Принимая во внимание, что всеобщий и прочный мир может быть установлен только на основе социальной справедливости... Принимая также во внимание, что отказ какой-либо страны предоставить трудящимся человеческие условия труда является препятствием для других народов, желающих улучшить условия труда в своих странах» (Устав Международного Бюро Труда. Женева. 1956, с. 5).
11. NORTHEDGE F. S. The League of Nations, its Life and Time. N. Y. 1986, p. 283.
12. BOWETT D. W. The Law of International Institutions. Lnd. 1967, p. 15.
13. Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. XI. М. 1937, с. 74, 81, 108.
14. См. КОРОВИН Е. А. О международных организациях мира и безопасности. М. 1945, с. 6.
15. См. КАЗАНСКИЙ П. Всеобщие административные союзы государств. Т. 1. Одесса. 1897, с. 383.
16. См. ЗАЙЦЕВА О. Г. Международные организации: принятие решений. М. 1989, с. 29.
17. NORTHEDGE F. S. Op. cit., p.66.
18. The League of Nations. Edinborough. 1973, p. 153. См. также. International Institutions at Work, p. 19.
19. Ibid.
20. NORTHEDGE F. S. Op. cit., p. 282.
21. «Достижения в этой области, — пишет английский профессор А. Грум, — были отражены в положительном духе в докладе Брюса (глава Комиссии. — *Г. М.)* в конце 1930-х годов, содержавшем рекомендации по расширению соответствующей деятельности. Оно произошло в системе ООН, но не следует забывать, что Лига заложила основы работы». (International Institutions at Work, p. 19).

ЦИК Советов накануне Петроградского вооруженного восстания

О. А. Поливанов

23 сентября 1917 г. состоялось пленарное заседание ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. После долгих и бурных прений было принято постановление созвать II Всероссийский съезд Советов 20 октября 1917 года. Это решение противоречило положению, принятому в июне 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов, согласно которому очередной съезд Советов должен созываться не реже одного раза в три месяца, то есть II Всероссийский съезд Советов следовало созвать в сентябре. Но созывать съезд именно тогда не входило в расчеты лидеров ЦИК, которые обоснованно опасались оказаться на этом съезде в меньшинстве и окончательно растерять остатки своего политического влияния.

Поэтому никаких особых приготовлений к созыву съезда не делалось, а было решено отложить его созыв в надежде на то, что и в назначенный срок он не соберется.

26 сентября состоялось заседание Бюро ЦИК. В повестке дня стоял вопрос о съезде Советов. Была предпринята попытка отложить его созыв. «Вопрос о созыве съезда Советов к 20 октября, — сообщал один из меньшевистских участников заседания, — вызвал сильные прения. Помимо технических трудностей выдвигаются еще и другие затруднения, как оттягивание работников от ЦК в момент предвыборной кампании на Стокгольмскую конференцию, в случае удачи миссии нашего делегата на Парижской конференции»[1].

Организатором кампании оттяжки созыва съезда явился член Президиума ЦИК Ф. И. Дан. «В ответ на заявление Дана с горячей речью, — отмечала большевистская газета, — выступил т. Троцкий, заявивший, что, если съезд не будет созван конституционным путем, он будет созван революционным путем... Когда созывалось Демократическое совещание... мы говорили, что готовится срыв Всероссийского съезда Советов... [Дан] обвинял меня в несостоятельной придирчивости, когда я высказал предположение, что против съезда готовится кампания в недрах ЦИК. Теперь Ф. И. Дан дает такие советы, которые фактически похоронят центральную советскую организацию».

Троцкий заявил, что на заседании ЦИК 23 сентября присутствовали при обсуждении вопроса о созыве съезда представители местных Советов, «но никто — и Дан в том числе — не решился предложить местным делегатам не созывать съезда». Троцкий, разоблачая доводы противников созыва съезда насчет того, что созыв якобы помешает выборам в Учредительное собрание, сказал, что «если у нас есть аппарат революции, органы силы, гарантия созыва Учредительного собрания, так это Советы. Их съезд, их объединение не мешает Учредительному собранию, а спасает Учредительное собрание»[2]. После прений Бюро решило не менять дату созыва съезда и образовало комиссию для его подготовки.

Поливанов Олег Александрович — ассистент Исторического факультета Российского педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

На следующем заседании Бюро ЦИК 6 октября было решено нормы представительства на II съезд оставить прежними. Был утвержден порядок дня заседаний: «1) отношение к Учредительному собранию, к власти, к войне; 2) подготовка демобилизации; 3) борьба с анархией; 4) отчет ЦИК о его деятельности»[3]. «Дан возражал против постановки вопроса о власти, находя, что он должен быть разрешен попутно, при разрешении других вопросов. На вопрос Троцкого, что нужно понимать под анархией и является ли то обстоятельство, что во главе государства стоит лицо, полуизобличенное в корниловщине, анархией, — Дан ответил, что это дело ораторов на съезде представить анархию и борьбу с ней в том смысле, как они ее понимают».

Официальных докладчиков выдвинуто не было, договорились начать с отчета ЦИК о его работе. Такая повестка дня затрагивала основные вопросы политической жизни России. Дан пытался изменить уже утвержденную повестку дня. Когда же это не удалось, внес предложение запросить местные Советы об отношении к съезду, рассчитывая на отрицательные ответы эсеро-меньшевистских Советов. Но Бюро отклонило это предложение; тем не менее запросы в провинцию были посланы[4].

На заседании Бюро 9 октября рассматривалась резолюция солдатской секции ЦИК. Секция постановила запросить армейские организации об их отношении к съезду; необходимость запроса вызывалась следующими соображениями: с одной стороны, в съезде нет необходимости, поскольку «1) все внимание должно быть обращено на своевременность и правильность созыва Учредительного собрания, 2) ввиду краткости срока предвыборной агитации и тревожного положения на фронте никакие силы революционной демократии не могут и не должны быть отвлекаемы с фронта»; но, с другой стороны, «созыв съезда, формально обязательный для ЦИК, вызывается настоянием целого ряда крупных Советов рабочих и солдатских депутатов, политика которых расходится с политикой ЦИК»[5]. Эта резолюция шла вразрез с резолюцией ЦИК о созыве съезда. Бюро, отклонив предложение Дана о таких запросах, отклонило и предложение В. В. Кураева выразить порицание Военному отделу за его резолюцию, предложив затем ему представить в Бюро дополнительную информацию.

Военный отдел ЦИК в вопросе о созыве съезда действовал обособленно от Бюро ЦИК. На заседании Бюро Военного отдела 24 сентября было постановлено: «Созвать общий армейский съезд за 5 дней до общего съезда Советов с тем, чтобы члены первого вместе с тем являлись бы и членами последнего». Съезд же предполагалось созвать для решения «своих военно-профессиональных вопросов». На следующем заседании стремление Бюро Военного отдела противопоставить рабочих и солдат проявилось еще отчетливее. Эсер Б. В. Безобразов, который явился инициатором идеи созыва чисто военного съезда, утверждал: «В течение 5 дней армейский съезд успеет вырешить свои военно-профессиональные вопросы и даже может избрать свой Центральный Исполнительный Комитет»[6]. Но воплощения в жизнь эта идея не получила, поскольку развернулась кампания против созыва съезда Советов.

На заседании ЦИК 14 октября вторым вопросом повестки дня вновь стоял вопрос о созыве съезда, но рассмотрен он не был: под тем предлогом, что время позднее, его перенесли на следующее заседание. На том же заседании меньшевики и правые эсеры, встревоженные созданием Военно-революционного комитета при Петроградском Совете и циркулировавшими по столице слухами о готовящемся вооруженном выступлении большевиков, стремились выведать планы большевиков. «Рязанов дал прекрасную отповедь этому «допросу с пристрастием». Мы, заявил он, не заговорщики и не бланкисты. Мы не назначаем дня и часа выступления, но мы говорим народным массам: готовьтесь к решительной борьбе за землю, за мир, за хлеб и свободу». Не узнав ничего от большевиков, ЦИК «решил, однако, в ближайшем заседании перерешить вопрос о созыве съезда»[7].

Снова он был поставлен на заседании Бюро ЦИК 17 октября. В тот же день состоялось секретное заседание Временного правительства, на котором решили просить министра труда меньшевика К. А. Гвоздева уговорить ЦИК Советов отменить созыв II Всероссийского съезда Советов[8]. Временное правительство надеялось таким способом предотвратить вооруженное выступление большевиков и левых эсеров, дату которого связывали с днем открытия съезда. Лидеры ЦИК тоже опасались вооруженного восстания и старались помешать ему, но пойти на отмену съезда не решились. Поэтому Бюро постановило перенести день открытия съезда.

В извещении об этом говорилось: «Ввиду выяснившейся невозможности собрать второй Всероссийский съезд Советов... 20 октября и отрицательного отношения к съезду со стороны всех армейских и фронтовых комитетов, Бюро ЦИК решило принять все меры к оповещению воинских и местных организаций о необходимости принять участие в съезде и постановило день открытия пленарного заседания перенести на 25 октября»[9]. В черновиках прото-

кола заседания имеется также дата 27 октября, но она перечеркнута и рядом поставлено 25 октября. Можно лишь догадываться, какие бурные прения разгорелись в этой связи на заседании.

Тогда же была утверждена новая повестка дня съезда: «1) текущий момент; 2) подготовка к Учредительному собранию; 3) выборы ЦИК»[10]. Вместо конкретных вопросов об отношении к власти и к войне возник неопределенный «текущий момент», в рамках которого докладчик, который, как и 6 октября, намечен не был, мог рассмотреть, например, ситуацию в связи с обороной или «разгрузкой» Петрограда. Вместо конкретного «отношение к Учредительному собранию» — снова неопределенное «подготовка». Было также решено, чтобы съезд завершился в течение трех дней. Объяснялось это тем, что нельзя отрывать надолго местных работников в период подготовки к выборам в Учредительное собрание. Было принято обращение к заводским комитетам не выдавать кому бы то ни было оружия, боеприпасов и взрывчатых средств без разрешения Комитета по борьбе с контрреволюцией при ЦИК Советов.

О стремлении ЦИК оттянуть или сорвать созыв съезда «Рабочий путь» 18 октября писал, что некоторые члены Оргбюро по созыву съезда «уверяют делегатов, что съезда не будет, ввиду чего предлагают им разъехаться на места». О такого рода действиях Оргбюро сообщал и Дж. Рид[11]. Бурную деятельность развернул военный комитет при ЦИК Советов, который намеревался «взять в свои руки ликвидацию большевистского выступления: в течение последних дней состоялся ряд заседаний комитета, на которых детально был разработан план действий комитета в случае вооруженного выступления большевиков»; было признано необходимым, чтобы комитет санкционировал «все распоряжения главнокомандующего Петроградским военным округом, касающиеся ликвидации подобных выступлений»[12], для чего 16 октября в штаб округа были назначены комиссар с двумя помощниками, а 19 октября установлена координация действий этого комитета со штабом.

21 октября пленум ЦИК не состоялся, что явилось нарушением положения о ЦИК, согласно которому пленум должен был проводиться не реже раза в неделю. Вместо него прошло заседание Бюро. Вторым вопросом на нем стояла подготовка к созыву II съезда Советов. Были оглашены телеграммы, подписанные Петроградским и Московским Советами рабочих и солдатских депутатов, Петроградским Советом крестьянских депутатов и Северным областным комитетом, с просьбой о присылке делегатов на съезд. «По данному поводу представители фракции большевиков заявили, что они не отрицают факта посылки телеграмм, считая, что ЦИК съезда не созовет»[13].

В результате прений решили считать съезд правомочным при наличии $^2/_3$ кворума I Всероссийского съезда Советов. Затем приняли резолюцию: «Назначение особых комиссаров от Петроградского Совета в части петроградского гарнизона излишне и вредно»; при этом подчеркивалось, что комиссары Петросовета и Военно-революционного комитета не имеют права задерживать или отменять какие-либо распоряжения военных властей[14].

23 октября состоялось заседание Бюро ЦИК, но не в Смольном, а в Мариинском дворце, поскольку «ЦИК, всецело находящийся на стороне правительства, оставляет Смольный институт». Большевиков на это заседание не пригласили, «так как хотели обсудить, что с ними делать, без их участия». На заседании царила растерянность: лидеры ЦИК не знали, что делать. В итоге приняли резолюцию относительно Военно-революционного комитета с осуждением этой организации и требованием о «решительных мерах против нее, вплоть до ареста ее руководителей»[15].

Лидеры ЦИК старались спасти Временное правительство, в которое входили представители их партий. ЦИК вмешался в конфликт между Петроградским Советом и штабом округа, заняв сторону последнего и предложив свое посредничество для улаживания конфликта. Это был маневр, рассчитанный на выигрыш времени до подхода войск с фронта. 22 октября комиссар Временного правительства на Северном фронте, член ЦИК В. С. Войтинский получил указание готовить войска для посылки их в Петроград[16]. В. А. Антонов-Овсеенко на заседании Петросовета, докладывая о деятельности ВРК, прямо сказал: «ЦИК развязывает руки штабу для борьбы с нами»[17]. А в ночь на 24 октября правительство отдало распоряжение о закрытии «Рабочего пути» и «Солдата».

В сообщении для прессы А. И. Коновалов от имени Временного правительства указывал, что это распоряжение оно отдавало, «опираясь на Центральные Исполнительные Комитеты». В ту же ночь штаб округа направил предписания с вызовом войск в Петроград. Наряду с военными властями эти документы были подписаны комиссарами ЦИК. 24 октября А. Ф. Керенский беседовал с некоторыми членами ЦИК, и они заверили его, что в конфликте Временного правительства с Петросоветом ЦИК, безусловно, на стороне правительства.

Поэтому ЦИК предъявил Исполкому Петросовета требование отменить приказ о неисполнении распоряжений военных властей. Одновременно было опубликовано требование ЦИК к гарнизону о выполнении приказов военных властей. Военный комиссар ЦИК при штабе издавал один приказ за другим с призывами к солдатам сохранять спокойствие. Он же подписал удостоверение на право закрытия газеты «Рабочий путь» подполковнику Г. В. Германовичу, а его помощник — предписание о выделении подполковнику бронеавтомобиля[18].

Лидеры ЦИК весь день 24 октября провели в совещаниях. Они заседали в Предпарламенте, созвали совещание в Смольном из уже прибывших делегатов съезда, пытаясь уговорить их выступить с протестом против восстания. Вечером того дня Ф. И. Дан, Н. Д. Авксентьев и А. Р. Гоц, посетив Керенского, отправились на заседание ЦИК, на котором надеялись найти возможность прекратить уже начавшееся восстание. Заседание открылось вскоре после полуночи 25 октября. Выступивший первым Дан, как и другие ораторы от правых эсеров и меньшевиков, заявил, что большевики «своей авантюрой захвата власти» погубят революцию. Речь Дана и других ораторов неоднократно прерывалась криками с мест: «Ложь! Позор!». Председательствовавшему Гоцу с трудом удавалось восстанавливать порядок. Зато Троцкому собрание стоя устроило овацию[19]. Свою речь Троцкий посвятил обоснованию правильности тактики большевиков. Собранию была предложена резолюция с призывом к рабочим и солдатам сохранять спокойствие и не идти на восстание: «Для борьбы со всякими дезорганизаторскими выступлениями, контрреволюционными покушениями собрание признает необходимым немедленное образование Комитета общественной безопасности». В. Володарский от имени большевиков заявил, что нелепо выносить какие бы то ни было резолюции за несколько часов до открытия II Всероссийского съезда Советов, после чего большевики покинули зал заседаний ЦИК, выполнив то, о чем говорилось на заседании ЦК РСДРП(б) утром 24 октября: «По отношению к ЦИК на сегодняшнем заседании при любом составе делегатов заявить, что ЦИК... подрывает дело революционной демократии»[20].

25 октября в 22 час. 40 мин. открылся II Всероссийский съезд Советов. Открывал его от имени ЦИК первого созыва Дан. Согласно регламенту, съезд должен был начаться с политической речи председателя ЦИК. Дан, исполняющий обязанности председателя ЦИК, от речи отказался. После избрания президиума съезда члены старого ЦИК сошли со сцены, их место занял новый президиум. Когда было внесено предложение предоставить слово членам ЦИК первого созыва, делегаты возразили, что необходимо незамедлительно решать кардинальные вопросы революции. И в ту же ночь ЦИК первого созыва покинул Смольный, а третья российская революция, которая развернулась помимо него, пошла тоже без него.

Примечания

1. Центральный госархив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 189, л. 1.
2. Рабочий путь, 27. IX. 1917; Новая жизнь, 27.IX.1917.
3. ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 193, л.2.
4. РЯБИНСКИЙ К. Революция 1917 года. Хроника событий. Т. 5. М. — Пг. 1925, с. 36; Социал-демократ, 18.X.1917.
5. ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 194, лл. 1—2.
6. Там же, д. 546, лл. 118 об., 123.
7. Рабочий путь, 15.X.1917; День, 17.X.1917.
8. Исторический архив, 1960, № 5, с. 84.
9. Известия, 19.X.1917.
10. ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 192, л. 5; Известия, 18.X.1917.
11. РИД Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М. 1957, с. 50.
12. Биржевые ведомости, 20.X.1917, утренний выпуск.
13. Известия, 22.X.1917.
14. Речь, 22.X.1917.
15. Известия, 25.X.1917; СУХАНОВ Н. Записки о революции. Т. 7. Берлин—М.—Пг. 1923, с. 115; Речь, 24.X.1917.
16. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М. 1957, с. 278.
17. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО В. А. В революции. В кн.: В дни Октября. Л. 1982, с. 68.
18. Известия, 25, 26.X.1917; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 337.
19. СУЛТАНОВА Е. А., ОРЛОВА В. С. Съезд восставшего и победившего народа. Л. 1987, с. 53; РИД Дж. Ук. соч., с 78.
20. Известия, 26.X.1917; Протоколы ЦК РСДРП(б). М. 1958, с. 120.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Макс Вебер и социальная история

С. И. Жук

Сегодня трудно представить себе развитие не только философии, социологии, но и историографии без работ Макса Вебера (1864—1920). К сожалению, советские читатели (в том числе и многие историки-профессионалы) долгое время знали его концепцию лишь понаслышке, как правило, в тенденциозном изложении «критиков буржуазной философии». Но сегодня невозможно без знания этих концепций говорить о современной западной историографии (и прежде всего, социальной истории, в том числе о «символической антропологии»).

Согласно Веберу, всем людям присущи: 1) «осознание» окружающего их мира в виде определенных исторически изменяющихся «систем значений», 2) связанная с этим внутренняя необходимость определить свое отношение к миру через эти «системы значений», которые проявляются в сфере культуры как общественные системы ценностей. Люди, по мнению Вебера, как бы реконструируют в своем сознании (порой в неотрефлектированной форме) окружающую их реальность, и воображаемые модели этой реальности, своеобразные «картины мира» определяют их поведение. Вебер противопоставляет вульгарно-экономическому редукционизму концепцию этоса (своеобразного стиля жизни, общей направленности культуры, иерархии ценностей различных социальных групп), который отражает — опосредствованно, через мировоспитание, мироощущение людей — экономические реалии. Таким образом, Вебер во многом предвосхищает историко-антропологические интерпретации менталитета-мировидения и теоретические методы французских социальных историков школы «Анналов»[1].

Поскольку религия составляла основу мировидения всех докапиталистических обществ, Вебер пытается выявить в первую очередь «те созданные религиозной верой и практикой религиозной жизни психологические стимулы, которые давали определенное направление всему жизненному строю и заставляли индивидуума строго держаться его». При этом Вебер отнюдь не абсолютизирует роль религиозных идей: «Несмотря на то, что современный человек при всем желании обычно неспособен представить себе всю степень того влияния, которое религиозные идеи оказывают на образ жизни людей, их культуру и национальный характер, — пишет он, — это, конечно, отнюдь не означает, что мы намерены заменить одностороннюю «материалистическую» интерпретацию каузальных связей в области культуры и истории столь же односторонней спиритуалистической каузальной интерпретацией»[2]. В противовес «всеобщему экономическому импульсу» либеральных теорий или «производительным силам» исторического материализма Вебер в центр внимания исследователя-историка поставил человека. Культура в его видении — это система символов, посредством которых человек придает значение («полагает смысл») своему собственному опыту (как бы «легитимирует» его, обращаясь к общепринятым в данном обществе ценностям).

Жук Сергей Иванович — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры всеобщей истории Днепропетровского государственного университета.

Как эволюционист Вебер строит свои рассуждения на основе концепции «прорыва», то есть морально-психологического перехода от низшего к более высокому, прогрессивному этапу общественного развития. Одним из динамичных элементов этого «прорыва» является религия. Религии со стабильным культом, строгим и систематическим упорядочением жизни противопоставляется магия как традиционная система языческих верований. С вышеназванной дихотомией (магия — религия) связаны у Вебера соответствующие типы нормативного общественного порядка: табу и религиозная этика. Религиозная этика усиливает общую ориентацию поведения и концептуализируется на более высоком уровне обобщения, чем система табу. Она универсальнее табу, ее соблюдение требует большей ответственности и нарушение ее нельзя исправить магическими контрдействиями.

Возникновение различных этических систем создает основу для рационализации общества, в условиях которой единственно возможно его движение вперед, то есть «прорыв». Рационализация, по Веберу, — это такой идейно-психологический механизм, посредством которого культура общества определяет свою религиозную ситуацию. Это процесс интеллектуальной систематизации, очищения идей, которые составляют телеологический смысл представлений человека о себе и своем месте в мироздании; идей, которые легитимируют ориентацию человека в мире.

Но «прорыв» невозможен без пророка, обладающего харизмой (у Вебера — способностью личности взять на себя ответственность объявить разрыв с прежним нормативным общественным порядком и провозгласить этот разрыв законным с моральной точки зрения, тем самым противопоставляя себя установившемуся образу жизни). Пророк (харизматическая личность) выступает посредником в процессе прорыва к высшему (более рационализированному и систематизированному) этапу развития культуры, к более высокому уровню религиозной этики, по которой можно судить, в свою очередь, о природе общества, в котором этот новый этап развития институализируется.

Вебер противопоставляет пророчество, призывающее к простому подражанию поведению пророка, — этическому пророчеству. В первом случае пророк служит образцом для подражания, воплощая в себе высший уровень личной добродетели; во втором — необходимо следовать не столько примеру пророка, сколько его предписаниям и советам; стремиться вести себя в полном соответствии с деперсонифицированными этическими нормами; в первом случае пророк стремится определить себя как сосуд божьей благодати, непосредственно связанный с божеством, во втором — рассматривает себя лишь как инструмент божественной милости, устремленный к тому, чтобы создать условия для максимального проявления божественной воли.

Отсюда у Вебера возникают два понятия божества: «пророк-образец» представляет божества, имманентные мирозданию, а сам он как бы участвует в житии сверхъестественных существ и приглашает других присоединяться к нему; «этический» же пророк стремится легитимировать свое учение ссылкой на идею трансцендентного Бога, находящегося вне мира человека. Крайним воплощением первой концепции служит религиозная философия Индии; второй — иудаизм, христианство и ислам.

Самыми восприимчивыми к пророчеству являются те социальные группы, которые испытывают наибольшее отчуждение в обществе. Уже в силу этого они потенциально противостоят традиционализму. Вебер рассматривает пророческие движения не как проявления классовой борьбы, экономического протеста, а как стремление средних слоев легитимировать свой социальный статус. Эти экономически обеспеченные группы (такие, как торговцы и ремесленники) благодаря своим профессиональным занятиям, которые вносили элементы рационализации в привычный образ жизни, или из-за постоянных миграций утрачивали связи с традиционными ценностями традиционного общества.

Типично традиционной группой, по мнению Вебера, является крестьянство, в котором живучи языческие верования, магия и т. п. «Чем больше развитие культуры, — пишет Вебер, — ориентировано на крестьянство,.. тем сильнее этот слой населения влияет на создание традиционных представлений и тем меньшей этической рационализации достигает религия, во всяком случае, религия масс»[3]. Этическая рационализация тесно связана с рационализацией восприятия времени, что обусловлено развитием города. Все пророческие религиозные движения сосредоточивались в городах, население которых всегда менее традиционно, нежели в сельских общинах.

Чем сильнее харизматические лидеры и их последователи рационализировали общество, в котором они жили, тем больше ощущали противоречие между своими представлениями о мире и реальной практикой. Существование этих противоречий стимулирует инте-

рес верующих к выяснению смысла своего существования, своего предназначения в обществе. Вебер выделяет два способа рационализации смысла существования верующего: 1) стремление «примерных» пророков к высшему уровню участия в божественном бытии, к «перерождению»; 2) попытки «этических» пророков утвердить миропорядок, соответствующий предписаниям религиозной этики. Потребность в спасении души возникает у верующего как необходимость личной легитимации в смысле определения своего отношения к миру. Можно уйти от мирских конфликтов (в мистику или монастырь) или же активно преобразовать мир в соответствии с нормативными требованиями радикальной религиозной этики.

Из всех рассматриваемых Вебером ориентаций верующего по отношению к миру наиболее действенной для эволюции общества, его «прорыва» является «мирской аскетизм». Для становления западноевропейской капиталистической цивилизации, формирования ее буржуазных предпринимательских ценностей, рационализации («расколдовывания») всей жизни таким средством «прорыва» от традиционализма к современности стал, как считал Вебер, аскетический христианский протестантизм кальвинистского толка, наиболее полно проявившийся в англо-американском пуританизме (Вебер называет историческими носителями аскетического протестантизма также пиетизм, методизм и вышедшие из анабаптистского движения секты).

Чтобы частнопредпринимательская деятельность, связанная с извлечением прибыли, получила массовое распространение, необходимо было разрушить традиционалистские представления, тип восприятия и стиль жизни, в основе которых лежало осуждение торгово-ростовщической деятельности и накопления денежного богатства. Еще в античном обществе отрицательное отношение к денежному хозяйству нашло свое выражение в том различии, которое проводил Аристотель между «экономикой» и «хрематистикой», между естественной хозяйственной деятельностью, производством необходимых для жизни продуктов, в рамках которого обмен осуществляется для удовлетворения личных потребностей и имеет справедливый характер, и противоестественным, достойным осуждения и социально опасным накоплением богатств ради извлечения прибыли. Католицизм осуждал хрематистику.

Первым шагом к разрыву с этой традицией стало появление лютеровской идеи призвания, согласно которой выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривалось как наивысшая задача нравственной жизни человека. В отличие от католической точки зрения, моральное значение мирского профессионального труда и религиозное воздаяние за него чрезвычайно возросли. Дальнейшее практическое развитие концепции профессионального призвания связано с аскетическим протестантизмом кальвинистского толка, прежде всего пуританством.

Аскетический стиль жизни пуритан сводился к ориентированному на божественную волю рациональному преобразованию всего существования (рационализация жизни в миру). Но этот стиль жизни складывался теперь не вне мира — в монашеских организациях, а внутри мирского устройства. Идее универсальной благодати и ее главного института, церкви, как учреждения по ее дарованию пуритане противопоставили секту — добровольное объединение лишь достойных в религиозно-этическом отношении людей, вступивших в него ввиду доказанной их религиозной избранности. Борьба этих двух структурных принципов (церкви и секты) проходит через всю историю протестантизма. По мнению Вебера, отказ от веры в спасение души только с помощью церкви и таинств стал той решающей идеей, которая отличала кальвинизм от католицизма. В этом, считал он, находит свое завершение тот великий историко-религиозный процесс расколдования мира, начало которого относится ко времени древнеиудейских пророков и который в сочетании с эллинским научным мышлением уничтожил все магические средства спасения, объявив их неверием и кощунством.

Вебер подчеркивал историческое значение мирской аскезы протестантизма, которая отвергала непосредственное наслаждение богатством и стремилась сократить потребление, особенно когда оно превращалось в излишества. Вместе с тем она освобождала приобретательство от психологического гнета традиционалистской этики, разрывала оковы, ограничивавшие стремление к наживе, превращая его не только в законное, но и угодное Богу занятие. Аскеза требовала от богатых людей не умерщвления плоти, а такого употребления богатства, которое служило бы необходимым и практически полезным целям.

Не этическое учение религии, а то этическое отношение к жизни, которое поощряется в зависимости от характера и обусловленности средств к спасению, предлагаемых данной

религией, является ее специфическим «этосом» в социологическом значении этого слова. В пуританстве таковым была определенная методически-рациональная система жизненного поведения, которая, при известных условиях, прокладывала путь «духу» современного капитализма. Образование аскетических общин и сект с их радикальным отказом от патриархальных пут, с их толкованием заповеди повиноваться более Богу, чем людям, послужило одной из важнейших предпосылок современного «индивидуализма»[4].

Главная идея, которая пронизывает труды Вебера, — необходимость комплексного подхода к социальной истории и изучению социокультурного универсума в единстве человек — культура как непременного условия адекватного понимания прошлого. Но наследие Вебера не исчерпывается методологическими замечаниями о необходимости изучения общества в тесной связи с его культурой, интерпретируемой как система символов и коллективный опыт. Многие идеи Вебера, высказанные по конкретным проблемам истории, служат и сегодня своеобразными концептуальными парадигмами.

Большое влияние в становлении западной «новой», социальной истории в 60—80-е годы сыграли методы и подходы современных социологии и антропологии. Именно эти науки позволяли историкам исследовать историю человека через призму его мировосприятия и посредством анализа тех социальных структур, в которых он существовал. Традиционные нарративные методы накопления фактов уже не удовлетворяли исследователей «человеческой» истории, тем более, что леворадикальные движения молодежи, «цветных» и т. п. стимулировали поиск новых приемов исследования, демократизировали гуманитарную науку, делали ее более современной.

Западная социальная история в 70-е годы испытала воздействие британской социальной антропологии, «антропологической социологии», или, как еще ее называют, антропологии социальной организации и социальных структур, начало которой положила образованная еще в 1964 г. Кембриджская группа по изучению истории народонаселения и социальных структур (Э. Ригли, Р. Скофилд, П. Ласлетт и др.). Такой социоструктурный, историко-демографический метод исследования получил распространение и в США. Благодаря работам кембриджских и принстонских исследователей социальных структур были уточнены многие исторические данные (размеры семьи и церковного прихода в тюдоровской Англии, параметры естественного прироста и иммиграции накануне промышленного переворота и т. п.).

Но этим социальным историкам не хватало исследования внутреннего мира человека прошлого, воссоздания связи между его мировидением и поведением (что уже пытались делать во Франции Ж. Дюби, Ф. Ариес, Ж. Ле Гофф и др.). Выход из положения подсказала так называемая культурная («символическая») антропология. Американский антрополог К. Гиртц предложил в 70-х годах, основываясь на теории Вебера, рассматривать культуру как «полагание смысла», как совокупность значащих для человека общественных символов. Именно благодаря символической антропологии интерес исследователей постепенно акцентрируется на менталитете, этосе людей прошлого, на иерархии их духовных ценностей и моральных норм[5]. «Символическая» антропология К. Гиртца обострила внимание социальных историков к теоретическому наследию Вебера, ставшему актуальным после блестящих переводов и интерпретаций его трудов Т. Парсонсом еще в 30—60-е годы.

В исследовании системы ценностей Вебер, по мнению Дж. Эпплби (США), создал модель для изучения создания и связал через иерархию ценностей культуру и поведение людей. Общество нельзя исследовать в отрыве от его культуры. Следуя Веберу, англо-американские социальные историки, те же Эпплби, Г. Нэш, М. Зукерман, Т. Брин, Дж. Хенретта, Р. Айзек, акцентируют внимание на том, что человеческое существо — это «системообразующее и символопроизводящее создание»[6]. Они исследуют реальное развитие социальных, значащих для их носителей, систем, изучают, как символы и ценности взаимодействуют с обычаями и институтами общества. В подобной интерпретации прошлое исследуется как иная культура, а чтобы изучить это общество, нужно понять средства выражения, используемые его представителями.

Иногда такой «символический» (семиотический) подход в американской историографии называют «австралийской школой» исторической антропологии (так как наиболее известные ее представители Р. Айзек, Г. Дэннинг и др. — живут и работают в Австралии). Последним ярким примером такого исследования стала работа Д. Мервик о взаимодействии голландской и английской культур в колонии Нью-Йорк на рубеже XVII—XVIII веков. Исследуя культуру как систему символов, Мервик противопоставляет голландский этос, ориентированный на ремесло, торговлю и городской образ жизни, и этос британских коло-

нистов, связанный с обязательным землевладением и преимущественно фермерским образом жизни. Взаимоотношения этих символических систем, выражавшихся в ритуализированных политических действиях их носителей, определяли развитие общества Олбани, столицы будущего штата Нью-Йорк[7].

Особенно заметной веберовская традиция, как в постановке проблемы, так и в методах интерпретации, становится при изучении религиозной историографии США. Среди американских исследователей религии и церкви в истории США нет ни одного (начиная с П. Бономи), оставшегося вне влияния веберовской социологии религии. Весьма показательна для этой традиции интерпретация Айзеком социокультурного развития Виргинии второй половины XVIII в., как противостояния английской культуры «писанного слова» местных аристократов и баптистской культуры «сказанного слова» простонародья[8]. Через веберовскую традицию в «социальную историю» приходят понятия и подходы «понимающей» социологии и структурного функционализма. Т. Парсонс принес в американскую историографию представление о культуре как скрытой, но разделяемой всеми, матрице отношений и интенций, определяющих поведение людей в обществе.

Тем не менее привнесение методов социологии (в том числе и веберовской) в социальную историю может приводить к схематизации и упрощению исторического процесса. По мнению Д. Лэндза и Ч. Тилли, характерными чертами «социологизации» истории являются: 1) связь фиксированного опыта больших групп населения с образцами коллективного поведения; 2) объяснение коллективного поведения при помощи теоретических концепций; 3) систематическое сравнение социальных структур и систем прошлого[9]. Главная беда, которая подстерегает многих социальных историков, — это зависимость их интерпретаций прошлого от жесткого нормативного функционализма современной социологии. Восприятие духовных ценностей в качестве единственной главной связывающей силы в обществе приводит к искажению многообразия исторического процесса. Только духовные ценности в этом случае поддерживают культурную преемственность в обществе. У той же Мервик в исследовании общества культурные символы вытесняют порой самих людей, творящих эти символы. Ее работа — яркое свидетельство давления и искажающего воздействия метода на материал исследования. Такая чрезмерная «постмодернистская» специализация автора приводит к отрыву анализа от традиционных нарративных методов изучения прошлого, что вызывает естественный протест у читающей аудитории.

Но на рубеже 80—90-х годов в западной (в том числе и англо-американской) историографии наметились новые тенденции: «синтез» междисциплинарных и традиционных методов исследования, стремление к хорошему литературному языку и широким обобщениям, нарративу (по словам Д. Х. Фишера, к сочетанию «интерпретационных парусов» «старой» истории с «эмпирическими якорями» «новой»)[10].

Добросовестные историки сегодня стремятся избегать всяких универсальных схем социального развития, не важно каких по происхождению: марксистских или веберовских. Претензии на всеобщую закономерность, телеологию событий, которые заложены во многих социологических теориях, приводят к нивелировке исторических событий, подгонке их под априорные схемы. Вебер, наверное, очень бы удивился, узнав, что в конце XX в. стал «модным» методологом исторической науки. Веберовский ренессанс, начавшийся на Западе в 70-е годы и достигший нас в 90-е годы, не должен превратиться в очередную идеологическую моду, как это произошло несколько лет назад со школой «Анналов» в советской историографии. Слепое следование любой социологической теории опасно как для теории, так и для практики исследования. Но «ценностный» подход Вебера в сочетании с бихевиористскими методами, например Э. Фромма, или «микросистемными» методами И. Валлерстайна по-прежнему может содействовать поиску исторической истины.

Примечания

1. См. Одиссей. Человек в истории. 1989. М. 1989; ГУРЕВИЧ А. Я. Социальная история и историческая наука. — Вопросы философии, 1990, № 4; е г о ж е. О кризисе исторической науки. — Вопросы истории, 1991, № 2—3; и др.
2. ВЕБЕР М. Избранные произведения. М. 1990, с. 138, 208.
3. Работы М. Вебера по социологии религии и идеологии. М. 1985, с. 154.
4. ВЕБЕР М. Ук. соч., с. 143, 183, 193, 197, 198, 277, 290.
5. GEERTZ C. The Interpretation of Cultures. N. Y. 1973.
6. APPLEBY J. Value and Society. — Colonial British America. Essays in the New History of the Early Modern Era. Baltimore. 1984, pp. 292—294.
7. MERWICK D. Possessing Albany, 1630—1720. The Dutch and English Experiences. Cambridge (Mass.). 1990; RICHTER D. The Semiotics of Colonial Albany. — Reviews in American History, 1991, Vol. 19, № 2.
8. ISAAC R. The Transformation of Virginia, 1740—1790. Chapel Hill. 1982.
9. LANDES D., TILLY Ch. History as Social Science. Englewood Cliffs. 1971, pp. 71—73.
10. Лучшие примеры «синтетических» социокультурных исследований в американской историографии: FISCHER D. H. Albion's Seed: Four British Folkways in America. N. Y. 1989; GREENE J. P. Pursuits of Happiness. Chapel Hill. 1988; BUTLER J. Awash in a Sea of Faith: Christianizing the American People Cambridge (Mass.). 1990.

Р. А. КИРЕЕВА. *К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в.* М. Наука. 1990. 272 с.

Книга доктора исторических наук Р. А. Киреевой (Институт истории России) о творчестве К. Н. Бестужева-Рюмина раскрывает малоисследованную страницу в развитии отечественной исторической науки и духовной культуры России второй половины XIX века.

Научная и педагогическая деятельность Бестужева-Рюмина протекала в эпоху сложных социально-экономических процессов, требовавших глубокого осмысления прошлого. В книге охарактеризована современная ему историографическая ситуация. К истории обращались тогда ученые, писатели, публицисты. Собирались и публиковались ценнейшие коллекции документов, создавались научные общества, историческая периодика, расширялась подготовка профессионалов-историков. Историческая наука включилась в острую полемику вокруг наболевших вопросов современности. Потребность более глубокого осмысления российской истории нашла выражение в создании новых концепций.

Труды К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, С. М. Соловьева, И. Д. Беляева, И. Е. Забелина, Ю. Ф. Самарина определили основные теоретикометодологические и конкретно-исторические поиски и тенденции в отечественной историографии.

Творчество Бестужева-Рюмина отразило эти тенденции, присущие исторической науке второй половины XIX в. со всеми ее «сложностями, перепадами и противоречиями, сочетающими черты старого и нового, прогрессивного» (с. 238). В подходе к осмыслению истории России он шел от основных положений концепции Кавелина и Соловьева. Однако методологические идеи самого Бестужева-Рюмина отражали существо следующего этапа изучения прошлого, основанного на идеях позитивизма, получивших распространение в России в конце 60-х годов XIX века. Особое внимание он уделял изучению источников и разработке методов их анализа, принял участие в дискуссии о возникновении и развитии русского летописания.

Критический анализ источников, внимательное обобщение результатов исследования древних летописей отразили общее состояние современной Бестужеву-Рюмину науки, общую динамику ее развития. Крупнейший специалист в области археографии, издатель выдающихся памятников А. Ф. Бычков так отзывался о работе Бестужева-Рюмина «О составе русских летописей до конца XIV в.»: «Это сочинение, с одной стороны, по новизне предмета и употребленных приемов, с другой — по трудности отделения составных частей нашей древней летописи, требовавшего большой осторожности и осмотрительности, по справедливости может быть причислено к крупным явлениям в области русской историографии» (с. 83).

В книге прослеживается влияние источниковедческих выводов Бестужева-Рюмина на В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, также занимавшихся исследованием древнейших памятников русской истории.

Важнейшим аспектом творчества Бестужева-Рюмина были его историографические исследования, которые наряду с трудами С. М. Соловьева, И. В. Лашнюкова, М. О. Кояловича, В. С. Иконникова способствовали оформлению

отечественной историографии как специальной дисциплины. Бестужев-Рюмин одним из первых сделал попытку представить общую картину развития исторической науки, включая историческую журналистику, историю исторических учреждений и обществ. Киреевой впервые удалось раскрыть эволюцию историографических взглядов Бестужева-Рюмина, показать их связь с его мировоззренческими позициями.

Неудовлетворенность Бестужева-Рюмина господствующей в 50-х — начале 60-х годов XIX в. философско-исторической точкой зрения, его в конечном итоге позитивистская позиция с ее приоритетным отношением к факту, положительное восприятие некоторых идей славянофилов сказались на оценках им значимости трудов Н. А. Полевого и М. Т. Каченовского, при рассмотрении творчества Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, С. М. Соловьева и др. Думается, что было бы плодотворно сравнить его характеристики предшествующей историографии с оценками ее современными историками. Это помогло бы глубже осмыслить историографическую ситуацию второй половины XIX века. Структура историографических работ Бестужева-Рюмина была воспринята Кояловичем, Иконниковым, которым принадлежат труды по отечественной историографии. Влияние его идей обнаруживается и в работах Лаппо-Данилевского.

Киреева отказалась от трактовки творчества Бестужева-Рюмина как охранительного и консервативного. Она показала, что не было жесткой связи между общественной позицией ученого и развиваемой им исторической концепцией. Это нашло отражение в анализе взаимоотношений между Бестужевым-Рюминым и его учеником В. И. Семевским. Неприятие первым «проповеди революции» не заслонило понимания им научной ценности работ Семевского. Характерно, что ученики Бестужева-Рюмина — В. И. Семевский, В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, Е. Ф. Шмурло, А. С. Лаппо-Данилевский и другие, имевшие различные общественно-политические ориентации, сходились в осмыслении хода исторического процесса, в отношении к источнику, подходе к трудам своих предшественников и современников. Как сумела показать Киреева, научные выводы Бестужева-Рюмина открывали возможности для дальнейшего развития научно-исторического познания.

Бестужев-Рюмин предстает со страниц книги как оригинальный ученый, педагог, общественный деятель, внесший значительный вклад в развитие исторической науки, подготовку специалистов, популяризацию исторического знания.

А. Е. ШИКЛО

М. А. РАХМАТУЛЛИН. *Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826—1857 гг.* М. Наука. 1990. 303 с.

Многовековая история русского крестьянства всегда привлекала внимание историков. И именно в этой области сильнее всего проявилось, если и не открытое, то, так сказать, внутреннее сопротивление сталинско-ждановскому омертвлению исследовательской мысли. Вопреки упорному стремлению втиснуть живое, противоречивое содержание истории крестьянства в железобетонные схемы продолжались научный поиск, обмен мнениями и дискуссии. В этой связи нельзя не упомянуть труды Н. М. Дружинина, В. Г. Литвака, П. Г. Рындзюнского. Книга доктора исторических наук М. А. Рахматуллина является своеобразным обобщением этих поисков. Она отличается оригинальностью и смелостью мысли и вполне заслуживает того, чтобы поразмышлять, а иногда и поспорить по поднятым автором вопросам.

Нарушая устновившуюся традицию, начнем с одного критического замечания, имеющего отношение не только (а, пожалуй, и не столько) к книге Рахматуллина. В советской исторической науке получила широчайшее распространение практика подмены научной аргументации ленинскими цитатами, в изобилии включавшимися в работы историков. Отыскав убедительную, с его точки зрения, цитату, историк во многих случаях считал себя свободным от более углубленного исследования. Вряд ли можно найти советского историка, не страдавшего этим недугом (автор этих строк признает, что данный упрек относится и к нему самому). В книге Рахматуллина тоже встречается этот прием, хотя, следует признать, довольно редко и, как правило, не в противоречии с научной истиной.

Остановимся на некоторых наиболее интересных результатах исследований Рахматуллина. Уже в самом начале он ставит важный вопрос, насколько усилилось крестьянское движение во второй четверти XIX в. по сравнению с первой четвертью этого столетия. Приведенный материал свидетельствует о количественном росте крестьянских выступлений, причем в конце рассматриваемого периода отмечается возросшая их длительность (с. 50—51). Но гораздо важнее другое обстоятельство, на которое указывает и сам автор: «в общественном настроении крепо-

стного крестьянства, а затем и в крестьянском движении возникают и утверждаются новые моменты, которые по своему содержанию полностью вписываются в ход борьбы на следующем этапе — в годы революционной ситуации. И дело здесь не в существенном количественном росте крестьянских выступлений... а в том, что отныне крепостное крестьянство вопрос о получении воли считало в принципе решенным и на острие крестьянской борьбы впервые явственно выдвигалось требование земли» (с 5).

Смелее (хочется сказать — и честнее), чем другие исследователи, автор признает, что открыто сопротивлялась феодальному гнету все же незначительная часть крестьянства — в год 0,2—0,3% всех крестьян (с. 60). Впрочем, если учесть длительность жизни одного поколения (30 лет), то эта доля поднимется до 10%. Но в принципе автор прав — правительству и помещикам в XIX в. нечего было бояться, что крестьяне восстанут и захватят власть. Не «борьба за власть», а повседневное сопротивление крестьян помещикам, имевшее скорее характер саботажа, подрывало феодализм. Ходившие по губерниям разные слухи, реальная угроза поджога амбаров или господских домов, избиений управляющих держали помещиков в постоянном напряжении и побуждали правительство идти по пути реформ.

«Повседневная борьба, способствуя формированию сознания крестьянства, толкала его на выступление против крепостнической системы в целом, а не только против отдельных наиболее жестких ее представителей. И это понимали сами феодалы» (с. 61), — подытоживает автор. Он один из первых среди исследователей обращает специальное внимание на роль разных «слухов» «Более того, в предреформенные десятилетия, — правильно подчеркивает он, ссылаясь на П. А. Зайончковского, — а впоследствии и в 1870—1880 гг., слухи «вызывали у властей бóльшую тревогу, чем те или иные локальные крестьянские волнения» (с. 162).

Рассматривая вопрос о внутреннем механизме крестьянских волнений, автор одним из первых указал на сочетание мотивационных, нормативных и психологически-эмоциональных факторов. «Новый взлет или спад выступления происходит уже под влиянием психологически-эмоционального фактора, — правильно подчеркивает Рахматуллин, — т. е. ход дальнейших действий во многом зависит от твердости духа крестьян, их решимости, ненависти к помещику и т. п.» (с. 55). Автор решительно отказывается от предпринятых в свое время попыток приписать крестьянам и простонародию какие-то особые симпатии в отношении декабристов (с. 123 и др.).

Рахматуллин приводит интересные данные о том, что в предшествовавшие реформе 1861 г. десятилетия все же доминирующей причиной взятия дворянских имений в опеку была не «расточительная жизнь» дворян, а стремление правительства в профилактических видах ограничить помещичий произвол в отношении крестьян (с. 181). Тем самым автор продолжает линию, намеченную в исследованиях Дружинина, также указывавшего на определенную «предусмотрительность» центральных властей.

К наиболее интересным и серьезным выводам Рахматуллин пришел, исследуя общественное сознание крестьянства. Он правильно различает идеологию и общественную психологию этого класса, подчеркивая вместе с тем и реальное диалектическое взаимодействие между ними (с. 207).

Рахматуллин убедительно полемизирует с теми историками, которые толковали революционность крестьянства как борьбу за установление буржуазного общества и видели в крестьянине бунтаря, который непременно хотел убить своего помещика и разделить его имущество и землю. В книге показано, что подобные попытки это не более, чем модернизация истории, сопряженная обычно с неправильной трактовкой источников. В борьбе против помещиков «крепостные крестьяне не разрывали содержание лозунга «Земля и воля». Получение воли, по их мнению, — подчеркивает Рахматуллин, — означало передачу им той земли, которую они обрабатывали... Только после того, как вопрос об уничтожении личной зависимости крепостных, по существу, был решен, на первый план выдвигается требование земли (единичные выступления в этом направлении, разумеется, имели место и ранее)» (с. 229). Приятно отметить, что автор ссылается в данном случае и на исследования эстонских историков, пришедших к тем же выводам.

Однако именно в Эстонии весной 1869 г. безземельные батраки и бобыли имения Вольмарсгоф разделили между собой и распахали поля собственно имения. Для подавления их сопротивления пришлось выслать экзекуционную команду. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что мы имеем дело с казенным имением и местная Казенная палата намеревалась раздать эту часть полей отсрочным солдатам, о чем последние узнали и послали своих ходоков в Казенную палату. Когда дело затянулось, безземельные постарались решить это дело, однако власти уже отказались от первоначального плана.

Рахматуллин основательно анализирует проблематику «наивного» монархизма. И именно тут у него можно уловить мысль о том, что крестьянин не такой уж наивный и обреченный на вечные поражения глупец, как он иногда выглядит на страницах некоторых публикаций. Автор показывает, что возлагая в ряде случаев свои надежды на определенную помощь со стороны

царской администрации (см. с. 162—163 и др.), крестьяне проявляли определенное благоразумие и рассудительность. К сожалению, эта мысль не получила у автора должного развития. Не совсем развернута и весьма плодотворная идея, выдвинутая еще Н. И. Павленко, насчет того, что при рассмотрении исторических процессов нельзя ограничиваться только изучением антагонистических форм взаимоотношений помещиков и крестьян (с. 241).

Ю. Ю. КАХК

M. ORMOS. *From Padua to the Trianon, 1918—1920.* Akademiai Kiadó. Budapest. 1990. 409 p.

М. ОРМОШ. *От Падуи до Трианона. 1918—1920*

Книга венгерского историка М. Ормош посвящена дипломатической истории конца первой мировой войны и проблемам последующего мирного урегулирования в Европе. Она охватывает период от 3 ноября 1918 г., когда в Падуе генерал В. Вебер от имени Австро-Венгрии подписал перемирие с Антантой, до 4 ноября 1920 г., когда в Трианоне был заключен мирный договор с Венгрией.

В обширной литературе о военно-исторических событиях и дипломатических акциях завершающего этапа первой мировой войны наличествует немало неточных и даже ложных сведений. Дипломатические же источники, способные *пролить свет на историю* указанного периода, долгое время не были доступны для исследователей. Открывшиеся на рубеже 70—80-х годов архивы позволяют внести существенные дополнения и коррективы в сложившиеся представления о дипломатических акциях того времени.

Ормош изучила фонды французских архивов, использовала французские, британские и американские публикации, воспоминания Д. Ллойд Джорджа, Э. Бенеша, Ж. Клемансо, М. Каройи и др., а также *обширную литературу*.

В центре внимания Ормош стоят проблемы венгерской истории, причины того, почему по Трианонскому договору за пределами страны оказалось более 3 млн. венгров, проживающих единым этническим массивом вдоль государственных границ (в Австрии, Югославии, Чехословакии, СССР и особенно в Румынии).

Особое внимание автор уделяет выяснению роли французского правительства в подготовке и заключении мирного договора с Венгрией. Автор учитывает не только военно-политические, но и экономические интересы Франции в Центральной Европе, и *вместе с тем настаивает на необходи*мости отказаться от сложившихся стереотипов, как правило, преувеличивающих значение и роль Франции в этом регионе. По ее мнению, все принципиальные вопросы решались не одной Францией, но совместно великими державами, которые и предопределили судьбы Венгрии задолго до подписания перемирия.

Еще в ходе войны сформировалось убеждение, что Австро-Венгрию следует раздробить на отдельные части. Соответствующие заверения были даны чехо-словакам и южным славянам, Италии и Румынии. Тогда же была исключена возможность сохранения за Венгрией всех территорий, населенных невенгерским этносом. При этом характерно, что французское правительство, ранее признавшее Чехословацкое государство, осенью 1918 г. отказало в этом независимым и самостоятельным Венгрии и Австрии (с. 45). Используя жупел большевизма, Э. Бенеш торопил с оккупацией Словакии, опасаясь возможности сближения словаков и венгров (с. 60—62).

В книге проанализированы дипломатические маневры 1918 — начала 1919 г., то есть до подписания Белградской военной конвенции с правительством М. Каройи в ноябре 1918 г. и соглашения о перемирии с Венгрией. Как известно, Белградская конвенция получила различную оценку и истолкование в литературе. Ее считали самостоятельной акцией генерала Л. Франше д'Эспере, *усматривали в ней происки французов*, утверждали, что она была заключена за спиной Антанты. Некоторые авторы расценивают ее как трезвое, умеренное соглашение, которое французы потом сознательно нарушили, что в итоге привело к уходу М. Каройи со своего поста (с. 67). Большинство авторов связывает последующий отказ французов от этой конвенции с их стремлением к союзу с Румынией и подготовкой интервенции против Венгрии.

В монографии *убедительно показано*, что генерал Д'Эспере имел четкое поручение от Клемансо подписать конвенцию с Венгрией (с. 68—71). Французское командование действовало в данном случае в полном согласии с Министерством иностранных дел. Конвенция облегчила французскому командованию «дружескую оккупацию» Венгрии, возможность французского контроля территории Словакии, а также беспрепятственную передачу румынам Трансильвании. Из книги видно, что дальнейшее развитие событий

не оправдало надежд венгерского буржуазного правительства. Французы предпочли опираться на Чехословакию, Румынию и Королевство сербов, хорватов и словенцев. Подтверждением тому явилась нота союзных государств («нота Викса»), врученная венгерскому правительству 20 марта 1919 г., которая требовала отдать Румынии обширные территории с венгерским населением, чем были окончательно развеяны иллюзии буржуазных кругов Венгрии о «справедливом мире» на основе принципов Вильсона.

Большое место в книге отведено дипломатической и военной истории Венгерской Советской республики. Здесь также использованы новые французские источники.

В книге приведен большой документальный материал о том, что румынское военное командование, зная о решении Парижской мирной конференции от 2 августа 1919 г. и предупрежденное представителем Антанты в Будапеште, все же пошло на оккупацию венгерской столицы, поставив своих союзников по Антанте перед свершившимся фактом (с. 329). Узнав о продвижении румынских войск, мирная конференция по предложению Клемансо предупредила румынское правительство о необходимости подчиняться всем распоряжениям и указаниям представителя миссии Антанты в Будапеште и одновременно возложила на него ответственность за всевозможные инциденты и ущерб венгерской экономике (с. 331—332). Именно Клемансо осудил румынскую сторону за самовольную оккупацию Будапешта и помешал ей распоряжаться венгерской собственностью.

В монографии подробно описывается пребывание в Будапеште «миссии четырех генералов», которая была направлена Антантой для поддержания порядка в городе, обеспечения исполнения директив союзников, контроля над деятельностью правительства. Однако румынское правительство не реагировало на ультимативные требования союзников, а его армия продолжала грабить венгерское имущество и бесчинствовать. Генералам не удалось быстро согласовать сроки вывода оккупационных войск из Будапешта. Тем временем румынское правительство добивалось новых венгерских уступок, пыталось найти себе опору в Венгрии, требовало гарантий, что Венгрия не будет проводить прославянскую или прогерманскую политику, выдвигать ирридентские требования и поддержит присоединение Баната к Румынии, согласится на территориальные уступки румынам в районе г. Бекешчаба (с. 340, 348).

После того как «миссия генералов» провалилась, «Совет четырех» решил направить в Венгрию английского дипломата Я. С. Клерка, чья миссия также получила подробное освещение в монографии. Он посетил Бухарест, где вел переговоры с румынским премьером И. К. Братиану и королем, однако успеха не добился (с. 349, 350). Братиану решил прибегнуть к явному шантажу и угрожал анархией в Венгрии, если румынским войскам придется оставить эту страну (с. 351). Братиану требовал, чтобы Венгрия передала Румынии территорию в долине рек Тисса и Марош.

Великие державы боялись большевизма больше, чем румынской армии, грабившей Будапешт. Миссия Клерка мало что дала. Лишь 7 ноября 1919 г. Клерку удалось добиться от румынского командования в Будапеште обещания, что в случае формирования нового венгерского правительства румынские войска будут выведены из венгерской столицы 12—15 ноября. Однако румынское правительство решительно не желало отказываться от своих территориальных завоеваний. В этих условиях подействовало заявление Клемансо (который до того последовательно защищал румынские интересы), угрожавшего отозвать из Румынии послов стран Антанты и исключить ее из числа союзников в случае, если не будут немедленно выполнены решения Парижской конференции о выводе румынских войск из Будапешта (с. 362).

Ормош раскрывает обстоятельства создания правительства К. Хусара, которому Клерк 25 ноября вручил послание великих держав. Парижская конференция 1 декабря 1919 г. известила венгерское правительство о необходимости прислать свою делегацию в Париж. Однако венгерские соображения относительно учета этнического состава населения при решении территориальных проблем не были приняты Парижской конференцией во внимание. Венгерской делегации не было дозволено участвовать в обсуждении проектов решений мирной конференции. Поскольку новые государственные границы в Центральной Европе были в основном определены еще до окончания войны, то естественно, что венгерская революция 1918—1919 гг. не могла повлиять на решение этого вопроса. При этом самым энергичным противником каких-либо уступок Венгрии была французская делегация.

Итак, рецензируемая книга раскрывает предпосылки, факторы и обстоятельства принятия окончательного решения о современных границах Венгрии. В этом и состоит главная заслуга автора.

Б. Й. ЖЕЛИЦКИ

КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. *Об управлении империей.* М. Наука. 1991. 496 с.

Трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» вышел в серии «Древнейшие источники по истории народов СССР», издающейся с 1977 года. Приписываемое императору Константину VII Багрянородному (908—959 гг.) сочинение, составленное в 948—952 гг., отличается широким замыслом, обилием сюжетов, разнообразием жанров. Совершенно уникальное значение этот трактат имеет для восстановления древнейшей истории Руси и других народов, населяющих территорию Советского Союза. Важность его в этом качестве была оценена достаточно давно и высоко (об этом свидетельствует хотя бы создание, казалось бы, в совсем неподходящее время — в 1918 г. в Петрограде Комиссии Константина Порфирородного под руководством акад. Ф. И. Успенского).

В новом издании[1] воспроизведен без всяких изменений вместе с критическим аппаратом текст, вошедший в добротную публикацию, подготовленную Д. Моравчиком [2], имя которого следовало бы упомянуть и на титуле книги.

Русский перевод сочинения «Об управлении империей» в целом удобочитаем, ясен и в подавляющем числе случаев точен. Перевод этот, однако, был бы еще лучше, если бы не пристрастие к буквализмам, которые, как обычно, лишь создают иллюзию приближения к оригиналу, на самом же деле от него отдаляют и подчас вызывают стилистические неловкости. В тексте перевода время от времени попадаются выражения типа «угомониться от коварств», «отплатить каким-либо возмездием» (с. 259) и постоянное «почтить как...», вместо «назначить на такую-то должность» или «удостоить такого-то титула». Случается, что буквализмы затрудняют понимание смысла, как это произошло, например, на с. 259, где в переводе с греческого употреблено малопонятное выражение «безопасно наступая», хотя речь идет о том, что боспориане хотят отомстить херсонеситам, безопасно для себя обосновавшись в их стране.

Вредит переводу и тенденция транслитерировать в русском тексте греческие слова, отнюдь не всегда являющиеся терминами и легко поддающиеся переводу. Именно по этой причине появились в русском тексте асфалы (непоколебимые, с. 159), эк-просопу (личный представитель императора, с. 229), моноксилы (однодеревки, с. 45), начальник трапезы (стольник, с. 237), омиры (заложники) и ряд других. В отдельных случаях сохранение греческого слова в русском оформлении приводит к искажению смысла (слова «лесы» и «каллиграфия» на с. 37, 239). Можно привести и прямо противоположный пример. Слово, означающее специальный отряд воинов, буквально переводится «число», хотя в данном случае как раз и надо было сохранить греческий термин «арифмос» (с. 255).

Не лишен перевод и ошибок. Так, «оливковые рощи» превратились в «виноградники» (с. 132). Фраза 47.8—9 переведена: «До тех пор пока не восстановятся самовластие и права Кипра», а надо: «Для того, чтобы не потерпели ущерба самовластие и права Кипра» (ср. аналогичную конструкцию — 49.22—23), текст 51.198 переведен «который тогда же и стал патрикием», а надо: «который тогда был патрикием». В 45.132 упоминается «войско василевса», а надо «войско нашей царственности». Подобные ошибки можно указать и в переводе 51.89—90, 28.21. Однако количество неточностей не столь велико, чтобы поколебать общее впечатление о переводе, как достаточно адекватном оригиналу.

Особое значение в книге принадлежит примечаниям. Сочинение императора Константина комментируется в нашем столетии уже вторично[3]. Издатели основное внимание фиксируют на сюжетах, касающихся народов, населявших в древности территорию нашей страны.

Прокламированный авторами метод «выборочных» примечаний, при котором подробно объясняются только определенные категории сведений и весьма бегло все остальное, представляется нам в данном случае вполне оправданным. Речь идет не об уместности самого принципа, а о чувстве меры при его проведении. Две опасности вечно нависают над комментатором — историком и филологом: скороговорка, не дающая достаточного объяснения содержанию и, напротив, отрыв от текста, сообщение массы не относящихся к делу сведений «по поводу», превращение комментария в лексикон, энциклопедию[4]. В ряде случаев обе эти крайности оказались присущи и авторам примечаний.

Чрезмерно кратки и недостаточны для понимания текста примечания к сообщениям о взаимоотношении Византии с арабами (гл. 14—21). Напротив, ряд других примечаний очень обширен. Это можно сказать, например, о комментариях к термину «проймионы» (предисловия) сочинений византийских авторов (с. 276). Комментатор использует рассуждения С. С. Аверинцева о предисловиях как своеобразном зачине — «жесте», своего рода «изготовке к повествованию». Вполне уместная в статье Аверинцева[5], эта своеобразная научная метафора еще понятна в работе И. С. Чичурова[6] (откуда она перекочевала в комментарий), но совершенно неоправданна в носящих строго исторический характер примечаниях к тексту Константина Багрянородного. Она представляется тем более неуместной, что в конце комментария вполне основательно указывается: предисловие скорее всего вообще писа-

лось после завершения произведения. О каком же жесте — «изготовке к повествованию» — вообще может идти речь? И таких случаев немало. У нас, например, нет возражений по существу к обширному объяснению слова «василевс», предложенному на первой странице комментария, но возникает вопрос, какое это имеет отношение к конкретному контексту, в котором оно употреблено. Это слово многие десятки раз встречается на страницах любого византийского исторического сочинения!

Стремление во что бы то ни стало комментировать все подряд подчас приводит к появлению «слепых», ничего не объясняющих ссылок. Мы, например, не обнаружили никаких соответствий в доброй половине отсылок к сочинению Продолжателя Феофана, которых так много в первых главах текста.

Наши замечания касаются, главным образом, не сути примечаний, а принципа комментирования. В целом же комментарий в рецензируемой книге — плод большого, хорошо организованного труда. Многие его статьи содержат не только фактическое объяснение, но и оригинальные гипотезы, а отдельные из них могут служить хорошей основой для научных изысканий. Кроме того комментарий лишен «идеологической» и националистической зашоренности, характерной для взглядов некоторых советских ученых на древнейшую нашу историю. Своеобразным зачином к нему служит краткое, но весьма выразительное и насыщенное «Введение» Г. Г. Литаврина.

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

Примечания

1. Издание вышло под общей редакцией членов-корреспондентов АН СССР Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева, перевод с греческого выполнен Г. Г. Литавриным, комментарий — сотрудниками Института истории СССР, АН СССР, Института славяноведения и балканистики АН СССР, Института научной информации по общественным наукам АН СССР, а также издательства «Советская энциклопедия».
2. CONSTANTINE PORPHYROGENITUS. De administrando imperio. Dumbarton Oaks. 1967.
3. CONSTANTINE PORPHYROGENITUS. De administrando imperio. Vol. 2. Commentary. Lnd. 1962.
4. Давно назрела необходимость издания на русском языке лексиконов или энциклопедий по средневековой культуре, наподобие тех, что публикуются на Западе.
5. АВЕРИНЦЕВ С. С. Греческая литература и ближневосточная словесность. В кн.: Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. М. 1971.
6. ЧИЧУРОВ И. С. К проблеме авторского самосознания византийских историков IV—IX вв. В кн.: Античность и Византия. М. 1975, с. 203.

История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 1990. 468 с.

Древняя и средневековая история Африки — период слабо исследованный. Трудности его изучения связаны и с долговременным господством европоцентристского подхода, когда вся история Африки сводилась к истории колонизации континента, а сами африканские народы объявлялись неисторическими. Свою роль сыграли недостаток источников, слабая и фрагментарная археологическая изученность, отсутствие у многих из этих народов письменности и т. п. Это относится особенно к древности и средневековью.

Рецензируемое издание[1] выгодно отличается от сходных зарубежных публикаций[2] полнотой, добротными переводами и комментариями, использованием малоизвестных материалов, «непрерывностью» хронологии. Это не просто переиздание хрестоматии, выходившей ранее. Многие тексты переведены заново, а другие переводы и даты уточнены. Появились целые блоки новых, чрезвычайно ценных материалов. Это стелы мероитских правителей; сабейские надписи II—III вв., содержащие сведения об Аксуме; южноаравийские надписи о хымьярто-эфиопских войнах VI в.; сведения византийских и сирийских историков (Прокопия Кесарийского и Феофана Исповедника; Иоанна Малалы, Иоанна Эфесского и Феофилакта Симокатты). Сабейские (II—III вв.) и южноаравийские (VI в.) надписи освещают историю Аксума до появления собственно аксумитских письменных источников.

«Истории» византийских и сирийских христиан до сей поры оставались на периферии интересов африканистов и редко привлекались ими. Вызывает сожаление, что в издание не вошел перевод «Перипла» Ганнона и сокращены тексты Птолемея.

Все тексты снабжены обширными комментариями, которые нередко имеют самостоятельное научное значение, например, примечания к разделу «Войны Аксума в первой четверти VI в. н. э.», заметки по истории отдельных регионов, например, о мероитской культуре и государственности. В примечаниях и комментариях подробнее, чем в первом издании хрестоматии, показано сходство обычаев и иных африканских реалий с другими народами мира.

Значительную долю материалов, включенных в издание, представляют арабские источни-

ки. Их важнейшей особенностью является почти хронологическая непрерывность и последовательность. Они охватывают огромные регионы Африки. Все это свидетельствует о том, что арабы знали об этом материке гораздо больше, чем зафиксировано в документах и, в частности, понимали, что его население и культура были очень многообразны. Обращает на себя внимание уважительное отношение арабских авторов к народам, чьи нравы и обычаи они описывают. Арабские авторы сообщают об особенностях распространения в Африке монотеистических религий, их роли и месте в повседневной жизни африканцев, стремившихся к сохранению прежних верований в рамках новой религии. Арабские путешественники отличались веротерпимостью и с пониманием относились к специфике религиозной ситуации, сложившейся в Африке.

Очень содержательны разделы о работорговле. Арабские авторы глубоко интересовались состоянием внутренней и внешней торговли на континенте, состоянием торговых путей, спецификой обмена в районах, куда еще не проникли товарно-денежные отношения, и т. д.

Позднейшие сирийские, византийские источники рассказывают о принятии христианства, внутреннем устройстве Аксума. О сложной жизни Эфиопии XIV—XVI вв. дают возможность узнать как официальные хроники, так и эфиопские хронографы и житийная литература. В хрестоматию вошел один из самых интересных документов подобного типа — «Хроника Зара Якоба и его преемников», где подробно рассказывается о социальном протесте (принявшем характер церковного раскола) и успешном преодолении его путем реформ сверху.

Большой удачей можно считать первую на русском языке публикацию переводов сочинений венецианца Да Мосто и португальца В. Фернандиша, представляющих два характерных типа европейских средневековых источников об Африке. Да Мосто был первым из европейцев, побывавшим в 1455 г. и 1456—1460 гг. на побережье Западной Африки. Автор «Описания побережья Африки» Фернандиш оставил записки, которые представляют обзор сведений об Африке, доставленных европейскими, в основном португальскими, мореплавателями к началу XVI века.

Хрестоматия снабжена также указателями, картами, таблицей мер.

Вошедшие в хрестоматию материалы достаточно полно представляют картину развития крупных регионов Африки в древности и средневековье, богатое разнообразие культур, изменения в их политическом и социально-экономическом развитии.

Ф. М. АЦАМБА, Э. С. ЛЬВОВА

Примечания

1. Составители: С. Я. Берзина, Л. Е. Куббель. Под редакцией О. К. Дрейера.
2. Напр., Afrikan History. N. Y. 1971.

В. П. ЯЙЛЕНКО. *Архаическая Греция и Ближний Восток.* М. Наука. 1990. 271 с.

Монография старшего научного сотрудника Института всеобщей истории АН СССР кандидата исторических наук В. П. Яйленко посвящена исследованию того периода в эволюции греческого общества, когда оно осуществляло уже вторую в своей истории попытку подняться до высот цивилизации в ее раннеклассовом варианте.

После гибели примерно на рубеже XIII—XII вв. до н. э. под ударами внешних врагов последних центров микенской культуры еще около двух столетий на юге Балканского полуострова продолжались миграционные процессы, дестабилизировавшие экономическое и политическое положение. Только к X в. до н. э. относится распространение общегреческого типа керамики (протогеометрический стиль). Именно с этим связывает Яйленко начало новой, архаической, эпохи, длившейся до конца VI в. до н. э.

Автор сосредоточивается на двух аспектах избранной им темы: социально-политическом развитии архаической Греции и связях греческого мира с Ближним Востоком.

Источниковую базу исследования составили прежде всего свидетельства древних авторов. При этом Яйленко отдает предпочтение письменным источникам, современным изучаемой эпохе. Более поздние нарративные памятники (даже V—IV вв. до н. э., включая и те, что целенаправленно повествуют о реалиях архаического времени) отвергаются или используются лишь в качестве вспомогательного материала. Думается, однако, что методически точная проработка свидетельств античных авторов позволяет извлечь из них весьма существенную информацию. Отказываясь же от использования данных гомеровского эпоса, Феогнида, Пиндара, Аристотеля и других весьма авторитетных для антиковедения греческих авторов по причине гетерогенности сообщаемой ими информации, автор крайне сужает источниковую базу своих научных изысканий. В то же время даже столь дорогой ценой он не достигает поставленной цели: обеспечить некую идеальную чистоту исходных данных.

Вряд ли стоит абсолютизировать надежность

античных литературных памятников, даже явно принадлежащих эпохе, ими освещаемой. Ведь и они прошли долгий и непростой путь через многовековую эстафету письменной традиции, а следовательно не застрахованы от искажения подлинников в результате позднейшего редактирования и интерполяций. Это относится в полной мере к главному и наиболее авторитетному для Яйленко источнику — «Трудам и дням» Гесиода (на с. 30 автор сам говорит о поздних вставках и иных изменениях первоначального текста поэмы). По указанной причине сравнение подобных литературных памятников с «чистыми» (или точнее «закрытыми») археологическими комплексами (с. 6)[1] нельзя признать правомерным.

В ряде случаев скудость исходного материала вынуждает Яйленко привлекать данные самых разных нарративных и иных источников, в том числе и свидетельства позднеантичных и византийских авторов. Именно такое следование современной методике комплексного источниковедения, когда Яйленко удачно привлекает еще и данные лингвистики и археологии, позволяет ему достаточно обоснованно реконструировать социально-политическую структуру греческого общества архаической эпохи в ее становлении и развитии — от момента первоначального освоения территории тем или иным коллективом пришельцев, то есть родо-племенной общностью, вплоть до появления раннего города (протополиса).

Заново пересмотрев все имеющиеся сведения о Гесиоде, и в первую очередь прямые автобиографические указания и хронологические ориентиры, обнаруживаемые в произведениях поэта, Яйленко, вслед за большинством исследователей, относит время жизни великого бестийца и соответственно создание его поэм к VIII в. до н. э. Отличительной чертой «Трудов и дней» является реалистическое изображение современной Гесиоду действительности[2]. Именно поэтому на основании анализа поэмы Яйленко удается нарисовать довольно широкую, хотя и во многом фрагментарную, панораму экономической и политико-административной жизни конкретного отождествляемого с Феспиями беотийского полиса времен Гесиода. По мнению Яйленко, полученные таким образом данные могут приближенно считаться типичными для раннеархаической Греции в целом (с. 60).

В книге затрагивается проблема греческой колонизации, давно уже разрабатываемая автором[3]. Подчеркивая значение демографического фактора, он отмечает, что «несоответствие между возрастающим количеством населения и земельными ресурсами страны уже в раннеархаическое время усугублялось социальным фактором — неадекватностью распределения ресурсов в пересчете на душу населения» (с. 67). Но в колонизационном движении принимали участие не только избыточные и обезземеленные жители тех или иных областей Эллады. Его зачастую стимулировали торговые интересы, тяжелые последствия стихийных бедствий или наличие внешней угрозы.

Обратившись к вопросу о возникновении (около 800 г. до н. э.) и становлении полиса как продукта длительного развития греческого общества в эпоху архаики, автор конкретизирует свои представления на сей счет на примерах Коринфа, Мегары и Сиракуз. По его мысли, ключевым моментом оформления полиса является взятие в свои руки верховного суверенитета широкими слоями населения (демосом).

Переходя к теме связей архаической Греции с Ближним Востоком, Яйленко освещает их предысторию, многообразные микенско-ближневосточные контакты во второй половине II тыс. до н. э., появление греческого элемента в Восточном Средиземноморье в результате движения «народов моря», выходцы из которых поселились, в частности, в Южной Палестине (на рубеже XIII—XII вв. до н. э.). Среди последних, правда, автор обнаруживает греков-ахейцев только островного, критского и кипрского, происхождения. При этом остается совершенно непонятным, что скрывается за применяемым Яйленко этническим обозначением «минойские греки Крита» (с. 132). Ведь термин «минойский» ныне принято применять по отношению к цивилизации и языку как раз догреческих обитателей самого крупного из островов Эгейского бассейна.

В X—IX вв. до н. э. основную роль в осуществлении торгового и культурного обмена между Левантом и Эгеидой взяли на себя финикийцы, с успехом осваивавшие тогда почти всю акваторию Средиземного моря. Примерно с рубежа IX—VIII вв. до н. э. эгейско-левантийские экономические связи вновь преобретают устойчивый двусторонний характер. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные археологические находки. В последующие одно-два столетия поселения греков процветают на Кипре, в Памфилии и Киликии, а их фактории вскоре густо усеивают побережье Сирии и Палестины, появляясь затем и в Египте.

Заслугой Яйленко является выполненная им впервые столь полная подборка и систематизация сведений самого разнообразного характера (касающихся фактов политической истории, мифологических сюжетов, предметов материальной культуры и т. д.) о присутствии эллинов на Ближнем Востоке. В книге скрупулезно собраны вместе те фрагменты письменных памятников Ассирии и Нововавилонского царства, которые, по мнению автора, содержат упоминания о греческих выходцах и участии их в бурных событиях, происходивших в сопредельных с Эгейско-Малоазийским регионом странах. Не оставлена без внимания в данной связи и библейская традиция.

Однако главное место и здесь отводится свидетельствам эллинских источников. Наиболее многочисленными оказываются привлекаемые Яйленко данные о пребывании греков в Египте, где был основан общеэллинский эмпорий (порт-фактория) Навкратис. Вслед за торговцами и ремесленниками в долину Нила переселялись из Эгеиды люди и иных профессий, среди которых особое место занимали наемные воины, весьма ценимые фараонами XXVI (Саисской) династии.

В заключение дается общая оценка многопланового воздействия ближневосточных влияний на формирование всей культуры архаической Греции. Яйленко, опираясь на факты, убедительно доказывает, что возобновление греками около 800 г. до н. э. контактов с Ближним Востоком, восприятие ими достижений переднеазиатской цивилизации было одним из значительных событий истории европейской цивилизации, по сути дела, началом формирования ее основ.

А. А. МОЛЧАНОВ

Примечания

1. В археологии так называются комплексы предметов и других ископаемых остатков, которые образовались единовременно и оказались затем хронологически изолированными в грунтовых отложениях. Таковы, в частности, вещевые и монетные клады, наборы сопутствующего инвентаря в погребениях, группы находок в погибших от пожара зданиях и т. п.
2. НОВОСАДСКИЙ Н. И. Реализм Гесиода. — Известия Академии Наук СССР, VII серия, Отделение гуманитарных наук, 1928, № 2.
3. См. ЯЙЛЕНКО В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. По данным эпиграфических источников. М. 1982.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Была ли история КПСС научной дисциплиной

После августовского путча был положен конец господству КПСС. Встал вопрос о существовании истории этой партии как самостоятельной научной дисциплины. Она выступала в качестве идеологической служанки КПСС, оправдывая каждый ее шаг. Вот почему обнаруженные в эпоху гласности белые пятна ее истории оказались черными страницами. При объективном рассмотрении практически не останется ни одного эпизода, который история КПСС освещала бы в соответствии с правдой.

В системе исторических наук истории КПСС было отведено особое место. Под недремлющим оком партийного руководства она полностью лишилась критического анализа фактов. Ей нельзя было усомниться в правильности избранного КПСС курса. Доказательство любого постулата подкреплялось цитатой из выступлений ее руководящих деятелей, материалами съездов и пленумов ЦК КПСС. Эти обстоятельства не позволяют считать существовавшую историю КПСС научной дисциплиной.

Сейчас у нее есть шанс. Устранение существовавших до недавнего времени границ гласности и зон умолчания обеспечивает свободу дискуссий, стимулирует творческий поиск. Есть надежда на то, что демократическая власть полностью откроет архивы для исследователей, что даст им возможность для ознакомления с закрытыми документами КПСС и другими ведомственными первоисточниками.

Еще одним элементом, отдалявшим историю КПСС от настоящей науки, был принцип партийности. Более чем странным кажется сегодня изучение истории компартии с ее же собственных позиций, оценка деятельности В. И. Ленина и прочтение его трудов на основе марксистско-ленинской методологии. Цена такой «объективности» известна. Отношение к истории КПСС с точки зрения общечеловеческих ценностей, здравого смысла, использование методов, принятых в исторической науке, позволят избавить ее от упрощенного классового подхода и раскроют весь спектр социальных хитросплетений.

Ясно, что историю КПСС надо писать заново. Целесообразно ли это по отношению к уходящей в прошлое организации? Хотим мы того или нет, но история нашей страны в нынешнем веке тесно переплетена с деятельностью КПСС. Об этом периоде надо знать всю правду. Это имеет и практическое значение, ибо наша демократия еще не избавилась от наследия КПСС. Попытки сломать тоталитарные структуры терпят неудачу отчасти потому, что не до конца ясен механизм их зарождения.

Не осознана полностью трагедия октября 1917 г. и некоторые события до и после него, связанные с действиями большевиков. Мало известно об источниках финансирования их партии в период ее нелегального существования и роль в этом деле экспроприаторов (здесь возможны интересные находки), о степени притягательности идей большевиков в сравнении с другими партиями в различных слоях общества в разные периоды. Нуждается в изучении и то, как происходила перестройка партии из подпольной в правящую; как повлиял террор в годы гражданской войны на внутрипартийные отношения и складывание партийных традиций в РКП(б); какие обстоятельства и в какой мере способствовали установлению в нашей стране наиболее жестокой формы тоталитаризма и была ли альтернатива этому варианту; почему кровавый террор не был остановлен имевшимися внутри самой партии довольно значительными силами, которые на практике убедились в пагубности таких методов; на каких принципах функционировал партаппарат, генерируя тоталитаризм на все общество; почему система работала столь длительный срок; в чем она дала сбой, приведший к постепенному освобождению общества от монополии КПСС.

Ответив на эти и многие другие вопросы, историки не только в публицистике, но и в серьезных научных разработках смогут перехватить инициативу у тех, кто по традиции оправдывает всех и вся.

Ранее как учебная дисциплина история КПСС занимала господствующее место в системе обучения, вытесняя все остальные исторические дисциплины. Сегодня, руководствуясь здравым смыслом, ее следует изучать наряду с историей меньшевиков, эсеров, кадетов и других партий. Это станет возможным лишь при условии, если история КПСС станет частью исторической науки, изучающей почти 90-летний опыт этой партии, и будет грозным предостережением от его повторения.

И. П. Вязьмитинова, историк,
Ульяновская обл.,
районный поселок Чердаклы

Продолжая разговор, начатый А. Г. Авторхановым

В № 1 «Вопросов истории» за 1991 г. начата публикация книги А. Г. Авторханова «Технология власти». Мое внимание привлекла та ее часть, где автор пишет о роли полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю (СКК) Е. Г. Евдокимова в фальсификации «Шахтинского дела» и об «активных методах следствия» его сотрудника В. М. Курского, которые столь широко применялись органами НКВД—МГБ в сталинский период.

Не являясь профессиональным историком, я тем не менее несколько лет посвятил изучению НКВД СССР (1934—1941 гг.), причем меня в первую очередь интересовала кадровая политика руководителей этого наркомата. Источниками послужили воспоминания, современные публикации, газеты того времени в сопоставлении друг с другом. Исследуя, в частности, биографии руководства НКВД СССР в центре и на местах (они публиковались в период выборов в Верховные Советы СССР и республик 1937—1938 гг.), я нашел много фактов, подтверждающих то, о чем пишет Авторханов.

Зловещая фигура наркома НКВД СССР Н. И. Ежова освещена в отечественной историографии и публицистике гораздо более скупо, чем его преемника Л. П. Берии. Ежов был назначен наркомом НКВД СССР 26 сентября 1936 года. Хотя он до этого и курировал в ЦК органы безопасности, но опыта практической работы в наркомате не имел. По-видимому, именно поэтому, устранив с поста Г. Г. Ягоду, Сталин и Жданов рекомендовали оставить на посту первого заместителя наркома внутренних дел начальника Главного управления государственной безопасности Я. С. Агранова.

Исследуя послужные списки руководителей НКВД в центральном аппарате и на местах, можно прийти к выводу, что новое поколение чекистов — «ежовцы» — формировалось в основном из трех источников: доверенные лица Ежова в аппарате ЦК и КПК ВКП(б), руководители НКВД среднего уровня, начинавшие карьеру в органах ВЧК—ОГПУ Северного Кавказа, командиры-пограничники войск ОГПУ—НКВД.

Уже в октябре 1936 г. начальником отдела кадров НКВД СССР Ежов назначил бывшего второго секретаря Харьковского обкома партии М. И. Литвина, которого знал еще по Казахстану, где тот в 1926—1929 гг. был председателем крайпрофсовета, и которого с 1930 г. продвигал, сначала в ЦК ВКП(б), а потом — заведующим отделом кадров ЦК КП(б)У. В дальнейшем Литвин стал начальником Секретно-политического отдела Главного управления госбезопасности (ГУГБ) НКВД СССР, начальником УНКВД по Ленинградской области. Тогда же С. Б. Жуковский, работавший до того у Ежова во внешней группе КПК при ЦК ВКП(б), был назначен начальником Административно-хозяйственного управления НКВД СССР (с января 1938 — заместитель наркома).

Теперь о Северо-Кавказском источнике. Предпочтение, отдававшееся при подборе чекистских кадров лицам из этого региона, было, по-видимому, обусловлено расположением Сталина и Ежова к чекистам «школы Евдокимова», который в 1923—1929 и 1932—1933 гг. был полномочным представителем ОГПУ по СКК.

Е. Г. Евдокимов (1891—1940 гг.) вступил в партию большевиков в апреле 1918 года. До того времени был анархо-синдикалистом (с 1911 г.). В революционном движении принимал участие с 1905 г., был ранен, сидел два года в тюрьме, неоднократно ссылался и бежал из ссылки. С 1916 г. был на нелегальном положении, скрываясь от мобилизации, потом служил в 12-м Сибирском запасном полку, откуда «демобилизовался» перед октябрем 1917 года. Эти факты его биографии, по-видимому, впоследствии настораживали его соратников по ВЧК—ОГПУ. Так, А. Орлов в книге «Тайная история сталинских преступлений» характеризует своего бывшего сослуживца как «элементарного уголовника».

В период гражданской войны Евдокимов сделал карьеру: был начальником особого отдела Московской губчека, руководил Особыми отделами Южного и Юго-Западного фронтов, где, возможно, и был замечен Сталиным. С 1923 по 1929 г. Евдокимов был полномочным представителем ОГПУ по Северо-Кавказскому краю в Ростове. Организованное им «Шахтинское дело», о котором рассказывает Авторханов, стало трамплином для дальнейшей его карьеры. Евдокимов получает четвертый орден Красного Знамени, назначается начальником Секретно-оперативного Управления ОГПУ и становится членом коллегии ОГПУ. Вместе с ним в центральный аппарат ОГПУ пришли его сотрудники по ОГПУ Северного Кавказа. Среди них — Д. М. Дмитриев, В. В. Хворостян, Д. З. Апресян, «отличившиеся» в подготовке процесса над «союзным бюро меньшевиков». По-видимому, и в этом случае общее руководство осуществлял Евдокимов, который на XVI съезде партии был избран членом ЦКК ВКП(б) (июль 1930 г.).

В 1931 г. Евдокимов был откомандирован из Москвы, чтобы возглавить ОГПУ Средней Азии, откуда был вновь направлен на Северный Кавказ для подавления «кулацкого саботажа на Кубани». С января 1934 г. он перешел с чекистской работы на партийную, став первым секретарем Северо-Кавказского краевого комитета партии. В период развернувшегося массового террора, с января 1937 по май 1938 г. он был первым секретарем Ростовского обкома ВКП(б). Авторханов упоминает о том, что назначение Евдокимова на высшую партийную должность в крае для партийных работников высокого ранга было знаком, что руководство партии благоволит к нему. Подсказал ли Сталин или Ежов сам пришел к этой мысли, но старые сотрудники Евдокимова стали быстро продвигаться на руководящие посты в центральном аппарате и на местах при новом наркоме НКВД СССР.

Знаменательно, что еще до проведения «чистки» центрального аппарата НКВД СССР, в октябре 1936 г. новый нарком спешно командировал на должности начальников УНКВД по Западно-Сибирскому краю и по Свердловской обл. двух старых сотрудников Евдокимова — В. М. Курского и Д. М. Дмитриева. В том же месяце органами в Западной Сибири была раскрыта «контрреволюционная троцкистская диверсионная группа» на Кемеровском руднике. По-видимому, это было первое «дело» в провинции, запланированное Ежовым. Уже в декабре 1936 г. Курский сдал дела по УНКВД другому специалисту «школы Евдокимова» — С. Н. Миронову и отбыл в Москву. В дальнейшем практика срочного откомандирования людей из этой «школы» на места применялась Ежовым постоянно.

Что касается центрального аппарата, то и здесь «ростовский опыт» служил лучшей реко-

мендацией. С июля 1937 г. (после избиения чекистских «кадров Ягоды» и разоблачения «заговора военных») Отдел охраны членов партии и правительства ГУ ГБ НКВД возглавил И. М. Дагин, а Особый отдел ГУ ГБ НКВД — Н. Г. Николаев-Журид — оба бывшие заместители Евдокимова по ОГПУ СКК. Командиром-военкомом «преторианской гвардии Кремля» — дивизии им. Дзержинского — стал комбриг Н. В. Торощин, до того начальник Управления пограничной и внутренней охраны НКВД Северо-Кавказского края.

Одновременно продолжалось избиение чекистских «кадров Ягоды». В ноябре 1935 г. в связи с присвоением спецзваний руководящему составу ГУ ГБ НКВД СССР был опубликован список руководящего состава органов безопасности: генеральный комиссар госбезопасности — 1, комиссаров 1-го ранга — 6, комиссаров 2-го ранга — 13. Из них к концу «ежовщины» (декабрь 1938 г.): генеральный комиссар Ягода — расстрелян, все комиссары 1-го ранга арестованы и репрессированы, из комиссаров 2-го ранга арестованы и репрессированы 12.

В то время список высшего руководящего состава НКВД в центре и республиках СССР выглядит как справочник «Кто был кто» в ОГПУ по Северо-Кавказскому краю: Апресян Д. З. — нарком НКВД Узбекской ССР; Нодев О. Я. — нарком НКВД Туркменской ССР; Раев-Каминский М. Г. — нарком НКВД Азербайджанской ССР; Успенский А. И. — нарком НКВД Украинской ССР; Дагин И. М. — начальник отдела ГУ ГБ НКВД СССР; Николаев-Журид Н. Г. — начальник отдела ГУ ГБ НКВД СССР; Хворостян В. В. — нарком НКВД Армянской ССР; Миронов С. Н. — заведующий 2-м Восточным отделом НКИД СССР; Валухин К. Н. — первый секретарь Свердловского ОК ВКП(б); Горбач Г. Ф. — начальник УНКВД по Хабаровскому краю; Дмитриев Д. М. — начальник УНКВД по Свердловской области; Лаврушин И. Я. — начальник УНКВД по Горьковской области. Этот список можно продолжить. Как из него явствует, некоторые из кадровых сотрудников НКВД были «переброшены» на дипломатическую и партийную работу, что свидетельствует о возрастающем значении кадров НКВД в структуре государственного аппарата.

Наконец, о третьем источнике кадров ежовского НКВД. Продвижение по иерархической лестнице командиров-пограничников объясняется тем, что в октябре 1936 г. заместителем наркома НКВД стал комкор войск НКВД М. П. Фриновский. До апреля 1937 г. он оставался начальником Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД СССР. В гражданскую войну он руководил Особым отделом ВЧК 1-й Конной армии, затем командовал погранохраной побережья Северного Кавказа, а по окончании Академии РККА был командиром-военкомом дивизии им. Дзержинского и председателем ОГПУ Азербайджана. С апреля 1933 г. он возглавил Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ. Через четыре года Ежов сделал его своей правой рукой, назначив на место устраненного Я. С. Агранова начальником ГУ ГБ НКВД СССР. Находясь на этом посту, Фриновский получил причитавшуюся ему долю вакансий для своих сотрудников. Среди них были Н. Н. Федоров — начальник УНКВД по Одесской обл., С. Т. Матузенко — нарком НКВД Карельской АССР и даже оперативный секретарь Ежова Ульмер.

8 апреля 1938 г. Ежов был назначен, по совместительству, наркомом водного транспорта (НКВТ) СССР. Возможно, это послужило «первым звонком» о близящемся конце его деятельности как наркома внутренних дел СССР. Почти одновременно СНК СССР утвердил коллегию НКПС СССР (во главе с Л. М. Кагановичем), на «укрепление» которого были направлены два близких сотрудника Ежова по НКВД СССР — Л. Н. Бельский и М. А. Волков. В НКВТ СССР с Ежовым ушли из НКВД бывший начальник Тюремного управления НКВД СССР Я. М. Вейншток, начальник Донецкого УНКВД Д. Н. Соколинский, заместитель начальника УНКВД по Горьковской области Р. А. Листенгурт и др.

Еще до назначения Берии первым заместителем наркома НКВД СССР (с июля 1938 г.), в мае 1938 г. первый секретарь Ростовского обкома ВКП(б) Евдокимов был перемещен на должность заместителя наркома водного транспорта СССР. По-видимому, это было началом заката «звезды» тандема Ежов — Евдокимов и их сотрудников. Если судить по году смерти Ежова и Евдокимова (1940), то можно допустить, что они проходили по одному делу и им обоим был вынесен приговор «за необоснованные репрессии против советского народа».

А. А. Папчинский,
Санкт-Петербург

Contents

Political Archive of the 20th Century: Burharin's Statement at Politburo of the CC CPSU. Minutes of the February-March Plenary Meeting of the CC CPSU. 1937. Articles: **M. Matthews.** Privilege in the Soviet Union. Historical Profiles: **A. Yakovlev.** Feisalas-Saud. Reminiscences. Memoirs of Nikita Khrushchev. Historical Journalsim: **A. Avtorkhanov.** The Technology of Power. Lives and History: General **A. Denikin.** The Essays of the Troubled Time in Russia. Historians About the Time and Themselves: **Y. Gotie.** My Notes. Historiography: Max Weber and Social History; R. A. Kireeva, K. N. Bestuzhev-Ruymin and Historical Science in the Latter Half of the 19th Century; M. A. Rakhmatullin. Peasant Movement in the Great Russian Provinces Between 1826 and 1857; M. Ormos. From Padua to the Trianon. 1918—1920; Constantine Porphirogenitos. On Ruling the Empire; History of Africa in the Ancient and Mediaveal Sources; V. P. Yailenko. Archaic Greece and the Near East. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»,
Российская Академия наук,
Издательство «Прогресс»**

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузищин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Б. В. Орешин, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал | 70145 (индекс издания)

"Вопросы истории" (наименование издания) | Количество комплектов: I

на 19 92 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						X	X	X	X	X	X

Куда | (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | литер | на ~~газету~~ журнал | 70145 (индекс издания)

"Вопросы истории" (наименование издания)

Стоимость	подписки / переадресовки	54 руб. 00 коп. / ____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	I

на 19 92 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						X	X	X	X	X	X

Куда | (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

г. Брест. Облтип. Зак. 4189—10000000, 18. VI. 85 г.

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» № 2—3, 1992, 192 стр.
Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21.

Технический редактор И. В. Малюхина.

Сдано в набор 13. 11. 91. Подписано в печать 23. 01. 92. Формат 70×108/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6,0. Усл. кр.-отт. 33,6. Уч.-изд. л. 19,0. Тираж 110.114. Заказ № 2724. Индекс 70145. „С" 081.

Акционерное общество «Издательская группа "Прогресс"». 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бул., 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОРИКАМ РОССИИ

Уважаемые коллеги,
Выступая в качестве инициативной группы, обращаемся к вам с предложением о создании Российского исторического общества, которое объединило бы в своих рядах исследователей отечественной и всеобщей истории, преподавателей вузов и школ, любителей истории и краеведов и было бы независимо от официальных структур, свободно от догматизма и политической предвзятости и придерживалось общечеловеческих ценностей в оценке исторических фактов, событий и деятелей. Создание такого общества способствовало бы возрождению отечественной исторической науки, повышению ее роли и места в обществе.

Основным содержанием деятельности общества могли бы стать создание информационной историографической службы, совершенствование методологии и методики исследования, обмен научным опытом, подготовка и издание рассчитанных на широкого читателя трудов по истории, развитие исторической периодики, развертывание историко-просветительной работы, налаживание тесного содружества с зарубежными историческими обществами, организациями и отдельными историками, образование фонда помощи нуждающимся историкам.

Начало движению за создание общества могло бы положить образование на местах при университетах, исследовательских и педагогических институтах, библиотеках, музеях и других заинтересованных в изучении истории учреждениях коллективов и организаций на правах местных отделений общества.

Окончательное решение о создании Российского исторического общества должна принять учредительная конференция. Порядок делегирования представителей на нее, сроки и место проведения будут объявлены по согласованию с местными отделениями общества.

Всех, кто согласен с нашим предложением, просим направлять свои предложения, в том числе и по уставу будущей организации, по адресу: 103781, Москва, ГСП, Малый Путинковский пер., д.1/2, редакция журнала «Вопросы истории».

Доктора исторических наук:
Антонов В. Ф. (Москва), Дунаевский В. А. (Москва),
Итенберг Б. С. (Москва), Попова Е. И. (Москва),
Сухотина Л. Г. (Томск), Троицкий Н. А. (Саратов)

Индекс 70145

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ